

Екатерина Федорова

МИЛЛОРД И СЭР

Герцог — это не только большие права,
но и немалые обязанности...

Главный герой Серега, в силу ряда необычных обстоятельств оказавшись в средневековом мире, окунается в гущу невиданных ранее событий, которые не только оттачивают его ум, но и закаляют дух и тело. Он становится рыцарем, герцогом, и в этом качестве побеждает много врагов, в том числе нечистую силу, становится защитником обиженных и обездоленных. И конечно же рядом с ним несравненная леди-рыцарь Клотильда, баронесса Дю Персиваль.

Екатерина ФЕДОРОВА
МИЛОРД И СЭР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Куда идем мы с Пятачком...

Мальчик был найден, и Серега мог наконец оставить этот мир. Легко мог оставить...

В данный момент он возлежал на жесткой коряге, которую природа создала в форме такого утолщенного сверху и относительно пригодного для лежания сюрреалистически-экологического ложа. И беседовал с персоной, реальность которой была для него все еще несколько, гм-м... проблематичной, что ли. Проще говоря, видеть-то он эту персону видел, но наукам и здравому смыслу ее существование здорово противоречило. Не должно его быть тут, в объективной реальности — и точка. Однако ж и был, и даже вполне дрозветал, судя по румяному личику, обрамленному окладистой бородкой. А в углу пещеры, где протекала его беседа с противоречащей науке личностью, преспокойно спали в обнимку еще три не менее экзотичные особы — гном, малолетний мальчик-король и дитя, до недавнего времени бывшее чудовищным оборотнем. Сплошное фэнтези творилось и наблюдалось вокруг...

Для него, обычного студента стандартного российского колледжа со столь модным нынче финансово-юридическим уклоном, окружение было, мягко говоря, крайне нестандартным.

Зато он нашел мальчика. Того самого, отпрыска королевских кровей, из-за которого его и послали сюда, в край непуганых рыцарей и небитых гномов. Теперь дело было за малым — отвезти мальчика в лес... а звучит-то как, а? “И велено ему было отвезти невинное дите в темный-претемный лес...” Ну прямо как в сказках, а затем дожидаться в этом лесу весточки от тех, кто послал его сюда. Как-никак после нахождения мальчика-короля Серегу незамедлительно обещались возвернуть домой. И хотелось верить, что обещание выполнят.

М-да. Надежды юношей питают...

Леди Клотильда (подруга дней его суровых, так сказать) завозилась во сне на соседнем пне-кровати. Грозно всхрапнула и перешла на посапывание, очень похожее на мурлыканье пригревшейся кошки. Под длинными ресницами леди залегли скорбные черно-синие тени. Похоже, железная леди была не настолько уж и железной. Впрочем, не зря же существует такой термин — усталость металла. Лично этот металл явно устал...

Старичок — то ли местный леший, то ли домовый, если соотносить его с земной фольклорной терминологией, — болтал без умолку. Серега слушал его краем уха. И в то же время проворачивал в голове варианты по скорейшему возвращению домой.

— А ты, голубь, о хорошем-то не думай пока, не мечтай, рано ишшо, — наставительным тоном поучал его старичок. — Ты чего думаешь, я за просто так тебя в герцоги произвел? За просто так, паря, токмо утки с неба гадют. А я гадю строго по делу. Знавал я тех весельчаков, шо тебя сюды услали... Спасители. Спасем, грят! Ежели сможем. И будет, дескать, у вас полное благолепие и любота человеков человеками... Династию Нибелунгов оне тышшу лет как на веревочке водют. Спасают, сопли утирывают, на горшок, ежели треба, подсаживают... Про корольковский-то меч слыхивал небось... Их работенка. Горемыки барраядли добрым народцем были, им самим и в головушку б не пришло совершенствованиями его уснащать. Этто оне, спасители наши, поусердствовали, сверху страшные проклятия наложили, дабы он им в тонком деле королевской охраны способствовал. И горели от сего меча бедолаги, горячим пламенем горели! Али и вовсе живьем сгнивали от проклятия того проклятущего. Этто оне все расстарались, благодетели

усех человек. Ну да, живем. Мож, и вправду кого лишнего не сгубили — ихими-то молитвами! Однако ж...

“Опаньки, и как же у нас тут все запущено-то, — подумал Серега. — Значит, что мы тут имеем? Добрые дяди из КПСС (сиречь славной делами своими Комиссии по сетевому спасению) удерживают на троне династию местных королей”. Могло ли сие событие быть чревато какими-то задержками для местных экономических и политических процессов, Серега знать не мог. Однако предположения кое-какие на этот счет сделать было можно. Нет перемен в обществе — и нет бурных революций. А стало быть, не будет и свержения династий, не будет казней правящего класса и вообще моря разлитого всяческих жертв... Как раз то, за что борются гуманисты из КПСС... И значит, что? А то, что в конце концов приходим к крайне простой мысли: удержание, пусть даже и искусственное, на троне династии Нибелунгов плюс процветание феодализма равняется стабильности всей страны. Или даже всего этого мира, потому как что-то не приходилось слышать ему здесь о дальних странах. Империя Нибелунгов и Алмазные острова — вот и все. Итак, стабильность в этой стране ведет к задержке прогресса. Или наоборот — это уж кому как нравится...

И к минимуму жертв. Тут, конечно, опять-таки кому что больше по вкусу — феодальное житье-бытье милосердным тоже никак не назовешь. Но и нет, к примеру, таких слов, как “ковровое бомбометание” или “ядерная угроза”. Или еще чего-нибудь, все из того же блюдечка под названием “Мир развитых технологий”. Но опять же — кому что по нраву. Судя по прочувствованной речи старичка, лично он таким отставанием здешнего прогресса был шибко недоволен. И желал бы все изменить. Будет когда-нибудь этот мир похож на его собственный...

— Мозги у тя набекрень, — порадовал его тем временем тихий, добрый старче. — Ясен пень! Рази ж умный согласится, шоб его адиеты всякие черт-те куды уволакивали? Ну?! Ты чего сюды приперетси-то согласилси? Нужон ты тут был али тебе самому туточки што нужно было, шо ты приперси?!

— Да меня в общем-то никто и не спрашивал... — ответил Серега.

Старичок уничтожающе полоснул его разъяренным взглядом:

— Ты адиет али скотина бессловесная?! Не спрашивали! А ты не жди спроса-то, ты сам откажи! Нет, и усе тут!

— Домой, сказали, иначе не вернут... — пришибленный чужой правдой-маткой, промямлил Серега.

— А ты и поверил! Вкруг пальца тя, как лося безрогова... Тьфу! Еще спасибочки скажи, что не посадили на энто самый палец. Нда. Вылитый ты дурак, уж звиняй за прямоту. Уж в самый раз для герцогов. Умишка во лбу ровна настолько, шоб его хватило в кажные новые ворота лбом энтим биться. Вернули б, никуды не делися! Ишшо и извиненья б принесли.

— Я... я просто не воспринимал это достаточно серьезно... Как во сне все было. Я... я просто плыл по течению. Как во сне и положено. И если уж на то пошло... У меня сильное ощущение, что и сейчас еще плыву. Бред вокруг какой-то. Из дурно сляпанных детских комиксов. Сплошные сны сумасшедшего с вкраплениями кошмара идиота. Или, наоборот, с мечтами идиота...

— Чаво-чаво?! Ты мне тут своими матами не ругайси, не дома! — заволновался старичок.

— А-а...

Серега мысленно плюнул и благоразумно прописал на морде лица самое живейшее

внимание к стариковским речам. В голове меж тем крутилось: итак, нужна лошадь, Мишку... то бишь его величество местного короля, посадить на седло, вернуться к Дебро, объехать его по лесной опушке, найти дорогу, ведущую к замку Балинок-Деде. Затем..."

— А и напрасно ты размечтался, вьюнош, — ворвался в его мысли помягчевший вдруг голос лесного хозяина. — Домой тебе путь ишшо не скоро выпадет.

Сереге опешил. Привычки размышлять вслух он за собой до сих пор вроде бы не замечал. Но уж больно слова старичка походили на ответ его мыслям...

— Не, вслух ты пока ишшо не заговариваешься, — невозмутимо утешил его ядовитый старичок. — Просто личико у тя больно порадоствнело чтой-то... О доме размечтался, как пить дать. И зря. Дела у тя тута кой-какие появились, вот доделаешь их — и скатертью дорога, зеркалом колея под намасленные сапожки... Так что будь готов к трудам и бороням! Так-то вот.

— Уважаемый, а не слишком ли вы... — опешил Сереге.

Вообще-то он не собирался задерживаться здесь надолго. В роли странника по чужим мирам побывал, и хватит. Кабы не мощное силовое прикрытие в лице леди Клотильды, не сидеть бы ему тут живым и здоровым. А старинушка между тем явно от него чего-то желал... однако пора было изживать в себе рефлекс послушного мальчика, которому все как-то неудобно активно возражать старшим по возрасту. Один раз он уже попался на этом — в тот самый момент по-детски нелепого оцепенения пред строгими очами сэра Монтигтона Скуэрли. Результат — попал сюда.

— А того, — преспокройно ответствовал старинушка лесной хозяин. — Значитца так — детушку, из-под власти злых сил освобожденную (не без твоей помощи, хочу отметить, за что тебе спасибочки от нас всех преогромнейшее), следует в ха-арошие, надежные руки пристроить. За то и ответ, вернувшись к себе, держать будешь! Детину королевскую на трон возвернуть требуется. Адиеты энти из КПСС не спокоются, пока сопляк етот там не окажется. Так что там ему самое место, Нибелунгу мелкому... Ну и всякие мелочи по дороге — Священную комиссию к ногтю прижать, дабы с королевскими отпрысками не шалила боле, баронишкам да прочим татям-разбойничкам, кои по пути попадутся, полный укорот дать... Плевые дела! Для герцога. Каковым ты ныне и являешься, моими трудами.

— Трудями леди Клотильды, — непреклонно поправил его Сереге.

— Нет, сэр Сериога, труды были ваши, — не менее непреклонно поправила его леди Клотильда (и когда только проснулась, спящая красавица?). — Моим в сем случае был только меч, да и он скорее мешал, чем помогал. Главным же было это... как его... доброе сердце ваше! Вот.

И, завершив свою крайне прочувствованную речь, в которой моменты умильного до ужаса раздумья перемежались пугающей мощи зевками, леди со стуком уронила взлохмаченную русую голову на корягу и захрапела вновь.

Сереге, нахмурившись, изучал избитый в лохмотья носок своего левого сапога. Собственно, что ему тут могут сделать? Возвращение домой зависело вовсе даже не от старичка. От сэра Монтигтона Скуэрли оно зависело...

Скитания по миру, где право сильнейшего цвело махровым цветом буквально на каждом местном пяточке и пригорочке, а казни рассматривались как средство воспитания умов и увеселения скучающих граждан одновременно, — скитания эти с недавних пор сильно ему опротивели. Прямо-таки до крайности опротивели. И было полное ощущение, что он тут не только повзрослел, но и постарел самым натуральным образом. И лет на сто, никак не

меньше. Ему был отвратителен мир, где с людьми поступают вот так. Ему был ненавистен мир, где голодающие дети были нормой. И не то чтобы он отчаянно скучал по дому, но... имелось и еще несколько аргументов, подогревающих и без того горячее желание Сереги вернуться из здешних “эмпиреев” назад, домой, в родные пенаты.

Он изменился здесь. Изнутри и снаружи. И все после этого мира, слегка осказочненного за счет магических финтифлюшек феодализма... Причем изменения внутри беспокоили его больше, чем изменения снаружи. Он понемногу становился другим. Менее жалостливым. Менее... добрым. Менее цивилизованным... Простейший пример — потеря пригретого им еще там, на Земле, кота Мухтара. Пропал — ну и фиг с ним. Не было у него нынче ни сил, ни желания жалеть каких-то кошечек. Тут людей не успеваешь жалеть. Можно, конечно, списать все это на счет того, что он просто-напросто взрослеет. Но что-то не хотелось ему ТАК взрослеть...

И еще — он совершил убийство. Даже два убийства, сиречь целых два деяния, квалифицируемых общественным мнением вместе с уголовным кодексом там, на родине, одинаково нехорошо. Оба — лично и собственноручно. И самообороной их не назовешь — обе жертвы на момент убийства преспокойненько дрыхли себе в крепчайшем пьяном угаре, угрожая его драгоценной персоне чисто гипотетически, так сказать, как возможные доносчики в случае возможного (!) пробуждения. Маловероятного пробуждения, кстати сказать. Сила и мощь их похмельного благоухания разила наповал... И ежели его драгоценная персона останется здесь, в царстве дикого феодализма, и дальше, подобное, вполне возможно, придется совершить еще не раз. И не два... И самому иногда пожить хочется, а для этого надо как минимум выжить. Убив тех, кто твоего выживания не хочет... Или за-ради спасения своих друзей и близких. Сколько он тут пробыл: без году неделя? А то ли еще будет... А потом, по возвращении домой, может оказаться и так, что обуздывать в себе вследствие этого крайне экзотического “сафари” придется вовсе не позывы жалости к кошечкам. А порывы к убийству всех тех, кто будет против него. Таких, собственно, в том мире было множество... Ха! Видел бы кто-нибудь из них сейчас тихого доходягу Сируню! Именно так его звали в колледже — Сируня. Производное от глагола туалетно-прикладного назначения. Не все, конечно, звали, но суть дела от этого не менялась. Он не пользовался популярностью, но это еще не причина, чтобы привносить туда замашки леди Клотильды. Пора, пора ему было домой.

— Ну, детушки, задачку для вас я определил, направленья указал, а теперича и кнут показать вам можна. — Старичок довольно сложил ручки на животе и зажмурился, заулыбавшись. — Какие такие кары вам воспоследствуют, ежели вы меня, старинушку, счас неуважите? Что, твое сиясьтво, хороша наша ледюшка? Лицом распрекрасна, душою чиста, аки вода из родника горного... А также зело сильна и отважна, так? Да вот беда — такие-то умирают завсегда вперед трусливых и слабых. Вот и ее деньки — последние на землице энттой. Точно тебе говорю — эльфы глядели в зеркало смерти... Последние разы топчет наша красавица зеленую травушку, эхма!

Серега метнул встревоженный взгляд на леди Клотильду. Та вроде бы была пока что жива и здорова, дышала (то есть храпела) вполне нормально, с таким радостным подъемчиком в храповых тональностях. Благоухая при этом на всю пещеру крепчайшим винным перегаром. Ароматным до чрезвычайности. И на кандидата в смертники никак не походила...

— Здорова девка, — авторитетно подтвердил его мысли старичок. — Здоровенькой

помреть, хе-хе! Как произойдет сие, мне, увы, не ведомо. А и знал бы, не сказал. Ибо полный пересказ грядущего может изменить лишь способ грядущей гибели, но не избавит нас от самой смертушки. Смерть не обхитришь, эт она нас завсегда моет вокруг пальца обвести. Но! Ежели ты, вьюнош, исполнишь мою просьбу... а ты, девка, можешь ему и помочь по мелочи в сем деле, ежели хошь, конечно... Тогда сделаю я так, что леди Клотильда будет жить, — правда-правда! Эт я тебе говорю, а я тебе не кто-нибудь там, я тут кое-что! Могем по мелочи. Вот и подмогнем. Сотру я твою девицу Клотильду из зеркала смерти, в коем зрят уже ее эльфы, зрят... И будешь жить, девица из Персей! Токмо учти — опосля того помереть сможешь не иначе как по собственному желанию. Вот скажешь — баста, помереть хочу! — тут тебе и смертушка придет. А подумав сие, скажешь аль нет — значения не имеет. Можешь и с кондачка брякнуть, и по пьянке... Тут уж сама смотри. В общем, усе в твоих руках. Будет. Нравится тебе сие? Впрочем, куды тебе деваться, выбор-то у тя усе равно невеликий — али полечь в кустах, али пожить в орденах...

— Ну... — не слишком приветливо поощрил призадумавшийся Серега словоохотливого старичка. — Дальше.

— Ну спасешь свою красотку броненосную, мало тебе? Ну лады... Злато, каменя для тебя воспоследуют, эт само собой. Чем бы таким тебя пронять?..

— Шемаханскую царевну, — саркастически сказал Серега. — Хочу.

На старичка его сарказм совершенно не подействовал.

— Чего-чего? Шмаханскую? Откеля такое диво?.. Вот девку из Нибелунгов можно Прынцессу Картиаль, к примеру...

— Он издевается над вами, сэр Сериога! — мощно взревела вдруг неизвестно когда проснувшаяся леди Клотильда. — Леди Картиаль так стара, что стоит одной ногой в могиле! Вы и без того вхожи в благородное общество, сэр Сериога! Вам, герцогу Де Лабри, нет нужды в подобном союзе! К тому же она бесприданница. И мегера! И уродина... И вообще, не верьте этому мерзкому лесовику. Делайте все так, как сами считаете нужным. Не верю я в предсказания эти лживые, желает он нас запугать и принудить выполнять его волю. Ничего такого со мной не случится, сэр Сериога. Выспимся здесь, а поутру...

— Уже утречко, — ехидно подсказал старичок.

— Значит, выспимся... и к вечеру! К вечеру пустимся в путь. Я лично сопровожу вас туда, куда... гм... домой. Верну вас, так сказать, в целости и сохранности.

Вот-вот, а сама потом останешься здесь помирать...

Дом откладывается, с острым чувством безнадежности осознал вдруг Серега. Даже если и не думать об участи, грозящей леди Клотильде (а это маловероятно, особенно если учесть, что в последнее время он только о ней, об этой буйной красотке и думает). Помимо нее остается еще и бесприютный лекарь, и изувеченный текулли, и беспризорный в этом мире ребенок Микошка... Легко помечтать о том, что ты весело помашешь ручкой и уйдешь по-английски, не прощаясь. Летящей такой походкой уйдешь... А вот выполнить это самое на практике и бросить абсолютных доходяг на произвол судьбы, пусть даже от тебя самого помощи не больше чем на грош, это уже совсем и нечто совершенно другое.

— Отбой царевнам, — с несколько наигранной грустью в голосе сказал Серега. — Не стоят они меня, бедные. Злата хочу. Много. Буду потом над ним чахнуть, как над радиоактивными отходами.

— Сокол ты мой! — всплеснул старичок ручками. — Пошто чахнуть? Злата много дам. А у таких дур... у таких, как ты, оно долго не держится. Утекает себе на здоровьичко к

другим. Так что не грусти, не грусти, сердешный. Чахнуть над твоим златом другим придется. Поумней которые.

— И вот он, долгожданный консенсус, — заключил Серега, — Клоты — жизнь, мне — золотишка от пуза. А тебе, старче... Кстати, если уж об этом зашла речь, какое хозяйское пожелание нам исполнять первым? А, повелитель?

— Куды мне ужо, батюшка, — притворно засмутился старичок, — в повелители-то. Мы уж и так как-нибудь, в лесных хозяевах перебедаем. А что вперед, что опосля делать, то мне без разницы. Только вот что, твое сиятельство герцог Де Лабри... Допрежь всего нужно тебе все-таки барона Квезака к ногтю прижать. Он опять-таки и деревеньки твои под себя сгреб.

— И каким же, позвольте вас спросить, образом должны мы свершить немалый подвиг сей? — довольно мрачно поинтересовалась леди Клотильда. — Ежели только правильно памятью я, до сих пор нам выпадало лишь сомнительное счастье кое-как спастись от рук сего мерзавца... это я про господина барона глаголю, а уж ни в коем случае не бить этот... задничный окатыш глистной коровы!

— План у вас был больно хорош, детушки! — по неизвестно какой причине возликовал старичок. Серега даже поморщился — до того неподдельно счастливое выражение прописалось вдруг на сморщенной маленькой физиономии, обросшей по всему периметру густым волосяным покровом. — Мои-то ребята в Дебро уж и все водяные жилы перекрыли. К обеду во всех колодцах вода закончится. А на воду, что в речке да в канаве этой ихней, что рвом кличут, оне заклятие наложут. Очень хорошее заклятие! Вот токмо нужников для него в городе маловато... Кустиков опять же почти что нету. К вечеру весь городишко уверится, что и впрямь персоне твоя есть вполне даже герцогская и вредительство тебе может им принести вовсе даже не мощну с маврикиями, а кой-что другое, совсем не такое приятное... Ежели только не проникнутся они самыми что ни на есть верноподданническими чувствами к твоей персоне. Мои ребята-то уж и слухи соответственные по городу распустят. Будет и еще кой-что разное... Так что случись оказия, тебя с превеликою радостью господином над собою признают. Скараешь наголо господина барона и...

— Да шо вы говорите? — притворно подивился вслух Серега. — Случись оказия?! А как же она должна случиться-то? Подскажите, душевно вас умоляю. А то так жить хочется! Вдруг да ваш понос на все бароново войско не подействует? На все сразу... Сия болесть, между прочим, — она и нас захватить вполне может. Тут уже и слухи не помогут. А, камрад-заказчик?

“Молодец, — похвалил себя Серега. — Корректно так поинтересовался, сдержанно”. Хотя шибко хотелось высказаться куда погорячее. Сплошной бонтон с его стороны и никакого тебе моветона.

Старичок брезгливо сплюнул в огонь. В ответ на это костерок мгновенно выбросил длинный ярко-оранжевый жгут пламени, струйно протекший по следу плевка в воздухе. “Однако, — изумился Серега про себя. — Уж не коктейлем ли Молотова пробавлялся в качестве слюны милейший лесной старче? Вот уж кого не след пускать в лес в пожароопасную летнюю пору”.

— Сами думайте, — елеино ответственвал старичок и улыбнулся им обоим с медовой приятностью, — я вам, чай, не гадалка какая-нибудь. Куды пойти и чего найти, предсказать не могу. Вот токмо придется вам усе делать самим. Людев не дам, не могу. Да и нет их у меня, людев-то. Я, чай, не герцог и не баронесса какая-нибудь. У меня холопьев нема! А гномам да эльфам моим не к лицу ручки человеческой кровью пачкать. Так что сами, все

сами, детушки! А вот нужную вам дорожку подскажу. Спите покедова, а к вечеру укажу вам одну тропку. Тот... али те, кого вы на ней встретите, и могут вам в деле одоления баронишки поспособствовать. Правда, сговоритесь аль нет, про то не знаю, не ведаю...

— Хрен с тобой... благодарствуем, короче, — как-то рассеянно ответил на этот раз Серега (прошедшая бессонная ночь давала о себе знать непрекращающимися зевками), — от всей души благодарствуем. Значит, увидимся вечером. Бывай, хозяин барин...

* * *

Было полное ощущение того, что он вот только что, буквально секунду назад опустил голову на иссеченную рубцами и трещинами кору пня, служившего ему ложем. И тут же его начали трясти со словами, что пора бы уже и вставать. Тело ломило, голова была тяжелой и раскалывалась от боли. Хуже всего было то, что от непрестанной зевоты скулы у Сереги чуть ли не сворачивались набок. Подошла леди Клотильда, сердобольной рукой плеснула ему в лицо целую пригоршню ледяной воды. Серега тут же взмыл со своего экологического ложа, чихая и отплевываясь.

— И вновь аларм, сэр Сериога! — жизнерадостно возвестила леди. За стенами их убежища радостно заржал черный жеребец, нота в ноту вторя реву своей могучей хозяйки. — Смеркается... а нам пора бы уже и в путь!

Серега, проморгавшись, кое-как влез в перевязь своего эльфийского меча, два-три раза вначале промахнувшись рукой мимо ремня. Куснул ломоть хлеба и кусок колбасы, почти насильно засунутый ему в руку добряком Слуди. Сзади налетела леди Клотильда, сильным хлопком по плечу отправила к выходу. Сама вылетела за ним следом.

В лесу, начинавшемся сразу же за порогом пещеры, уже царила ночь. Было темно, немного прохладно и остро пахло мокрой прелой травой. Слегка по-чужому пахло. Уже всего лишь слегка...

“Привыкаю, — со стеснением констатировал Серега. — Еще немного, и все здешние запахи будут вообще как родные”.

Клотильда взлетела в седло одним могучим движением. Знаком приказала Сереге сделать то же самое. Он подошел к своей гнедой коняге, внутренне содрогаясь от стыда за предстоящее. И приступил к выполнению высокохудожественного номера под названием “лезу это я, значитца, на коня”... Из зарослей, прикрывающих вход в пещеру, вышел старичок и широко заухмылялся, глядя на Серегу. Леди Клотильда в этот раз почему-то и бровью не повела, сидела себе на своем боевом битюге и друге, даже не подумав Сереге помочь. Только нетерпеливо поглядывала то на него, то на смутно черневшую перед ними стену леса.

Серега закончил наконец карабканье по отвесному конскому боку, нашарил ногами стремя, кое-как утвердился в седле. Старичок указующе махнул рукой.

— Зрите тропу? — Серега ровным счетом ничего не видел в обступившем их ночном лесу, но леди Клотильда (особа с волчьим зрением и примерно таким же нюхом) согласно кивнула головой. — По ней и ступайте.

Леди-рыцарь молча тронула поводья и почти сразу же растворилась в лесном сумраке. Гнедой конь, уже попривыкший в ходе их странствий к ведущей роли черного жеребца, тут же зашагал след в след за битюгом леди Клотильды.

Шло время. Всадники передвигались по тропе в абсолютной тьме. Кони шли неспешным шагом, мерно переставляя ноги на неровной почве. Было тихо и как-то... спокойно, что ли. Ужасно спокойно. И от этого невыносимо хотелось спать. Очень скоро

Сергеа начал клевать носом прямо на ходу, ежесекундно рискуя свалиться вниз, под широкие копыта собственного коня.

Вдруг ночь неожиданно разразилась рычанием.

Веселым, игривым рычанием жизнерадостной собачьей своры.

Сергеа, в полной мере осознавший уже тот факт что в этом мире (да и не только в этом, если разобраться) причина жизнерадостности в основном зиждилась на возможности покусать кого-нибудь из ближайших своих, моментально насторожился. Нащупал за голенищем длинный кинжал, тот самый, который сунула ему в руки леди Клотильда еще там, перед воротами городишка под названием Дебро. И которым он так неслабо попользовался тогда во имя спасения их бранных жизней...

Встревожившиеся кони крупной рысью вынесли их на полянку, скупо освещенную светом неярких звезд. Глаза, попривыкшие уже к ночной темноте, различили грань, где кончалась непроглядно черная стена деревьев и начиналась чуть более светлая прогалина поляны. В центре прогалины рос куст. А вокруг куста тьявало и прыгуче взмывало в воздух целое ожерелье из собачьих тел. По крайней мере одно в них было крайне, гм... необычно, что ли? Весьма необычно. Воздух над каждым туловищем рассекали крылья. Самые настоящие крылья, по форме и размерам смахивающие на гусиные. Насколько Сергеа мог судить на глазок, для того, чтобы эти монстры могли парить в поднебесье, крылышки были все же маловаты. Явно маловаты — размеры не по весу тел, для полетов подъемной силы у них не хватило бы ни в коем случае. Зато в прыжках крылышки, похоже, очень помогали. Псы взмывали в воздух необычайно высоко.

А посередине кольца загнанно металась черная тень.

— Ба! Да это же наш старый знакомец, сэр Сериога... — протянула леди Клотильда. — Узнаете лиса-оборотня?

Сергеа взгляделся, до боли щуря веки и напрягая глаза. Черная тень в кругу и вправду напоминала лиса.

Ту самую черно-серебристую зверюку, которой обернулся спасенный ими бедолага. Помнится, они тогда с таким трудом стащили его с кола... а он, невежа, даже не поблагодарил своих спасителей. Просто взял и убежал.

Зато и плохого ничего никому из них не сделал. Просто не успел. А то ведь как говорят — не делай добра и тебе не будут делать зла.

— Помочь? — после минутного колебания высказался Сергеа. Несколько нерешительно высказался — в конце концов, честь принимать силовые решения в их компании принадлежала до сих пор исключительно леди Клотильде, но он уже опробовал разок и себя самого в роли убийца-спасителя, так сказать, и ничего — жив-здоров пока что. Кроме того, как-никак это являлось его прямым мужским долгом и обязанностью — лезть в драку, если нужно. А здесь это явно было нужно, потому что сворой на одного — это чересчур уж гадко. Он достал из-за голенища нож, взвесил его в ладони, прикидывая, как бы перехватить ребристую рукоять поудобнее. Тронул повод, посылая коня вперед.

Гнедой коняка недовольно фыркнул. Но все же сделал мелкий шагок.

— Сэр Сериога, — предостерегающе окликнула его сзади леди Клотильда, — вы хорошо все обдумали? Помните, что сказал нам лесной хозяин — кто встретится вам на этой тропе, те и помогут в вашем деле. Уверены ли вы, что мы должны помочь именно лису, отстаивая его от симарглов... а не наоборот? Не разумнее ли будет присоединиться к другой стороне? Ради достижения стоящей перед нами цели...

— Как помнится, сказано было — те или тот? А эти самые ваши... симарглы лезут сворой против одного, — не оборачиваясь, решился-таки возразить Серега (интересно, а хватило бы у него духу сказать все это обернувшись и глядя прямо в ее яростно-прекрасные голубые глаза? И не заикаться при этом? Вот уж у кого точно трехдюймовые глазки — аж оторопь иногда берет). — Повадки у них... Как у господина барона. А какой из него помощник и благодетель, вы и сами знаете. Да и вообще, милостивая леди... Странствующий рыцарь, как мне говорили, вроде бы странствует исключительно ради того, чтобы помогать всем несчастным, нуждающимся в его помощи. Без разбору. Не думая при этом о прочих меркантильностях в виде неких целей и планов. Так что же за слова я слышу из ваших уст — “обдумали”, “разумнее”... А?

— Тоже верно, сэр Сериога. Прямо не знаю, что вам и сказать.

Он приблизился вплотную к своре крылатых псов. Те, завидев его, прекратили свои забавы с прыжками над головой затравленного лиса и вышколенно уселись на задние лапы. За их спинами загнанно припал к земле оборотень.

— Сожалею, что помешал вам, — откашлявшись, осторожно начал Серега (в этом мире все говорят на человеческом языке — оборотни, гномы, эльфы... почему бы и этим крылатым псам не быть такими же — человекоговорящими?), — но я немного знаком с этим лисом.

— Наша тропа! — грозно протявкнул ближайший к Сереге пес. — Бр-рысь отсюда на двух лапах... Чел-ло-вечек! Пока они ходят, гах!

— Не могу, уважаемый, — подражая леди Клотильде, церемонно-изысканно ответил Серега и чуть наклонился вперед, готовясь ножом встретить собачье горло, — как только пес бросится. А в том, что он бросится, Серега почему-то уже и не сомневался. — Я всегда ужасно привязываюсь ко всем тем, кто мне хоть мало-мальски знаком. У меня так мало знакомых в этом мире. А уж тех, кто мне ни разу не сделал ни единой гадости, и вовсе сущие единицы.

Гавк! Пес бросился прямо с места, высоко взметнув тело. В прыжке открылось длинное, поросшее бежево-палевой шерстью брюхо. Очевидно, пес намеревался атаковать Серегу сверху, в конце высокого, свечкой выполненного прыжка. Атаковать широко, до предела раскрытой пастью, полной ясно видимых даже в темноте острейших белых зубов...

Но его намерениям не суждено было сбыться. Потому что Серега довольно неуверенно махнул ножом перед собой, и... длинное лезвие раскроило песье брюхо почти до самого паха.

Кишки вывалились под ноги остальной своре, тут же азартно кинувшейся на него с противоположной стороны. Два или три пса поскользнулись, покидая эту сторону, но остальные крюком обтекли коня и продолжили слаженную атаку на другом фланге. Серега, дернувшись от страха, резко пнул первую пасть, сунувшуюся было к его сапогу, быстро, как только смог, перекинул нож в левую руку, судорожно сжал пальцы на рукоятке. Не глядя, неумелыми, широкими, крестообразными взмахами очистил пространство слева от себя — там, где они уже напирали, промахиваясь пока что только по причине его длинного плаща, плотной завесой прикрывавшего все: и Серегины руки-ноги, и бок лошади под ним. И абсолютно случайно попал при этих крестах-взмахах по морде двум псам-симарглам. Те, жутко завизжав, тут же переменили объект нападения и попытались было цапнуть гнедого за бабки. Гнедой, возмущенно заржав, лягнул сначала одного, а потом и другого. Псы покатались клубками к темнеющей неподалеку кромке леса. Стая резво откатилась назад,

разделилась на два крыла и начала обступать герцога уже с двух сторон. Тогда он повернулся вправо, вновь перекинул нож в другую руку и тычками длинного лезвия утихомирил еще одну крылатую псину — случайно все как-то получалось, ей-богу. Ткнул в глаз, а попал в горло... Слева снова нападали, сапог больно сдавили клыкастые челюсти, с треском оборвалась пола плаща, в которую вцепилась одна из собак. Он обернулся влево...

Вжик! Сияющая полоса меча ножом гильотины упала по левую руку от него, воздух наполнился кровяными брызгами и диким воем. Леди Клотильда рубила сплеча, деловитым гыканьем сопровождая каждый свой богатырский взмах. До ужаса напоминая при этом обычную домохозяйку, занятую рубкой капусты на зиму.

Симарглы прыгали, отчаянно хлопали крыльями, пытались взлететь, спастись. Побоище стремительно перерастало в бойню. Серега, несколько мгновений с ужасом понаблюдав эту неприглядную картину, кинулся наперерез Клоти, идущей сквозь стаю, как горячий нож сквозь холодное масло, успел вцепиться ей в руку:

— Нет! Клоти... леди Клотильда, прекратите! Они... Они уже больше не нападают!

Они и вправду больше уже не нападали — на поляне вместо собак лежали в основном одни кровавые ошметки. Остатки стаи улепетывали к лесу, тихо, беззвучно — ни визга, ни лая, один лишь трусливый топочущий шорох стремительно бегущих лап. Даже раненые псы, так и оставшиеся лежать на земле, не издавали ни звука — надо понимать, от страха перед таким противником.

Черная молния прыгнула под самые копыта Серегиного гнедого. И мгновенно распрямилась обнаженным черноволосым мужчиной. Конь шарахнулся назад и яростно зафыркал.

— Ваша лошадь, милорд, — насмешливо сказал оборотень, — не любит таких, как я. В отличие от своего хозяина... Вы, похоже, питаете ко мне совершенно другие чувства. Ибо заботливо спасаете меня всякий раз, как нам выпадает несчастье встретиться. Забавно, не правда ли?

— А несчастье встретиться, милорд, — в тон ему ответил Серега, — выпадает нам почему-то всякий раз, когда вы попадаете в неудобную для жизни ситуацию.

— Осознал, — насмешливо фыркнул оборотень, — осознал и благодарен вам всеми фибрами души. Ну и чего хотите в знак благодарности, спасители? Того же, что и все?

— А чего хотят все? — удивленно вскинул брови Серега.

Оборотень сделал шаг назад, откинув голову, внимательно посмотрел в Серегино лицо. На его физиономии все явственнее проступало самое неприкрытое изумление.

— Не знает он, — предупредительно сказала леди Клотильда. — Столь углублен мыслями в высокое, что до вас, до паршивых оборотней, мысли его никак не долетают. Сэр Сериога! Повсеместно известно, что шерсть черного лиса-оборотня, выдранная им самим добровольно, без принуждения и от чистого сердца, из кончика его хвоста, дарует способность на одну ночь оборачиваться в лиса. По одной ночи на каждую шерстинку.

— Ну что, оборачиваться и драть собственный хвост? — несколько презрительно спросил голый человек.

— Зачем? — смутился Серега, — Нам не... Мне ничего от вас не надо. Вот разве что леди Клотильде...

— Благодарствую, — равнодушно бросила леди. — В отличие от других благородных дам, мечтою восчувствовать звериную страсть в облике лисы не грежу.

— Так вот это зачем! Как инте... — начал было Серега.

И осекся, поймав яростный взгляд леди Клотильды.

Несколько мгновений все молчали, погрузившись в собственные мысли. Серега все пытался представить леди Клотильду в облике серебристо-черной лисы. Выходило нечто совершенно фантастическое...

— Сэр Сериога! — взревела леди Клотильда. — Так мы едем или не едем? Хватит ту мечтам, то есть думам всяким предаваться!

Похоже, грозная девица с волчьим нюхом уловила все-таки некие подозрительные флюиды, исходящие от него. Точнее, не от него, а от его не совсем приличных мыслей. Увы...

— Сейчас.

Он спрыгнул с коня, подошел к псам. Нашел первого сравнительно целого, вздохнул, ощутив под пальцами на мохнатой шее слабо бьющийся пульс. Оторвал от полы плаща длинную ленту, кое-как забинтовал глубоко разрубленную грудь. Нашел еще одного — у этого разрублен был позвоночник. Но он еще был жив. Хорош удар у благородной леди и девицы, ничего не скажешь...

— Милорд!

Голос прозвучал откуда-то из травы. Смеющийся, полудетский голосок с нотками взрослой иронии. Серега заозирался, но и лес и поляна были полны тьмы. Непроглядной тьмы.

— Милорд! — На уровне его бедра вспыхнул темно-красный огонек, затеплился трепетно дрожащим сиянием открытого огня на ветру. Рядом с огоньком весело улыбалась хитрая продувная рожица — слишком маленькая для взрослого, слишком хитрая для ребенка. — Мы гномы, милорд. Ваши новые подданные по праву эльфийской мандонады. Вышли вот прогуляться, глядим — ох ты, какие люди да по нашим кустикам! Так что спешим поприветствовать ваше сиятельство в наших лесах.

— Э-э... — односложно выразился Серега и тут же поправился: — Тоже приветствую, короче.

Огоньки зажигались один за другим по всей поляне. От продувных рожиц на поляне становилось тесно.

— По праву мандонады — готовы вам повиноваться, — угодливо сказала ближайшая к нему рожица. — Угодно ли милорду спасти жизнь этим жалким тварям?

— Ага, — смущенно выдавил он, — уж так угодно...

— Но милорд должен знать: симарглы — существа злокозненные, благодарности от них все равно не дождешься. Конечно, ежели милорд таки восхочет, мы позаботимся о раненых, подлечим их всех, даже тех, кого милорд в мудрой задумчивости своей счел мертвыми. Восхочет ли милорд?

— Да. Восхотяю, короче... Тьфу! То есть хочу. Лечите, айболиты.

— Но, милорд, ну никакой же благодарности, ну вообще никакой. Никчемные твари. Попадетеь вот вы им снова, вот тогда...

— Мелкие сии дело говорят, — великодушно возвестила рядом леди Клотильда. — Не будет тебе от сего милосердия никакого толку, сэр Сериога. Уж лучше прикажи содрать с них шкуры. Ценятся они престарелыми старцами, коим и помогают от ломоты в суставах.

— Я сказал — нет! — отрезал Серега, — Лечить. Спасать. Всех. Все?!

Гномы кучкой собрались вокруг него, мельтешили детсадовскими головенками где-то на уровне его пояса. Что-то шептали, ахали, охали, кивали. Обсуждали? Или осуждали?

— Милорд. Также должны мы вам сообщить, что черный маг Мак'Дональд буквально два дня назад объявил великую кровавую мстю всем симарглам и их друзьям...

— Понятно, — сказал Серега, — я мстю и мстя моя страшна... И чем же это мне грозит?

— Не знаем, милорд. Но можем дать вам посмотреть. Если, конечно, не побоитесь вы заглянуть в ладони гнома...

— О чем разговор? — подивился он. — Кажите ладони, ребята... Ногти вам тоже проверить?

У маленьких гномов их мелкие глазенки расширились до размеров доперестроечных рублей.

— Чего милорд желает?!

— Шутю, шутю...

Леди Клотильда оглушительно фыркнула и тихо сказала:

— Повсеместно известно, что из ладоней гнома человек может поглядеть на творящееся — но и это творящееся может оттуда взглянуть на него...

— Где наша не пропадала! — после секундной заминки громко решил Серега. — Давайте ваши ладони, где они там...

Снизу вверх до уровня его груди тут же взлетели две маленькие коричневые ладошки, все в сетке белых шрафиков и морщин, с удлиненными пальцами и коричневатым пушком между ними.

— Смотрите, милорд. Смотрите не отрываясь...

Сначала Сереге показалось, что в центре двух ладошек, как раз на линии их соприкосновения, вдруг появился и начал расти клубочек коричневого дыма. Затем клубочек принял форму клубящегося приплюснутого мотка. А затем в середине коричневой мути проступило светлое окошко. Он пригляделся.

Смотрелось все как фильм в портативном телевизоре. В центре по крайне специфически убранной комнате (череп и кости везде — нарисованные на стенах, выставленные на полках... два креслица из неведомо чьих гигантских грудных клеток, широко раскрытых со стороны грудины) расхаживала крупными шагами фигура человека в черном плаще с капюшоном. Лицо его никак не удавалось разглядеть из-за низко опущенного капюшона. Зато бормотание слышалось вполне четко.

— Напрасная доброта сего мерзавца... Что ж, всякое доброе дело не должно оставаться безнаказанным.

Вот уж точно сказано, подумал Серега. Лично ему в этом мире после каждого дела хлопот перепадает столько, что иначе чем наказанием это и назвать никак нельзя...

— Если он только посмеет. Если только посмеет спасти этих тварей! Такое не должно оставаться безнаказанным. Главное, наказание должно быть подходящим... Сейчас. Сосредоточение мыслей... Одним словом, тиха — Чапай думать будет.

Субъект в плаще метнулся к одной из полок, вытащил из-под черепа, лежащего на ней, что-то плоское, донельзя знакомое по форме — то ли книжицу, толи тетрадку.

— Вот. Вот! Это то, что надо!

Он раскрыл тетрадку и принялся нараспев читать:

Не будет в судьбе ничего своего,

Пусть бремя пророчеств измучит его.

Завет исполняя — в тенетах чужих

Ты будешь никто — не муж, не отец, не жених!

И это заклятие в мирах да никто не нарушит

До вздоха последнего с этого самого дня.

Игрукою будешь для каждого — и для меня.

И кончишь когда-нибудь ты свои утлые дни

По воле того, кто тебе же кричал: помоги!

Фигура зачитала стишок (довольно малохудожественный, надо отметить) и притихла. Странно так притихла — слегка повернув голову к Сереге (он... она? В общем, загадочное некто стояло боком). То ли присматривалось, то ли прислушивалось...

— А-а! — разразилась вдруг фигура жутким криком. И запустила тетрадкой прямо навстречу Серегиному взгляду. — Глядишь?! Ну-ну, погляди...

ЭТО решительно повернулось к Сереге передом, судя по капюшону. И стремительно поплыло на него.

— Достаточно. — Серега отпрянул назад, гном тут же моментально сжал кулачки, и коричневый туман вместе с загадочной черной фигурой уплыл струйками между его пальцев, стек искристой коричневой речкой в ночную тьму... А на душе стало на редкость паскудно.

— Плохо дело, милорд. — Крохотное личико, аж сморщившееся от сочувствия, посмотрело на него снизу вверх крайне серьезно. — Проклял он вас. На нехорошую судьбу обрек. Так-то! Может, все-таки не будем спасать сих симарглов? Творящееся — это еще не обязательно непреложно свершившееся. Если не притрагиваться к симарглам, то, глядишь, лично вам ничего и не будет, милорд.

— Спасать, — распорядился Серега и философски пожал плечами. — Как говорил один умный народ, самое страшное для человека — это жить в эпоху перемен. А тут мне по крайней мере твердо обещано одно весьма завидное в каком-то смысле постоянство в жизни и судьбе. Будут вокруг меня всегда и сплошь одни пророчества.

— Да исполнится воля милорда!

Гномы схлынули с полянки. Вместе с ними исчезли и тела симарглов. Осталось только то кровавое крошево, которое за цельные тела принять уже никак было нельзя. Клоти рядом трубно прокашлялась, сказала с нажимом:

— Сэр Сериога. И не ждите от меня похвалы за эту глупость! Так что дальше, сэр Сериога?

— Едем, леди Клотильда.

Серега подобрал поводья, тронул коня. В голове назойливо вертелось — вот так вот, не делай добра, не получишь и зла, и ни одно доброе дело не должно оставаться безнаказанным... Вот и встретились на тропе — те или тот, как сказал старичок-лесовичок. Ну и кто же все-таки из “виденных и встреченных сегодня, бросающих на память якоря...” — ну и так далее, а затем конец цитаты, — по мысли старичка, должен был помочь и, так сказать, поспособствовать им в тонком деле усмирения барона Квезака? Симарглы или все-таки оборотень? Насчет гномов сомневаться не следовало, эти старичком особо оговорены были — не к лицу им, дескать, ручки свои кровью человеческой пачкать. А кому к лицу? Одним словом, и это самое печальное, ни первую, ни вторую сторону недавнего, как бы это поэтичнее выразиться — конфликта никак нельзя было заподозрить в присутствии хотя бы маломальского желания помочь ему. бедному маленькому герцогу, гуляющему по ночному лесу в компании с грозной и большой баронессой.

— Но не предавайтесь столь горьким думам, сэриога. В конце концов, тропа еще не кончилась, и мы по ней все еще едем. — Добрая душа Клоти, похоже, всерьез пыталась его утешить.

Они молча продвигались дальше. Под копытами коней хрустели ветки, вдали исполошенно заорала какая-то ночная птица. Поближе откликнулась другая отчаянным полусвистом-полумяуканьем. И снова все смолкло.

— Сэриога, — похоронным голосом объявила вдруг леди Клотильда. — Каюсь, не прислушивалась я достаточно хорошо к тому, что сказано было вам. Э-э... не расслышала просто. Со слухом у меня... особенно с одной стороны. Так что почтительнейше прошу вас снизойти до меня и рассказать, что видели вы в ладонях досточтимых подданных ваших гномов и чем таким ужасным грозил вам черный маг.

Тон у леди был серьезен — дальше некуда. Хотя про проблемы со слухом — наверняка вранье. Просто громкость у телевизора в гномовых ладошках была уж очень мизерной, рассчитанной, похоже, исключительно на него и на того, кто “показывал”. И не зря рассчитанной, наверно.

— Отравлюсь в “Макдональдсе”, — попробовал было отшутиться Серега.

Леди Клотильда тут же громко, на весь лес, икнула, затем резко дернула на себя повод и осадила жеребца. Тот, в отличие от своей хозяйки, иканьем побрезговал, просто фыркнул с возмущением и изобразил передними ногами что-то вроде “а вот я вам сейчас ка-ак на дыбы...” И в завершение всего этого картинно исполненного кульбита оглушительно щелкнул зубами в воздухе, но почему-то выполнил сие недвусмысленное действие в непосредственной близости от Серегоиной коленки. Совсем рядышком.

— Да шутю я, шутю! — отчаянно крикнул он и поджал ногу с этой стороны повыше — просто так, на всякий случай поджал. Случай, он разный бывает.

Но леди Клотильда этих его последних слов слушать уже не стала:

— Сэриога?! Неужли-таки напроорочил он вам смерть от яда?! И то, что будет яд сей из рук его? Проклятье! Тысяча чертей ему в зад — и все пятками! Сэриога! С досточтимый сэриога и друг мой, немедленно следует вам приобрести на случай отравления волшебный порошок из помета жабы-ядогрыза. Зело помогает он во многих случаях. Посыпать им следует свою пищу каждодневно... Сэриога?!

— Всенепременно, — ответил сэриога, слегка придерживая рукой живот и чуть ли не сползая с седла — как-то уж очень живо представил он себе процесс посыпания своей еды жабыим пометом, а затем и поедание оной пищи. — Всенепременно так и поступлю. Три раза в день во время еды...

— Ну, три не три, а как за стол, так и помет в блюдо. Сэриога? Не хотите помет, ну тогда хотя бы толченые ножки тараканов используйте, смешанные с мочой благочестивых девственниц — тоже известное, признанное всеми средство от ядов. Точно вам говорю, у меня у самой как-то для этого дела просили, ну, я и... дала, словом. Только, э-э... пьяна была сильно в то утро, так что там почти не... не это самое было, а, считай, чистое вино. Ну, самую только чуточку разбавленное тем самым, им необходимым.

— Да пошутил я, леди Клотильда, — судорожно вдыхая воздух и страдальчески кривя лицо в попытках обуздать рвущийся изнутри смех, выдавил он. — На самом-то деле...

Он коротко, своими словами кое-как воспроизвел содержание услышанного им стишка.

Леди Клотильда, выслушав, задумчиво сапнула носом. Жеребец под ней сделал то же самое, только у него это прозвучало погромче и посолиднее. Не в пример погромче и

посолиднее.

— Ну... Заклятие неотвратимого присутствия чужих пророчеств в человеческой судьбе? Похоже, оно самое. Слыхала. Неприятная вещь, конечно... э-э, то есть я хочу сказать — не совсем подходяще для вас, для герцога. Ха! Вот если б вы, сэриога, были, как и я, самым обычным странствующим рыцарем, вот тогда подобное заклиние было бы для вас как раз то, что надо. Исполнять пророчества, спасать указанным в них способом означенных несчастных... Есть то мечта всякого приличного странствующего рыцаря!

— Махнем не глядя?

Клоти оглушительно фыркнула. Звероватый битюг с небольшим запозданием фыркнул тоже.

— Нет уж, настроена я подождать своего собственного проклятия! От своего собственного врага и в наказание за свой собственный неразумный... хм... то есть добрый поступок. Ну да ничего, сэриога! Не такая уж и плохая судьба вам предопределена сим заклятием, я хочу сказать, бывает и похуже. Вот на барона Скорки, к примеру, наложил один подлый колдун заклятие неизбывной печали. И он, верите ли, печален бывал даже тогда, когда над девицами трудился!

— Да, — сказал Серега единственно ради поддержания беседы, — бывает. Сие, конечно, просто неприлично — когда отважный барон да над девицей смурной...

— Верно глаголете вы об этом, сэриога! А вот еще рыцарь Гули — так тому деревенская колдунья, коей он отказал в... одном рыцарском поступке (это том самом, при котором рыцарь всенепременно должен быть именно мужчиной, и никак не иначе), отказал единственно по причине ее старости — позорная отговорка для истинного рыцаря, кстати!

— Да уж, — заметил Серега, — истинный рыцарь должен быть способен на все, что только может занимать горизонтальное положение или просто наклонное.

Клоти, к счастью, его не слишком целомудренное замечание пропустила мимо ушей.

— Так вот, колдунья сия наложила на него заклятие неснимающихся штанов! Причем штаны у бедного рыцаря Гули переставали сниматься не когда-нибудь, а именно в моменты, так сказать, по-рыцарски мужских поступков. А в любое другое время — пожалуйста!

— Ужас какой! — посочувствовал Серега. Они проехали еще какое-то время в полном молчании.

— А вообще-то, сэриога, — на полном серьезе добавила вдруг леди Клотильда, — навлекли вы на себя серьезную беду. Причем из-за тварей, того явно не стоящих. Жить, исполняя чужие пророчества, иметь вместо порядочной, собственной человеческой судьбы и, так сказать, вольной жизни, по собственной воле — и разумению проживаемой, — иметь вместо этого участь щепки в чужих лапах... Быть обреченным исполнять, исполнять и исполнять... И за все про все в награду одна-единственная и довольно сомнительная к тому же радость — помогать другим выправлять ИХ судьбы... Невесело.

“Да уж, куда как невесело”, — продолжил он про себя затронутую красоткой Клоти тему. Печально даже, если можно так выразиться, крайне печально все сие, сэры рыцари и сэрухи рыцарши, до зеленой тоски в груди печально. Особенно если ты и сам уже, можно сказать, почти что — да какой там почти что — полностью уже веришь во всю эту местную галиматью с этими их колдовскими проклятиями и зловещими пророчествами. Подобные магические заморочки здесь, надо отметить, весьма и весьма опасны. Стоит только вспомнить в качестве примера то самое исполнившееся с их подачи пророчество об Отсушенных землях. А уж предреченная ему смерть от рук им же и спасенных — это уж

вообще, ребята, ну ни в какие ворота... Ничего-ничего. Вот вернется домой, вот тогда... И будет у него покой. В индустриальном двадцать первом веке, как помнится, нет ни проклятий, ни пророчеств. Вот она, наша программа-максимум — всенепременно вернуться домой. А я в Россию, домой хочу — я так давно не видел маму...

Далеко-далеко из ночной тьмы вынырнул в пределах видимости крохотный желтый огонек. Ровно засиял, время от времени скрываясь за гигантскими стволами деревьев. Но не гас — светил, скрываясь и показываясь, и понемногу приближаясь к ним по мере продвижения вперед. Кони прибавили шаг. Перспектива уютного стойла впереди явно прельщала их больше, чем темный ночной и оттого не располагающий к себе лес. И хотя никаких таких страш-шных опасностей и уж-жасных приключений лесное пространство доселе пока что им не являло (если, конечно, не считать той недавней встречи — ехали б себе мимо, и не было бы проблем), однако и уютно здесь никому не было.

— Кажется, трактир, — спокойно вымолвила Клотильда.

— Заедем?

— Почему бы и нет, сэръ Сериога. Мало ли кого там встретим. Глядишь, и попадетсЯ случайно нужный нам человек, а то и просто хорошее вино.

Леди явно намекала, что не все еще потеряно. И загадочный спаситель-помогатель, мол, вполне возможно, еще только ждет-пождет их себе где-то там на дороге...

Трактир стоял прямо на обочине неширокой колеи, в которую как-то незаметно для глаза переросла тропа, по которой они ехали. Местный очаг общепита предусмотрительно (учитывая славные здешние времена и места) укрывался за высоким забором. Призывно светя при этом во все стороны дороги громадным переносным фонарем, для лучшей видимости подвешенным на могучем кованом крюке, вделанном прямо в ворота, — этакая доисторическая предтеча неоновых вывесок и манящих витрин. Забор, ворота — все имело солидные размеры не менее чем в полтора человеческих роста высотой и толщиной, надо думать, соответственной. Леди Клотильда неспешно подъехала к створкам, набранным из толстенных досок и тщательно окованным поверху железом, несколько раз от души вдарила в них кулаком.

Никакой реакции на стук не последовало. Никто не торопился открывать ворота для полуночных гостей, во всяком случае, из-за высоченных ворот и забора до них не долетело ни единого звука, могущего засвидетельствовать наличие за ними какой-нибудь, хоть самой завалющейся, гостеприимной души. Леди Клотильда, выдержав довольно долгую паузу, повторила операцию — только на сей раз все делалось гораздо продолжительнее и гораздо, хм... мощнее. Створки ворот мелко задрожали, а с боков, где находились петли, начал исходить противный дребезжащий скрежет железа. От него сводило зубы, как от бормашины в руках садиста-стоматолога.

— Ну че... Че вам, говорю?! — откликнулись наконец из-за ворот.

— Путники мы! — гаркнула во всю мощь своих богатырских легких леди Клотильда. По лесу моментально прокатилось гулкое эхо, затем две или три птицы всполошенно-обрадованно завопили в ответ. — Открывай! А то у нас обеденное время кончается!

— Чаво?! Какой вам счас обед... — несказанно изумились за воротами.

— Как какой?! — вдохновенно возопила явно соскучившаяся по общению с холопьями и прочими невинными душами простая феодальная дева (точнее, дива). — Да ты с кем разговариваешь, болван?! Я тебе не кто-нибудь, я — баронесса Дю Персиваль! Говорю тебе — сейчас самое время для обеда! Живо открывай ворота! Ну?! Ты, жабий потрох, семенной

плевок навозеда, задничная плесень мохозавра...

За воротами некоторое время помолчали, очевидно, сраженные мощью этих последних доводов, затем с некоторым подозрением и по-прежнему безо всякого уважения спросили:

— Чаво это госпожа благородная баронесса по ночам шляется? Да еще и обедать ночью требует-с... Баронессам место у замке. Откель я знаю, можа, ты тварь-нечисть какая ночная?

— Тьфу! — раздраженно сплюнула на землю леди Клотильда. — Так ты откроешь или нет?! Да как ты смеешь, поросль смердовская... Впрочем, черт с тобой. Хочешь, прочту Благодарение Всеблагову и Преосвященному? Уста нечисти, как ты должен знать, не дерзают отворяться в священной молитве...

— Ну, читай, — помолчав, с важностью разрешили за воротами.

Леди Клотильда, с шумом набрав полную грудь воздуха, принялась громко тараторить скороговоркой:

— Всеблагодой и Преосвященный, да будет сладко в устах, произносящих имя Твое, да пребудет власть Твоя над этим миром и над всяким другим, на который Ты восхочешь излить благодать свою. Погрязнув в грехах и муках, взываем к Тебе, и Ты отверзаешь слух свой и милуешь нас. Великий, прости нас и сохрани от бед, отведи от нас зло стоглазно и стозевно, храни нас от посланцев зла и тьмы, буде пребудем мы в безгрешии, и очисти нас от скверны, коли согрешиши мы. Даруй нам благость и отведи от пороков...

Одна из створок ворот шумно скрипнула и пошла в сторону.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Покой с девицею вам должен только сниться Хотя конечно же смотря какая там девица...

Внутри был темный, слабо освещенный одной-единственной подвесной лампой двор, земляной пол которого был утопан до крепости бетона. Существо, сильно смахивающее на гигантскую летучую мышь в разлетающихся по ветру плащеобразных одеяниях, придержало створку, пока немногочисленная кавалькада заезжала во двор. Затем споро затворило ее, едва не прищемив при этом нехитром действии хвост бедной Серегиной коняге. С грохотом поочередно опустило вниз аж целых три громадных рычагообразных затвора, расположенных этажеркой, один над другим — по всей видимости, здешние леса в плане безопасности сильно отличались от увеселительных парков где-нибудь в Западной Европе, к примеру.

Леди Клотильда спрыгнула с седла, Серега последовал ее примеру. Они самостоятельно завели в конюшню фыркающих и на удивление легко идущих коней — видно, радость предстоящего отдыха в теплом стойле сильно поспособствовала умягчению конских ндравов. Вот даже и звероватый вороной битюг леди Клотильды оказался на этот счет чувствительной особью. Расседлали и растерли мощные пропотевшие спины. Зашли в трактир. Большая полуподвальная зала была пуста, в громадном очаге, расположенном в углу, догорали гигантские головешки, бывшие некогда, по всей видимости, цельными пнями.

Леди Клотильда бодро промаршировала в центр залы, по-хозяйски уселась за ближайший к огню стол и скомандовала:

— Еды! Что там у тебя есть — мясо, жаркое... И вина! Хорошего, самого наилучшего!

— Есть жареный гарчик, — от дверей ответило ей существо, при ближайшем рассмотрении оказавшееся сухим старичком, одетым в стиле гоголевского Плюшкина: сплошные лохмотья и заплаты, кое-как прикрывавшие тело и не выставлявшие его на полное обозрение лишь благодаря своей потрясающей многослойности. — Также имеется вино мецское и бриджское, закрытое пробками с печатями и без оных. С пробками, конечно, дороже. Чего изволите?

— Мецкого, — благодушно соизволила приказать леди Клотильда. — С пробкой, разумеется. И тащи сюда побольше своих гарчиков. Филимоны для приправы у тебя найдутся?

— Спрашиваете, — важно ответил старик, — сами барон Квезак мои филимоны очень даже нахваливают. Я их мариную в крепчайшем уксусе, не жадничаю, не то что некоторые — это я про повара господина барона говорю. Они у меня намедни даже целую бочку их закупили. Очень, говорят, помогают в пытках, при помазаньи ими ран пытаемых. По сравнению с ними те, что ихний повар умариновывает, — тьфу сплошное! На два-три крика только и хватает...

— Отставить филимоны, — быстро сказала леди Клотильда. — В еде следует быть неприхотливыми. Давай живо — вина и гарчиков!

Однако феодальный Плюшкин, добравшийся наконец до их стола от дверей своего заведения, нести просимое отнюдь не торопился. Топтался рядом и заискивающе улыбался, украдкой жадно и выжидающе поглядывая на пояса путешественников.

— Понимаю, — с усмешечкой сказала Клоти. — Сэр Сериога! Вы не могли бы продемонстрировать этому... хозяину нашу платежеспособность?

Сергеа кивнул и полез в один из потаенных кармашков на своем поясе. Его золотая копилка — дар скучающей в замке брата леди Эспи — вернулась-таки к нему после бурных эскапад прошлой ночи. Золотое чаури, представлявшее собой солидную монету в полсантиметра толщиной и в Серегин мизинец диаметром, пришлось буквально выцарапывать из слишком тугого для него вместилища ногтями. Наконец он вытащил толстенный диск, зажал его двумя пальцами и жестом фокусника показал трактирщику.

Гоголевский персонаж как ветром сдуло. Очень скоро стол перед ними оказался густо заставлен тарелками — сплошь хлеб в виде румяных лепешек и гарчики (ими оказались небольшие, зажаренные до нежнейше-золотистых корочек мелкие птички), но зато в каком все это было количестве! Посредине торчал крупный, замысловатой формы кувшин, украшенный сверху толстой, пузырем выпирающей пробкой.

Леди Клотильда подцепила пробку кончиком кинжала и открыла кувшин. Щедро налила густо-рубиновую жидкость себе и Сереге, неторопливо плотнула, одобрительно хмыкнула и принялась за хрустящих на зубах птичек.

Вскоре в тарелках вместо гарчиков лежали по большей части одни кости, а жидкости в кувшине оставалось на доньшке. Леди Клотильда, порядком повеселевшая от снеди, не в пример более приятственной для ее желудка, чем те засохшие сухари, какими она обходилась в своих рыцарских скитаниях (по крайней мере именно из них состояли ее скромные трапезы на лоне природы в первые дни их общения с Серегой), а также от весьма неплохого по качеству вина, распустила пояс на несколько дырочек. Заодно пошарила рукой в районе своей могучей рыцарственной талии, извлекла оттуда удлиненное нечто. И почти сразу же без всякого замаха несильно метнула это самое нечто — им, кстати, оказался небольшой трехгранный кинжал, в точности повторяющий по форме и размерам достославные клинки земных рыцарей (то бишь кинжалы милосердия, предназначенные исключительно для добивания поверженного или слишком уж израненного врага). Метнула и попала в одну из толстенных бревенчатых подпорок, поддерживающих потолочные притолоки залы. Кинжал со стуком воткнулся в дерево аккуратно над самой головой субъекта в лохмотьях, притулившегося там же, только пониже, и надо отметить, с такой угодливо-слащавой физиономией, что и сахар по сравнению с ней показался бы желчью. Субъект тут же, моментально отреагировав на это истошным визгом, повернулся и исчез за дверь.

Клоти, сыто вздохнув, поменяла позу, расположившись на широкой деревянной скамье чуток повольготнее. Пластины на наборном панцире брякнули, топорщась и напозая одна на другую.

Сергеа отбил пальцами по столу длинную дробь. Помолчал, осознавая, что, хотя говорить ему и есть о чем, но вот попробуй начни — и не знаешь, когда и закончишь, ибо тем накопилось — лопатой не разгрести...

Разговор начала Клоти.

— Поговорим поподробнее о заклятии сего колдуна, сэр Сериога. Должна сказать... Многое тут можно сказать. Заклятие на вашей судьбе отныне лежит не слишком приятное, конечно, но... Хоть и печально весьма все сие, вам предреченное, однако ж, как говорил мой предок Перси, всякий приличный человек в любой момент должен уметь выжать из любого несчастья хотя бы одну приличную монету для самого себя. Шутка, конечно. Э-э... а теперь выскажу то, что думаю обо всем этом лично я, и, добавлю, вполне серьезно думаю. Завет

исполняя... Хорошая фраза. Я в том смысле, что в заклятии, наложенном на вас, нигде не говорится одно — а именно, что в ходе исполнения обрушившихся на вас пророчеств вы можете или же должны погибнуть. Более того, дословно вам предсказано следующее: что смерть ваша обязательно должна воспоследовать от рук кого-то там, вами же и спасенного. Или же просящего о помощи. А это уже совсем другое, сэриога. Чувствуете разницу? Э-э... Итак, что же мы с вами на этом всем имеем в конце концов? А имеем мы то, что сами эти пророчества для вас лично будут абсолютно безопасны, мой друг. И далее — они должны именно сами притягивать вас к себе и непременно при этом исполняться. А опасными, согласно заклятию, для вас являются лишь люди. И причем, повторяю, только те, кого вас угораздит спасти в ходе всех этих действий. Или же попросившие спасения...

Сергеа молча выслушал, покорно покивал головой. Ибо что тут было говорить? В особенностях местных национальных проклятий леди Клотильда наверняка разбиралась лучше него.

— И это наводит меня на одну презабавную мысль. Сэр Серииога, не хотите ли прямо сейчас, перед посещением Дебро... вкупе, так сказать, с его владельцем бароном Квезаком, проверить истинность моих слов? Вернее, непреложность наложенного на вас заклятия?

— Догадываюсь, что где-то прямо неподалеку имеется некое место, — медленно, обдумывая каждое слово, произнес Сергеа. — И в том месте есть пророчество? Или же пророчество о самом этом месте...

— Вы правы, сэриога, — быстро произнесла Клоти и улыбнулась немного смущенно. — Еще будучи дитем несмышленным в обучении у дяди моего, сэра Аргуса Дю Персиваль, слыхала я превеликое множество историй. Но эта — о великом проклятии рыцарей ордена Палагойя, запала мне в душу более других. Ну, пророчества есть пророчества... вроде сказок на ночь для детей — слушать интересно, а вот исполнить их... Но с вами...

— А со мной, как выясняется, нам уже и флаг в руки, и барабан на шею.

— Че?! — по-простонародному так изумилась леди Клотильда. Даже несколько отвесила обольстительную нижнюю губку, окрашенную матерью-природой в нежнейший сердоликовый оттенок.

— Ни-че, леди Клотильда. Ну что ж, все поедено, выпито... Поехали проверять? Всяческие там непреложности вкупе с моей предполагаемой неуязвимостью.

Клотильда, с готовностью закивав в ответ, тут же сорвалась со своего места. Во дворе, опередив Серегу, шествовавшего с золотым чаури наготове, подскочила к трактирщику. Быстро выгребла откуда-то из тайников в своих доспехах несколько мелких монеток. Сунула их местному Плюшкину не глядя. А когда тот, даже не потрудившись пересчитать выданную ему мелочь, тут же принялся хныкать о великой недостатке в оплате, попросту и от всей своей рыцарской души дала ему подзатыльник. И бедолага кубарем покатился вниз со своего же крыльца.

— Замок Чехуры, — торопливо просвещала она Серегу, выводя из конюшни недовольно храпящего на ночь глядя вороного, — построен рыцарями ордена Палагойя. Им же и принадлежал, до момента проклятия.

— А что с ними случилось?

— Э-э, сэриога... Давайте сначала за ворота выедем, подальше от ушей этого... этого типчика. Не внушает доверия мне его рожа, то есть морда лица.

Сэр Серииога выразил свое полнейшее согласие с этими словами всеми чертами своей

физиономии. И терпеливо молчал все то время, которое понадобилось им для оседлывания крайне недовольных столь ранним отъездом лошадок.

— К вопросу, что с ними случилось... Знаете, сэр Сериога, мы живем в мире, который потихоньку изменяется. Были короли Нибелунги, затем они исчезли, были маги — их в свое время здорово пощипала Священная комиссия. Затем Зарок Каргона сделал их бессильными против магов. Вижу по... по несколько призадумавшемуся лицу вашему, что и об этом вы имеете самое малое понятие.

— Честно говоря, вообще никакого, — в тон ей ответил Серега.

— Ладно, будет еще время на беседы о... о мироздании. Итак, как только Священная комиссия потеряла столь приятную для нее возможность казнить врагов-магов направо и налево, она тут же развернулась назад на полный проход светила. И, как вы думаете, что она тут же начала делать?

— Тоже изучать магию?

— Именно так. И был сей поворот осуществлен ею во времена довольно давние: как раз тогда, когда рыцари ордена Палагойя еще существовали. А поскольку это был рыцарский орден, созданный для охраны дела Всеблагото Творца одним из Нибелунгов, то и принималась туда не шваль какая-нибудь, какая, к примеру, шла и по наши дни еще идет в охранную гвардию Священной комиссии. Вот они-то, палагойцы, являясь рыцарями, крайне достойными во всех отношениях, и высказали свое отношение к подобному... завороту прямо и весьма даже открыто.

— Чем, разумеется, очень обидели серебряных ангелочков из Священной...

— Верно глаголете, сэр и друг мой, хотя я и не стала бы называть ЭТИХ персон ангелочками. В те времена при дворе тогдашнего Нибелунга — то ли это был Кунц Седьмой, то ли Эрвиц Шестнадцатый, не помню, впрочем, это и не суть важно. А важно то, что при дворе служили в те дни два-три весьма неплохих мага. Кои были гораздо лучше тех, которых тут же заимела тогдашняя Священная. Да и император, надо отметить, весьма благоволил палагойцам...

— Короче. Священная обиделась...

— Она напугалась, сэр Сериога. Хоть и являюсь я верной дочерью Священной и искренне верую в Единого Творца, но должна сказать именно так — напугалась! Недовольство императора, возможные козни против них его магов, которые вследствие некоторых прошлых обстоятельств весьма рады были бы отыграться на Священной за все свои былые страхи. И тогда, говорят — поймите, сэр Сериога, о тех временах осталось крайне мало свидетельств, достойных доверия, все больше предположения и догадки, — говорят, что Священная комиссия нашла одного очень и очень великого мага. С черной душонкой. И вот он-то и наложил на замок Чехура, куда по случаю праздника съехались все рыцари-палагойцы, проклятие узилица вечных, нескончаемых мук! Говорят, что все они и доньше там — не умирающие и не живущие в этом мире, вечно мучимые куклосами проклятия в страшных пытках. И доньше, говорят, всякий, кто заедет в ту местность, может услышать их стоны и жалобные крики, ибо века мучений способны растерзать на части любую, даже самую крепкую рыцарскую душу. Чувствуете ли вы к ним жалость, сэр Сериога?!

— Э-э... да, пожалуй, — ответил несколько озадаченный фантазмагоричностью сего повествования Серега. — Еще как чувствую. И, как я понимаю, существует некое пророчество, при исполнении которого всех этих бедолаг отпустят на волю? То есть придет

избавитель и улетят исстрадавшиеся душеньки на покой к своему Творцу?

— Даже больше, сэ. Несравненно больше! Рыцари Палагойя, гласит предание, как только будут разрушены чары проклятия, тут же вновь и въяве, в полном телесном и душевном здравии выйдут из замка Чехура, а сам замок станет вновь всего лишь кровом людским и укрытием от непогоды...

— Так-так, — с некоторым подозрением протянул он. Сереге, начисто свободному от несколько своеобразного мнения леди Клотильды обо всем остальном мире (типа ну и кто же супротив меня? А ну, подходи по двое в ряд!), очень вовремя пришла в голову весьма дельная мысль: а вдруг да нынешние владельцы не слишком обрадуются возврату прежних? Еще и прогонят — палками, а то и топорами, — а то и вовсе прикончат, не позволив ему дожидаться своей собственной, предсказанной злобным магом Мак-Чизбургером кончины. — А кому именно принадлежит этот замок сейчас?

— Никому, сэ. Сериога. Э-э... дело в том, что каждый, кто заедет внутрь этого проклятого места, уже никогда не сможет его покинуть. Останется там, присоединится к рыцарям ордена навсегда и тоже будет мучим куклосами. Так что какие уж там хозяйева, сами понимаете. Но! Сказано также, что для снятия проклятия надо всего-то ничего — заехать внутрь замка и... выехать. Оттуда выехать, имеется в виду. И все.

Серега равномерно подышал носом, успокаивая сам себя. “Ничего, ничего, — думал он, — ну не могу же я вот так запросто взять да и объявить ей, что мне действительно, на самом полном серьезе страшно и до ужаса не хочется туда лезть? Что я уже верю во все эти проклятия и заклятия, всей душой верю, всеми фибрами своего дрожащего тела. И что я не хочу к каким-то там куклосам на муки! Не хочу! Боюсь! Но как сказать такое — ЕЙ?!”

Они давно уже ехали не по тропе — свернули в лес прямо от ворот трактира. Деревья вокруг заметно изменились — стали ниже и... гуще в кронах, что ли. И к тому же перестали орать птицы. После Отсушенных земель, надо сказать, на Серегу подобное обстоятельство действовало вполне определенным образом. А конкретно — дурно действовало. И почему-то сразу на нервы.

— А что-нибудь еще вам об этой истории с проклятием известно, леди Клотильда? — довольно мрачно поинтересовался он, чувствуя себя кем-то или чем-то вроде священной коровы, которую упорно толкают вперед, мол, раз целой зайдет, то всенепременно должна будет целой же и выйти, боги ж рогатых любят, то есть Бог к дурню благоволит. — Детали, условия, обстоятельства?

— Никаких! — счастливо прощепетала в ответ девочка-рыцарь, плотно запакованная в доспехи, куда при желании поместилось бы двое таких, как он, Серег, и никак не меньше. — Но заклятие, наложенное на вас черным магом Мак'Дональдом, дает...

— Забудьте вы о нем хоть на минутку, леди Клотильда, — сквозь зубы процедил Серега. — Попробуйте хотя бы представить, просто предположить, что все это — ловушка, капкан для дурней, что он вполне мог и специально напорочить мне все это.

— Для чего? — несказанно удивилось в ответ на такие речи взрослое дитяtko, едущее сбоку.

— А для мести, леди Клотильда! Зайдем мы туда сейчас, наивно полагая, что вот на нас-то и расколется данное пророчество, свершится диво дивное, зайдем, а потом и не выйдем, потому что именно этого от меня черный маг Мак-Гамбургер и ждал: хождения по собственной дурости в подобные места. Чем не месть? Сплошные вечные муки — и все, заметьте, безо всяких таких усилий с его стороны.

— Трусите, сэр Сериога! — пренебрежительно громко обвинила его леди-рыцарь и замолкла. Надолго замолкла.

— Ну и трушу, — через несколько томительно-длинных минут отозвался в ответ Серега. — А знаете, леди Клотильда, герой — это всего-навсего трус, который боится даже и своего собственного страха.

Клоти возмущенно засопела, но не отозвалась. Они ехали дальше в полном молчании, причем бывшие лесные кущи, возносившиеся буквально-таки под небеса, чем дальше, тем больше походили на кустистые заросли чего-то низкого, жалко скрипящего на ночном ветру. Ветер, кстати, усиливался по мере их продвижения вперед, свистел в ушах одной-единственной непрекращающейся монотонно-переливчатой нотой. И по-прежнему настораживающе молчали птицы.

Как кони умудрялись идти в полнейшей темноте и не боялись при этом ставить на абсолютно невидимую внизу почву копыта? Он припомнил кучу исторических книг, где лошади исправно ломали ноги всякий раз, как сходили с натоптанной дороги. Их, кстати, после этого полагалось непременно пристреливать или же забивать кинжалом — все в зависимости от эпохи, к которой относился исторический антураж произведения.

... Замок Чехура возник перед ними неожиданно, выскочил как чертик из бутылки. При этом только что нигде ничего не было, буквально ни зги не виделось в ночном черно-серо-синем мраке, и вдруг где-то словно на кнопку нажали, и на фоне всей этой тьмы египетской разом высветился силуэт здания. Тусклым, гнойно-зеленым с грязно-красными прожилками светом.

Клотильда тихонько охнула, Серега содрогнулся, но смолчать сумел. Похвалил себя мысленно — успел-таки остановить готовый уже сорваться испуганный возглас, успел! Молодец, короче. Мы парни brave, и так далее. Чтоб не подумали чего девчата там кудрявые...

— Оно? — поинтересовался он у бравой леди. Бравой-то бравой, но вот взохнула же!

— Да... оно, сэр Сериога.

Замок — то ли овальный, то ли круглый в своем горизонтальном сечении — возвышался прямо перед ними метрах в ста в виде закругляющейся по бокам гигантской стены. Фасад? И кое-какими деталями в архитектурном плане строеньице сильно напоминало достославный римский Колизей — где-то с уровня второго или даже третьего этажа гладкая, до этого места не имевшая ни дверей, ни окон стена здания становилась вдруг дырчатой, сложенной из многочисленных арочных ярусов. И неожиданно вспыхнувший на их глазах грязно-гнойный свет исходил именно оттуда, из пустых проемов округлых арок, вереницами опоясывавших здание.

— Как залазить наверх будем, леди Клотильда? — наигранно бодро поинтересовался он.

Леди, похоже, наконец-то разобрало некое, близкое к разумному, сомнение в целесообразности предложенного ею же действия.

— Э-э... сэр Сериога. Думаю, а вдруг правы вы, а не я? Такое очень даже может быть, черные маги — народ, известно, злокозненный. Думаю, разумнее будет...

Что, по ее мнению, будет разумнее, Серега уже не расслышал. Порыв ветра донес со стороны замка ужасающей силы крик. Крик человека под пытками. А потом к мучительному воплю присоединился еще один и еще... Крики обрывались, сменялись другими. Но не замолкали. Никак не замолкали. Воздух рвался на части, плавился от воя, исполненного

людовой боли...

Путники переглянулись.

— Думаю, я все-таки... все-таки был не совсем прав, леди Клотильда, — почему-то шепотом сказал Серега, глядя прямо в лицо девушке и наблюдая, как на лицо этонаплывает страдальческая гримаса, а глаза в тускло-зеленом свечении стремительно наполняются особым, увлажненно-сияющим блеском, причиной которому могут быть только самые искренние и молчаливые слезы. Идущие прямо от сердца. — Во всяком случае, ваша правота мне нравится все больше и больше. Говорите, вечные и непрекращающиеся муки? Живые и не умирающие под пытками люди? Знаете, а я ведь начинаю-таки верить в упомянутую вами непреложность обещанного от колдуна Мак-Гамбургера.

— Мага, сэр Сериога, черного мага. И Мак'Дональда, а не... впрочем, какое это сейчас имеет значение... Ну, идем?

Они оставили своих коней под стеной, причем четвероногие наотрез отказывались приближаться к замку ближе чем на пятьдесят метров. Обе лошади отчаянно упирались. При этом еще и горестно ржали, сопровождая ржание яростным мотанием голов — оба четвероногих, в том числе и звероватый вороной битюг леди Клотильды. Так что и она, и Серега, попытавшись было разок подвести коняг поближе к замку, тут же дружно плюнули на эту затею. Коней, не сговариваясь, оставили в чистом поле (точнее, в темных куцах), не привязав и не стреножив — просто пустили самостоятельно погастись. Их четвероногие спутники — мелькнула у Сереги в какой-то момент предательски-трусливая мыслишка — имели таким образом хоть какой-то шанс спастись. В отличие от них.

Оставшиеся несколько десятков метров до замка прошли пешком. Голоса продолжали дико выть и кричать, но леди-рыцарь и Серега решительно и единодушно изображали, что не обращают на эти звуки, вызывающие прямо-таки целый мурашковый ливень по коже, никакого внимания. Теперь не до жалости, теперь, когда решение принято и Рубикон перейден, следовало только действовать. Клотильда, заранее снявшая с попоны своего жеребца какие-то загадочные мотки, развернула один из них. И начала снова наворачивать прямо на свой локоть, заботливо укладывая петли витками.

— Ух ты! — восхитился Серега. Ибо в руках у леди Клотильды было не что иное, как кошки. Солидные, выдержанные в лучших абордажных традициях, с четырьмя лапами, по форме напоминавшими лапы морских якорей (хотя, в отличие от них, здесь лапы были небольшими и явно заточенными на концах). В тусклом гнойном свечении, льющемся из замка, лапы отблескивали гладкой вороненой сталью.

— Не отойдете ли чуток назад, сэр Сериога? — церемонно-вежливо спросила леди Клотильда, закончив наматывать веревку.

Сэр Сериога, само собой, беспрекословно отошел.

Клоти тщательно разложила на земле свежесвернутую бухту, отмерила от замковой стены три длинющих шага. С мгновение приглядывалась, оценивая расстояние до ближайшего арочного проема. Затем нешибко широко взмахнула рукой. Якорь, свистнув, проделал над кудлатой русой головой леди два стремительных оборота. И исчез, блеснув в гнойном свечении искристой молнией. С земли, коротко прошелестев, вслед за ним взмыло и растворилось в зеленоватом полумраке несколько веревочных петель.

Клоти, что-то там такое на себе подправив, что-то — застегнув потуже, полезла первой. Лезла, как героиня из голливудских боевиков, споро перехватывая веревку стальными кистями и упираясь ступнями в стену. Подтягивала себя руками вверх, при этом упруго

переступая ногами по стене...

Себя в подобном положении Серега представить никак не мог. Воображения на такой подвиг просто не хватало.

— Э-э... мне так же?! То есть туда же?! — совершенно по-идиотски крикнул он Клотильде, уже успевшей за это время забраться наверх и глядевшей на него сверху вниз из проема громадной светящейся арки.

— Нет, сэриога, — как ни в чем не бывало отозвалась верная боевая подруга, — хватайтесь за веревку, да покрепче, я вас сейчас сама втяну.

Он намотал толстенную снасть на оба своих кулака, судорожно и отчаянно сжал их. Веревка дернулась и полетела вверх, вознося его за собой.

Наверху, в арочных проемах, гулял сквозняк — сильный, смахивающий скорее на ураганный ветер, чем на обычный банальный сквозняк из форточки. И дуло, что интересно, внутрь проема, а не из него. Это что, для того чтобы случайно залезший дурак ненароком не вывалился наружу? На свободу и к спасению? Вообще-то в такое место случайно не полезешь...

— Верите или нет, сэриога, — сказала леди Клотильда, и глаза ее подозрительно заблестели, но я не знаю ни одного рыцаря, рискнувшего ползти в это место. В прежние времена, быть может... Но имени или хотя бы просто упоминания об этом до нас не дошло. А из тех, кого я знаю, здесь никто не бывал. Из... из внешнего мира, я имею в виду. Мы — первые на моей памяти. Суть проклятия известна повсеместно... так что даже и в окрестности замка никто не рискует соваться. Представляете?

— Представляю... — далеко не так радостно ответил ей Серега.

Клоти хозяйственно смотала веревку, закрепила кошку на поясе. Пожалела вслух:

— Эх, о факеле не позаботились. Что ж, придется этим светом обходиться. — Затем она преспокойно повернула налево и потопала вдоль ряда псевдоколизеевых арок, громко рассуждая по пути: — Первый раз зрю подобный замок. Воистину, он для воинов, всегда готовых встречать врага лицом к лицу и грудью в грудь. Проемы широченные, для штурмующих — да заходи, пожалуйста! Турниры можно прямо здесь проводить, на этажах, зрители вокруг замка на земле пусть располагаются.

За проемами действительно лежал очень просторный круговой коридор. И вполне можно было бы прямо тут и турниры городить — и не только пешие, но и конные турниры в этом коридоре гляделись бы вполне... Заключенный между почти несуществующей стенкой из воздушной арочной колоннады слева (если смотреть по ходу их движения) и сплошной внушительной стеной справа, сложенной из ровных глыб темного, почти черного камня, коридор гляделся более чем солидно. В самый раз для средневековья. Доступа отсюда внутрь, в замок, не было. Ни окошек, ни дверей. Упомянутые загадочные куклосы проклятия, если они и существовали, сюда, похоже, не спешили являться — по коридору кроме них гулял только мощно дующий из арок ветер да звучащие теперь совсем близко людские крики боли. Гнойно-зеленое свечение, шевелящимися пластами заполнявшее коридор, не имело никакого видимого источника — полное ощущение было, что светился здесь сам воздух.

Так они и прошагали по всему периметру. Совершенно не заметив того. И дальше б шагали, кабы не заржал тревожно в отдалении черный рыцарский жеребец леди. И Клотильда, настороженно встрепенувшись, не кинулась бы к дырчатой стене. Осмотрела несколько проемов — тщательно, чуть ли не принохиваясь. Обернулась.

— Сэриога! Похоже, ходим мы по кругу. Это же то самое место, откуда забирались

мы в замок. Видите, на камне царапины? Такие только от сегревских крюков, подобных моим, могут оставаться. А рядом опять же свежая грязь... Не думаю я, что так уж много в последние дни народу здесь толпилось, что и крюки имеют, и грязь на подошвах у них с трактирного двора, с куриным пометом...

Сергея подошел, сделал умное лицо, посмотрел. Действительно грязь. И свежие царапины на камне.

— Так точно, леди Клотильда. Осмотрим стены? Как бы нам во двор окошко тут проделать... — Он отошел от нее и стремительно направился к ровной, гладкой даже на вид каменной стене. Протянул руку и коснулся. То есть успел коснуться только кончиками пальцев... Камень закричал.

Поверхность, выглядевшая как стенка из камней — угловатые монолитные кирпичики-глыбы, щели между ними, плотно заполненные черно-бурой массой, чуть посверкивающей кое-где на выпуклостях гранитным блеском, — все исчезло, схлынуло.словно кто-то сдернул покрывало, старательно расписанное под каменную кладку. А за ним слоем расплавленного сероватого шелка светилась вполне зримая граница, отделявшая от всего, что находилось внутри...

Замок Чехура действительно был округлым. Сергей видел это, потому что пол, уходивший за серую грань, обрывался. А в провале навстречу его взгляду открывалось множество таких же обрезанных по кругу ярусов — но только с другой стороны замка. И провалы ярусов уходили вверх и вниз пологой чашей амфитеатра.

Крики невидимых людей били в уши.

Сзади поспешно приблизилась Клоти, стала рядом. Со свистом вытянула из заспинных ножен длинную полосу меча, при этом из двух своих мечей выбрала именно эльфийский, заговоренный. С некоторым сомнением покачала его в руке:

— Идем внутрь, сэра Сериога?

Сергея обреченно пожал плечами:

— Как скажет благородная леди...

— Ах! — восхитилась тут же Клоти. — Вижу, всю усваиваете вы церемониал благородный.

И радетельница церемониала, легко вскинув меч, тут же нанесла мощный удар по серой завесе.

Слой расплавленного шелка дрогнул, замутился на мгновение, пошел трещинами... И исчез.

Перед ними лежал замок Чехура — и было сильное ощущение, что чаша амфитеатра перед ними есть не что иное, как глубоченная рана в теле здания. словно бы замку, как живому существу, безжалостно распорол живот и выдрали внутренности...

Они одновременно, синхронно как-то даже, шагнули вперед. И так же одновременно отпрыгнули назад, ибо пол в том месте, куда они шагнули, моментально перестал быть полом. Там были живые люди. Отлитые, вылепившиеся прямо на их глазах из каменных плит пола фигуры. Они дергались, ворочались в камне. И кричали. С ними творилось нечто ужасное — на глазах у Сергея одно из таких тел приподнялось на локтях, затем каменный живот словно вспорол невидимое глазу лезвие. Раз! — и на дрожащем теле разъехались в стороны края длинной раны. Из разверстой щели вылезли набухающими улитками замысловатые завитки внутренностей. А потом из трепещущей каменной полости вспоротого живота всплыла вверх тонкая кишечная струйка, медленно завертелась,

сматываясь в клубок, ровно висящий над корчащимся телом. У тела сбоку кишки наматывались на дергающиеся в агонии ноги. А уж дальше Серега боялся и смотреть... Его замутило. Он чувствовал, что ему отчаянно не хватает воздуха, чувствовал толстый слой холодного, ледяного пота, выступившего по всему телу...

— Сэр Сериога, — свистяще шепнула ему в ухо Кло-та. — Что вы предлагаете?

Бог ты мой, что тут можно было предложить?

Он попытался собраться... если не с силами, то хотя бы с мыслями. Что такое проклятие? Словесное программирование изменений в реальности, судя по всему. Ну... и что же дальше из всего этого следует?

Ему показалось, будто кто-то или что-то коснулось его сапога. Он торопливо, преодолевая тошноту, глянул вниз и обомлел.

Тот самый человек, которому вот только что на его глазах вспороли брюхо и вытянули оттуда все кишки, лежал теперь у его ног. На боку, с абсолютно пустой брюшной полостью. А ведь всего несколько мгновений назад он был метрах в двух от Сереги — и это еще если брать по минимуму... Именно он — вон и запоминающийся с первого взгляда могучий раздвоенный подбородок. Дополз?! Дергал ногами из-за боли или...

Действительно ли губы каменного, полностью выпотрошенного изнутри человека шевельнулись? Серега торопливо опустил на четвереньки, как мог приблизил ухо к дергающимся губам. Нимало не смущаясь откровенной неприличностью позы — не до этого. Пускай уж перетерпит, любительница церемониалов...

— Вниз... — расслышал он. И снова настойчивое: — Вни-из...

И, возможно, это ему опять-таки всего лишь показалось, но крики людей, когда он наклонился к распростертому у ног телу, вроде бы заметно поутихли.

Браво, нестигаемые сэры рыцари. Неправду говорила леди Клотильда, даже века мучений не могут сломить или, как она выразилась, растерзать крепкую рыцарскую душу...

— Сэр Сериога, — растерянно-удивленно вопрошала леди Клотильда, одновременно несколько брезгливо нацеливаясь заговоренным мечом на шею каменного человека. Как понял Серега, так, на всякий случай нацеливаясь, — что вы там...

— Нам посоветовали идти вниз, — честно ответил он и стыдливо отвел глаза. — Не надо... Не стоит угрожать ему мечом, леди Клотильда.

Броненосная леди, нимало не усомнившись, смерила взглядом распростертое внизу тело.

— И верно, он и так уже мертв. Но в сей обители Сатаны никакая предосторожность не может быть излишней. К тому же если исполним пророчество и рыцарь сей так воспрянет, цел и невредим, согласно пророчеству, то и будем мы потом иметь всяческую возможность принести ему наши самые горячие и искренние извинения. Сейчас же... Вниз так вниз, сэр Сериога!

Она хладнокровно переступила через содрогающуюся спину и устремилась вперед широкими, размашистыми шагами. Серега, застывший было в приступе некоторого душевного потрясения, тут же опомнился и заспешил следом за ней. В каком-то смысле хладнокровная красотка была целиком и полностью права. Если уж хоть что-то получится, то здешние страдальцы навряд ли затаят на них камень за пазухой — за, скажем так, не совсем уважительные действия в данный момент. А вот если не получится... Тогда, судя по здешнему антуражу, им это будет совершенно все равно.

Идти приходилось практически прямо по телам, густо покрывавшим пол. Точнее — пол, собственно, весь и состоял из ворочающихся тел. И попадавшиеся под ноги тела отнюдь

не производили ощущения “каменного гостя”. Под ногами ощущалась живая плоть. Клотильда, правда, шла абсолютно спокойно, давила, не глядя, что попадется, — руки, ноги, головы, животы... Еще и чертыхалась при этом. И остановилась только у проема.

Сергея, спотыкаясь и перепрыгивая через тела, лежавшие в наиболее ужасающих позах, добрался до нее, осторожненько встал рядом, скромно поджав правую ногу — для нее здесь просто не нашлось места. Люди мучились буквально на каждом сантиметре...

Пол в этом месте был словно обрезан по трафарету гигантским ножом. Ровненько так, без всяких выступов. А внизу, под ногами, метра на два выступал точно так же обрезанный пол следующего яруса. Пониже — еще один. И в огромном круге, образованном прорезью этого самого последнего перекрытия, виднелось дно здания — ровная чернота, прорезанная по центру четырьмя симметрично расположенными провалами. Прямоугольные такие провальчики, аккуратные... И, судя по всему, вели они вниз. В те части строения, что на Земле называли подвалами... Или, говоря по-современному, подземными этажами.

К ужасу Сереги, успевшего бросить взгляд себе под ноги, на каждом из этих ярусов творилось то же самое, что и на том, на котором они стояли. Единственная разница состояла в методах работы с живыми телами — вот, к примеру, на ярусе прямо под ними занимались тем, что сдирали с живых тел (хотя, опять же, в каменном исполнении) кожу. Каменную кожу... Тела выли и содрогались, а над ними аккуратно воспаряли в руках невидимых палачей громадные кожаные лоскуты...

— Нам туда? — с легким намеком на вопрос проорала ему в ухо леди Клотильда, и он согласно кивнул.

Она покачала головой, с неким сомнением сняла со своего пояса кошку и принялась пристально изучать ее.

Сергея понимал ее сомнения. Прыгать вниз, прямо в кашу из мучеников на следующем перекрытии, как-то не хотелось. К тому же подобное действие вполне могло стать последним в этой жизни — если только предположить, к примеру, что приземление их персон в прыжке опять же как-нибудь так подействует... и очень нехорошо сдвинет тамошнее пространство. И они вполне могут попросту влипнуть в пол. Присоединиться таким образом к другим мученикам. Так что прыгать было нежелательно. А желательно было спускаться по веревке. Но вот беда — потуметровая пластина перекрытия под ними сверху практически полностью состояла из живых (до какой-то степени) людей, и непонятно было, как и куда вонзать острые кошачьи лапы.

— Они же рыцари! — рявкнула вдруг леди Клотильда. Резко опустилась на колени, разгребла в полуметре от края одно тело — под рукой обнаружился крохотный пяточок ровного пола. С размаху вонзила туда сегревские крюки, как имели честь именоваться здесь обыкновенные и самые банальные абордажные кошки. Одна лапа действительно зацепилась за пол. А вот вторая вонзилась несчастному глубоко в бок... Человек захрипел и задергался.

— Пошли! — Леди Клотильда цепко ухватила Серегу за локоть, подтолкнула к краю.

— Я-я... — прохрипело что-то сзади них.

Они оба вздрогнули, обернулись. Тело, в бок которому леди Клотильда вогнала крюк, подняло голову. Именно из его рта и исходил хрип, в котором хотя и с трудом, но можно было разобрать слова:

— Я... отце-еплю... скину...

— Э-э, спасибо... — жалко пролепетал Сергей, в то время как Клотильда, не тратившая времени на подобные сантименты, уже спускалась по веревке вниз, и лапа кошки под весом

ее тела все глубже и глубже входила в ребра несчастного, вонзалась туда рывками...

— Сэр Сериога! — трубно взревела снизу Клоти, и он опомнился. Обернулся к провалу. Леди Клотильда, не размениваясь на остановки в промежуточных перекрытиях, спустилась сразу же на самый низ, которым являлась площадка из черного камня. И теперь стояла там, придерживая веревку так, чтобы она даже не касалась краев-провалов нижних ярусов, нетерпеливо подергивая при этом зажатую в стальном кулаке снасть.

Он кое-как переполз на веревку. Заскользил вниз, отчаянно цепляясь за нее руками. Ладони начало стремительно полировать наждаком...

Клоти внизу с материнской заботой приняла его, тут же рывком поставила на ноги. Затем пустила по свободно провисшей веревке три широких волны. Сверху, прорезая все остальные вопли и крики, раздался страшный, леденящий душу вой. И тут же кошка брякнулась со стальным звоном на камни.

Леди, не тратя времени на сантименты, хладнокровно смотала веревку, прицепила кошку на пояс. Следов крови на лапах не было. Ну да, кровь-то тут каменная...

В провалах обнаружились тоже каменные, высокие ступеньки лестницы — все сплошь из цельных длинных плит.

— По которой пойдём? — деловито спросила Клоти, и Серега призадумался. Действительно — по которой?

— А разве не все должны вести в одно место, то бишь вниз, в подземелье? — спросил он после короткой паузы. С некоторой надеждой спросил.

— Подземелье подземелью рознь, — проорала леди Клотильда. — Обычно — раз лестницы четыре, то, значит, есть и четыре отдельных подземелья. Правда, они должны сообщаться между собой, но двери и проходы могут быть и потайными.

Серега пожал плечами и направился к провалу, близ которого шлепнулась на пол кошка. Отдаваться в руки судьбы, так отдаваться.

На лестнице присутствовало все то же неистребимое гнойно-зеленое свечение. Его, к счастью, вполне хватало, чтобы не пронести ногу мимо ступеньки. Они начали долгий спуск. Подвал был многоэтажным — на совесть многоэтажным, такими катакомбами любой замок мог бы гордиться. Лестница разворачивалась в пролетах и продолжалась все дальше и дальше. Почему-то он решил не останавливаться на круглых мрачных площадках, наполненных все тем же призрачным светом и с такими же, как и на его далекой родине, рядами крепко запертых дверей. Они с леди Клотильдой упрямо перли вниз, все вниз и вниз...

Лестница закончилась неизвестно на каком по счету этаже — завернула в последний раз и уперлась в пол.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Артиллеристы, точный дан приказ...

В отличие от площадок, мимо которых они проходили, здесь не было ни стен, огораживающих какое-то пространство, ни дверей с запорами. Во все стороны простирался один-единственный, огромный по размерам и самый что ни на есть классический, судя по декорациям, пыточный застенок. В полумраке виднелись ряды свисающих с потолка цепей с наручниками, колоннами стояли “железные девы”, виселись, уходя в темные дали, пыточные дыбы, столы и стулья с мудреными приспособлениями... Людские крики сюда не долетали — глубина подвала, похоже, была очень солидной. Зато ясно слышался другой, довольно странный звук — словно кто-то плакал в отдалении.

— Сходим? — предложила Клотти. — Глянем, чего там...

Она развернулась кругом и зашагала назад, куда-то за лестницу, в глубины этой местной выставки народно-пыточных достижений. Сереге ничего не оставалось, кроме как пойти следом.

Везде было абсолютно пусто, и только шагах в ста от лестницы сидел в одном из пыточных кресел благообразного вида, весь седой, старикан. Именно старикан, а не старик или тем более старичок — назвать его так уменьшительно просто размеры не позволяли. Мощные, несмотря на возраст, плечи, крепкая, толстая шея. В пыточном сиделище, сработанном безызвестными умельцами явно в расчете на сильно усредненное человеческое туловище, старикану было тесно. Может, поэтому он и плакал?

Серега отмахнулся от несерьезных мыслей и сделал самое что ни на есть серьезное лицо.

— Милорд, — с ходу взяла быка за рога Клотильда, — я — леди Клотильда Персивальская, баронесса Дю Персиваль. Это... это мой спутник и друг по странствиям лорд Сериога Лабрийский, герцог Де Лабри. Молю вас...

Великан медленно поднял костистую длань, молча вытер лицо. Поднял веки. Глаза у него были пронзительно-синие... без всяких признаков старческого выцветания.

— Мир дожил, — прошептал он. Шепот неожиданно гулким эхом прокатился по пустоте подземелья. — Баба ходит в рыцарских доспехах...

Серега, краем глаза державший в зоне наблюдения профиль вышеупомянутой бабы, понял, что быть грозе. Клотильда залилась темно-малиновой краской, ясно различимой даже в здешнем зеленоватом полумраке. Брови сшиблись на переносице.

— Сэр, не знаю вашего имени... Но уважаю вашу старость! И посему — только посему! — прощаю вас. Нельзя же всерьез спрашивать за невовремя высказанную глупость с человека, который уже и сам не ведает, что говорит, — по старости, по древности лет и дряхлости разума, проистекающей от этого. И с кем говорит! Ибо имей вы хоть какие-то вести из внешнего мира, сэр, то остереглись бы задевать именованного рыцаря короны, славного во всех землях! И это я, сэр, про себя глаголю! Титул же сей, сэр, получен мной был в бою! А не дарован ввиду знатности рода, как то, по слухам, нередко бывало в ваши дни!

У бедного сидельца пыточного кресла брови резко полезли вверх. А челюсть, наоборот, поехала вниз.

— Именованного?! Рыцаря?! Короны?! Как...

Старикан ошарашенно умолк. Видимо, словосочетание женщина-рыцарь звучало для

него примерно так же, как для самого Сереги — Алсу — великая певица...

— Леди Клотильда, — поспешил он вклиниться в возникшую паузу, — есть дочь из колен Персивалевых, ближайшая родственница смещенной ныне с трона династии Нибелунгов, особа, участвовавшая в очищении от скверны Отсушенных земель...

— Да! — рыкнул старикан почти с теми же интонациями, которыми пользовалась обычно и леди Клотильда, но только в обращениях к нему, к Сереге. — От скверны чистить — это дело бабье! Стирать и мыть. А кто посмел сместить Нибелунгов? И кто у вас на троне? А ты, значит, из деток этого проклятого Ауруса, из семейки Перси...

— Века, — напыщенно возвестила в ответ Клотильда, — разобрались. Сэр Аурус Перси почитаем ныне в семье и стране как великий воин и не менее великий предок.

— Века, — потрясенно прошептал человек в кресле и вновь закрыл глаза.

Леди деликатно откашлялась. Вернее, попыталась это сделать. Под сводами подземелья грохотнуло рычащим эхом. Старик поднял веки и устало посмотрел на нее.

— Века. Вам не понять... Века я... мы все ждем хоть кого-нибудь, кто пришел бы и попытался нас освободить. От власти заклятия, я имею в виду...

— Не хотите ли вы сказать, что до сих пор и с той самой поры никто... Даже в прежние, неведомые мне времена? — удивленно спросила Клоти.

— Никто! Мы... мы оказались никому не нужны. Ни крестьянам, которые приводили к нам своих, как они называли, “ведьм” и требовали от нас, чтобы мы добились от них признаний в их якобы “черном колдовстве”. Ни сеньорам, частенько призывавшим наших рыцарей на подмогу против более могущественных соседей. Ни самому императору! Как только мы потеряли силу и стали сами нуждаться в помощи, тут же стали никому не нужны...

— Проклятие, — попытался дипломатично напомнить Серега, — как я слышал, оно уж очень страшное было. Вот люди и боялись.

Вокруг рта у старика резко обозначились ироничные складки.

— Рыцарей ордена призывали на помощь и при более страшных проклятиях. И мы шли!

— Горький урок, — посочувствовал Серега. — Нам там наверху один из ваших людей посоветовал идти вниз.

Старик, будто не слыша его, продолжал:

— И вот прошли века — и мы дождались наконец избавителей... Бабу в доспехах, нагло именующую себя рыцарем, и сопляка, забавляющегося высокой честью носить имя герцогов Де Лабри!

— Сэр! — рыкнул Серега и в сердцах пнул ножку пыточного кресла. Стульчик почему-то дрогнул и жалобно затрещал. — Почему один из ваших людей посоветовал нам идти вниз? Что вы знаете о природе проклятия, наложенного на вас? Действительно ли все, что для этого нужно, — вы меня слышите? — действительно ли все, что нужно, — это суметь сейчас уйти отсюда?

Старикан пожал плечами:

— Ну, это почти все, что нужно. Что ж... Будем пытаться спастись и с теми избавителями, которые у нас наконец-то появились.

— Мудрая мысль, — быстро проговорил Серега, — других ведь может и не быть.

Старикан взглянул на него, до предела насупив роскошные брежневские брови.

— Что ж... Идти вниз не зря вам посоветовали, конечно. Это ко мне идти значит. Природа проклятия... Как понимаю я, было и есмь это не что иное, как заклятие

отторгнутой земли. В совокупности с закланием “моста далее”, кое и ввергло эту самую землю в пределы другого мира. Куклосы ведь есть порождение Зла, конечно, Зла с большой буквы, но это не наше зло. Иногда — у меня, должен заметить, века имелись для размышлений, — так вот иногда я даже позволял себе думать о том, что нет никаких видимых причин отрицать вероятность того, что в своем мире куклосы сии есть безобиднейшие и самые что ни на есть добропорядочнейшие твари. Они, вполне возможно, и сами ни в коей мере не считают творимое с нами злом. Как, к примеру, один ныне покойный маг, то бишь уже много веков как упокоившийся маг Крегос не считал злодейством проверять на своих мучачах силу и мощь новых заклятий. А ведь создавал он их исключительно на потребу гильдии палачей!

— Маги?! Заклятия?! Для гильдии палачей?! — Брови неизвестно отчего опешившей вдруг Клотильды с каждым произнесенным ею словом взметывались все выше и выше — того и гляди сейчас шлем с головы скovyрнут. — Это что же?! Как же это...

Старец насмешливо улыбнулся краем рта:

— Как понимаю я, удивительны для вас слова мои. Странно. Разве в ваше... в ваш век маги не промышляют составлением всяческих потребных людям заклятий и продажей оных, как то бывало в наше время? И, помнится, не только палачи являлись к магам как просители, но и лекари, кузнецы, кожевники... Даже правители захаживали — иногда и сим высокопоставленным персонам весьма, должен сказать, пользительна бывает возможность наложить на нужного человека нужное заклятие... Ну, к примеру, “орлиного ока”. Или же “уха мучача”...

— В наше время они таким не промышляют, — опомнилась леди Клотильда. — В наше время они, э-э...

— Они все больше бздят помаленьку! — мстительно сказал Серега (на, получи, проклятый Мак-Фигбургер!).

Леди Клотильда метнула на Серегу удивленный взгляд:

— Э-э... то есть сэр Сериога хотел сказать, что в наши времена маги в основном занимаются мелкими пакостями типа любовной магии, сотворения монстров, проклятия людских душ... Э-э... ныне от них нет никакой пользы ремесленному сословию, не говоря уж о гильдии палачей, и те вынуждены творить ныне все сами, сами все, бедные... Вот разве что маги Священной комиссии...

— О! — Старик помолчал, пожевал губами. — В таком разе... Что ж, так и должно быть. Все течет, все изменяется.

— Народы сменили народы, лицо изменилось земли... — в тон ему присовокупил Серега.

— Да... Так вот, о природе проклятия. Заклятие отторгнутой земли налагается, как правило, прямо на саму землю. И вся земля под замком Чехура ныне отсоединена от земли Нибелунгов... Заклятие исчезнет лишь в одном случае: если кто-то, неподвластный власти куклосов, войдет сюда, в замок, и затем выйдет, неся на своих подошвах пыль замка Чехура. И сделать это он должен обязательно до окончания того дня, в который вошел. Как только соединится земля с землей...

Клоти присвистнула:

— А до рассвета-то, до рассвета — всего ничего. Извините, сэр Сериога, вечно забываю про вас и про вашу... гм... отдаленность от бренного мира. День для нас, для обычных людей, начинается обычно утром и заканчивается перед утром следующего дня.

— Значит, мы должны успеть до рассвета... — холодея, протянул он. Как интересно. И что вообще можно за это время успеть?

Клоти кивнула.

— Вот и я о том же, друг мой Сериога...

— Вечно эти бабы сумасшедшие тащат несмышленных юнцов в пасти звериные, — пробурчал старикан, поудобнее устраиваясь в своем пыточном кресле. — Так и норовят, подлые, недоросшее мушчинское пополнение сгубить на самом на начале жизненном! О чем же вы думали, когда сюда полезли в неурочный час? Ладно, черт с вами! И никому-то за все эти века рыцари-палагойцы не понадобились, кроме вас, парочка, гм... Впрочем, нам, благородным, благоразумие вкупе с умом всегда было чуждо. И в наши дни тоже... Так! Должно вам выйти отсюда наружу. Иначе с началом нового дня непременно попадетесь и вы в лапы куклосов. И присоединитесь к моим несчастным братьям. А выйти вам отсюда будет трудно — замок будет тому противиться. Сила и природа заклятия таковы... Гм... — Старец стукнул кулаком по подлокотнику. — Ну да и моя сила... Приблизьтесь, отрок и отроковица. Не думал я, что таковы будут избавители наши... и так глупы и неразумны, словно... Эх! Верно вами сказано, других-то ведь может и не быть вовсе. Ближе. Ближе, я говорю!

Костистые кулаки цепко ухватили за предплечья Клоти и Серегу, его — за левое, ее — за правое.

— Сила моя! — закричал вдруг старик. Гулкое эхо прокатилось под низко нависающим потолком, отдаваясь в невидимых отсюда углах долгими отголосками. — Отдаю ее вам. Собрана она всеми рыцарями Палагойи, по силе с каждого из них, и дарована мне, дабы здесь под прикрытием сей силы дождался я таки прихода тех, кто явится нас спасать. И передал им! Ибо и рыцари-палагойцы были во времена оные неплохими магами! Вот... В благо...

Старец в кресле хрипел, дергался, а по рукам его бежали голубоватые волны. И, достигая их, исчезали, точно всасывались — как вода в сухой песок. И что-то щекотало все тело, нос, ноздри, рот...

— Вот, — прошептал старик, — над вами нет силы куклосов, нет... пока. Идите и прорубите себе путь наружу. Братья мои, к вам я... Разделю наконец ваши муки.

Старик в пыточном кресле таял. Как ледышка под солнцем. Только вот никаких луж на полу не появлялось — человек просто на глазах исчезал, истаивая в неизвестном направлении.

— Он уже в лапах куклосов, — хмуро объявила Клотильда. И добавила: — именно там, надо думать. Ну, нечего здесь стоять. Идемте же, сэр Сериога!

Она перекинула эльфийский меч в левую руку, правой с длинным душераздирающим свистом потащила из заплечных ножен дедовский оглоблеобразный меч.

— Так прорубим же! Не посраим чести предков! Не в обиду, сэр Сериога!

— Ниче, — скромно ответил он и выволок из-за спины свой эльфийский клинок. — Как говорил один славный писатель, я сам себе буду предок... Вперед, на мины!

По идее бег по здешней длиннющей лестнице должен был стать для него тяжелым испытанием. Но... не стал. Ноги работали как заведенные. Хилые мышцы неведомо каким образом налились вдруг силой. И он летел, впервые за всю свою жизнь чувствуя себя чуть ли не всесильным и обгоняя леди Клотильду на крутых поворотах лестничных пролетов.

Они почти одновременно выпрыгнули из провала лестницы на черное дно. Вокруг них проклятый замок Чехура по-прежнему амфитеатром возносил вверх свои проломленные

этажи, залитые грязным зеленым светом. Воздух продолжал звенеть и разламываться от криков боли. Надо думать, тот старец вместе со всеми пребывал сейчас на одном из этажных перекрытий замка. Играя роль, отведенную некими загадочными куклосами всем рыцарям-палагойцам, — роль мученика в театре ада.

Клоти с угрожающей грацией отмерила несколько размашисто-удлиненных шагов по направлению к ближайшему от них краю этажного провала. Остановилась прямо под слоеным пирогом из уходящих ввысь и в стороны слоев-проломов. Легко сняла кошку с пояса, метнула ее безо всяких видимых усилий, словно бы играючи. Та, разлаписто блеснув сталью всех своих четырех заточенных крюков в зеленовато-гнойном мареве, унеслась вверх. Веревка, прикрепленная к ней, описала узкую, косо срезанную до силуэта крюка параболу, шелестнула, разматываясь на необходимую длину. И застыла.

— Полезли, сэра Сериога. — Броненосная дива, не ожидая ответа, уже карабкалась по снасти, мощно выкидывая вверх руки и подтягивая к ним тело безо всякого участия ног. Видеть бы это дивное зрелище их физруку, вот уж чье сердце застонало бы от восторга...

Сергеа подпрыгнул и повис на веревке. Сделал жалкую попытку подтянуться — совсем как в былые времена, на уроках физры в своем родном мире.

Но мышцы неожиданно мощно вознесли его вперед и вверх. Он неловко ткнулся лицом в участок веревки, расположенный гораздо выше того места, где в нее судорожно вцеплялись его кисти. Не вполне еще веря во все происходящее, осторожно переместил правую руку вверх. Попробовал снова согнуть ее в локте...

И вновь увидел перед глазами веревку, расположенную гораздо выше его кисти.

Он взобрался наверх с рекордной скоростью (для него рекордной, конечно же), подтянулся на крае пролома, как на перекладине. Леди Клотильда, на время подъема уложившая в заспинные ножны оба своих меча, вытянула их (абсолютно беззвучно вытянула по причине царившей здесь дикой какофонии криков и воплей) на свет божий... точнее, не божий, а на неизвестно чей свет, гнойный с красноватыми отливами. Он последовал ее примеру, вот только меч у него был всего лишь один, эльфийский.

Проходя следом за Клоти, Сергеа увидел, что послужило зацепкой для их кошки. Выпотрошенный и все еще живой человек, с поочередно выламывающимися наружу зубьями ребер — прямо на их глазах выламывающимися, прямо как узенькие дощечки в невидимых руках.

А еще он увидел, что каменная стена вновь встала на свое место. Скрыв за собой арочные проемы вместе со всем их содержимым — небом, лесом, просто нормальным миром.

Они с леди Клотильдой промаршировали по телам до самой стенки, встали возле нее рядышком — ни дать ни взять уединившаяся для любовного воркования парочка.

— Сэр Сериога! — с ходу трубно проорала леди Клотильда прямо ему в ухо для перекрикивания здешнего ора. — Верно говорил сэра палагоец, замок противодействует! Что будем делать?

Если бы он только знал!

Леди Клотильда, не надеясь уже больше на его подсказку, рукоятью дедовского меча бухнула по стене. Сталь рукояти стойко выдержала удар, не получив ни единой вмятины — как, впрочем, и сама стена. А вот кроваво-красный камень в наверху рукояти столь варварского обращения с собой не перенес и вылетел из гнезда, рыбкой нырнув и тут же исчезнув среди ворочающихся у ног тел.

Итак, заклятие-проклятие. Суть сосуд дьявольский... Стоп, это про женщин. Но все равно, проклятие можно смело квалифицировать как происки сатаны. И тогда, вполне возможно...

— Леди Клотильда! — воззвал Серега, и отважная девица тут же оторвалась от увлекательнейшего процесса побивания стены мечом. Хмуро глянула на него. — Леди Клотильда! — проорал он самым нежным ором, на который только был способен. — Вера! Вы веруете?!

— А то как же! — с некоторой обидой в голосе завопила в ответ железная дева. — В Единого и Всеблагого! И острое меча моего освящено пречленом дедовского замка.

— Тогда, может, просто с верой надо?!

Леди Клотильда даже от стены отстала на мгновение, глянула на него ошарашенно. Он вздохнул, кое-как начал “Отче наш” — “...иже еси на небеси, да святится...” Перекрестился, не переставая путано, с пятого на десятое, бормотать всплывающую в памяти молитву. И рубанул по камню эльфийским мечом. Попутно внушая своему собственному сознанию: я верю, верю... да верую же я!

Плечо трянуло судорогой отдачи, пальцы окатила боль. Меч задрожал, вибрируя от удара. Но самым главным было не это — один из камней вроде как пошатнулся — и сдвинулся в глубь кладки.

Клоти не требовалось повторять дважды. Или показывать. Она торопливо крутанула перед лицом ладонью, что-то там такое забормотала — из-за криков несчастных ничего слышно не было, видно было только, как торопливо шевелятся губы на решительном, сосредоточенном лице, — затем рубанула по стене правой, той самой, в которой держала освященный дедовский меч. Хотя опыт Сереги вроде бы ясно показал, что и эльфийский — вполне подходящая вещь в данной ситуации. Главным фактором в разрушении стены, судя по всему, была именно личная вера. Победа духовного над материальным в чистом виде..

Целых два камня грубо дзенькнули (звук, надо полагать, был скорее не дзеньканьем, а грохотом, раз уж сумел пробиться через гул криков). И провалились внутрь. Клоти с победным воплем накинулась на кладку. Серега стоял у нее за спиной, приглядывался к растущему буквально на глазах окошку, и в уме у него копились одни только грустные думы. Потому что там, в прорубаемом провале, не было видно ни памятной ему арочной колоннады, ни неба за ней — не важно, ночного ли, рассветного ли. А видна была всего лишь еще одна каменная кладка, почти такая же, как и эта, первая...

Леди Клотильда довела проем до размеров среднечеловеческого торса. Несколько растерянно оглянулась на него:

— Там! Это окно — в коридор! Что делать будем?!

Серега пожал плечами, осторожно перелез через кучу камней — туда, в пределы коридора. Но не за пределы здания, увы...

— Глянем...

Проход простирался и вправо и влево. И заворачивал с обеих сторон еще куда-то, в невидимые дали. Сзади пролезла через дыру в стене Клоти, встала рядом, полюбовалась. Предложила:

— Влево?

— Вправо! — решительно мотнул он головой, подчинившись вдруг вспыхнувшему в его мыслях (не хуже библейского “мене, текел, фарес”) зову мудрых мушинских предков — вот послушай женщину и сделай все наоборот...

Он повернул в выбранную им самим сторону. Выставил перед собой искристо блистающий клинок эльфийского меча. И двинулся не слишком медленно, но и не слишком торопливо — как раз с такой скоростью, чтобы нога успевала почувствовать надежность или отсутствие оной у той части пола, на которую ступала. Леди Клотильда за его спиной громко и негодуя сапнула носом. Понимаю, подумал он мельком, очень хорошо вас понимаю... да, дорогая, увы, но с идеей своей ведущей роли в любом процессе вообще трудно и грустно бывает расставаться, вот и наша легендарная коммунистическая партия была об этом того же самого мнения, что и вы, так что сочувствую, сочувствую, но помочь, увы, ничем... Клотти, впрочем, тут же опомнилась, нагнала его, пошла рядом, буквально плечо в плечо. Благо ширины коридорчика вполне хватало на подобный сдвоенный строй.

За поворотом снова простирался коридор, развернутый под углом девяносто градусов к предыдущему. И, к великому облегчению Сереги, в некотором удалении от точки поворота каменные стены обрывались. В проеме, как в окне, виднелось долгожданное ночное небо, увенчанное сверху округлым арочным сводом. Небо нормального, никем не проклятого внешнего мира, самое настоящее небо, в отличие от того отвратительного зеленоватого марева, что висело вместо крыши над проломленными этажами замка Чехура. Причем это самое внешнее небо уже начало слегка бледнеть, оповещая о близости рассвета за пределами замка. Клотти и Серега дружно затопали по коридору вперед, спеша к вожделенному выходу, избавлению, свободе, да просто к свету, в конце концов.

Он не успел понять, когда и как все случилось. Под ногами приглушенно щелкнуло. Идеально выровненный пол вдруг перелился в гладчайшую горку — и он, из последних сил сохраняя на ней равновесие, отчаянно балансируя на грани наклонного стояния и приподнятого лежания, заскользил вниз. Прямо на подошвах своих сапог, с успехом заменивших лыжи. Ночное небо темно-синим флажком в стремительном темпе умелькнуло куда-то за надбровные дуги — короче, с глаз долой, из сердца вон... Навстречу стремительно летел круто спускающийся вниз, в неизвестные дали тоннель.

Клотти заскользила за спиной, слегка приотстав — тормозили металлические башмаки. С отчаянным скрежетом тормозили. Полностью забывая все остальные воюще-кричащие звуки замка Чехура.

Снова щелчок. Серега, помня случившееся после первого щелчка, быстро глянул вперед и под ноги. Следовало ожидать нового гадкого сюрприза. Проклятый замок не обманул его ожиданий.

Зеленоватую полумглу коридора, летевшую им навстречу, вдруг неуловимо быстро перегородили тонкие горизонтальные полоски. С подозрительными металлическими проблесками по всей длине. В сознании едва успели промелькнуть кое-какие аналогии с Индианой Джонсом и занимательными местечками, где он бывал в ходе фильмов... А они уже неслись, прямо-таки летели на что-то острое. Мечи не мечи, но с режущими передними кромками...

Леди Клотильда, остроглазая спецназовка феодального разлива, разобралась в ловушке раньше него. Со свистом втянула воздух сквозь зубы. Торопливой скороговоркой отпустила крепкий матерок. Затем за его спиной металлически скрежетнуло-бухнуло. Перед глазами Сереги, отчаянно пытавшегося притормозить, пронесся блистающий ком из стальных доспехов. Что-то твердое ударило его по лодыжкам, он зашатался, полетел вперед. Прямо на лезвия...

Что-то (предположительно сердце) обреченно бухнулось колючей ледышкой о ребра.

Раз бухнулось, два... Он судорожно вдохнул, ощутив приступ удушья — дышит?! Еще дышит?! Жив...

И разжал веки.

Леди Клотильда, в высшей степени интимно обнимая его за талию мощной ручищей, заботливо прижимала многострадальное Серегино тело к себе. Удерживая его при этом в подвешенном состоянии прямо над лезвиями. Самым пикантным было то, что вышеупомянутое тело, захваченное в плен жаркими девичьими объятиями, занимало интересную позицию, кою очень многие любили обозначать по имени некоего карточного термина. Сиречь валета — по-простонародному говоря. Клоти держала его в развороте на сто восемьдесят градусов по отношению к собственному туловищу. И Серегины ноги весьма даже очень вольно простирались по девичьему торсу. Заканчиваясь где-то в области ее гордой рыцарской головы. Перед Серегиными глазами высились две мощные ступни в стальных башмаках, попиравшие клинки мечей, плашмя уложенных поперек саблевидных лезвий. Дедовский меч — под правой, более тонкий эль-фийский — под левой...

— Ну что... то есть если б не вы, леди Клотильда... — выдавил наконец Серега.

— Да, если б не я, — подтвердила с дрожью в голосе эту не слишком определенно высказанную мысль сама леди Клотильда.

Они помолчали, приводя в порядок мысли. Боясь при этом даже пошевелиться.

— Надо выбираться отсюда, сэр Сериога, — после паузы хрипло высказалась на злобу момента леди Клотильда. — Э-э... Так выбираемся?

— Да-да. А как? — с нервной торопливостью согласился он.

— Вот если б я сие знала...

Они снова помолчали. Правда, не в полной тишине — крики людей были слышны здесь ничуть не хуже, чем в громадном амфитеатре за их спинами.

— Я поверну вас боком, сэр Сериога. Сейчас... Опускайте ноги, только медленно. Помните — ставить ноги врозь. Одна ступня, один меч.

Он утвердился на чуть подрагивающих под их общим весом и даже слегка прогибающихся клинках. Сама Клоти стояла на них, согнув в коленях ноги и упершись спиной во что-то твердое. Ему, гм... пришлось повторить позу. В точности. Можно сказать, он почти улегся на нее. Или уселся.

— Обсудим? — предложил, смущенно краснея от фривольности положения, ну и от всего... остального, чутко ощущаемого всем телом, — от стальных возвышенностей доспехов над девичьими грудями до чуть подрагивающих от напряжения твердокаменных, но все же явно женских бедер, на которых вольно возлежал его зад. — Э-э... может, опять с верой надо?

— Да, — задумчиво рассудила над его ухом леди Клотильда, и горячее дыхание прямо-таки ожгло Серегино ухо. Сердце бешено заколотилось, он делал не имевшие успеха попытки унять частые и глубокие вдохи-выдохи — заметит ведь, поймет... и что тогда? — Попробуйте снова это ваше дивное заклятие, сэр Сериога, ну то, в котором вы отца своего в таких чудных выражениях поминаете.

Серега согласно покивал. Подумав, торопливо перекрестился. Зачастил негромко:

— Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя твое...

И осторожно понес ладонь к пластинам лезвий — меч свой он, увы, уже потерял. Что ж, попробуем, по примеру японских крестьян, ладонь против оружия. Ладонь как-никак не какая-нибудь там, а с верой протянутая. Всю жизнь с протянутой рукой...

— Стой! — рыкнула сзади леди Клотильда. — Не решили мы, куда разумнее выбираться нам — вперед или назад? Что сзади, мы по крайней мере знаем, а вот что впереди... Так. Я сейчас вас снова приподниму, сэръ Сериога. Поворачивайтесь ко мне лицом.

Они, кое-как балансируя на клинках, поменяли Серегино месторасположение. Леди Клотильда, не тратя времени на собственные перевороты, выкинула вверх и вбок левую руку с кошкой, с размаху вонзила стальные зубцы в пол. Те вошли неожиданно легко — поверхность была цельной, без швов и не слишком твердой. Больше всего это напоминало пластмассу черного цвета. Гладкую, скользкую, легко поддающуюся острой стали. Леди-рыцарь, сдвинув Серегу вбок, перенесла вес тела на крюк, крутанулась, повисла. Подтянулась. Выкинула вверх вторую руку, вооруженную кинжалом. Зашагала-поползла по стене, как огромный хищный паук, довольно быстро исчезнув в сгущающейся наверху полумгле.

Потом сверху упала веревка, больно шлепнув Серегу по лицу. Он торопливо намотал ее на кулак, повис, упершись ногами в пол-склон. Спустился еще чуток пониже, подобрал одной рукой оба меча леди Клотильды, засунул их по-простецки за поясной ремень, так, чтоб не мешали при подъеме. И полез вверх, вслед за Клотилей.

Взбираться пришлось долго. Ну они и летели... Наверху, кстати, его ждало зрелище ничуть не хуже того, что осталось сзади, в проеме с решеткой из стальных клинков. Леди Клотильда с кем-то дралась.

Ее теснили абсолютно прозрачные фигуры, видимые лишь за счет легких сгущений гнойно-зеленого полумрака по контуру тел. Нападающие походили на людей, но только походили. Раздвоенные очертания голов — словно бы росли рога, да не доросли. Руки, плечи — все чужое, чужеродное, с шишками или чем-то вроде наростов на суставах. Но оружие, в отличие от них самих, было вполне зримым — длинные стержни, сияющие фосфорно-зеленым светом и плюющиеся клубками темно-гнойной зелени. Нападали все сразу. Клотилей уворачивалась, ее тело рисовало стремительные пируэты на фоне призрачных фигур, кинжал то и дело звенел, сталкиваясь с оружием неведомых врагов. Звенел, но перерубить никак не мог. Время от времени Клотильда делала выпады, характерно дергала кинжалом в пределах очертаний некоторых контуров, но раны, увы, если они там от этого и появлялись, оставались так же невидимы, как и тела их получателей...

Серега с бешеной скоростью выбрался наверх, туда, где в перегиб пола твердой рукой леди-рыцаря была глубоко вдавлена кошка ее баронской милости. Гнойно-зеленый сгусток пролетел мимо уха. Ухо тотчас зажгло и зашипало.

— Леди Клотильда! — заорал он и выдрал из-за ремня оба ее меча.

Подумав секунду, бросил в протянутую к нему руку леди дедовскую оглоблю. Оставил себе эльфийский — взамен утерянного. Не совсем честно, конечно же, но... И присоединился к бою.

Сгустки, попадая в него, шипели и тут же начинали отваливаться, унося с собой лоскуты одежды, а потом и кожи — при попадании на место прорехи. Доспехи леди Клотильды, метавшейся по коридору бок о бок с ним, уже почти сплошь покрывали пятна едкой зелени. Дрянь протравливала металл. А на не защищенном ничем лице Клотилей темнели пятна, сильные смахивающие на ожоги. Боль от сгустков — пекуще-дергающая. Химические ожоги? От разъедающих веществ... А стержни, стало быть, есть приспособления для стрельбы активными химикалиями? Чудненько...

Он от души ширнул мечом, почти с садистским удовольствием наблюдая за развалом

чужака на две половины. Леди Клотильда рядом занималась тем же — только разваливала чужеродных призрачных гадов не в пример быстрее и активнее. Под ногами нападающих подрастала горка из слабо искажающих полумрак располовиненных тел, вместе с россыпью стержней. Но вот их Сереге отчего-то не хотелось ни касаться, ни тем более использовать против чужаков. Что-то было в них такое — несовместимое с человеком...

На место уничтоженных тут же приливали другие. Останки волной сгребали назад, валяющиеся на полу стержни начали вдруг поочередно вспыхивать и взрываться с нестерпимо бликующей ярко-зеленой вспышкой, от которой глаза на несколько мгновений переставали видеть. И от которой помимо всего в воздухе разлетался еще и целый веер мороси из все тех же прожигающих плоть сгустков.

— Ноги... — прохрипела Клоти. — Чуете, сэр Сери-ога? Всевышний, мы пропали. А эти гады... Они же не бьют на поражение! Не бьют! Тянут время, задерживают... Хотят нас получить... Живьем получить! Прощайте, сэр Сериога! Теперь уже свидимся там... Не здесь Я вас... Я к вам...

Ноги — успел выловить Серега из ее не слишком разборчивого хрипа. И глянул вниз.

Он уже не стоял на цельном черном покрытии пола. Он стоял в нем — в каком-то смысле внутри него. И его нижние конечности резко обрывались на уровне лодыжек. Дальше все поглощала темная масса. Нет, когда он поднимал ногу, в прыжке там или в шаге, она показывалась наружу, по-прежнему целенькая и невредимая. Вот только потом снова уходила в черноту пола. Скользя и двигаясь там вполне свободно. Словно бы действительная, физически ощутимая граница пола вдруг просто-напросто опустилась сантиметров на десять ниже видимой границы. И все. И только-то... По всей видимости, шло то, что и должно было произойти, судя по фабуле проклятия. Их засасывало в грани другой реальности. В мир давным-давно, целые столетия назад проклятого кем-то очень обиженным замка Чехура, в мир... куклосов?!

Там их ждала участь рыцарей-палагойцев, никак не способная обрадовать обычного человека. Если только, конечно, у него нет склонности к мазохизму. Или к мученичеству. И, отменяя в сторону все эти горькие хныки, у него мелькнула мысль, несколько странноватая в этой ситуации — и по трезвости, и по направленности. Рассветет скоро, вот что. Именно потому-то они уже и начали залипать в местные полы, сиречь — в перекрытия. Близится рассвет и вместе с ним — их конец...

— Леди Клотильда! — воззвал он самым громовым голосом, на который был способен. — Прикройте меня!

Клоти тут же скользя переместилась в центр коридора, замахала мечом с удвоенной скоростью и с по меньшей мере утроенной яростью. Все правильно: партизаны умирают, но не сдаются. Правда, пожалуй, — вот как раз в данном случае им, то есть имеющимся в наличии партизанам, умереть ни за что не позволят. Леди Клотильда абсолютно права — несмотря на то что тело и особенно лицо у Сереги пекло от невыносимой, жгуще-дергающей боли, никаких таких особо опасных повреждений жизненно важных органов не наблюдалось. Похоже, все это будет потом, когда он полностью уйдет под черное покрывальце перекрытия. Здесь он еще может умереть. И избежать вечных мук в лапах куклосов. Там же, в полном согласии с текстом проклятия, он станет “живущим вечно”. И “вечно мучимым куклосами”.

Надо было срочно что-то предпринять. Пока леди Клотильда прикрывала его своим мечом и телом. Пока, они еще принадлежали ЭТОМУ миру...

Он повернулся назад, бросил быстрый взгляд — в недостижимо далеком для них проеме, за провалом вниз, из которого они совсем недавно вылезли, и дальше, в рамке обрезанных стен виднелось сереющее в предрассветных сумерках небо. Ну и славненько. Славненько-чудненько... Так. Кто сказал, что проемы надо обязательно перепрыгивать, преодолевать и спешить дальше? И что башмаки непременно должны быть на ногах у своих хозяев? Дословно сказано совсем другое. Просто-напросто пыль должна соединиться с пылью. Прах к праху...

Сереге, наклонившись вниз и выставив правую ногу перед левой — все для этих куклосов, для них, родных, глядишь, и не доглядят, чего он тут вытворяет, все надежды только на это, — стремительно совок с нее сапог. Молниеносно выпрямился и швырнул обувь в направлении проема. Куклосы сзади, видимо, все же что-то поняли или успели учуять. Леди Клотильда взревела еще сильнее, меч в ее руках практически непрерывно свистел, рвал тугой воздух бурей ударов, рассыпал пулеметную очередь по отбиваемым стержням.

Сереге, сцепив до боли зубы, содрал второй сапог и запульнул туда же. Ну должно же в конце концов что-то получиться. Ну должно же! Может, первый просто упал не так. Подошвой кверху или как-то там еще...

Сзади издала долгий воющий крик леди Клотильда, тоскливый такой крик, словно оплакивающий что-то или кого-то. И почти сразу же вслед за этим на него налетела тяжелая плотная волна из призрачных тел, навалилась на плечи, смяла, пригибая к черному, жадно заколыхавшемуся полу — навстречу ему заколыхавшемуся, надо понимать...

... Черная смола вязко бултыхалась вокруг, лезла в рот, в нос, в уши. Он держал дыхание сколько мог. Потом жгучее ощущение удушья стало совершенно невыносимым, и он, потеряв контроль над собой, судорожно разинул рот, вдохнул... и ощутил пинок. Наподдали, как детский мячик. Зато лицо наконец почувствовало прикосновение к коже нормального воздуха, он закашлял, отплевываясь от черной гадости, засипел. Даже, кажется, блевал. Затем, прочистив легкие, кое-как разлепил глаза.

Сереге лежал на травке, облокотившись спиной на небольшой пригорочек. Над головой красовалось сиренево-розовое небо, все в переливах рассветного сияния. А прямо перед ним таял и вырастал заново — все одновременно — замок Чехура. Черный камень стен на глазах словно бы съезживался, уходил внутрь, открывая точеную красоту резных беломраморных арок с громадными коваными решетками в проемах, подсвеченными изнутри алым факельным пламенем. По самому верху замка почками проклюнулись и выстрелили в небо четыре высоченные башни.

Лежавшее сбоку тело в металлической скорлупе подергало ногами, зашевелилось, оглашая проникновенную тишину утра ржавым скрежетом. Приоткрыло один глаз:

— Победа, сэръ Сериога?

— Она, леди Клотильда.

В совершенно сплошной с виду стене внизу замка прорезались двухстворчатые ворота, распахнулись во всю ширь. Затем из проема резко выстрелился внушительный рулон, одним махом раскатался в довольно длинную ковровую дорожку, выдержанную во вкусе самого лучшего социалистического ампира, из самых что ни на есть помпезных сталинских времен — ярчайше-алую, с блистающим золотым бордюром по краям. Медно грянули невидимые трубы.

— О!.. — чуть не задохнулась от восторга леди Клотильда. — Древние палагойские

горны! Певали они лишь в самых особых и торжественных случаях! Неужли для нас честь сия?! Гордитесь, сэр Сериога, ежели в нашу честь.

— Горжусь, леди Клотильда, — покладисто согласился Серега на это несколько неожиданное предложение. (Леди Клотильда, сама ходячая доблесть — и такой щенячий восторг перед какими-то там древними сопелками!) Кряхтя, уселся на травке поудобнее. — А вон и гости к нам. С флажками. Все флаги в гости к нам...

Из ворот, торжественно-замедленно маршируя на манер почетного кремлевского караула, выплыли два клювастых рыцаря. Над ними, величаво струясь по свежему утреннему ветерку, плыли в недостижимой высоте два громадных густо-черных стяга с золотыми кругами в центре.

— Достойные палагойцы... — дрогнувшим голосом произнесла явно расчувствовавшаяся леди Клотильда. — Мы таки спасли их! Верно сказал черный маг Мак'Дональд... то есть не зря он проклял вас, сэр Сериога! Ради такого стоит жить, то есть быть проклятым! Неужли и вправду очи мои зрят сейчас перед собой легенду веков? И зрю я идущего сюда старца седовласого!

Вслед за клювастыми бойцами из ворот действительно вышел старец в просторной длинной рясе черного цвета, неспешной походкой двинулся по красному коврику.

— Шествует который по пятам рыцарей в полном боевом облачении старинных лет образца, — тоном футбольного комментатора продолжала потрясенная до самых глубин души леди Клотильда. — Рыцари встали по обе стороны конца ковровой дорожки, почтенный старец сошел с дорожки и направляется... Да, он идет не иначе как прямо к нам! И зрю я на груди его знаки... знаки старшего прапора ордена Палагойцев! О! О-о!

Клотильда взмыла со своего места как ужаленная, поспешно опустилась на одно колено. Сдернула с кудрявой головы шлем, примостила его на выставленную перед собой и согнутую в локте левую руку. Потом, нервно передернув бровями, торопливо переложила шлем из левой руки в правую. (Что, так почетнее? Видимо...)

В приблизившемся седом старце Серега без особого удивления опознал уже виденного ими благообразного старикана. Того самого, что так горько сетовал на полное равнодушие окружающего мира к судьбам бедняг-палагойцев. Посиживая при этом в буквально необозримом по размерам пыточном подвале все тех же самых палагойцев. Надо думать, бесчисленное тамошнее оборудование во времена оны вовсе не бездействовало. Исходя из этого, вполне можно предположить и то, что окружающий мир в давние времена вовсе не был так уж позорно равнодушен к судьбам палагойских вояк — он был до ужаса рад... факту их исчезновения из границ сей реальности.

А потом прошли века, и палагойцы, бывшие в свое время чем-то вроде зловещей Святой инквизиции, стали безвинными мучениками в устах рассказчиков, страдающих излишним романтизмом, — таких, к примеру, как его уважаемая (и даже кое в чем обожаемая) спутница леди Клотильда. Кстати, и сама Святая комиссия тоже вполне тянет на роль братьев-инквизиторов. Отсюда вывод: истинной причиной конфликта могло стать вовсе не расхождение во взглядах касательно недобитых магов. Просто две соперничающие конторы перешли к боевым действиям — в духе и стиле тех давних годочков.

— Дщерь моя! — величаво возвестил старен и слегка поморщился. — Признаю, что не прав был в оценках своих. Воистину славный рыцарь ты, дщерь колен безрассудного, то есть вельми отважного в делах своих сэра Ауруса Перси!

Поминая имя Клотильдиного предка, старец брезгливо поджал губы и сморщился всем

своим благообразным гладким ликом. Словно куснул лимона. Потом перевел мгновенно потеплевший взгляд на Серегу.

— Сэр Сериога, — прошипела уголком рта Клотильда, продолжавшая со всем пиететом напирать грудью, — встаньте. Немедленно! С нами говорит сам старший прапор древнейшего ордена империи! Ну!

Серега, твердо решивший в отместку за свою боевую подругу не вставать перед престарелым женофобом, единственно ради успокоения Клоти с болезненной гримасой на лице пощупал живот, дескать, ранетый я. Заодно уж и почесал его.

— Нет-нет, милорд герцог, не вставайте, — с отеческой заботой в голосе успокоил его старший прапор. — Я же не зверь, понимаю — ноют свежие раны, вы же только что вышли из тяжкого боя... Кстати, ваш меч, выбитый из рук ваших нашими общими врагами, мы уже нашли. Торчащим прямо из каменной стены, вот так-то. Сейчас его оттуда выбьют, вычистят, наточат и доставят к вам. За наше спасение... Просто нет слов, ваше сиятельство. В общем, милорд герцог, примите от нас самую искреннюю и преогромнейшую благодарность. Ваша отвага, спасая нас от практически нескончаемых мук, достойна такого восхищения, такого...

— В первую очередь, — громко возвестил в ответ Серега, сохраняя напускную страдальческую гримасу на лице (вообще-то не совсем напускную — кожу все сильнее и сильнее начинали припекать ожоги, оставленные на ней темно-зеленой мерзостью), — следует благодарить миледи баронессу. Именно она мечом и кинжалом, так сказать, прорубила нам обоим путь наружу, пройдя по супостатам аки Мамай по тараканищам, и ивменно ее трудами башмак с пылью замка Чехура был, э-э... перемещен наружу и соприкоснулся с пылью этого мира...

Леди Клотильда слегка обернулась, видимо желая что-то сказать, но потом передумала и отвернула лицо назад. По щеке пополз предательский румянец. И скорее всего, не от удовольствия — от негодования.

Старикан пожевал губами, поразмышлял:

— Пусть будет так. Э-э... еще кое-что. Не соизволит ли милорд герцог... если только, конечно, отважному сэру нетрудно будет мне ответить — за каким, собственно, гм... рожном его сиятельство вкупе с миледи баронессой решились-таки посетить наш замок и сделали это в момент, так сказать, — когда в нем как раз протекали не самые лучшие и приятные для его обитателей столетия?

— Отнюдь, — сказал Серега и бросил взгляд на Клоти. В набирающем силу утреннем свете он со своего места мог увидеть только четко прорисованную на фоне рассветного неба упругую щеку. Классик бы, конечно, сказал — “ее божественную бархатистую щечку” и над ней — чуть изогнутую кверху “сень длинных ресниц”. Но так бы сказал классик. А он, увы, мог только смотреть и любоваться. — Миледи очень уж возжелала вас спасти. Мол, еще в детстве наслушалась о вас столько сказок, то есть столько хорошего...

— Да, мы были славны! — весьма благожелательно отозвался на это заявление старец. — Не знаю, помните ли вы о сем, потомки... но это мы отвоевали Хольм для Нибелунгов, мы первыми научились закрывать дыры, несущие в наш мир злобу других миров, мы прижали... э-э, то есть мы повелели магам отбросить зло и научиться жить и сосуществовать с простыми людьми в мире и согласии. Мы чистили все эти леса и нивы от тварей, разуменья и силы человеческие превосходящих. Не думаю, что в состоянии вы представить себе, сколь ужасен и страшен был облик их. Да, было! Много было! Ну и

завершая, поздравляю вас, о прекраснейшая всем своим девственным и благородным ликом и э-э... всей богатырской статью своею леди Клотильда! То есть прямой долг всякой благородной дамы — побуждать капризами... то есть своими благородными пожеланиями отважного рыцаря на свершение подвигов. Так, чтобы он за жизнь, то есть за прихоти этой самой благородной дамы был готов пойти и на смерть.

— Не дама я ему! — возмущенным воплем вклинилась в прочувственные стариковские речи леди Клотильда.

Сергея ее поддержал:

— Да и я не рыцарь...

— О?! А? Э-э... — озадачился междометиями старикан. — Но как же это... милорд герцог?!

— Милорд является герцогом по праву эльфийской мандонады, — непререкаемым тоном оповестила стоявшего напротив нее сэра старшего прапора леди Клотильда Персивальская. — И, хотя допреж этого был он просто менестрелем, тем не менее благородство его происхождения бросается в глаза всякому. И оспариваемо быть никак не может. Впрочем, любой, кто возжелает-таки, может оспорить сие — в более подробной и уединенной беседе с любым из моих мечей на выбор.

Сергея хотел было уже добавить и то, что ни одно из имен своих якобы благородных предков он и назвать-то не в состоянии, что с материнской, что с отцовской стороны, вернее, назвать-то он их может, вот только местного, здешнего феодального благородства в них не найти и с лупой. Хотел было, но углядел напряженно сократившийся желвак на щечке леди Клотильды — и передумал.

— Сие, конечно... — нетвердым голосом подтвердил Сергеины опасения старикан-прапор. — Бывает и мандонада... Э-э... Однако ж...

Он поиграл бровями, наглядно демонстрируя, что над ними и за ними идет какой-то мощный мыслительный процесс. Затем стер с лица все следы неуверенности. Посуровел ликом:

— Смею заявить, что спаситель рыцарского ордена, то есть целого ордена рыцарей, не может в свою очередь не являться рыцарем. В отличие от дамы, которая вполне могла бы и не быть... Впрочем, это уже детали. Стало быть, милорд, вам срочно надлежит стать рыцарем. Вам даже просто-напросто придется им стать! Это отныне ваш, а также и мой долг перед честью моего ордена.

— Милорд желает посвятить моего друга в рыцари?! Без подготовки оруженосца, по праву личных заслуг? И — не ослышалась ли я — ЛИЧНО?! — прочувственным шепотом восхитилась по-прежнему преклонявшая одно колено леди Клотильда.

— Какое счастье, честь какая... — поддакнул Сергей пришедшей на память строчкой. И продолжил ее, но уже в уме и про себя: “ведь я червяк в сравнении с ним, с его сиятельством самим...”

Седой прапор помахал в воздухе кистями рук. Два клювастых архангела с флагами-крыльями за плечами быстро приблизились, склонились к нему с обеих сторон. Мгновение спустя один из них уже сдирал со своего панциря перевязь с мечом. Другой также поспешно расставался с развесистыми, в стиле лосиных рогов, шпорами. И цепью — крупной, не слишком вычурного плетения, напоминавшей по форме якорную, с тяжелым черным эмалевым медальоном посередине, украшенным по центру золотым сияющим диском.

Старикан-прапор приблизился к Сергею вплотную, сделал рукой властное такое

мановение — мол, хотя бы привстань, раз уж встать не в состоянии. Серега, который с радостью (точнее, даже со злорадством) отказался бы от предстоящей процедуры, подняться не поспешил. Попросту не возжелал. Он, конечно, мог бы и вовсе отказаться — мол, не желаю, не достоин и вообще... да ну вас всех в баню! — но леди Клотильда так непередаваемо проникновенно и даже нежно ликовала по сему поводу... Поэтому он никак не мог огорчить ее, отказавшись вступить в ряды доблестного местного рыцарства. Старикан в ответ на такое явное неприятие идеи рыцарского подъема — и в прямом, и в фигуральном смысле — снова помотал в воздухе длинными кистями. Клювоносые архангелы тут же повтыкали древки в землю, приблизились к Сереге. Мощно воздели его вверх, старательно установили на коленках. Старик выдрал меч из поданных ему ножен и троекратно легонько обстучал Серегу — левое плечо, макушка, правое плечо.

— Властью, данной мне людьми в лице рыцарей и по праву благодетеля короны... отныне ты есмь рыцарь! Вот и все, сэриога. Сэры рыцари...

Его дружно подняли с колен, отряхнули и спереди, и сзади. Приволокли из неизвестных далей уже послужившие bravому делу освобождения порядком побитые сапоги, нацепили на истрепанные каблуки икебаны из шпор, опоясали узорчатой перевязью с мечом. Почтительно возложили на плечи тяжеленную цепь — золотую, судя по весу и блеску.

— Теперь, сэриога, — до крайности торжественно провозгласил старикан-прапор, — отныне вы можете зваться сэром по полному вашему праву. Итак... Милорд, леди Клотильда. Благодарности вам принесены. Имена ваши как благодетелей и спасителей всего нашего ордена история империи сохранит и прославит в веках — это уж я вам гарантирую. Соответствующие предания напишем, распространение их по всей империи обеспечим. Ибо что может быть более сладостной наградой для двух рыцарей, чем слава? Не так ли? Но пока попрошу вас об одной услуге — сохранить все здесь произошедшее в тайне... Таковы обстоятельства. Наши враги сильны и спустя столетия, нам же следует тщательно, в полном покое и безвестии подготовиться к встрече с ними. Итак, ничего не случилось, не произошло, вы направлялись в расположенное здесь неподалеку сельцо Дебрайфер, были слегка выпивши, в темноте сбились с дороги, всю ночь проплутали по лесу...

— Милорд, — скромно склонив голову, прошептала леди Клотильда, — лучше уж в лежащий недалеко город Дебро, мы все равно как раз туда ехали... А про селение Дебрайфер я в первый раз слышу, честно говоря.

— Думаю... Впрочем, не важно. Пусть будет Дебро. Вот уже и несут ваш меч, милорд. Теперь еще кое-что... и не такое приятное. Речь идет о ваших знаках рыцарского отличия, сэриога. На время мы вернем их себе.

С него так же споро, как и надевали, содрали все: и цепь, и шпоры, и меч с перевязью, — словом, все драгоценные рыцарские цацки.

— Ибо там на каждой даже самой малой детали стоит клеймо нашего ордена. Не волнуйтесь, сэриога, в свое время все вам будет возвращено. Да, и еще кое-что напоследок, милорды, то есть милорд и миледи: почему вы так и не воспользовались данной вам силой? Нашей силой, палагойской...

— Э-э... — промямлил Серега (Клотильда, густо залившись краской стыда за допущенную оплошность, отвечать была не в состоянии). — А как ею пользуются? Мы, то есть я, собственно, и не в курсе даже...

— О! Следовало вам, приняв позу танцующей птицы хер, мысленно собрать всю данную вам силу в нижней точке равновесной ауры, по методу хенде... затем переправить сию силу

в верхнюю точку равновесной ауры по методу хох. И уже затем, с высвобождающим криком “хенде хох!” высвободить ее, но не просто...

— Не! — практически одновременно выкрикнули Серега с леди Клотильдой. — Мы и так, без “хенде хохов” обошлись...

— Зря, зря... Ну да ничего, дело молодое, вот потренируетесь лет сорок, тогда, может...

— Тогда — обязательно! — заверил старца Серега и подхватил несомый чуть ли не целой процессией свой вновь обретенный эльфийский меч. Закинул в заспинные ножны, выразительно указал глазами уже начавшей подниматься с колен леди Клотильде: — А вот и наши brave коники, то есть ваша буренка вместе с моей... Поехали? Он сказал “поехали!”, он взмахнул рукой...

— Стойте, — опять припомнил что-то свое старик-прапор, — я же могу и по-другому... И вам лучше, не придется придумывать, где были да что наворотили... Время. Все забываю, что и это могу. Сверну-ка его в кольцо и отправлю-ка вас к началу. Вот только не забыть бы — к началу событий этой ночи, не всех времен... А то — не приведи Всевышний промахнуться, как уже бывало... Ну да ничего, даст бог, не промахнусь. Да, вот еще и раны эти на вас, ожоги... ни к чему им на вас быть, не ровен час, подумает кто еще что-нибудь такое, вовсе уж небывалое...

Он присел в хитрую позу, покачался с ноги на ногу. Позу хер принял, не иначе...

... Голубовато-белый слепящий свет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Не секрет, что друзья не растут в огороде...

Они снова сидели в трактире, за столом с гарчиковыми костями на блюдах. С пустым кувшином в центре. И в притолоке торчал все еще чуточку подрагивающий трехгранный кинжал — его, надо думать, метнули вот только что...

— Дела... — сказал Серега, — И раны исчезли, и одежда целехонька.

— Заклятие излечения и сохранности покровов, — откликнулась задумавшаяся о чем-то леди Клотильда. — Вот только... — Она торопливо хлопала себя по доспехам. — Черт... Придется нам, сэр Сериога, второй раз за один и тот же ужин платить! Монеты ко мне, увы, обратно не вернулись, а трактирщик наверняка уже напрочь позабыл о прошлом платеже.

— Не беда, — откликнулся Серега, припомнив о золотишке в поясе, — не проблема. А проблема в том, что теперь все по-другому. Пророчества на мне сбываются, это уже выяснено. А вот сбываются ли задания?

Клоти посмотрела на него как-то странно, грустно, что ли, или с завистью? Затем решительно тряхнула головой, став прежней Клотильдой — без страха и упрека.

— Итак, сэр Сериога... Обсудим без свидетелей наши дальнейшие планы. Тропа кончилась, начался торговый путь, идущий к Дебро. Идем ли мы по нему дальше или поворачиваем назад?

— Для чего поворачивать-то? — с унылой ноткой в голосе возразил ей Серега. — Конечно, наш этот... текулли вполне мог бы помочь проникнуть внутрь баронского замка, но, думаю, барон уже принял все меры предосторожности против гостей из стен. Так что подземные ходы для нас теперь бесполезны, а то и вовсе погибельны — если господин барон догадался разломать кое-где стены, найти ходы и разведать их, а затем и устроить там засады на случай незваных гостей со стороны, кои к нему уже разочек наведывались...

— Дельная мысль, — кивнула головой Клоти. — Он подлец, но далеко не дурак. Должен был догадаться. Но тогда что мы будем делать, добравшись до Дебро?

— Леди Клотильда, вам доводилось слышать такое изречение: война план покажет?

— Нет, — мотнула головой Клоти. На ее светлых прядях тут же замигали золотистые искорки отсветов от догорающего в очаге пламени. Серега, моментально ощутив некое стеснение в груди (и не только в груди, говоря по совести), с трудом отвел от силуэта миледи глаза. — Но мне нравится это изречение. Что ж, кони наши не передохнули, так потом передохнут. Впрочем, они там только паслись. Пора в путь! Прибудем к Дебро на рассвете, до заката понаблюдаем издали. Может, и увидим что. Или придумаем.

— Аларм, леди Клотильда, — вздохнул Серега, поднимаясь из-за стола.

Они вышли на крылечко. Он, не глядя, метнул в протянутую трактирщиком руку золотой чаури, предупредил:

— Сдачу на выходе... — и пошел вслед за леди Клотильдой к конюшне.

До восхода светила было еще далеко, но со стороны, где, собственно, и должен был заниматься местный рассвет, по небу протянулась полоска фиолетового свечения. Кони, уже сыто храпевшие (именно храпевшие, а не храпящие) в теплом уютном мирке конюшенных стойл, идею вновь идти под седло восприняли безо всякого энтузиазма. Черный битюг цапнул леди Клотильду за палец, Серегина более кроткая коняга попыталась незаметно наступить ему на ногу. Причем пыталась целых три раза. Тем не менее процесс оседлывания

был продолжен и успешно завершён. Они потащили своих верных и слегка упирающихся четвероногих спутников к выходу из конюшни.

Во дворе царил маленький переполох. По воздуху летали белые куриные перья, одна суматошная квочка носилась взад и вперед, хлопая крыльями и изредка судорожно кулдыкая. Гоголевского персонажа нигде не было видно.

— Что за черт... — недовольно проговорила леди Клотильда и совершенно рефлекторно, как отметил про себя Серега, бросила руку на рукоять меча за плечом. — Где этот олух? Трактирщик!

— У-ум! — горестно донеслось до них из открытых дверей маленького сарайчика в углу двора. Затем персона трактирщика явилась оттуда, вся в перьях и в растрепанных чувствах, судя по горестной физиономии. За собой он волок на веревке чье-то скулящее и дергающееся тело. Волок прямо по земле.

— Милорды! То есть... миледи и милорд! — плачущим тоном возопил средневековый Плюшкин и, обернувшись назад, с размаху пнул ногой скулящий предмет. — Оборотень! На меня... то есть на моих кур напал оборотень-лис! Я разорен! Увы! Все мои куры, коих откармливал я к дебровской ярмарке, — все, все убиты! И три мои лучшие наседки, коих я сажал на яйца гарчиков, — тоже! Убийца! Разоритель! Вор!

И трактирщик снова пнул предмет ногой.

— Это начинает мне надоедать, — скучающим тоном проговорила леди Клотильда. — Этот чертов лис стал попадаться нам на глаза так же часто, как попрошайка, которому по глупости дали-таки монетку. Любезнейший, может, вы наконец сподобитесь оставить нас в покое? Сэр Сериога, я предлагаю вам предоставить этого несчастного его собственной судьбе. Я странствующий рыцарь, а не защитница неудачливых куроедов! Едем отсюда! По крайней мере, если он помрет сейчас, то больше уже не будет нуждаться в нашей с вами помощи.

Серега глянул на валяющийся у ног трактирщика куль и мгновенно узнал в нем лиса-оборотня, вновь принявшего свой человеческий облик. Незадачливый охотник на кур лежал голой спиной на земле, прижимая руки к лицу и судорожно подергивая согнутыми в коленях ногами. Веревка, за которую трактирщик волок его за собой, была привязана к шее и выглядела как удавка.

— Что с ним? — спросил Серега после некоторого молчания.

— Серебро, милорд! — радостно взвизгнул трактирщик и торжествующе воздел вверх руку, в которой блеснул краешек чего-то светлого. — Я как раз раздумывал, то есть я как раз собирался отдать вам сдачу от вашей платы за обед, а тут это! Я же во двор, когда благородная миледи... ну, ножичком в меня — а я и побежал! Ха-ха — смешно было, правда, миледи? Только у благородных господ такое прекрасное чувство юмора — ножичек-то прямо над самой головой пролетел, ну, искусница миледи, да и только! А потом вы монетку... А потом я со сдачей во двор — а в курятнике-то переполох! Пес мой прямо на цепи спит — эти твари умеют наводить на собак сонный морок, — а в курятнике-то куры ну прям как люди кричат! И я-то ведь не растерялся, серебром ему в морду — бляк! Он сразу в человека и перекинулся, а морда-то вся волдырями пошла — эва, что серебро пречистое с тварями нечистыми делает! Вот гляньте, милорд!

И субъект в лохмотьях, счастливо выпучив глаза, швырнул вниз серебряную монетку, целя в скулящего оборотня.

Монета угодила тому в прижатую к лицу руку. Оборотень страшно взвизгнул. На

тыльной стороне ладони мгновенно вспух и разорвался алый ожог.

— Вижу, — после короткого молчания сказал Серега. — И... надолго это у него останется?

— Волдыри-то? О, да не извольте беспокоиться, милорд! Я счас его свяжу хорошенько, натяну на него свои самые крепкие штаны, перетяну их кое-где веревками — и в штаны ему серебряную монетку, туда ему ее, поганцу! А то волдыри-то быстро проходят, а как пройдут — нипочем его не удержать, милорд! Перекинется в зверя — и ищи-свищи! А если серебро-то все время на коже будет, тут и волдыри не кончатся, и в лиса ему опять не оборотиться! А я его, родимого, в Дебро. Уж там от Священной комиссии мне и награда за него воспоследует.

— Большая награда-то? — довольно сухо поинтересовался его сиятельство герцог Де Лабри.

— Да... да вроде бы не меньше ста маврикиев, милорд!

— Сколько ты мне должен с той золотой монеты? — еще суше спросил милорд, и трактирщик весь как-то сжался и усох.

— Ну... э-э. Девяносто три маврикия, милорд.

— Давай сюда.

Серега разложил у себя на ладони жестяным блеском отсвечивающие кружочки, с сомнением оглядел их.

— Э-э... Здесь всего восемьдесят три маврикия, сэр Сериога. И наш, э-э... обед никак не мог стоить больше трех маврикиев, — деликатно высказалась из-за его плеча леди Клотильда.

— Да? — несказанно обрадовался подсказке сэр Сериога. — Где еще десять, нет, четырнадцать маврикиев, ты, плесень!

Трактирщик бухнулся на колени и жалобно возопил:

— Нету! Не извольте казнить, милорд, миледи, но нету! Бедность умучила, путников в наши времена мало... вовсе нет! Нету у меня больше, все монетки мои здесь, перед вами, все у вас, мои милые серебрушечки, мои деточки...

— Н-да, — веско сказал герцог Де Лабри. — А где по крайней мере та, которую ты собирався оборотню в штаны засовывать? Спрятал от меня, морда? А ну давай ее сюда, ты, отрыжка феодализма!

Трактирщик, трагически скуля о полном своем безденежье и грозящей ему отныне голодной смерти, полез дрожащими пальцами в недра своих рваных одежек. На Серегу и леди Клотильду шибануло в нос ароматом тела, не мытого от самого рождения, никак не иначе. На нечувствительную к таким мелочам леди Клотильду это амбре особого впечатления не произвело, но у Сереги по горлу прокатилась целая серия рвотных позывов. Очень настойчивых, кстати сказать, позывов.

— Во-от... — плачущим тоном протянул трактирщик и продемонстрировал Сереге монетку.

— Врет. Все врет, — равнодушно сказала леди Клотильда. — Если хорошенько поискать, а еще лучше не искать, а просто сунуть пятками в костер, то тут такие богатства найдутся...

Субъект опять возопил и бухнулся милорду и миледи в ноги.

— У меня хорошее настроение, вшивый гусь, — медленно сказал Серега и про себя вздохнул — вылитым феодалом он становится, с каждым днем все вылитее и вылитее, что

ни говори: — Держи свои девя... восемьдесят три маврикия и этот, припрятанный. Вот тебе еще...

Он торопливо выскреб из пояса еще один толстенький золотой диск, бросил его на землю. Трактирщик прыгнул на монетку всем телом и, задрав голову, снизу вверх благоговейно посмотрел на Серегу.

— А мы забираем оборотня, — договорил Серега. И вздохнул. Пора было приступать к дезинформации противника. Вот только как на это отреагируют свои? — Мы с миледи жаждем получить от него благодарность. Которую он нам непременно дарует. А мы ею в полной мере насладимся. В чистом поле, в шкуре и наедине друг с другом...

И он похотливо, с самой сальной ухмылочкой, на которую только был способен, подмигнул трактирщику.

Леди Клотильда зашлась в возмущенном вздохе, едва не задохнулась в нем, всхрапнув напоследок так, что стало ясно: еще немного, и она прямо-таки вспыхнет от ярости. Но от слов все же как-то воздержалась. Молодец. Умница. И еще красавица. И явно спортсменка. И вообще...

Но трактирщик его дезу проглотил. Еще и осмелился погладить снизу вверх своими масляными глазками стройные ножки леди, мерзко ухмыльнувшись при этом.

— Конечно, конечно, милорд. Дело молодое, само собой разумеется. И сладкое, хе-хе...

— Ты на кого так смотришь, мурло, — медленно сказал Серега, закипая и впервые в жизни осмеливаясь на то, что там, в том мире, называлось разборкой. В конце концов здесь, в этом мире, он герцог. А герцог — это при феодализме круто как-никак. — Живо кланяйся баронессе и чтобы глаза твои даже следов ее не смели больше касаться, ты, дерьмо!

Трактирщик вновь повалился вниз как подкошенный. И принялся биться лбом о землю у ног леди Клотильды. Точнее, у ног ее жеребца. Черный битюг, до этого стоявший с философски закрытыми глазами и не обращавший ровным счетом никакого внимания на все происходящее во дворе, теперь с недоумением встрепенулся и завернул назад морду. Удары трактирщической головы о землю раздавались буквально возле самых его копыт. И ложились при этом все ближе и ближе к ним. В конце концов черный зверь не выдержал и принялся опасно отдергивать копыта, тщательно избегая соприкосновения с покрытой сальными патлами головой. При этом он еще и с презрением косился на всех двуногих вокруг себя.

— Вольно, — сказал наконец Серега, понуждаемый к этому, помимо презрительных взоров черного жеребца, еще и убийственной яростью в глазах опасно молчаливой Клоти, — свободен. И давайте... давай-ка грузить нашу покупку на коня...

Перепуганный до смерти местный Плюшкин помог ему дотащить слабо дергающегося оборотня до черного жеребца и загрузить на его широкий круп. Леди Клотильда, демонстративно не разговаривающая с Серегой (да и ни с кем здесь вообще не разговаривающая, если вдуматься), взлетела вверх, на спину вороного зверя, дернула повод, отчего жеребец яростно ковырнул землю передними копытами и рванул с места могучим карьером. Серега спешно загрузился на своего Тишайшего, как он в уме уже окрестил принадлежащего ему кроткого гнедого (в процессе загрузки активно был задействован вспомогательный снаряд в виде спины трактирщика), кольнул его стремями — за неимением утерянных шпор. Тишайший вылетел за ворота, завернул вправо и рьяно понесся по дороге. В направлении, противоположном тому, откуда они прибыли. Увы, леди Клотильды и ее коня в густом сумраке, царившем в этот час в лесу, Серега, как ни пытался, разглядеть уже не мог. Оставалось надеяться на правильность чутья гнедого. Впрочем, до

сей поры чутье Тишайшего его ни разу еще не подводило.

Итак, они понеслись вправо.

Где-то через полчаса гнедой перешел на ровную рысь. Серега решил уже было, что конь устал, но спустя несколько мгновений из темноты вынырнул силуэт коня со всадником и тюкообразным вздутием на крупе. Черный жеребец стоял совершенно неподвижно. Леди Клотильда. Ждет его? Значит, он-таки прощен?

Черный жеребец беззвучно развернулся, когда Сереге до него оставалось не больше метра. И, равномерно топоча, двинулся по дороге дальше. Не обращая никакого внимания на послушно трусящего следом Тишайшего.

Значит, все еще не прощен, вздохнул про себя Серега. Интересно, чем все-таки больше всего обижена прекрасная леди — тем, что он не прислушался к ее предложению и спас от смерти незадачливого куроеда, или тем, что в качестве объяснения выдвинул не совсем приличные мотивы? Последнее, скорее всего. Ну и ладно, не погибать же бедняге-оборотню только из-за того, что милейшая леди Клоти страдает отвращением к зоофилии — в отличие от многих других благородных и “приятных во всех отношениях” дам. Вот уж действительно — во всех. Вообще, иногда полезно почувствовать себя одним... одной из многих. Пускай учится быть членом общества во всем, в том числе и в сексуальных пристрастиях.

Вот он, например, никакого отвращения к подобному не ощущал. Только любопытство и, пожалуй, отчуждение. Чужая жизнь, чужие нравы. Интересно было бы посмотреть со стороны, попредставлять, как это все могло бы быть — человек обращается в лиса и живет... хм, и ощущает себя при этом зверем. Но стать участником подобного действия он лично все же не согласился бы. Или согласился? Нам, девственникам, как-никак терять нечего, кроме цепей своего девственного незнания...

Интересные складываются коллизии, размышлял, покачиваясь в седле, Серега. В своем мире был книжным мальчиком, которого все время как-то “забывали” приглашать на вечеринки, где, в полном соответствии с общепринятыми нормами, и происходило знакомство его сокурсников с понятием “половая полноценность”. Денежный запас для каких-то других мероприятий на эту тему у него был слишком мал. В дворовые компании не был вхож. Так что куда ни кинь, всюду клин. То есть был клин — в смысле знакомства со взрослыми потребностями. В той, прежней его жизни...

А в этом мире он был... он в свое время считался здесь менестрелем. А теперь и вовсе числился в герцогах. Стоял выше простонародья, таким образом. Эти обстоятельства, надо полагать, придавали ему определенную сексапильность в облике и во взгляде. И в замке Балинок-Деде не меньше двух раз ужасно симпатичные служаночки вели себя несколько странно — мягко говоря, просто провоцирующе. До него это дошло намного позже, когда уже и сам замок Балинок-Деде скрылся за “шеломянем”, как писывал один так и оставшийся неизвестным автор... М-да... Просто уму непостижимо, как он мог посчитать случайностью расстегнутую до самого пояса блузу. Которую потом, кстати, принялись нарочито медленно застегивать прямо у него на глазах. То и дело меняя позы. А он, дурень, просто взял да и сбежал из того тупичка. Правда, в тот момент он был занят поисками только что потерявшегося Мишки. Известного ему ныне как мальчишка-король Зигфрид. Но до этого-то, до этого! Была еще та девица, которая якобы мыла полы на лестнице как раз возле отведенных им с леди Клотильдой покоев. Возможно, она действительно их мыла — по совместительству, так сказать. Повернув зад к выходу из Серегиной комнаты, а юбки подоткнув так высоко, что...

Судя по всему, в этих диких местностях он легко может получить некоторые, крайне необходимые ему, познания во вполне определенной области человеческих отношений. Еще один повод здесь подзадержаться, тем более что сэр Монтингтон Скуэрли клятвенно обещался возвратить его на родимую Землю в ту самую минуту, из которой он и был изъят. Опять-таки если он здесь задержится и если только им удастся посадить малыша Зигфрида на принадлежащий ему трон (где ему самое и место, как верно выразился старичок-лесовичок), то и леди Клотильде это весьма и весьма поможет. И в смысле выживания (кто его знает, может, вредный старче и не врал про грозящую ей гибель и свою возможность помочь ей — такая уж здесь метафизика вместо физики), и в смысле ее жизни вообще тоже поможет — все-таки будет спасительницей и, э-э... сажательницей на трон самого короля. “Сажал на трон царей и на соломе спал...”

В общем, обстоятельства складываются пока благоприятно. Несмотря на то что проблемы перед ним абсолютно неразрешимые. До сих пор, конечно, ему до странности везло. Так что будем надеяться на лучшее. Где сказано, что барона нельзя как-нибудь убить? Вот в его мире, например, и получше охраняемых людей, бывало, убивали. Если пораскинуть мозгами, то возможности есть всегда: стрела из какого-нибудь окна, кирпич на голову.

Главное — найти потом какой-нибудь замок, где его... их примут в качестве гостей. И где обязательно должны найтись служаночки...

М-да, хмыкнул про себя Серега. Стоит только человеку заделаться благородным герцогом, и мышление у него разом перерождается в самое что ни на есть простонародное.

— Сэр Сериога! — довольно мрачно вклинился в его раздумья не слишком-то приветливый глас леди Клотильды. — Ваш... пленник оживает. Я бы сказала, вполне оправился от своих ран. И он, кажется, жаждет свободы. Отпустить будете? Или все ж таки сначала шерстку попросите?

Серега подъехал поближе, посмотрел на оборотня, уже начавшего предпринимать попытки сесть прямо, а не просто болтаться тряпкой на лошадином крупе.

— Милорд, — прохрипел тот, — опять вы... Рю мортале ин фатум...

Серега пожал плечами и вопросительно посмотрел на леди Клотильду.

— Заколдованная смертельная дорога в судьбе, — все так же мрачно перевела та. — Иными словами, ваше сиятельство, именно ваше присутствие в его жизни и приводит к столь крупным для него неприятностям. Предположительно — Бог хочет от него, чтобы он что-то сделал для вас, посему и сталкивает вас с ним все время, да еще и ставит все время его самого в зависимое от вашей милости положение. Пользуйтесь, ваше сиятельство...

Наверное, бес его попутал, или обрывки прежних, отнюдь не пуританских мыслей еще кружились в подсознании, потому что он сказал:

— В смысле беготни в лисьем облике по полям? Только если вместе с вами, баронесса.

Клотильда, выдохнув сквозь зубы что-то очень скверное (на тему смерти и мужских, хм... достоинств, которым место исключительно в лапах Сатаны), спихнула беднягу-оборотня прямо на землю и умчалась в ночь, громким топотом своего коня спугнув какую-то ночную живность из-под соседнего куста. Стайка зверюшек размером с земных кроликов, но, в отличие от них, с огромными светящимися в темноте глазами, бегучим ковриком прошелестела по земле и исчезла в ночном лесу.

— Зря вы так с девушкой, милорд, — охая от боли, сквозь зубы прошипел оборотень. Падение на землю с высоты Клотильдиного жеребца явно не способствовало улучшению его многострадального здоровья, скорее, наоборот. — Она премилая особа... очень хорошего

рода. И с очень хорошо поставленным ударом, так что зря, зря...

— Не бойсь, выживу, — несколько легкомысленно отозвался Серега, и оборотень тотчас откликнулся с нехорошей интонацией:

— Да уж вижу... Гадость сказали вы, милорд, а отвечать за нее пришлось моим бокам.

— Сожалею, — слегка для приличия смутившись, ответил Серега, на деле не ощущавший и малейшей тени раскаяния, — не попадайся мне часто на дороге, и все тут. И у тебя будут бока целы, и у меня проблем с Клоти будет меньше.

Оборотень, сидя на земле, задрал голову и посмотрел Сереге в лицо пронзительным, странно светящимся в темноте взглядом:

— Ни черта вы не сожалеете, милорд.

Зрачки у него были вытянутые, как у кошки, и светились зеленовато-фосфорным свечением.

— Да ладно! — в сердцах ответил герцог Де Лабри. — Ну не сожалею. Шерсти мне твоей тоже не надо — носи ее на себе. До сви... нет, лучше прощай, и — просьба у меня к тебе такая огромная — не попадайся нам больше на пути, ладно? Сам видишь, дама нервничает, а у нее, у этой дамы, привычки самые нехорошие. Вечно в глаз дает так, что и уши по пути отваливаются. И будь добр, уйди с пути моего коня. Мне еще эту дамочку догонять...

— Как быстро люди меняются, вдруг обретя чужой высокий титул, — быстро проговорил оборотень, и Серега ощутил, как внутри у него что-то нехорошо екнуло — было что-то такое в голосе оборотня, что-то... намекающее. Кой черт, о чем это он? Он и сам знает, что титул чужой. И несколько он не изменился... Или все-таки изменился? Прежний Серега и помыслить не мог о том, чтобы вести себя ТАК. У него появилось то, что его одногодки там, на славной и неизвестно где пребывающей ныне родине, называли гонором. А дипломированные психологи — просто сильно выраженным чувством собственного достоинства. Короче говоря, он борзел прямо на глазах. Своих собственных глазах причем... Почему и отчего это происходило с ним, хотелось бы знать?

— Хорошо, признаюсь, — с расстановкой проговорил он, — ношу титул, который прежде был чьим угодно, только не моим собственным. И что же дальше?

Оборотень снизу улыбнулся ему звериным оскалом острейших зубов:

— Ровным счетом ничего, милорд. Просто я с некоторых пор начал питать к этому... вашему титулу значительное уважение. Вам идет быть герцогом — пусть даже при этом в ваших жилах и нет ни единой капли действительно благородной крови. Ведь я прав, милорд?

— Ну, — несколько односложно ответил Серега. На деле он просто не знал, что бы еще такое сказать. Привык он как-то быть... пусть даже не герцогом, а хотя бы просто незаконнорожденным сыном некоего загадочного благородного отца. И спускаться вниз, в сословие простолюдинов с более высокой ступеньки общественной (и бытовой, кстати сказать) лестницы не тянуло. Этаким классический пример развитого снобизма в потомках развитого социализма...

— Прав, — с некоторым торжеством заявил оборотень, — но кричать об этом при добрейшей миледи и прочих-всяких не собираюсь. Во-первых, все равно никто не поверит — я, увы, доказательств не имею, я чутьем и нюхом... Благородная кровь пахнет иначе, она, м-м... горчит на зубах. Вам этого не понять, милорд.

— Само собой, — согласился Серега.

— Во-вторых, — назидательно сказал оборотень, — никто этого не знает, но у меня

есть свои причины желать возрождения герцогов Де Лабри. И пусть ваша кровь... не горчит, но тем не менее вы молоды, добры и чисты душой, отважны, хотя и не в том смысле, в каком, скажем, отважна наша убийственная леди Клотильда. В историях знатных семейств есть интереснейшие примеры... Как минимум двух герцогов их матери-герцогини родили не от папенок-герцогов, а от здоровяков-лакеев. И ничего, оставили значительные следы в истории, народили крепкое, здоровое потомство. Так что вы вполне подойдете семейному древу Де Лабри...

— Но позвольте, — несколько опешил Серега, — вы меня что, благословляете...

— Пока еще нет, милорд, — с едва заметной усмешкой ответил оборотень. — Да и кто я такой для подобных дел? Я просто отмечаю, что нынешнее положение вещей меня устраивает, вот и все. Но вернемся к нашим баранам, как говорится... Хотя мне, лису, уместнее было бы сказать — вернемся к нашим курам. У дронхов, молящихся на свои деревья, есть такое понятие — люр кроче. Человек, которому, как решили боги — именно боги, дронхи представляются гнусными язычниками...

— Ай-яй, — поддел Серега, — оборотни в вопросах веры столь низко не падают, как я понимаю?

— Оборотни, — совершенно спокойно ответил ему его собеседник, — тоже могут быть людьми. В каком-то смысле. Или в какой-то период своей жизни. Я, к примеру, придерживаюсь того мнения, что вера в Единого есть непреложная и истинная вера. Итак, люр кроче... Это человек, кому вы задолжали, по мнению богов. Вы можете об этом не знать или не хотеть признавать этот факт. Но боги сводят вас с ним — чтобы вы могли с ним расплатиться. Обстоятельства встреч могут быть самыми разными. Или их число... Но если судьба вновь и вновь сталкивает вас с абсолютно посторонним человеком, то стоит остановиться и призадуматься: а что нужно богам? А еще лучше: что нужно этому конкретному человеку? Итак, милорд? Что нужно лично вам?

— Э-э, — проямлил Серега, — Да тут столько проблем...

Оборотень изящно улегся на землю, опер голову о согнутую в локте руку и с усмешечкой сказал:

— Видимо, боги дронхов считают, что я задолжал вам вовсе уж несусветно, милорд, потому что, дабы обеспечить наши с вами встречи, они всякий раз ставят меня одной ногой в могилу. Поверьте мне, я не пожалею сил, лишь бы помочь вашей персоне справиться хотя бы с частью ваших проблем. Затем покину вас и посмотрю, что будет происходить дальше. Если мы больше не встретимся, значит, долги оплачены. Если же встреча произойдет снова... что ж, продолжим интересоваться вашими делами, хотя это и не совсем прилично — совать свой нос в чужие и очень небезопасные для жизни предприятия. Ну, удивите меня приятно, милорд. Какая проблема будет первой... для нас?

— Убить барона Квезака. Надеюсь, эта проблема не будет для вас слишком трудной? — в тон ему простенько сказал Серега. — Раз-два... Вы, я и леди Клотильда. И больше никакиз других боевых единиц пока что не намечается. Вам приятно? Чувствуете в груди радостное изумление?

Оборотень преспокойно возлежал на сырой земле, пребывая при этом в прежнем неодетом состоянии (Серегу пробирал холод от этого зрелища). Лицо, смутно белеющее в предрассветном сумраке, не выразило ни единой эмоции. Но голос, когда он после небольшой паузы заговорил вновь, прозвучал заметно суше.

— Насколько я смог понять, милорд, идиотом от рождения вы не являетесь. Стало быть,

эта экзотичная самоубийственная затея вовсе не ваша личная. Я знаю поблизости только одного такого любителя таскать камни из огня чужими руками. Пользуясь при этом самоубийцами-одиночками... Этот лесной хозяин — такая душка... Вы отдадите себе отчет? После вашего не слишком скромного бегства из Дебро его засранство барон рвет и мечет... И мечтает как раз о том, чтобы вы сами к нему вернулись.

— Понимаю, — не слишком вежливо оборвал его Серега, — но выхода у меня, а значит, и у нас все равно нет. Нужно идти в Дебро. Нам так было сказано, и потом, если я не покончу с ним — значит, он покончит со мной в конце концов. А у меня еще есть дела в этом мире...

Оборотень грациозно перетек из полулежачего положения в сидячее. Зевнул и потянулся.

— Выход есть всегда. Надо просто начать искать его не там, где вход.

И обернулся пушистой громадной тварью в серебристо-черной шубе. Серега так и не успел уловить момент, когда белая кожа покрылась роскошным мехом. Зато процесс перехода человеческого рта в оскаленную звериную пасть отложился в его памяти накрепко. Челюсти, украшенные великолепными, будто фарфоровыми клыками, разошлись и вновь сомкнулись с треском, от которого мороз побежал по коже.

— Впей-ред!

Лис то ли пролаял, то ли проговорил это слово и исчез. Растаял в сумраке, в котором еле различалась убегающая от Сереги дорога.

Конь трусил по колее, небрежно помахивая хвостом в целях борьбы с местными кровососами. Серега звучно обшлепывал лицо и шею, про себя дивясь вездесущности комариного племени. Далеко впереди в темном лесном частоколе прорезалась и засияла бледным фиолетово-розовым пламенем узкая вертикальная прорезь — там дорога выходила из леса. И стало быть, близко был Дебро. Из темных далей примчался лис, уселся на задние лапы и, по-человечески склонив набок голову, с укоризной уставился на Серегу.

— Ну чего тебе? — поинтересовался Серега. — Считаешь, что навстречу собственной гибели надо бы двигаться побыстрее? Ладно-ладно...

Он слегка подхлестнул Тишайшего концами поводьев, ткнул пятками под округлости конских боков. Тишайший философски мотнул головой и перешел на спорый аллюр. Фиолетово-розовая щель понеслась им навстречу.

Дорога выходила из леса и шла напрямик через поля вниз, туда, где в пологости равнины покоился спящий в этот ранний час Дебро. Гнедой, подстрекнутый поводьями и восчувствовавший себя, по всей видимости, кем-то вроде вольной лошади Пржевальского, вылетел из леса во весь опор и понесся к городу. Серега, с некоторым запозданием сообразивший, что данное направление в этот момент для него не самое, гм... нужное, дернул повод на себя, заворачивая назад, на лесную опушку. Конь послушался, хотя и не слишком охотно. Они вернулись к окраине леса и поехали вдоль нее неторопливым шажочком. Где-то тут должна была прятаться и наблюдать за этим городишком разобиженная на него леди Клоти...

Что-то пребольно шлепнуло его по макушке. Он схватился за голову, чертыхнулся, зацепив краем глаза, НАСКОЛЬКО большой сук шлепнулся в траву неподалеку. Похоже, обида леди Клотильды искала выхода в солидных размерах средствах оповещения. И способах этого самого оповещения. Лично он, между прочим, имеет не только болевые, но и слуховые рецепторы. Можно было бы и просто окликнуть по имени. Он завернул Тишайшего

в небольшой проход между кустами, которыми густо поросла здесь лесная опушка. Привязал повод к молодому деревцу, возле которого уже хрупал травкой черный боевой битюг грозной леди. Покрутил головой и наконец узрел искомую даму — та успела оборудовать что-то вроде наблюдательного пункта наверху, в развилистой кроне высокого колоннообразного дерева. И поскольку миледи явно не собиралась спускаться вниз, а он, Серега, отнюдь не считал себя способным на карабканье вверх по гладкому и ровному, аки труба, стволу, то и встреча друг с другом им пока что не грозила. Он зашел в кусты, подобрал местечко, где можно было сидеть, опираясь спиной о ближайший древесный ствол, при этом не выпуская из виду городишко под названием Дебро. И расположился там с максимальным удобством, какое только вообще возможно на лоне не слишком удобной для человека природы.

Прибежал лис, фыркнул и как-то незаметно вновь перетек в человекообразное состояние.

— Итак, что же мы имеем, милорд? По стенам патрулируют наряды по два человека, идут густо, по схеме текущего двойного круга: один осматривает стены и сектор пространства за ними и под ними, другой следит за этим смотрящим и за нарядом спереди. За ними следит стражник из наряда сзади. И так далее — по кругу. Кроме того, на каждой башне есть еще по два смотрящих: один наблюдает за ближайшими секторами, другой — за отдаленными. Дельно и толково. Вашего коня уже наверняка должны были заметить. И если только они знают, что у вас имеется гнедой конь...

— Знают, — откликнулся Серега.

— Тогда с рассветом мы вполне можем ждать гостей оттуда — на предмет проверки.

— Вряд ли, — донесся до них откуда-то сверху приглушенный голос леди Клотильды, — у них все же глаза людей, а не оборотней.

— Каюсь, — как-то очень легкомысленно сказал оборотень, — не подумал об ограниченности вашей природы. И вашего слабенького зрения, разумеется. Ну хорошо, мы все еще не обнаружены и нам пока что ничего не грозит. Кроме, конечно, нашего собственного задания. И что теперь?

Что-то зашуршало, заскреблось, потом последовал мягкий шлепок о землю, и сзади из сумрака кошкой выскользнула леди Клотильда.

— Понаблюдаем в течение дня за городишком по очереди. Сэр Сериога, что бы там такое ни происходило, сообщать мне немедленно. В общем, первая очередь на караул за вами, а я передохну.

— А как же... — ошарашенно спросил Серега, — я — наверх?!

— Что вы, — недовольно скривилась девушка, — сидите здесь. А то еще свалитесь, когда в спешке начнете спускаться вниз. Задницу ушибете, штаны разорвете — как потом на коня садиться, если вдруг придется улепетывать отсюда?

И супервумен, бросив на Серегу мстительный взгляд, скрылась в кустах.

— Особенно будет ужасно, если разорвете штаны, — свободно продолжил поднятую тему оборотень, шуря глаза на занимающийся рассвет. — На коне да в рваных штанах... Натрете-с. И как же тогда быть с вашим долгом продолжателя рода? Вы уж поберегите себя для будущего, милорд. Себя и свои штаны.

Серега негодуяюще глянул на него, но оборотень, нимало не смутясь, закинул руки за голову и прислонился спиной к ближайшему стволу.

Рассвело, и Дебро помаленьку оживал. Из городских ворот выгнали небольшое стадо сонно мычащих коров, находящееся под присмотром аж трех подпасков и одного дородного,

убеленного сединами пастуха. Стадо почти сразу же свернуло с колеи и обосновалось на ближайшем лугу. По дальней дороге, входящей в Дебро с другой стороны равнины, прошел длинный караван, состоящий из повозок, коней и пеших людей. Серега вполне резонно предположил, что это купцы, и решил не будить из-за них и без того постоянно взвинченную леди Клотильду. К тому же на таком расстоянии ничего интересного или опасного в караване высмотреть не удавалось. Потом из ворот вывалились две стайки малышни, расположились у пруда неподалеку от городской стены и занялись незатейливым отдыхом на лоне природы — купанием с криками, брызганьем и хохотом. Словом, шли сплошные пасторали.

Еще через часок воздух прогрелся и заколыхался от жары. Серега с завистью начал поглядывать на абсолютно недетского оборотня, сладко похрапывающего в кустарнике рядом. Его самого мучила духота, кожа потела и чесалась под одеждой из грубой ткани. На нем, как и на леди Клотильде, сейчас были одеяния дебровских стражников, стянутые ими из оружейной барона Квезака. Дорожные мешки с дареным леди Эспландой шмотьем остались лежать в пещере, где они провели, точнее, проспали весь прошлый день.

А жаль, у тех вещичек качество было не в пример лучше и ткань потоньше. Как бы то ни было, ему предстояло париться в том, в чем он был. Не баловал барон Квезак своих стражников, не баловал...

Когда одолевавшая Серегу сонливость почти что уже начала переходить в вязкую, тяжелую дрему, от которой веки начали слипаться, как от клея, из отдаленных ворот, тех самых, куда вошел давешний караван, вылетел всадник. На бешеном галопе, выглядевшем с такого расстояния карикатурным подобием тараканьей рыси, понесся к лесу, голубеющему на горизонте зубчатым фестончиком. Серега, рассудив, что это событие явно относится к категории “сообщать немедленно”, негромко прокричал в глубь кустиков имя леди. Там что-то храпнуло, потом шелестнуло, и леди Клотильда привидением возникла рядом с ним. Оборотень удивленно приоткрыл один сонный глаз и теперь обозревал им их обоих по очереди.

— Кло... леди Клотильда! — начал было Серега, но цвет рыцарства его недовольно перебил:

— Когда мы в походе... или в боевой вылазке, сэриога, можете звать меня просто Клоти. Многие меня так называют, а вы, как спутник и сотоварищ мой в странствиях наших, тем более имеете на это право. К тому же нисколько не зазорно сие для дщери колен Персивалевых, если дружески и по имени будет звать ее не кто иной, как сам герцог, особа с титулом, превыше которого стоит только королевский... Ну, так что там, сэриога?

— Просто Серега, — требовательно сказал в ответ герцог, твердо решивший идти до конца в сложном деле единения народов разных миров и разных полов.

Леди Клотильда недовольно скривилась и противным голосом произнесла:

— Стишком высока для меня честь сия и с недопустимой фамильярностью граничит. Кроме того, злые языки не поймут, ежели девица рода моего на “ты” с особой герцогской, но родственными узами с нею не связанной, разговаривать будет...

— Может, хватит вам? — не совсем любезно прорычал рядом оборотень. — Там гонец уходит!

Леди Клотильда бросила быстрый взгляд через Серегино плечо и кинулась в кусты, в ту сторону, где должны были находиться их кони, крикнув на ходу:

— Я — перехватывать гонца! Сэр... то есть Сериога, сидите здесь и не высовывайтесь!

Лис, если появится опасность, уводи его подальше в лес! К бывшим Отсушенным землям!

Оборотень тут же повернулся к Сереге и, нахально оскалясь, сказал:

— Ну, ваше сиятельство, вас отдали мне под присмотр. Не хотите ли на горшок?

— Потерплю, пожалуй, — как ни в чем не бывало заверил его Серега и, наступив на горло собственной герцогской гордости, ласково поинтересовался: — Кстати, почтеннейший... Откуда вы успели узнать о моем герцогском титуле? Как ни припоминаю всех тех, кому выпало счастье слышать об этом, вас среди них никак не могу найти. И то, что леди Клотильда, упомянув Отсушенные земли, назвала их бывшими, на вас тоже никакого впечатления не произвело. Интересно было бы узнать, откуда милорд лесной оборотень может черпать столь свежую информацию. С лесным хозяином, как я понял, отношения у вас не такие уж и дружеские...

— Ах, как вы правильно все поняли, — произнес его собеседник, подпуская в голос откровенную издевку, при этом ел Серегу такими честными глазами, что аж дурно становилось. — А кроме лесного хозяина никакие другие источники информации вам не приходят в голову?

Серега, не смущаясь, откровенно бухнул:

— Свой человек в городе? Или еще где-то поблизости. И видите вы с ним частенько. И знает он больше, чем обычные люди. Явно больше...

Оборотень ухмыляться не прекратил, но на Серегу посмотрел уже чуток поуважительнее:

— А вы далеко не безнадежны, досточтимый сэр. Хотя до сих пор все ваши удачи и были всего лишь примером фантастического, небывалого просто везения, коим Бог одаряет в основном лишь дураков и идиотов. Быстро учитесь, мой дорогой друг. И чрезвычайно быстро меняетесь в лучшую сторону. Причем в лучшую для герцога Де Лабри, но не для человека вашего мира, так ведь?

— Откуда...

— Откуда я знаю? Я же оборотень, мой дорогой друг. А когда-то очень давно был еще и очень образован...

— Н-не понимаю, — нервно сказал Серега, — объяснитесь, любезный. С чего вы вообще взяли, что я не отсюда? Здешний я...

Оборотень успокаивающе помахал перед собою ладонью:

— Я же не рыцарь Священной комиссии, друг мой. Здешний вы, не здешний... Очищение изнутри серебряным колом от меня вам не грозит.

— А что грозит, — немного ернически спросил Серега, — очищение снаружи? Костром, к примеру...

Сказал совершенно наобум. Но во взгляде оборотня тут же появился некоторый интерес.

— Кое-какие знания вы все же имеете, милорд. Сие радует... Такое очищение применялось лишь к посланцам Сатаны, да и то в очень древние времена, когда власть и сила Священной комиссии были безграничны. Нибелунги их поприжали, и об этом способе очищения помнят теперь немногие. Нет, конечно, некоторые феодалы костер используют, но теперь уже совсем, совсем по другому поводу...

— Это по какому же? — быстро переспросил Серега, радуясь хотя бы временной отсрочке темы его нездешнего происхождения.

— А вы сами не догадываетесь? За кражу имущества сеньора, конечно же. Или за его порчу.

— Ну да, — поддержал разговор Серега, — обокрасть бедного сеньора — на такое зверство нормальный человек ну просто никак не способен. Украл — значит явный посланец Сатаны...

Черноволосый мужчина напротив него улыбнулся:

— Прячетесь за новую тему, милорд? Прежняя тоже не плоха. Итак, вы не здешний. Об этом говорит ваш запах... вы уж простите, но пот ваш для меня пахнет совсем не человеком. И не зверем. Непонятно чем пахнет. Тем не менее вы явно человек, со всеми физическими признаками человека и мужчины. Очень молодого мужчины пока еще, правда. В пору получения мною образования я слышал о том, что где-то есть и другие миры, со своими людьми и со своими нравами. Правда, где они — этого никто сказать не мог. Об этом, собственно, даже в великом Послании Единого было написано. И там так и сказано: “Люди есть и миры другие в Запределье, и горе тому, кто, мир свой покинув, теряется там”. Были люди, являющиеся иногда из неизвестности и уходящие потом туда же. О них у нас вообще ходит множество легенд и слухов. Я складываю все это — мое человеческое познание и мой нечеловеческий нюх — и получаю нездешнего человека. Что же до того, откуда я знаю о том, что перемены в вас в родном вашем мире не будут восприняты с радостью... Я сужу по вашему лицу, милорд. Всякий раз, когда вам доводится вести себя достойно по отношению к своему новому титулу, у вас на лице появляется такое... неодобрение. Словно вам противно быть таким — достойным своего нового титула. В сознании одного отражается сознание всего его мира, не согласны? Сейчас, вполне возможно, вы уже гораздо ближе к нам, чем к людям и нравам вашего прошлого. Все как в Послании: “Горе тому, кто, мир свой покинув...”

— Гм, — односложно крикнул Серега.

— Вы даже не представляете, до чего меня радует ваше согласие с моими словами, милорд, ибо есть еще одна тема, еще более важная, чем проблема вашего появления в нашем мире.

Серега молча сделал заинтересованное лицо, повернулся к оборотню, дав тому полюбоваться на свою физиономию.

— Помните ли вы мои слова о том, что у меня имеются свои причины желать возрождения герцогов Де Лабри? Вы вполне смыслены для того, чтобы сообразить, к чему я веду. Как я понимаю, ваше пребывание в нашем мире есть явление временное? Хотя и не слишком ограниченное тем или иным количеством дней... Так?

— Примерно, — кивнул Серега.

— Чудесно. Таким образом, вы вполне можете успеть сделать то, что является прямым долгом каждого единственного наследника рода и титула, каковым на сегодня и являетесь.

— Это как же? — немного растерялся наследник рода и титула.

Оборотень скривил губы в невеселой усмешке:

— Как это “как же”? Ваш долг оставить после себя наследника. Тем более что и права на мандонаду эльфийскую перейдут к этому... вашему ребенку. Стало быть, эльфы позаботятся, чтобы уж он-то свои права на майорат Де Лабри не потерял, как это случилось с последним Де Лабри, властелином по праву рождения, а не по праву избранника Пржедеживущих.

— Скажите, — помолчав, спросил Серега, — неужели вы верите во все эти глупости? Я, хоть и считаюсь, э-э... объектом этой самой мандонады, никакой такой особенной эльфийской заботы о себе пока что не чувствовал.

Черноволосый мужчина вздернул бровь:

— Да бог с вами, милорд. Как вы думаете, хоть кто-нибудь до вас уже сбегал из подземелий замка Дебро? Да вы хоть знаете, что вы с вашими спутниками — первые?

— Нам помогли, — упрямо сказал Серега, — но этот помощник не был эльфом.

Оборотень поморщился и укоризненно сказал:

— Вам помогал не только он. Почему барон поручил вас своему уродцу, который у него вместо шута, а не, скажем, своему палачу? Почему забыл прислать потом палача или хотя бы стражника, чтобы проверить, как уродец справился с данным ему поручением? Почему ушел на ужин, а затем и в спальню и не зашел после, в самый неудобный для вас момент, поиздеваться над своими пленниками? Или, говоря грубо... попользоваться вашей Клотильдой? А то и вами — да-да, у барона крайне разносторонние вкусы. Пока вы еще полны сил и ярости, уже привязаны для вящей безопасности и не пахнете ничем таким, чем обычно пахнут люди в подземельях? Перечислять можно дальше: почему тех палачей, которых прихлопнула леди Клотильда — кстати, очень глупый поступок, не предусмотренный вашими ИСТИННЫМИ спасителями, ибо из-за этого ваше исчезновение обнаружилось гораздо раньше, чем они планировали, — почему тех палачей тоже обнаружили не сразу, а лишь после того, как вы благополучно укрылись в некоем загадочном убежище? В котором, как ни странно, все запорные механизмы оказались в целостности и сохранности, несмотря на их солидный возраст и отсутствие должного присмотра. И по дороге к которому вас не увидела ни одна живая душа? И так далее, и так далее...

— Шел дождь, — растерянно сказал Серега.

— Ах, как кстати иногда идут дожди, вы не находите?

— Черт с вами, — бессильно сказал Серега, чувствуя, что начинает верить словам оборотня, — соглашаюсь. И действительно, вырвались мы так... удобно. И стража на воротах напилась, и кони нашлись, и погони не было...

— Вот-вот.

— Но тогда получается, что и нынешнее наше предприятие не совсем безнадежно? Так как нам все равно непременно помогут...

Черноволосый оборотень поменял позу и пробурчал:

— Ах черт, а ведь он, может быть, и прав... Ну хозяин, ну голова... Его засранство господин барон давненько уже мозолил ему глаза. Но эльфы ему в этом не помогут, они в чужие свары лезть не любят. ЕМУ не помогут. А вот вам... У него, небось, и козырь припрятан, что, дескать, все это — во имя исполнения данной вам клятвы эльфийской, сиречь мандонады...

— Возвращение владений Де Лабри, — припомнил Серега.

— Ну голова... Просто молодец. Ну что ж, все это увеличивает ваши шансы дать-таки наследника роду Де Лабри...

— А если я просто-напросто не хочу? Я, в конце концов, не племенной жеребец.

— Милорд, — укоризненно сказал оборотень, — возрождение рода Де Лабри означает гибель поганца Квезака. Освобождение очень большого количества людей от власти оч-чень опасного негодяя... Вы ведь слышали, надеюсь, что он сотворил с людьми той деревни, где вы освободили меня от лап... точнее, от серебряного очищающего кола Священной комиссии? Он не пожалел даже детей. Младенцев на кол понасаживали... Кроме того, сие освободит эти земли из-под вновь разрастающегося влияния банды изуверов, называющих себя рыцарями Священной комиссии. Вам, в конце концов, не обязательно жениться,

плодить детишек... Достаточно восстановить майорат и законно, со свидетелями и должными документами, объявить кого-нибудь своим наследником. И буде выбор ваш падет на несмышленное дитя, назначить ему воспитателя и опекуна, достойных и способных уберечь его права.

— Это меняет дело, — с некоторым сомнением ответил Серега, потому что теперь, кажется, снималась проблема, как он обеспечит будущее Микошки, покидая этот мир, и вызывало к жизни новые проблемы, ибо где же ему найти опекуна и воспитателя для будущего наследника герцогства? Разве что леди Клотильда... но и ее не мешало бы еще повоспитывать...

— Не задумывайтесь так сильно, милорд, — весело посоветовал ему оборотень, переключивший к тому времени свое внимание на Дебро, — предоставьте возможность проблемам самим решаться, в ходе естественного, так сказать, течения жизни. Посмотрите лучше, что творится в этом славном городишке, которому предстоит стать вашим...

В Дебро и вправду кипела загадочная суматоха. На башнях поочередно взметывались какие-то вымпела, бывшие на месте (то есть там, в замке) наверняка не вымпелами, а громадными стягами, выполненными в режущих глаз розовых и ядовито-зеленых тонах. Детишки у пруда, тоже заметив перемены в облике родного града, уже летели через луга обратно к воротам в городских укреплениях. Зубчатая стена преображалась буквально на глазах, покрываясь развевающимися поверху ленточками стягов и знамен. Среди полей теперь красовалась этакая картинка со средневекового гобелена — празднично разукрашенный замок времен трубадуров.

— Барон готовится к торжественной встрече, — сказал оборотень. — Только вот с кем?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Бедная, бедная Лиза...

Сергея вместе с оборотнем уже, наверное, битых два часа пилились на разукрашенный флажками замок. Никаких действий там больше не происходило, только стадо коров медленно дрейфовало по полям вокруг городских стен и следом за ним перемещался небольшой бивуак с подпасками и пастухом. И все.

Скучно и жарко было до невыносимости. Оборотень зашел за соседний кустик. И застрял там, весело посвистывая. И вот тогда-то все и началось...

Весь мир вокруг Сереги — по бокам лес, спереди панорама околосебровской долины — чуть сместился. И чуть дрогнул. Лес и долина подернулись дымкой, переползли в черно-белый спектр. Знакомо так зазудело в носу...

Опять что-то? Опять двадцать пять... Собственно, он уже настолько успел привыкнуть ко всякого рода перемещениям и переносам — что во временах, что в пространствах, а то и вовсе по мирам, — что и удивления-то никакого не ощутил. Со мною что-то происходит, ко мне... нет, вот это не из этой оперы. Мощные объятия сгустившегося вдруг воздуха сдавили тело, было полное ощущение того, что он попался в захват туго выкручиваемой кем-то невидимым простыни... сама простыня, кстати сказать, тоже была абсолютно невидимой. Уплотнение воздуха? До ненормальных пределов, на одном отдельно взятом участке, и почему-то именно на том самом, где он стоял... Попытался было подергаться, разинуть рот и обнаружил, что не может двинуть ни одним суставом, не может даже закричать, позвать на помощь. Оборотень все так же беззаботно насвистывал в кустах буквально метрах в двух от него, рукой подать... ну хоть бы наконец вышел оттуда, взмолился про себя Сергей. Хоть бы окликнул, что ли, глядишь, и заподозрил бы чего, когда в ответ — ни гугу...

Мир вокруг него снова сместился, снова студнеобразно задрожал, возвращаясь из своего нынешнего черно-белого состояния в прежнюю цветовую гамму. Затем цвета налились сочностью и густотой, затрепетали ядовитыми оттенками неоновой рекламы. Одновременно сгустившийся вокруг него воздух начал ощутимо нагреваться и продолжал при этом тряско дрожать, напоминая горячее марево, какое бывает только над костром, прямо над самими языками пламени...

А потом воздух еще туже облапил его, и он задохнулся.

— Милорд! Милорд герцог! — вновь и вновь взывал серебристый голосок над ухом. Сергей вяло разлепил веки.

Похоже, что все кончилось. Или все еще только начиналось? Вокруг него снова был тот же самый лес, тот самый... или все же уже не тот? Чуть по-другому падали лучи местного светила, чуть помощнее росли здесь деревья, и уж точно не в пример гуще оказалась трава. Высокая, сине-зеленая, полощущаяся по легкому ветерку вокруг его безвольно вытянутого на земле тела.

А еще в этом мире прямо над ним в лучах света, щедрым веером льющегося сверху, склонялось некое дивное создание. С девичьим лицом. К тому же еще и до ужаса красивым лицом, окруженным пышной копной мелких кудряшек, окрашенных непонятно какой краской в нежный и светящийся ярко-зеленый цвет. В тональности, какую он, Сергей, видал допрежь только по весне — у листы только что зазеленевших березок, а может, и тополей...

— Он очнулся! — отчаянно проорало в какой-то момент чудное зеленовласое видение,

и по голове словно лопатой хватили. Его тут же затошнило, мир по кругу надвинулся на него, померк в черной круговерти...

Где-то шел дождь. Холодные капли летели прямо в лицо. Пахло как после грозы. Он тихонечко так приоткрыл один глаз, незаметненько так... лишь бы та милашка в зеленом окрасе ничего не увидела. И не завопила снова. Не дай нам бог, одним словом...

— Милорд герцог Де Лабри! Можете спокойно открывать глаза — Эльфирра уже ушла отсюда. Простите бедняжку — она просто слегка забылась: расчувствовалась и перешла в другую тональность голосового тембра. Бывает... Знаете, со всяким случается, э-э... проруха.

Сереге, согласно сделанному ему только что (а также неизвестно кем) предложению, послушно открыл глаза. Над ним, плашмя растянувшимся в пышной сине-зеленой травке, сидел на корточках мужчина. Сидел и держал правую руку аккуратно над его головой. Сжав ладонь лодочкой. И бил оттуда микроскопический фонтанчик, выкидывающий вверх и вбок крошечные капельки воды, которые затем оказывались на его лице, довольно-таки сильно бодря и привнося в запахи леса ароматы свежести и озона.

И что самое главное — головная боль, злобно терзавшая его череп изнутри, от каждой легшей на кожу капли становилась все меньше и меньше.

Сереге приподнялся на локтях, повнимательнее присмотрелся к личности, сидевшей рядом. Волосы у указанной личности были в точности такими же по цвету и тону, как и у загадочной девицы Эль... Эльвиры, кажется. Но, в отличие от улепетнувшей отсель и неизвестно куда пышнокудрой девы, у мужчины волосы были зачесаны совершенно по-другому — назад, туго и гладко. Или лаком покрыл, или сзади в хвостик затянул... И, неприкрытые ничем, по бокам зализанной прически торчали уши. Длинные, оттопыренные, с вытянутыми книзу мочками. Еще у субъекта была бледно-голубая кожа, необычные глаза — огромные темно-голубые радужки с узкими черными щелями вертикальных зрачков, совсем как у кошки. Склер у этих глаз не было. И это тоже как у кошки. Легкие, лукавые черты лица — приподнятые брови, хитро подтянутые к вискам тяжелые веки, тонкий улыбающийся рот с темно-сиреневыми губами, подбородок с раздвоинкой...

Надо думать, внешность у исчезнувшем из пределов Серегинной видимости девицы Эльвиры была в точности такого же типа. Тем не менее (как ему хоть и слабо, но все же помнилось) на его взгляд она выглядела вполне даже и оч-чень мило. Да и этот субъект, по совести говоря, отвращения у него не вызывал. Несмотря на всю экстравагантность его внешности...

— Ну и как вам черты лица природного эльфа, милорд? — выделяя каждое слово, четко проговорил мужчина. Голос у него был поглубее, но тем не менее звучал все в той же серебристо-колокольчиковой тональности, каковая была присуща и голосу ушедшей в неизвестные дали девицы-эльфицы Эльвиры. Присуща вплоть до того момента, как она дико заорала на манер Соловья-разбойника...

— Черты как черты, — осторожно сказал Сереге и уселся.

Мужчина растянул рот и сказал с иронией:

— В истории вашей родной планеты был такой фараон — Эхнатон. С детства был нелюбим сестрами и братьями как раз из-за таких вот черт...

— Я не древнеегипетская девица, — возразил Сереге. Подумав, добавил: — А что, он вам родственником доводился?

— Ну, в каком-то смысле мы все родственники. Братья по разуму, так сказать, ну и

прочая ерунда. Но все это лирика... А вот хотите физику?

— Хочу. Вот прямо сейчас и до ужаса хочу самую что ни на есть настоящую физику, как сказал бы один ужасно отважный герой... — пробормотал Серега, устраиваясь в траве поудобнее.

— Ну к чему такая ирония, милорд? Ни к чему, ни к чему, право же. А вы когда-нибудь видели настоящего эльфа? Или эльфеву, сиречь эльфа женскага полу?

— Нет, — сказал Серега чистую правду.

— А вот теперь увидели.

“Ох, как же я после этого счастлив, — подумал Серега. — И до чего же горд...”

Эльф провел левой рукой над ладонью правой, и фонтанчик капель, за отсутствием Серегиной головы вольно поливавший теперь сине-зеленую травку у него за спиной, враз иссяк.

— Опять-таки прошу прощения за Эльфирру, милорд. Не сдержалась, молода еще. Всего четыреста двадцать шесть лет, чего ж вы хотите, милорд...

— Действительно, юница, — пробормотал Серега, — А что, собственно, со мной случилось?

— По порядку, милорд? М-м... вас перенесли из той части леса, в которой вы находились, перенесли сюда, в Эльмир. Но вообще-то в определенном смысле вас никуда не переносили — с точки зрения гиперпространственных координат. Теоретически вы продолжаете пребывать все в той же точке пространства, что и раньше. Пояснить подробнее?

Серега согласно покивал.

— М-м... Тут вам понадобится некоторое воображение, милорд. Итак. Принцип континуума в континууме. Один и тот же объем пространства, образно говоря, может занимать один мир. А может и не один. Несколько... Количество пока еще точно не определено, но уж, конечно, никак не бесконечность. Этаким ряд взаимовложенных континуумов... Опять-таки, повторюсь, в этом ряде не может быть никакой бесконечности. Она вообще невозможна в принципе, хотя и ужасно нравится ученым вашего мира. Бесконечности, милорд, вообще не существует как таковой. Для любой модели, математической ли, физической ли, существует строго конечное число вариантов, а затем наступает качественный скачок одной из опций и открывается новая последовательность вариантов, тоже, разумеется, конечная...

— Э... Это все очень... очень интересно... — жалко проямлил Серега (с физикой у него туговато было еще с младых ногтей, так сказать). — А вы не могли бы сразу — и поближе к сути дела? Или хотя бы попроще так, покороче... Чтобы попонятнее было.

— А, на пальцах хотите? Хорошо. Только ответьте мне на один вопрос: вы, милорд, в состоянии представить себе, что один-единственный объем — кувшин, комнату там, не суть важно, — вполне возможно заполнить не один, скажем, а хотя бы два раза? Не вынося при этом уже принесенного.

— Запросто, — сказал Серега, припомнив восточные сказки. — Вот например, славный делами своими Ходжа Насреддин как-то на спор заполнил одну бочку три раза, не опорожня — камни, затем песок в промежутках между камнями, и еще воду налил напоследок. И все три наполнителя у него получились в одном объеме.

— Умничка! — ласково похвалил его эльф. И лукаво добавил: — Для герцога, милорд, вы у нас что-то слишком уж развиты. Может, вернетесь в менестрели? Вот там ума уж точно

больше требуется.

— Я вернусь, — неопределенно пообещал Серега, — когда-нибудь, куда-нибудь...

— Милорд герцог говорит о возвращении в свой родной мир? Понимаю, как же — мир родной, край обетованный... И вот кстати о затронутой теме. Краем уха — в этом лесу такое эхо, милорд, что прямо-таки грех жаловаться на недостаток сведений, — слышал я, что наниматели милорда несколько иначе трактовали его поведение в нашем мире, а также и его будущее — и здесь, и потом. И это расхождение во мнениях сильно угнетает их на сегодня...

— Интересные сведения... — выдавил слегка похолодевший Серега — И до какой же, интересно, степени доходит это “угнетение”?

— По-моему, — равнодушно обронил эльф, — вас не будут возвращать домой. Видите ли, никто из них и не надеялся на вашу удачу здесь. Собственно, как это часто бывает, ЭТУ организацию на сегодня интересует совсем не то, что записано в их названии. И уж еще меньше их интересует ваша судьба здесь. Как это часто бывает... Там сложные перипетии, милорд. Может, вернемся лучше к нашим баранам?

Серега промолчал, насупившись и глядя в землю. Эльфа это несколько не смутило.

— В связи со всем вышеизложенным милорду совсем не повредит заручиться поддержкой со стороны... со стороны, скажем, некоего дружественного народа, могущего взять на себя все обязанности прежних нанимателей милорда. В порядке взаимовыгодного обмена и сотрудничества.

— Понимаю, — сказал Серега, — ты — мне, я — тебе... Значит, “ты мне” для меня уже известно, а вот об “я тебе”, надо думать, вы мне сейчас расскажете.

— В точку, милорд! — Эльф откинулся назад, поменял позу — пересел с корточек на задницу. — Итак, мы остановились на теории взаимопроникнутости миров. Касаясь некоторых научных аспектов... И в вашем, и в нашем мире атомы традиционно разнесены на столь огромные расстояния, что строение материи вполне сравнимо со строением Вселенной — крохотные и редкие пылинки звезд-атомов в огромном океане пустоты между ними. Атомы связаны между собой полями — это аксиома — и еще кое-каким видом пространственных связей. Но при этом через пустоту, столь редко заполненную атомами, вполне возможно пропустить еще какие-нибудь поля с несколько измененными характеристиками по отношению к тем, первым. Вам понятно, милорд? Ваш, то есть тот мир, откуда мы вас только что изъяли, — камни, наш мир, скажем, песок между камнями... Практически вы все там же — в той же точке Вселенной. На той же планете. Но ЗДЕСЬ чуть повернуты поля, и это — другой мир. Хотя и похожий.

Эльф сделал паузу, внимательно поглядел на него, явно ожидая вопросов. Или еще чего другого. Но Серега упрямо молчал — говорить ему пока что было нечего.

— Итак, мы перенесли вас к себе, в свой мир, — заторопился эльф. — Оговорюсь, кстати, что так же аккуратно мы вас и вернем по окончании нашего дела... или в случае вашего несогласия на него. Туда же, в ту же секунду. О средстве перемещения услышать что-нибудь хотите? Вдруг да пригодится когда.

— Просветите.

— Вас перенес сюда гурер. Я слышал, что вам уже рассказывали о существах, которые питаются эмоциями, точнее — болью и мукой человека, окутывая его тело как плащ.

— Да. — Серега содрогнулся, припомнив.

— Это моллюски, милорд. Обычные моллюски, хотя и особой разновидности. Наш гурер им родственник. Тоже моллюск, тоже облегает человеческое тело подобно плащу. Вот

только вместо того, чтобы возбуждать у жертвы болевые рецепторы, гурер вас просто и безо всяких затей кушает. Облекает раз и навсегда, потом долго и с наслаждением переваривает. А чтобы никто не тревожил, уползает в другое пространство. В другой мир. При соответствующей дрессировке из них получаются вполне приличные слуги. Относительно послушные, с очень небольшим процентом переносов, пошедших на питание...

— Стоп, — вмещался разом встревожившийся Серега в ровненькое и гладенькое повествование мужичка-эльфа. — Так что же, он мог меня до вас и не донести?

— Э-э... Надо же бедному моллюску хоть иногда что-то есть, милорд. Изредка... Не будем об этом. Главное — ЗАЧЕМ мы вас сюда перенесли. Не так ли?

Эльф выдержал многозначительную паузу. Серега покривил губы, ощутив некую душевную усталость. Как там в песенке: “Я Синдбад-мореход из Багдада, мне скитаний и даром не надо...”

— Не вопрос, ребята, — развязно вымолвил он, пытаясь хоть как-то отплатить за “небольшой процент на питание”, — пророчество у вас какое-нибудь здесь обнаружилось, как пить дать. С надписью сверху — к срочному исполнению. И вы за меня — как носорог за соломинку. Я ж с недавних пор в этом деле признанный авторитет.

— Да, милорд! Правда ваша... — как-то даже подобострастно согласился эльф. — Пророчество весьма и весьма старое. Правда, до недавних пор на него никто не дерзал осмелиться — дело, гм... крайне неординарное. Но, увы, нынешние люди уже не те, что прежде. Никакого почтения к святыням: осмеливаются замахиваться даже на самое дорогое — на нас, на эльфов. Текст дословно таков: “Принцессу эльфов в жены возьми. По обряду Луны. Кольцо ей на палец надвинь. Кольцо из металла Луны. А после сними. В крови тридцати омочи. В печь положи. И снова на палец эльфевы надвинь — и тогда для тебя станет возможной любая судьба”. Впечатляет?

— Начхать мне на все это, — откровенно разочаровал собеседника Серега.

Эльф, бедняга, аж на месте подскочил:

— Но, милорд! Кольцо серебряное. Именно серебро пророчество называет металлом Луны. Вы только вдумайтесь — серебро, людская кровь, кожа природного эльфа. На коже эльфа — и серебро в крови!

Мужчина-эльф опять-таки выдержал долгую паузу. С потрясенной миной. Серега же вместо сочувствия такому горю только бросил равнодушно:

— Ну и что?

Эльф недоуменно хлопнул длинными (прямо как у девицы) ресницами. Разок хлопнул, другой:

— Но, милорд... Эльфы, так же как и гномы, вообще не переносят соприкосновения с кровью человека. Она... она нас жжет. Мы и представить себе не можем... боимся даже предположить, как принцесса вынесет подобное! А тут еще замешан и обряд Луны — мало кому известное, точнее, вообще никому из нас не известное ужасное языческое действие! Название-то какое! В честь какой-то планеты где-то там, далеко отсюда.

— Да. Эта планета действительно далеко отсюда.

Эльф Серегиного дополнения даже и не заметил, продолжая во весь голос сокрушаться на злобу дня:

— И откуда только у этого мелкопоместного дворянчика взялись познания о сем обряде — ума не приложу!

— Стойте, — среагировал на последнюю фразу Серега. — Значит, пророчество уже

взялся выполнять кто-то другой? Тогда какого вам рожна от меня...

— И что самое ужасное, — с жаром перебил его зеленовласый, — ему удалось заманить к себе эльфеву. И не кого-нибудь, а именно Эльлизру. Эльлизру, принцессу эльфов. И мою дочь...

— Но-о... — протянул Серега, — раз она — принцесса, то, значит, вы...

— Король. — очень просто и даже деловито как-то сказал его величество. — Король этой самой планеты Эльрра. То есть я имею в виду эльфийскую планету, а не ту, на которой остались ваши друзья — герцог, то есть оборотень, и ваша очаровашка Клоты. В эльфийском измерении и по-эльфийски — планета Эльрра. А у тех, местных, даже и понятия еще такого нет — планета. Так, земля, Большая Твердь, Империя, Нибелунгия... И, кстати, зовут меня Эльфедра. Король Эльфедра. Для своих можно просто — Федя.

— Приятно познакомиться, — бросил Серега. — А я герцог Де Лабри и по совместительству сэр Сериога... Таврический... Для своих можно просто — Серега. А ваша принцесса, осмелюсь предположить, для своих просто — Лиза? Короче, бедная Лиза...

— Вы правы, уважаемый Сериога, действительно бедная. Ее зачаровали, заманили, обманули, оболгали! Толком даже и не знаю, что произошло. Туда за ней мы прийти не можем — этот чертов милордишко Жанивский...

— Кто?! — изумился Серега при звуке столь знакомого имени (так вот ты где, тайная любовь леди Клотильды!).

— Жанивский. А что, вы знакомы?

— Шапочно, — скромно ответил он. — Так, общие знакомые имеются...

— Да? Ну... Буду иметь это в виду. Так вот, Жанивский, неизвестно кем и когда подученный, заключил свой замок в пентаграмму на крови. И теперь нам туда ходу нет. Сама же Эльлизра (мы это знаем только по слухам, конечно, но обстоятельства таковы, что я этим слухам все больше и больше верю), так вот она сама пожелала остаться там. С ним. И даже дала уже свое согласие на обряд Луны. Чем он только ее оболгил, ума не приложу — это эльфеву-то, принцессу крови!

— Он... Он бывает очень привлекательным, — сказал Серега, припомнив Клотильду. — И очень убедительным... Мерзавец, словом. Но с другой стороны... Ну выйдет девушка замуж. Ну хочется ей так. Да и он, все, что поймет, — это возможность, э-э... по-всякому менять свою собственную судьбу. Ну и что? Каждый сам себе хозяин.

Эльф тяжело вздохнул, покачал головой, глядя на Серегу как психиатр на своего пациента — с сочувствием.

— Милорд и просто Сериога, судьбы наши в руке Божьей. Вам не доводилось об этом слышать? Это основа всех миров, и до сей поры никто не дерзал... Даже судьбы нас, самих Светлорожденных и Преждеживущих эльфов — и те в руках Всеблагого. И чем может обернуться нарушение этого основополагающего принципа — нам сие абсолютно не ведомо. Стать хозяином собственной судьбы — это же все равно что стать богом. Как это будет происходить, как это скажется на здешних землях, я имею в виду оба мира — и Эльрру, и их Большую Твердь, — я и предположить не берусь. Возможно все — от гибели обоих миров до серии таких бурь и землетрясений, что... Помните предание о некоей Атлантиде? Человек возжаждал сравняться с самим Богом, и вся земля поплатилась за это...

— И погибли все поголовно, — бросил Серега.

— Откуда мы, то есть откуда вы об этом можете знать, милорд? Возможно, тот, кто был некогда повинен в гибели целого материка, все еще ходит среди вас, играет вашим миром —

он-то ведь хозяин своей судьбы, а вы — нет. Он с вами может делать что хочет — сил у него для этого достаточно. И Богу он неподвластен — в отличие от вас, жалких пешек на его доске... В общем, насчет судьбы всего остального мира — полная тьма и неизвестность. Зато я вполне могу предположить, что же именно станется с моей дочерью. Правда, тут тоже имеется масса вариантов. Кожа эльфов не переносит человеческую кровь. Эльлизра либо погибнет, либо переродится в совершенно другое существо. Но — даже если с ней ничего и не случится в тот самый момент обручения кольцом, то потом... Опять-таки множество вариантов: он заточит ее навечно в своем дворце, убьет, превратит в служанку, бросит на потеху своим людям. Его-то замку ничего грозить не будет — он станет хозяином своей судьбы. Предварительно, конечно, отрежет ей безымянный палец. С кольцом и кровью на нем — как предмет магического владения. Может и глаза вырвать — в прежние времена глаза эльфа почитались как талисманы, дарующие мощную силу. Это, кстати, чистейшая правда. Но не советую вам это проверять на деле...

— Не собираюсь, не волнуйтесь. А говоря о вашей дочери — э-э... сочувствую. Одни словом, бедная Лиза... А кровь тридцати — это... буквально?

— Более чем буквально, милорд герцог. Тридцать человек должны быть убиты, вся кровь из их тел, какую удастся собрать, должна быть слита в вырытую в неосвященной земле яму. Жанивский уже всю собирает тридцать девственников — гребет всех, кого найдет, что мальчиков, что девочек.

— А почему именно девственников?

— Известно, что при магических ритуалах кровь девственных созданий гораздо более действенна, чем кровь обычных людей. В пророчестве это, конечно, не упоминается, но... Он набирает именно девственников. Насколько я знаю, таковых у него уже не меньше двадцати. Прячет их в замке. Мы, когда можем, перехватываем намеченных к захвату детей, стараемся поспеть раньше него, посылаем за ними гуреров. Они, конечно, в основном успевают вовремя. Слава Всевышнему, мы вполне в состоянии определить будущую кончину ребенка по зеркалу смерти, за счет него только и... Но некоторые родители сами продают ему своих детей.

— Зная, что их ждет?

— Деньги, милорд. И их крайняя нищета. Они руководствуются принципом — один умрет, двух за это прокормим. А некоторые даже и не особо голодают, просто... очень уж щедро Жанивский платит. Опять-таки кого можем, мы перехватываем — не ради них самих, конечно. Ради хоть какой-то отсрочки намеченного ужасного действия. Но удастся узнать о них и перехватить вовремя не всегда. Эти люди, хотя лучше будет называть их нелюдями, приняв решение, первым делом мажут ребенка кровью. Зачастую его собственной. И тогда мы бессильны — гуреры так же, как и мы, соприкосновение своей (будем называть это кожей)... соприкосновение своей кожи с кровью людской не переносят. Они и самого-то человека переваривают строго целиком, не повреждая ему кожи. А ЭТИМ только и остается, что подойти с ребенком прямо к замку, призвать хозяина и передать ему собственное дитя с рук на руки. Между прочим, я-то эльф, мне жалость к людям и не должна быть свойственна, но вы-то, милорд... Вам лично жалко этих детей? А ведь вы единственный, кто сейчас может их спасти.

— Опять я...

Эту постыдную фразу он произнес тишайшим шепотом. Дань собственному малодушию. Ну не всем же быть героями?! И сказал так тихо, что вроде и не сказал вовсе — так, подумал

и губами шевельнул вслед мыслям. Но эльф все равно услышал — длинные, оттопыренные уши чуть дернулись.

— Увы... действительно, опять и именно вы, милорд. У пророчества есть продолжение: “Но бойся пришельца. Синее с черным, старинный девиз на безродья щите. Хоть судьбы дерзнувших не властны уж Богу, но сила проклятия приводит к беде!” Все про вас, милорд. Синее с черным — цвета Де Лабри, их старинный девиз на... на вашей, простите за откровенность, безродности. В пророчестве указано даже проклятие, наложенное на вас одним черным магом...

— Короче, для вас — не было бы счастья, да несчастье помогло, — не слишком любезно огрызнулся Серега. — Вы все это так хорошо распределили — несчастье мое, счастье исключительно ваше.

— Но... мы вам еще пригодимся, милорд. Весьма даже пригодимся, поверьте мне. Мы умеем быть благодарными. Вернем вас домой и — для вас, как я понимаю, это тоже сейчас кое-что значит — сотрем из зеркала смерти вашу подругу, леди Клотильду. Отсрочим ее смерть, так сказать, и очень надолго отсрочим. Разве для вас это не важно?

— Важно, — быстро ответил Серега и нахмурился. Черт, жизнь леди Клотильды в качестве оплаты за его услуги в этом мире... точнее, во всех этих мирах предлагают ему уже во второй раз. Не нравится ему эта ситуация, дико не нравится. Но Клоти ДОЛЖНА жить. — И еще кое-что. Я слышал, что в случае такой... помощи она потом умереть сможет никак не иначе, как по своему желанию. Разве это не то же самое, что стать хозяином своей судьбы?

— Ни в коем случае, милорд. Бог над ней все равно будет властен. Например, пошлет ей такую скуку, что она от нее сама в петлю... Это в качестве примера. В общем, бессмертие ей все равно не грозит. В любом случае вы обеспечите ей прекрасную возможность на протяжении еще очень-очень многих лет бить направо и налево всех супостатов, изучать и совершенствовать бранные обороты речи, напиваться по вечерам, опохмеляться по утрам. И — что, я думаю, для вас также немаловажно — в этом случае вам не придется уже более выполнять указания лесного хозяина. Который и сам по себе не сахар, а уж в плане таскания камней из огня чужими ручками и вовсе не имеет себе равных. Он вообще-то всего лишь посредник между нами и людьми. Обычно именно посредник. А в данном случае, милорд, мы с вами договариваемся напрямую.

— Уговорили! — порешил Серега, почесав предварительно по старинному русскому обычаю в потылице. — Жизнь для Клоти, мое возвращение домой... Секунда в секунду сделаете? Вот и ладненько. Хорошо мы тут с вами поговорили...

— Как и положено королю с герцогом, милорд, — ележно ввернул Федя королевских кровей.

— Верно, Федя, верно... Короче, иду спасать бедную Лизу. Надеюсь, что и как там, расскажете? Ну хоть что-то? А то надоело, знаете ли — поди туды, не знаю куды...

— Увы, милорд. — Король Федя даже слегка развел руками, словно бы демонстрируя размеры своего “увы”. — Знаем мы немного, и практически почти все я вам уже рассказал. Могу добавить лишь детали вашего хождения туда.

— Добавляйте. Мое “хождение” на милорда Жанивского...

— Замок укреплен, и просто так туда не попадешь. Обряд он собирается провести через три дня. Что-то там есть такое, связанное с фазами этой самой Луны: хоть она и находится неизвестно в каких далях, но, как я смог понять, в любой другой день, то есть ночь, обряд не будет иметь силы. Таким образом, все случится по истечении ровно трех дней. Включая и

сегодняшний. Милорд Жанивский сейчас в крайне спешном порядке набирает новобранцев — так, на случай внезапной осады или еще какого-нибудь вооруженного посягательства. Ну и на потом, мол, пригодится. Так сказать, запасается войсками впрок. Нас в этом плане он, конечно, совершенно не боится, пролитая кровь зарезанных им людей от нашего прямого вмешательства его защищает... но есть же еще и Священная комиссия. Которая весьма даже ревниво относится к своему положению ЕДИНСТВЕННОЙ в этом мире руки Божественной Провидения. И исполнительницы воли Всеблаготворца. Набор новобранцев — на сегодня это единственная возможность для вас проникнуть в его замок Жанив. Лично вам, если припомнить текст наложенного на вас проклятия, это все равно ничем не грозит — ТАМ нет людей, которые будут просить вас о помощи. Да и здесь их тоже нет. Вы идете туда в обмен на некоторые услуги Преждеживущих. Сделка в чистом виде. В ходе которой на вас как-то... хоть я пока и предположить не могу как — но отразится пророчество. Ну так что, милорд? Вы нам — обещанное во второй части нашего пророчества, мы вам — проезд домой и жизнь достойной леди. Крайне достойной. И не только достойной, но еще и... очаровательной. По рукам?

Сергея подумал с минутку. Эх, да сколько ни думай, все равно ведь всем — и королю Феде, и ему самому — ясно было, что он согласится. Где только наша не пропадала! И действительно, где? Ему и самому уже, в конце концов, до крайности стало интересно: неужто и впрямь проклятие черного мага Мак'Дональда предохраняет его от любой смерти, кроме указанной? Стало быть, единственное, чего он должен остерегаться, — это чересчур тесного общения с людьми, открыто просящими о помощи. Учтем-запомним...

— Уговорили, — объявил он, пожимая плечами, — гулять так гулять... Кстати, а в личине кого мне следует вступать в ряды этой... этой крайне доблестной армии имени местной жертвы аборта, сиречь Жанивского?

Король Федя с готовностью выволок из-за спины тючок. Оттуда Серега получил на белы рученьки грубую домотканую серо-коричневую одежонку — увы, но, по всей видимости, ополчение Жанивского состояло сплошь из простонародья. Вместо сапог были выданы башмаки самого что ни на есть печального вида, но кожа у них была толстой, крепкой и вполне надежной наощупь. Серега переоделся, для приличия слегка прикрываясь одежками от короля Феде. Который, нимало не смущаясь, продолжал сидеть поодаль, глядя прямо на него. Что там такое плел лесной хозяин про любовь эльфов к смазливим человеческим отрокам и отроковицам? Впрочем, одернул себя Серега, я не смазлив. Скорее всего, король Федя просто боится отвести глаза от последней надежды на спасение беспутной беглой дочки. Такая вот бедная Лиза по-эльфийски...

Он наскоро оглядел себя, переоблачившегося. Ни дать ни взять крестьянин, благо и патлы за время скитания по миру Нибелунгии отросли немалые — здесь, как он уже успел узнать, на короткую стрижку право имели только благородные. От короля-эльфа был получен коротенький инструктаж на прощание. Так, ничего особенного — место высадки, вероятность встречи в заданном квадрате с милордом Жанивским... Потом опять был скручиваемый простыней воздух, удушье...

На этот раз Серега очнулся в полном одиночестве. Тошнило, побаливала голова. Он кое-как взгромоздился, утвердился на подрагивающих ногах. Лежать было не время, совсем не время... Огляделся. Его выбросило на обочину довольно широкой проселочной дороги, по которой, как заверил его совсем недавно король Федя, в самое ближайшее время и должен был проследовать милорд Жанивский. В сопровождении солидного и хорошо вооруженного

отряда стражи — с самыми что ни на есть рекрутскими целями.

Что ж, как говорится, на ловца и зверь... Что в данной ситуации было верно как для милорда Жанивского, так и для него самого — для него-то эти самые рекрутские цели были кстати. Ибо требовалось во что бы то ни стало спасти бедную Лизу...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Тяжелое детство и деревянные игрушки

В этих краях его благородство милорд Жанивский явно был и царем, и господином — как для своих подданных, так и для всех мимоходячих и проезжачих. Потому как путешествовал отряд его благородия при полном паблисити — совершенно ни от кого не скрываясь. Всадников еще не было видно из-за поворота дороги, а до того места, где стоял Серега, уже всю начали долетать их громкие крики и взрывы бешеного хохота, после которых тут же раздавалось перепуганное ржание бедных коней, принужденных везти всю эту “дикую охоту”. Серега движением, ставшим уже почти привычным, бросил руку за левое плечо, к рукояти эльфийского меча. Но пальцы наткнулись на пустоту — меч в образ парня из народа не вписывался никак и пришлось его оставить на сохранение королю Феде. Всадники наконец-то показались, приблизились — громко гомонящая и чем-то таким своим радостно возбужденная ватага. Все на конях и с крайне солидным арсеналом колюще-режущего... Все точно близнецы — одинаково крепкие, довольно молодые, с однообразно сытыми широкими мордами. Поравнявшись с Серегой, отряд дружно притормозил, несколько стражников довольно-таки неловко спрыгнули на землю (двое из них при этом приземлились на собственные задницы). Остальные остались сидеть в седлах, только развернулись вполборота к Сереге и сидели, спесиво подбоченившись, глаза на все происходящее внизу с брезгливым презрением.

— Хли-ипенький... — прогнусавил подошедший первым. Протянул руку, пощупал плечи, попытался было даже засунуть грязный палец ему в рот, но Серега успел отдернуть голову. И предупреждающе так щелкнул зубами — а зубы у него, как мама говаривала, были как у лошади. Так что звук получился вполне и очень даже красноречивый.

Стражник с замашками дантиста тут же отвел руку, предусмотрительно прижал ее к себе. Подошли другие, окатили Серегу с ног до головы холодными оценивающими взглядами — прямо как корову на базаре.

— Кто таков, куда шел? — деловито спросил один. И, не дожидаясь ответа, громко гаркнул: — Ну че встал, пень деревенский?! Кланяйси!

Серега, опомнившись, содрал с головы шапку-колпак, начал старательно бить поклоны — так, как видел в фильмах про историческую Русь. В пояс, от души и с размахом. Следовало внушить стражникам, что он и вправду — самый обычный простолюдин, боязливый, придурковатый, причем настолько придурковатый, что и отвечать-то на их вопросы толково не в состоянии. Ниче, внушал он сам себе. Подумаешь, герцоги мы... Разминка, зарядка для спины его сиятельства... Ублюдки дружно заржали.

— Гляди-гляди, как стараетси! Гомо, ну-ка смотри сюды! — крикнул кто-то. — Глянь, как парень задницу кверху выставляет — сноровисто так, знать, с опытом!

Серега, внутренне содрогнувшись, тут же прекратил поклонное действо. Встал как можно прямее, тупо уставился на солдат. Даже рот приоткрыл для пущего правдоподобия — деревенские мы, господа хорошие... Заодно пусть и зубы посмотрят, не залазя в рот, а то еще заразят какой дизентерией или же и вовсе — собственными глистами...

Неизвестно, сколько бы еще над ним издевались, но тут из самой середины этой конно-вооруженной толпы прозвучал недовольный повелительный возглас:

— Ну чего выпялились, как бараны на бараньи колбасы? Берите его, и поехали!

— Иди! — указующе ткнул ему дурнопахнущим пальцем солдат. — Отныне будешь стражником господина нашего и милорда, его благородства Жанивского! Человеком, вошь деревенская, в кои-то веки станешь! Так что ступай туда и не смей перечить, а не то...

Что “то”, стражник договорить не успел, потому что крайне спешно развернулся к Сереге задом и потопал к лошадям, торопясь нагнать других, уже начавших кое-как забираться в седла. Серега пожал плечами — значит, в люди его выводить будут? Вот спасибо, всю жизнь о чем-то подобном мечтал... И двинулся не спеша в указанном направлении под дружный хор матерков и подгоняющих криков. Один из тех, кто был поближе, даже не утерпел и замахнулся на него плетью, но Серега, и сам не заметил как, перехватил летящий в лицо жгут рукой прямо в воздухе, у себя над плечом, несильно дернул... Всадник грянулся о землю под новый взрыв хохота, кинулся было к Сереге с грозным воплем. Но тут опять прозвучал недовольный возглас из самой середины отряда. Стражник, потирая зад и погрозив Сереге на прощание кулаком, тут же поспешно полез в седло. Сзади отряда обнаружилась телега с кучером в лице бородатого служивого. За спиной у возницы, уныло свесив ноги вниз, сидели двое пригорюнившихся пейзажистов. Каждый старше Сереги раза в два.

— Подвинуться, че ль? — печально спросил сидящий посерединке заднего тележного торца.

— Э... Не надо. Я с краюшку. Скромный я...

Телега была без бортов. Даже без бортиков. Он взгромоздился на угол, раздвинул ноги для надежности, ухватился руками за края. Возница щелкнул кнутом, и телега поехала.

Ехать было и больно и тряско. И до крайности неудобно. Толпа всадников впереди вела себя как ни в чем не бывало. По-прежнему воздух сотрясало ржание и коней и людей. Орали про какого-то Гими, которому предстоит теперь “опробовать” все немаленькое пополнение, дай бог здоровья и ему и его... Раза два чей-то тонкий фальцет радовал округу отрывками из нескладных куплетов. С гаденьким содержанием. Проезжались по поводу Луги, у которого теперь кому-то должок, и предлагали ему уплатить его на манер славного мастера Гими...

— Эй! Ты... новенький! Паренек, говорю...

Скорее всего это относилось к нему, к Сереге. Он, покрепче вцепившись в вихляющуюся под ним телегу, обернулся. Бородатый возница смотрел на него, хитро улыбаясь:

— Похоже, ты рассердил Луги, а, паренек? Теперь берегись! Берегись-берегись, но и все равно побережешься. Луги, конечно, не Гими, но тож не сахарок. Убить не убьет — милорда побоится, но... как бы тебе самому в петлю от него не захотелось, а? Ха-ха!

Похоже, нравы здесь были — под стать временам. А то и покруче означенных времен...

Телега все время норовила сбросить его с себя, на душе было откровенно хреново — будущее представлялось в данный момент совершенно темным, ну прямо как в танке. И что интересно: чем дальше, тем оно становилось все темнее и темнее. Причем слово “дальше” тут следовало понимать и как в смысле его собственного осознания мало-помалу, в КАКУЮ именно гадость на этот раз вляпался, так и в самом простом, физически-прикладном смысле — телега неумолимо продвигалась вперед. В точку назначения. Где из него, судя по всему, собираются чуть ли не с живого ремни резать. Или еще кое-что, и гораздо похуже...

Они посетили еще две деревеньки. Скорее даже хуторки, составленные из нескольких низеньких глинобитных хаток. И везде ратники милорда Жанивского самым первым делом сгоняли все народонаселение в центр хуторка. Затем окружали согнанную и полуживую со страху толпу круговой цепью. Демонстративно обнажали мечи, зачем-то прижимали их

рукоятями к носам, остриями кверху. Салютовали, что ли? Этакая рота пажеского караула... И только затем при всем этом параде из рядов тяжеловооруженных стражников являлось наконец на свет божий само его высокоблагородие — милорд Жанивский собственной персоной, прошу любить и жаловать, — оказавшийся при ближайшем рассмотрении тщедушным брюнетиком лет тридцати с лишком, с лицом, красивым ну просто до жути — точеные черты, с печатью этакой мужественной надменности... и с оттенком усталости от жизненных невзгод на высоком челе. Приодет был милорд под стать лицу — сплошь темно-зеленый бархат с изумрудным шитьем И шитье, надо сказать, группировалось исключительно в нужных местах, ненавязчиво и вполне изысканно даже подчеркивая тот факт, что при малом росте и субтильном телосложении плечи у милорда были широкие и могучие. Правда, на взгляд Сереги, широкими и могучими там были скорее ватные подплечники (уж больно все это выглядело ненатуральным, раздутым даже каким-то, а в смысле пропорций и вовсе получался сплошной андеграунд), но, по всей вероятности, для местного дамского контингента подобная “деза” должна была сходиться за милую душу. Жанивский обходил согнанную толпу, с брезгливой миной обзирал перепуганные крестьянские лица. Затем пальчиком указывал. Стражники тут же принимались с бранью гнать отобранных индивидуумов к телеге, сидеть на которой с каждым добавляемым задом становилось все труднее и труднее...

Серега трясся на телеге, вцепившись пальцами в шершавые занозистые края, мрачно размышляя о предстоящем. И мучил его один из множества гамлетовских вопросов: ну вот почему? Почему он лезет в любую авантюру, какую ему только догадаются предложить? Почему не в силах устоять перед искушением всякий раз снова взять да и шагнуть в неизвестное? Вот и в данный момент — он в очередной раз у черта на рогах. Бог терпел да нам велел... Извращенное какое-то у вас, сэр Сериога, имеется чувство, то бишь не чувство, а жажда приключений. Вас снова толкнули в спину, а вы и рады стараться, и шаг вперед из строя! И вот везут теперь в замок, стражники которого страдают гомосексуализмом, а нравы и привычки всех остальных — “зэковские” какие-то, ей-богу, иного слова, судя по увиденному и услышанному, для описания этого и не подберешь.

Впрочем, оборвал он свои печальные причитания, за это Клоти будет жить. Цена хорошая. Достойная даже... даже и его смерти. Будет скитаться по здешним весям и лесостепям, будет вздыхать по этому самому подлецу Жанивскому, что ехал сейчас впереди Сереги в окружении целого кольца стражников. Будет пить, как пила, бить морды, как бивала, спасать несчастных и просто дурачков, вот как его спасла...

Замок Жанив, к которому они наконец подъехали, оказался на диво роскошным и затейливо-нарядным зданьем — никаких тебе мрачно вздымающихся над окружающим миром башен, никаких могучих крепостных стен. Этаким сплошной бельведерчик прямо посередь леса. Весь облепленный кружевами резных завитушек, бюстиками в нишах, идущих буквально рядами, и столбиками на постаментиках. Посередь замка красовались въездные то ли двери, то ли воротца, двухстворчатые, все в сетке железных орнаментных финтифлюшек — сразу и не поймешь, для украшения это или же для укрепления. Отряд обогнул здание, заехал на расположенный сзади двор, огороженный солидным забором, — но, опять-таки, против лесного зверья такой забор был бы вполне, а вот против вооруженной осады и приступа — навряд ли... Конечно, замок могли построить и предшественники милорда. Но тогда и вовсе жуть, как говорила одна дамочка. Чтобы отважиться жить в таком поместье да посреди дремучего леса в эпоху самого что ни на есть анархического феодализма, нужно

всерьез и весьма крепко верить в свои собственные силы. Или — в собственную черную славу. Или и в то и другое вместе взятое... Давно ли хозяин замка увлекся магией? Потому как что еще могло заменить в этом мире крепостные стены? Или же магией начали увлекаться еще предки милорда? И именно оттуда пришли его на сегодня излишне обширные познания — как о мироздании, о полнейшей неосведомленности в котором так сокрушалась простодушная бедняжка Клоти, так и об обряде Луны, зародившемся черт знает в каких далях отсюда...

В просторном дворе за забором группками располагались конюшни, сараи и сарайчики, множество различных служб и целый выводок разномастных флигелей для прислуги, под казармы... Большинство из них были построены недавно. Об этом говорили и кучи строительного мусора вокруг, и поблескивающие на солнце свежеструганные доски флигельной обшивки. Похоже, милорд был крайне предусмотрительным человеком. И начал расширять свое хозяйство до начала решительных действий. Помещения впрок, так сказать...

Толпу новобранцев согнали с телеги, тычками и пинками погнали вперед. Серега слез одним из первых, пошел в веренице перепуганных крестьян. И тут его легонько потрепали по плечу сзади, а он наивно обернулся и получил хлесткий и неожиданный для себя удар прямо в лицо. Правда, успел слегка повернуть голову, пропуская чужую руку чуть мимо, — посмотрелся уже, как это делала леди Клотильда. Но все равно громадный кулак чувствительно проехался по скуле. Он мельком глянул в лицо — да, тот самый стражник, плеть которого он перехватил в лесу, Луги, вроде бы — и тут заметил еще и ногу. Идущую в пинке прямо ему в пах. Серега, недолго раздумывая, сделал молниеносный скользящий шаг назад, упал на спину. Перекатился через голову несколько раз прямо под ногами уныло бредущих пейзажистов и поднялся на ноги метрах в четырех от своего обидчика. Поднялся и, безразлично повернувшись к нему спиной, побрел дальше. Догонять тот не стал, слава богу.

Их выстроили в ряд перед тыльной частью здания. Здесь, кстати, и бюстики, и резьба, и прочие финтифлюшки напрочь отсутствовали. Одни только голые стены. И глухие ставни на мрачноватых окнах. Прямо как у кичливого Портоса — спереди золотое шитье, а сзади мешковина. Стражники вразвалку встали на фланги строя. Перед ними вновь появился милорд Жанивский. Стоял, надменно выпрямившись, и поглаживал нудно скулившую на руках собачонку, шибко напоминавшую и шерстью и статью породистого земного пекинеса.

— Солдаты! Будущие мои солдаты! — Голос у милорда был именно такой, какой и полагался при таком лине, — мужественный бархатный баритон с легкой хрипотцой на взлете. Словом, в самый раз для охмурения скучающих в глуши да по замкам феодальных дамочек, но как в эту компанию могла затесаться горделивая Клотильда? Вопрос вопросов: почему женщина влюбляется? — Да, я не оговорился! Отныне вы именно мои будущие солдаты! Гордитесь этой великой честью! В течение этого дня вам предстоит пройти некоторые испытания, которые также будут и вашей учебой! Ибо враг может напасть в любой момент! А потому нам нужны сильнейшие из сильных, храбрейшие из храбрых! Думаю, вы поймете меня, когда я скажу, что не каждый — нет, не каждый — может стать солдатом! И служить моему благородному дому! Точно так же, как и не каждый вынесет предстоящие испытания. Но те, кто не вынесет, тоже нам пригодятся — вы еще увидите это — как урок для других. Помните — на испытаниях вы должны победить! Чтобы стать моим солдатом! Ура! Наш клич — жанивская зелень всех перебьет! Кричите! Не слышу!

Стражники по бокам завопили как резаные Крестьяне нестройно поддержали. Серега, подумав маленько, тоже во всю глотку начал вопить:

— Жанивская зелень все перебьет! Жанивская зелень...

Милорд встретился с Серегой глазами и милостиво улыбнулся ему. Вот уж нас и приметили. Что и требовалось получить. Теперь Луги по крайней мере остережется задевать его слишком уж открыто. Будем надеяться, что остережется — все ж таки само его благородие заметило, активист, блин... Правда, исподтишка все равно гадить будет раза в три больше, ну да опять-таки будем надеяться, что долго он тут не задержится. Наше дело маленькое — помешать обряду Луны, или как там еще называется это магическое действие... И все.

От криков, незамысловатых по содержанию и откровенно придурковатых по тексту, во рту оставался сильный привкус дешевого мыла. Милорд Жанивский, прокурлыкав свое воззвание, убрался восвояси, стражники завернули толпу крестьян налево и, пиная сзади, погнали к небольшой калиточке в заборе. Ура, ребята, испытания начались!

Сразу за забором, чуть поодаль от калитки, громоздилась куча камней, блестящих на солнце гладкими отполированными боками. Каждый величиной с коровью голову, никак не меньше.

— Разбирай! — щедро “разрешил” стоявший у кучи служивый. — Усе ваше! Так что не бойсь, подходи, бери — не скупись... И стройсь с каменюками в руках!

Крестьяне заохали, зароптали чуток погромче, чем мыши (то бишь по-местному мучачи) пищат. Стражники тут же взяли копыя наперевес. Ропот смолк, пейзаже с сокрушенными лицами принялись разбирать глыбы. Серега с усилием выдрал из кучи камень поменьше, как ему показуюсь. Пальцы соскальзывали с округлостей — того и гляди упадет на ногу. Или еще на кой-кого... Он поморщился, мысленно охарактеризовав в самом неприглядном свете бедную мать милорда Жанивского, и без того неумолчным шепотом поминаемую по бокам. После общения с леди Клотильдой, кстати, у него в этом деле появился солидный словарный запас — так что охарактеризовал по первое число. Затем взвалил норвящий выскользнуть из рук валун на плечо и занял свое место в веренице крестьян, понуро склонившихся под тяжестью таких же каменюк.

— Ну вы, навозные! — обратился к ним с прочувствованной речью ближайший стражник, как только построение закончилось. — Сейчас — бегом вокруг замка. Сбежать и не мечтайте, впрочем, вот помечтать об этом вполне можете. Сие даже навозу не повредит, ха-ха! Камни не скидывать! Нам из-за вас предстоит бежать три круга! Ну и вам, само собой. Только вам с дополнительной радостью — это я как о камнях, так и о дерьме в штанах! От науги, навозные, на навоз изойдете, о-хо-хо! И не советую отставать, особенно первым! Впрочем, можете и отстать, а то по вечерам в последнее время скучновато! Ну, трогай!

Сбежать действительно не было никакой возможности — дюжие молодцы с оружием из числа стражи, сопя, бежали рядом, ради развлечения покалывая бегущих крестьян концами копий. Многие дергались от боли, роняли камни, потом им приходилось заново взваливать себе на плечи скользкие глыбы, снова бежать, только уже еще быстрее, потому что надо было догонять ушедший вперед строй... Впрочем, Сереге в данный момент было совершенно не до жалостливых чувств. Потому что рядом с ним бежал Луги.

К концу первого круга зад у Сереге стал одной кровавой раной. Луги изгалялся как мог... И как ему только удавалось держаться, — ну, не впереди, конечно, всего лишь в конце строя, но все ж в строю, на ногах, бегущим и не отстающим, — Серега ума не мог приложить. Видимо, шатания по лугам да по лесам с леди Клотильдой давали-таки о себе знать. И это радовало. Ибо прозрачные намеки стражника на развлечения по вечерам за счет

первого отстающего были чересчур уж прозрачны. Строй тяжело бежал на подгибающихся ногах, рядом радостно бухали стражники — налегке, с одними копьями. Сбежать и вправду не было никакой возможности. Лично он и не собирался этого делать, но вот крестьяне, со стонами трусившие спереди и сзади, надо думать, явно не отказались бы.

Третий круг оказался просто пыткой. Легкие горели, горло перехватывало, ноги, казалось, просто не существовали — так деревянные подпорки ниже пояса, которые он как-то умудрялся переставлять. Оказавшись при этом впереди всего строя. Луги, давно отставший на одном из поворотов — забор за замком выписывал долгий, усеченный с краешку эллипс, — ковылял теперь где-то в хвосте колонны. Так что Серегин зад отдышал...

Они закончили третий круг и повалились на землю, хрипя и задыхаясь. Даже стражники сделали то же самое, а ведь у них-то бег был налегке, без камней. Калитка растворилась, перед людьми, лежавшими вповалку, опять объявился милорд Жанивский. Пушистая собачонка на этот раз красовалась на плече, вернее, на могучем козырьке подплечника. Милорд подбоченился, обвел всех картинным взором — ну ни дать ни взять полководец перед верными войсками. Суворов на марше, бля... Серегу его сраное благородство обласкало особым взглядом. Мол, герой, паря, победитель забега...

— Мои верные и новые солдаты! Вы с честью выдержали первое испытание, и я уже почти могу вам доверять! Сейчас вас покормят! Еда будет отличной — вы это заслужили! И по чаше пива на человека — вы это тоже заслужили! Ну а теперь поговорим о тех, кто этого не заслужил! Приведите ко мне первого... нет, трех из числа отставших первыми!

Где-то на левом фланге, позади, возникла некоторая суматоха. И кончилась, сменившись воплями. Стражники за руки подволокли к милорду трех упирающихся и дико кричащих бедолаг.

— Вот они, первые недостойные быть среди вас! Солдаты мои! Я не опозорю вас, зачислив в ваши ряды отвратительных слабаков! Э-э... Возьмите вот этого.

Он ткнул одного из бедолаг носком сапога из зеленой замши. Двое остальных тотчас умолкли, отползли в стороны. Стража им не препятствовала. Помеченный милордом тоже прекратил орать, сжался на земле в тугой комок, затрясся, тихо всхлипывая.

— Итак, слабак... Рожден мужчиной, но не ведешь себя по-мужски... Таким ни к чему радоваться красотами этого мира.

Стражники поволокли сжавшегося в комок несчастного к калитке. Туда же проследовал и милорд Жанивский. Лежавших на земле крестьян подняли пинками. Вслед за господином погнались во двор.

В центре пяточка, прямо под задними окнами замка, соорудалось что-то шибко похожее на крест. Серегу вместе с остальными новобранцами подогнали поближе. Выстроили полукругом. Вокруг загадочного сооружения прогулочным шагом туда-сюда расхаживал милорд, гладил собачонку, притулившуюся на плече. Привели крестьянина, подтащили к кресту. По лесенке загнали наверх и присобачили веревками в классической позе распятого Христа. К ногам привязали вязки соломы... Сердце у Сереги нехорошо екнуло. Он уже начал помаленьку догадываться, какого рода “развлечение” им уготовил увидеть милорд. Гад, Нерон малахольный выискался...

— Солдаты! — опять завел излюбленную пластинку холеный красавчик в зеленом. — Тот, кто недостойн быть солдатом, должен... просто обязан очистить землю от своего присутствия. Или за него это должны сделать другие. Надеюсь, вы согласны со мной. Так?! Не слышу...

Толпа справа и слева от Сереги заволновалась, раздались торопливо-испуганные вскрики:

— А как же! Точно, наш милостивец... Так точно, ваше благородие! Все, что милорд говорит... все оно и верно, уж так верно...

Милорд обвел нестройно кричащую толпу недовольным взглядом. Выждал тишины и заявил со значением:

— Не нуждаюсь в вашем одобрении. В следующий раз, чтоб вы знали, следует вам только дружно проорать: “Многих лет милорду”... Понятно? Ну а теперь... Честь освободить эту землю и наши ряды от недостойного я предоставлю... предоставлю...

Взгляд Жанивского скользнул по рядам и уперся в Серегу. Губы его благородия растянулись в маслянистой улыбочке.

— Лучшему! Пусть докажет, что и впрямь может стать лучшим из моих новообретенных солдат. Подведите его к заготовке...

Серега стоял как замороженный. На фигу было вырываться вперед, стучало у него в голове. На фигу, на фигу... Подошел ухмыляющийся Луги, ухватил за плечо, рывком выдрал его из строя, прошипел:

— Ну, гаденыш, посмотрим, так ли ты хорош... Не разонравишься ли милорду невзначай!

И подволок его к основанию креста. Милорд Жанивский продолжал гаденько-сладенько улыбаться ему поодаль, привязанный к кресту непрерывно что-то скулил и постанывал в вышине. Сереге сунули в руку факел.

— Я... — сказал Серега и осекся, — я не буду. Не...

Он хотел уж было сказать — не смогу, но одернул себя. Здесь “не смогу” прозвучит как признак слабости. Подобного признания ему уж точно не простят. Могут и сжечь вместо бедолаги, а могут и вместе с ним. И его не спасет, и сам пропадет. А ведь он здесь не просто так. Ему, как Штирлицу, дело следовало сделать, невзирая ни на какие гестапы...

— Батюшке моему... — начал он, тщательно подбирая слова и направление разговора, — клятвенно обещал, что не убью того, кто не угрожает напрямую мне или моим близким...

Милорд тут же подскочил к Сереге. Собачонка, возмущенно твякнув, слетела с плеча. Глаза у милорда, ядовито-зеленые, как две свернувшиеся в клубок гусеницы соответствующей расцветки, впелись ему в лицо.

— Этот слабак угрожает мне — и моей армии... Жги! Я приказываю!

— Милорд! Ваше благородие! В лагере вашей светлости и под руководством столь прославленного воина, как вы, даже этот несчастный наверняка очень быстро превратится в стоящего вояку. Ваше руководство... тренировки ваших новобранцев поставлены столь разумно...

Грубая лесть — самая действенная лесть, думал Серега, глядя в моментально помягчвшееся лицо милорда Жанивского. И усилил натиск:

— Помилованный и знающий, что только вам он обязан своей жизнью, этот... этот недочеловек будет служить вам не за страх, а за совесть. Величие и милость милорда... — Он замолчал, просто-напросто не зная, что плести дальше. Милорд Жанивский стоял мечтательно притихший, с полузакрытыми глазами. Серега порывлся в памяти, и, махнув на все рукой, продолжил: — Трусь лбом о порог милости вашей. Вы ж как светило — согреваете нас благостью и этим... лучезарностью. Да сохранит Всевышний вашу жизнь, как

мы будем хранить каждый ваш день!

Всевышнего, похоже, он упомянул зря. Припоминая, какие именно планы у этого садиста на волю Всевышнего в его жизни... Милорд тут же размежил веки и одарил Серегу злым пронзительным взором.

— Хранить каждый мой день, говоришь... Погляжу! Но прежде... Жизнь я ему оставляю, может быть. Но... Нельзя же уйти отсюда без зрелищ. Эй, дайте ему нож! И поджигайте этого! А лесенку — оставьте!

Сереге кто-то сзади тут же сунул в руку нож с грубо обделанной занозистой деревянной рукоятью. Приговоренный к сожжению страшно завыл сверху. Подбежавший стражник сунул сразу два факела в солому, и она тут же занялась. Потянуло едким дымком горячей прелой травы.

— А ты, — повернулся Жанивский к Сереге, — можешь его спасти... С моего соизволения! Если успеешь, конечно. Ну... Но — не смей тушить огонь или что-то еще там делать! Все, что тебе позволено, — это только вытащить из огня этого бедолагу! Понял?!

Последние слова его благородию пришлось произносить в пустоту. Потому как Серега, не дожидаясь повторного приплатения, уже лез вверх по утлой, дергающейся под ногами во все стороны лестнице. Торопливо перепилил веревки на щиколотках у бедолаги. Тот, не дожидаясь его команды, сразу же задрал ноги чуть ли не к плечам — вязки соломы внизу горели уже вовсю. Едкий дым лез в глаза. Слава богу, ветерок сносил его до какой-то степени в сторону, а еще он пока что предусмотрительно задерживал дыхание. Пока удавалось... Рывком отчекрыжил веревки на руках — его собственные штаны уже то ли тлели, то ли и вовсе горели, времени посмотреть вниз и поахать как следует никак не удавалось выкроить, недосуг все, знаете ли, было, — и они оба кубарем скатились вниз по споро покрывающейся язычками пламени лестнице. Штаны на Сереге и вправду горели, сжимая голени в обручах невыносимой боли, которую он только сейчас и начал замечать.

— Ну... — прозвучало над ним в вышине, когда он вдоволь накатался по утопанной земле, гася одежку. Серега вымученно скосил глаза и увидел нерешительно как-то мнущегося рядом милорда Жанивского. — Спасать его тебе было ни к чему. Хочешь, докажу это прямо сейчас? — Местный бог и господин приосанился, прочистил горло многозначительным кашлем. И взревел: — Ты, недостойный! — Надо думать, относилось это к спасенному. — Не думаешь же ты, что я тебя и в самом деле помиловал?!

— Слово милорда... — перепуганно пискнул тот.

— Мое слово?! Оно мне и принадлежит. Я сказал, что один из вас, недостойный стать мужчиной, должен стать пеплом, и я это слово сдержу! Но, поскольку он пожалел тебя... ПОЖАЛЕЛ! А мужчина жалеть не должен, то есть настоящий мужчина жалеть просто не может! Стало быть — или он, или ты. Ты или...

— Он! — завопил худосочный, лежавший буквально на расстоянии вытянутой руки от Сереги. И захлебнулся в кашле — наглотался все-таки дыма, мерзавец. — Конечно, он, господин милорд его высокоблагородие!

— Дать тебе факел? — почти благожелательно сказал милорд. И ласково, отечески так улыбнулся.

— Да! — вопил спасенный. — Дайте мне факел, ваша милость, я сожгу его прямо сейчас...

— Видел? — Жанивский повернулся к Сереге. — Не следовало тебе его спасать. Но так и быть, пощажу. Сильный, выносливый, пригодишься. Но только вот что, э-э...

Субтильный красавчик поманил его пальцем и скорым шагом потопал к своему задрипанному сзади замку. Сереге даже встать на ноги не пришлось — чья-то мощная рука ухватила его за шиворот и поволокла следом. Открылась дверь — должно быть, это был черный ход. Его заволокли за порог, бросили на мощный прохладным камнем пол. Тащивший его, так и оставшийся неизвестным, тут же развернулся и утопал в направлении двора. В поле зрения начавшего кое-как подниматься с пола Сереги был теперь только милорд Жанивский. Крайне изящно опустивший свой обтянутый зеленым бархатом зад в крохотное креслице — на взгляд Сереги, годное разве только на то, чтобы обезьянок принимать. Не крупнее макаки.

— Крестьянин, — благожелательно спросил милорд, — хочешь земли? И открепительную грамоту от всех моих прав и на тебя, и на всех твоих домочадцев?

Ага, сказал сам себе Серега, значит, рекрутский набор проводился строго в пределах личных деревенских владений милорда. Надо бы учесть — вдруг да пригодится...

— Не теряйся, крестьянин, не бойся. — ласково прокурлыкал между тем зеленый силуэтик в креслице. — Не рассержусь. Итак, хочешь?

Серега задрал руку, старательно почесал подмышку. Смущенно так признался:

— Хочу...

— А! — Жанивский довольно улыбнулся, завозился в кресле — ну ни дать ни взять обезьянка перед получением банана. — Тут, видишь ли, дело кое-какое имеется. Моя невеста, прежде чем выйти замуж, возжелала получить некое Зеленое Око. Чтобы я его — ей на радость — прямо тут, во дворике, расположил. Любовь и все такое... сам понимаешь, крестьянин, должен я постараться выполнить пожелание дамы моего сердца.

“Ишь как гладко чешет”, — хмуро подумал Серега. Сейчас ему и в самом деле следует расстараться, чтобы бедная Лиза, не дай-то бог, не отказалась выйти за него замуж...

— Мои люди, э-э... нашли это Зеленое Око. Но, чтобы его перенести, много дней потребуется. А свадьба должна состояться через три дня. Должна!

Эк его корячит, размышлял Серега, наблюдая, как Жанивский нервно обкусывает себе ногти. Холеные, кстати, и идеально подстриженные.

— Но возможно... есть один раритет. По преданию, спрятан он в могиле рыцаря Геркая. Могилу, конечно, охраняют пасели... Но ты, крестьянин, ведь знаешь, как с ними бороться? Ты вообще сильный, могучий...

Серега отстраненно покивал. Откажешься, крутилось у него в голове, и на костер могут. Дурак ты, Серега. А еще сэр Сериога! Вот тебе и гибель от руки молившего до этого с спасением...

— Беда в том, что не знаю я, как сей раритет доподлинно выглядит. И никто не знает. И в описаниях нет... Известно только, что рыцарь Геркай при помощи его не раз спасал как друзей, так и замки их от осады и истребления, переносил их в другие места. Также и войска, изготовившиеся к нападению, переносил он в тыл врага. И после смерти... ну, родственнички, конечно, засуетились. Но, увы! Никто не мог опознать сей раритет доподлинно. В лицо, так сказать. А рыцарь Геркай себе могилу снарядил заранее — не слишком богато, но... Оружие, рыцарское снаряжение, дары любви от прекрасных дам... Одних шарфов, говорят, набралась куча со стог сена! Да и не было возможности пошарить там особо — через три дня после кончины, как и положено, на могилу явились пасели... В общем, иди и разыщи! Ежели не найдешь, то и думать не смей от меня скрыться! И учти — не найдешь, так я и тебя, и всю твою семью живьем сожгу! Всех, всех изничтожу!

Милорд напыжился, с губ у него летела слюна. Серега с удивлением взглянул на него, потом перевел взгляд на собственные ноги. М-да. Не след являться к могиле древнего рыцаря в подобном виде. В сожженных чуть ли не до задницы штанах.

— Одежду дайте, — заявил он требовательным тоном. — В таком виде — и к знатному сеньору — да его высокоблагородие призрак тут обидеться может, и до смерти обидеться причем...

— Он и так уже мертв, смерд! — взвизгнул милордишко.

— Да? Ну так он до моей смерти обидится, милорд. А вы ж сами понимаете, что вот мне-то как раз и нельзя помирать. Раньше задания...

Жанивский враз успокоился, заулыбался даже. Чудак. О его ли задании речь...

Серега переделался в принесенное (уже во второй раз на дню передевался, как и положено герцогу).

Надо отдать должное, милорд на него не поскупился. Только не поймешь, с кого он содрал одежонку — рыцарей, как заметил Серега, у Жанивского в замке не было, одни только стражники, набранные, судя по их замашкам, из самого что ни на есть отребья. А одежка самого милорда была бы Сереге явно маловата. Но то, что принесли — черная крепкая ткань, вполне приличный пошив: и штаны, и камзол с рубахой скроены как на благородного, по краю воротника скромное черное же шитье с редкими вкраплениями бисера того же цвета, — явно шилось не на стражника милорда. И размер оказался точь-в-точь, а этого крайне трудно бывало добиться прежде, учитывая несоразмерную длину рук и ног, совмещенную с крайней худобой... Впрочем, за последние дни (или уже месяц?) он ощутимо поплотнел в плечах и бедрах. Точно, поплотнел...

В завершение картины Серега водрузил себе на голову объемистый черный берет — со стальной шапочкой внутри вместо подкладки. Интересные здесь моды! Потом нагло заявил трущемуся поблизости милорду Жанивскому (тот, как и король Федя, находился рядом. Похоже, просто боялся, как бы не сбежал смерд проклятый.)

— Как благородный смотрюсь, а?

Жанивский покривил злобно губы, но ничего не сказал — боялся, видно, и словом задеть посланца, пока раритет не принесен. — С кого, интересно, ваше высокоблагородие, одеяньице-то содрано? Ну да это меня не касается. Меч вот еще пожалте, ваше сиятельство. Батюшка сказывал, что против пасели меч сподручнее...

Жанивский сначала побелел от такой наглости. А потом и позеленел — в тон своему бархату. И стал самой натуральной жанивской зеленью. М-да, жанивская зелень все перебьет. Интересно, это все же как — строго в смысле цвета... или имеется в виду еще и способность милорда издавать некие специфические ароматы? Эх, спросить бы прямо сейчас и в лицо, но ведь и сжечь могут тут же и тоже прямо сейчас, не дожидаясь и раритета...

Принесенный меч оказался длинной оглоблей. На манер, точнее, размер в размер с Клотильдиной. Серега застегнул на груди пряжечку заспинных ножен, мельком оглядел лезвие — вроде бы ровное, щербин не заметно — и пожаловался:

— Эх, не точено лезвие-то...

— Иди! — У милорда, стоявшего рядом, аж скулы повело в разные стороны от злобной и бессильной в данный момент ярости. — Ступай, смерд! Иди и принеси мне, что обещал, а не то... Стража! Проводить до точки и ждать там!

Похоже, в деле магии местный милорд, так сказать, и впрямь был “впереди планеты

всей”. Потому как стража, цепко подхватив Серегу под локоточки, поволокла не наружу, во двор, а внутрь замка. Впереди споро бежал обезьянистый милорд Жанивский, разнося по всему коридору запах тяжелых, смердящих чем-то особо нехорошим благовоний. Такими благовониями только нужники поливать. Им от этого все равно хуже не станет. Не то что ему, Сереге... Отворилась дверь, они все вместе влетели в какую-то комнатенку, темную, прямо как Серегина будущность в этом дивном местечке.

— На могилу рыцаря Геркая! — сорвавшимся на фальцет голосом возопил во всю мочь месье Жанивский.

Полыхнуло алым, белым, синим — родимый триколор, короче говоря...

Они дружной компанией очутились на небольшом холмике посреди самого настоящего луга — вон и петля речушки вилась в отдалении, и стеночка леса на горизонте присутствовала. Пышным ковром росла вокруг местная сине-зеленая травка — во всех видах и фасонах сиренево, лазорево и ало полыхали на ней и в ней цветочки всех размеров. Пахло незнакомо, странно, но все же это был именно запах прогретого теплыми лучами пойменного луга, сладковатый, пряный, терпкий и приторный одновременно. Вовсю и на все лады жужжала вокруг местная насекомая фауна, в вышине, в лазорево-синем небе, купалась в просторе неизвестная Сереге птаха и заливисто свистела на все лады. И нигде не было ни следа, ни напоминания о замке милорда Жанивского. Кроме разве что его охранников рядом и его самого вместе с ними, родимого и зелененького...

— Вот! — возвестил милорд и уморительно так притопнул ножкой — ни дать ни взять карапуз, бьющийся в очередной истерике. — Здесь, прямо перед нами, и есть могила Геркая. Во-он туда глянь, крестьянин, на закат...

Сереге кое-как сориентировался. Светило над головой, но клонится к закату. А клонится — приблизительно туда. Стало быть...

Смотреть следовало по направлению к точке поворота речной петли. Там, как раз на середине расстояния между ними и излучиной, вздымался холмик гораздо солиднее того, на котором стояли они. Посолиднее, поувесистее. Вполне тянувший и на курган, погребальный курган. Ничего такого особенного вокруг него не просматривалось, однако. Над верхушкой кургана сиренево-лазорево-синие небеса сгущались в этакую легкую дымку. Слово бы там то ли дымок парил, то ли облачко гнуса-саранчи в брачный сезон...

— Вот! — чуть ли не радостно заявил милорд — Тебе, крестьянин, следует пройти туда. Стража здесь тебя подождет. А у меня — дела. Буду в замке тебя ждать, открепительные грамоты писать.

Силуэтик в зеленом выкрикнул: “В замок Жанив!”, опять полыхнуло родимым российским триколором. И шер ами Жанивский испарился, будто бы его тут и не было никогда. Магическое переносное устройство работает? У него, похоже, между замком и этой точкой что-то вроде метро... постоянно действующего к тому же. А это наводило на всякие интересные мысли...

Стражники, числом целых шесть штук, переглянулись. Издевательски заухмылялись, но пожалуй, особого уж ехидного злорадства в их ухмылках не было. Просматривалось скорее совсем другое, если только Сереге не ошибался, но даже вот так просто подождать его тут, на холмике, — и то было не шибко радостно для служивых. Не по себе им отчего-то было...

— Ну, че ждешь? — угрюмо спросил тот, у кого морда была и пошире, и постарше. — Ступай, чего уж там... Не бойсь, семье уж как-нибудь да сообщим, чтоб не ждали...

— Спасибо, — от самого чистого сердца поблагодарил Сереге и, подумав, добавил: —

Добрый вы, однако, дядя.

Мордатый старейшина засмутился, засопел, отворачиваясь в сторону.

— Ты, это, паря... Ты от них лучше больно не бегай. Только сам намучаешься. Ляг, да и бес с ними. Толку от беганья никакого. Только им радость, тварям гадким...

— Учту, — громко сказал Серега и, уже сходя с холмика, обернулся и отвесил советчику поклон. В наилучшей д'артаньяновской манере — с отмашкой беретом и исполненным достоинства кивком головы. У стражников глаза резко покрутели...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Растет милорд...

“И горд, и весел, и славой полон взор его...” Он шел, насвистывая и беретом сбивая на ходу пышные лазоревые султанчики неизвестных травок. Почва влажно чмокала под каблуками новеньких сапог, которыми он так удачно разжился в замке Жанив. В костюме из черного плотного матерьяльчика, правда, было по этой погоде несколько жарковато...

У подножия погребального кургана, уютно расположившись в траве, сидели три дамочки. Одна — бальзаковского возраста, другая — искусительница на третьем десятке лет и — как дополнение к первым двум — третья являла собой эфемерное юное создание. Этакие три ступеньки по возрасту. У всех трех было кое-что общее: совершенно одинаково подмазанные сиреневой помадой губы, длинные петлеобразные мочки ушей, по-монашечьи скромные одеяния, и улыбочиво прищуренные карие глазки, и до крайности радостные улыбочки...

— Привет, дамы! — довольно-таки натурально сказал Серега и отвесил им заковыристый поклон — с кивком головой и махом беретными перьями. — Не подскажите, как мне попасть в могилу рыцаря Геркая?

Боковым взором он заметил, как помаленьку начали застывать в окаменелой неподвижности верхушки трав. Легкий ветерок, дувший с речной излучины, тоже исчез — тут же, прямо как по мановению неведомой руки, И стихла доселе беззаботно клеткотавшая и свистевшая в вышине птаха...

Три дамы как-то сами собой перетекли из лежачего положения в стоячее. Не задействовав при этом ни ног, ни рук. И начали обступать Серегу по кругу. Все так же весело искрились карие глазки в прорезях век, сияли радостные улыбки на бледных лицах. Он ощутил сонное оцепенение, начавшее заполнять голову и щелчками вышибавшее оттуда все посторонние мысли...

Было дремотно, зевотно, и он зевнул. Сонно посмотрел на три фигуры, подходившие все ближе. Хотелось спать, ноги уже подламывались, он безвольной куклой опустился на траву, можно сказать, почти стек, как капля по стеклу... Но тут рукоять выданного в замке Жанив меча пребольно стукнула его по виску, а в зад впилося что-то острое и колкое. И в голове махом прояснело.

— Дамы! — четко возвестил он и вскочил на ноги одним прыжком. — Сожалею, дамы, но я вам не по зубам. Увы, проклятие, наложенное на меня черным магом Мак'Дональдом, гласит, что умереть я могу только от рук людей, попросивших меня о помощи, и никак иначе...

— С-сумасшедший какой-то, — процедила бальзаковская дама. И на Серегу опять начало наваливаться сонное оцепенение.

— Можете... можете попробовать... — прохрипел он, борясь с собственными веками, норовящими закрыться. — Но у вас все равно... предупред...

— Ай! — мощно взревело вдруг юное создание. — Тут в траве... в траве серебро!

— Эт-то с прошлого, наверно, — успокаивающе проклекотала искусительница. — Он перед смертью накидал вокруг себя. Но как вот теперь к этому подойти...

Серега опять бухнулся на траву. И опять ощутил укол. Рукоять меча на этот раз стукнула его не по виску, а по затылку.

— Дамы, — заявил он, теперь уже не вставая. Нечто, злобно впившееся в зад, держало мысли в относительной ясности. — вы ж и сами творения магов. Имейте же уважение к магическим заклятиям! Я вас понимаю — хочется покушать. Но на мне ж проклятие мага, вы поймите!

— Ч-чую я ч-что-то... — опять пролепетала особа бальзаковского возраста, — но раритеты отдать не могу!

— Мне только один нужен, — скромно сказал Серега, — тот, что для переноса предметов. А в обмен могу предложить... О! Послушайте, дамы. Тот человек, что меня прислал, — так вот, он знает абсолютно про все ваши раритеты. Все, что здесь храните, до последней щепочки. Сегодня ему понадобится одно, завтра — другое. И это при том, что через три дня он станет хозяином собственной судьбы! Так что просто придет сюда и заберет у вас все, что захочет. Благо уже никто над ним не будет властен...

— Эт-то невозможно — яростно взревело юное создание, — лишь у эльфов... — И осеклась. Переглянулась с подругами.

— Откуда... откуда ты... человек, можешь знать про заклятие изменения судьбы?! — проклекотала искусительница. И игриво так повела глазками.

— Король эльфов известил, — сказал Серега. — Но заклинание... точнее, пророчество известно еще и другому человеку. И у него в замке уже сидит принцесса эльфов. В общем, так, дамы! Вы мне даете один-разединственный этот самый раритет — попользоваться. Я вам взамен — избавление от пророчества. Сами понимаете, могут и катаклизмы случиться. И холмик ваш сотрет, как и не было...

— З-знаем! — порывисто вздохнули дамы-пасели.

— Да? Приятно иметь дело с учеными людьми.

— Как выглядит твой раритет?

— Не знаю, — сказал Серега и беззаботно пожал плечами. — Знаю лишь, что переносит он, э-э, некие предметы с места на место.

— Тогда тебе в могилу надо! — неожиданно рявкнуло юное создание — Спросишь сам у рыцаря.

— Э-э... большое спасибо, — с некоторым сомнением в голосе поблагодарил Серега и уточнил: — а как туда, собственно...

— Чего ж проще, — разом хихикнули все три дамы, — подойди и постучись в подножие погребального холма. Ежели ты тот, кого старый рыцарь согласится принять, то холм и раскроется!

Прям Красная Шапочка какая-то, неуверенно размышлял Серега, приближаясь к подножию кургана. Дерни за веревочку, дверь-то и... Как вообще можно стучать в сырую землю? Разве что каблуками...

Он наклонился и похлопал ладонью почву, густо поросшую сине-зеленой травой.

Что-то всхлипнуло. По лицу пронесся холодный сырой ветерок. Слои почвы, прямо как в учебном фильме о строении матери-земли, распахнулись навстречу его взгляду. И его телу. Серегу мощно всосало внутрь расщелины, как червяка в рыбью пасть...

Вокруг было темно и тихо. На голову что-то методично капало, напоминая о древней китайской пытке — это когда осужденного привязывали как раз под такой капающей струйкой, так, чтоб именно на темечко и капало. Вода, она ведь и камень точит. Вот и стесывала череп до мозга. А больше (если только не считать неумолчную капель) в темноте не раздавалось ни звука.

— Эй! — нерешительно позвал он, припомнив, в каком месте очутился. — Рыцарь Геркай! Милорд и сэра...

— От милорда и сэра слышу, — ворчливо отозвался кто-то. — Ну, чего трусишь-то? Раз допустил к себе, значит, достоин. Как через паселей прошел?

— Пропустили. На мне заклятие — умереть могу только по строго определенному образцу. И никак иначе.

— Бывает, — крикнул голос, — на меня, помню, тоже как-то... Ха-ха! Но то приятное заклятие было.

— Неснимающихся штанов?

— Нет, наоборот. Сами падали, как только... Ну, это все мелочи. Хотя вспомнить и то приятно. А уж поговорить и вовсе... Бывало, все бывало... да и прошло. Чего тебе, выюнош? Зрю на тебе звание рыцаря, дарованное за особые заслуги. Посему только и разговор веду.

— Раритет, — заявил Серега, — которым можно переносить с места на место.

— Только-то? Три шага вперед, два направо. Или налево? Постой, сейчас я тебе свет включу.

Неровно вспыхивая, разгорелся тускло-синий свет. Серега сидел в самой натуральной могиле — кругом нависали косыми пластами сырые земляные стены. С них капало. Было полное ощущение того, что вот прямо сейчас все и обвалится. И на нем кончится грозная слава рыцарской могилы. А земляные пласты прикроют его, слабо копошащуюся мошку, на дне чужого страшного склепа. Прикроют и придушат...

— Не бойсь, — сурово повелел голос, — тыщи лет до тебя стояло и дальше простоит. Видишь сундук с алыми отметинами? Запертый на рогульку?

Серега покивал. Сундук и вправду просматривался в синей полутьме. С левой стороны.

— Ступай к нему, — громохатая грозными раскатами в тесном склепе, повелел голос, — сымай рогульку...

Серега послушно подошел, послушно снял, протянул было руку, чтобы поднять крышку, но передумал. Невежливо было как-то — лазить по хозяйским сундукам, без прямого на то разрешения хозяина.

— Усек, что крышку-то поднимать я тебе не говорил? — прогремел незримый призрак. — Ха-ха! Молодец. То, что там лежит, тебе все равно без надобности. Яндвер велома — трагический доспех. Тот, кто его надевал, непременно погибал, принося победу своим сторонникам. В любой, даже заведомо проигрышной битве. Прежде, бывало, сеньоры очень любили подсовывать его своим вассальным рыцарям. Чего не сделаешь ради победы... Рогульку-то взял? Это она и есть. Иди. У меня тут все сплошь раритеты. Вон и сундук, в котором сей доспех покоится, тоже. Против воров раритет. Кто его раскроет, не будучи при этом хозяином, тот тут же и страшною смертью помрет... Вот открыл бы ты, не дожидаясь слов моих, так и тоже бы... Так что топай, топай давай. У меня тут много еще чего валяется. Запнешься ненароком, а очнешься уж в краях запредельных... Хотя и это не так уж плохо. Даже хорошо. Мою бы старую душу туда, да на вечный покой. Эх! Нет же, насовали своих гадостей — мол, ты, Геркай, умница, воин хоть куда! Так что сторожи давай. Вот и сторожу. Вечно. Не пускаю самые гадкие из раритетов обратно в мир...

Снова рвануло сырым холодным ветерком. И Серега очутился снаружи могилы. На жарком летнем пойменном лугу чужого мира.

Пасели, все трое, радостно повернули к нему лица. Вернее, лики, с которых они уже сбросили маски людей. На Серегу глядели морды в отвратительных мертвенно-синюшных

складках, змеящиеся губы, гнойные провалы вместо глаз.

— Н-ну что... отдал? — зашипели разом все трое.

— Ага, — коротко сказал Серега. И, сглотнув тошнотворный комок, подкативший к горлу от лицемерия кошмарных рож, добавил: — Дамы, не могли бы вы мне оказать еще одну услугу... Если вдруг я пришлю к вам сюда одного человечка, займетесь им лично?

— Ах шутник, — прокурлыкала неведомо какая из паселей — со сбрасыванием человеческих ликов между ними исчезли все различия. Не было больше ни бальзаковского возраста дамы, ни юной чаровницы, — н-но уважительный. Конечно, малыш. Мы вами всеми занимаемся, всеми человечками...

Стражники, почесываясь и зевая, вольготно возлежали на верхушке того самого холмика, где он их покинул. Заметив Серегу, все разом повскакали, кинулись ему навстречу. Правда, далеко бежать не рискнули — долетели только до подножия холмика. И встали там как вкопанные, зачарованно уставившись на него. С традиционно так отвисшими нижними челюстями...

— Привет! — еще издали помахал им рукой Серега. — Боец спит, служба идет, так, что ли?

— Ты... — выдавил наконец мордатый старшой. — Ты... Как? Откуда? Все же ходил туда... или нет?! Милорд же тебя...

— Не надо о нехорошем, — наставительно сказал Серега. — Люди должны о приятном тоже беседовать. Вот ты, например... Ты из какого села?

— Верлофф, — прохрипел мордатый, — а... что?

— Как с этим обращаться — и ума не приложу, — задумчиво протянул Серега, — так, что ли...

Он взял рогульку за два конца, торчавших пониже раздвоинки. Передний удлиненный сучок, приподнявшись кверху, тут же дрогнул. Прямо как у рудознатцев. Или у искателей воды... И заколыхался волнообразно, без всякого участия в этом процессе Серегиных рук.

— Э-э... Мне бы всю эту компанию — но без меня — отправить в некий Верлофф...

И стражников милорда Жанивского как корова языком слизнула. Подножие холма перед Серегой было чистеньким. И девственно пустыньким — от людей, имеется в виду.

— Вот и ладненько. Молодца, словом, — сказал Серега рогульке. И та медленно так качнулась. словно бы принимая комплимент и записывая его на свой счет. — А теперь, милая, меня самого в замок Жанив, желательно прямо в покои эльфы Лизы...

В отличие от переносного аппарата неизвестного устройства милорда Жанивского, спрятанного от пытливых глаз в темной комнатке, при работе рогульки триколорного свечения не возникало. Просто был здесь — и вдруг стал там — в комнате, до безобразия разукрашенной зелеными бархатами и шелками всех оттенков. И статуэтками. Серега пригляделся — точно, скульптуры, все до одной, изображали только одну натуру: а именно милорда Жанивского в разных размерах и позах. И был он в разных позах и без поз... Окошко в комнате, похоже, выходило во двор. Потому что на нем красовались наглухо закрытые ставни.

— Вот мы и на месте, — ласково сказал Серега рогульке. — Осталось только покликать бедную Лизу. Мадам Эльлизра! Лизонька, короче!

Шелестнуло. Он обернулся.

Сзади, прямо за его спиной, в глухих занавесях зеленого бархата была дверца, сейчас распахнутая. И в дверном проеме, потрясенно глядя на него, стояло самое чудное создание.

Зеленовласое и с небесно-голубыми глазами...

— Ты кто? — в достаточной степени враждебно спросило зеленовласое видение. И Серега враз очнулся:

— Э-э... Девушка. Дама... Эльлизра?

— Я тебе не Эльлизра, смерд, — важно бросила девица, — а принцесса эльфийской крови. Ее величество Великая Дама Эльлизра!

— А почему ж не высочество? — как-то машинально бросил он. — Величество — это ж, как я помню, только для тех, у кого и коронация была, и прочие дела... На тему короны.

— Будет, смерд! — злобно взвизгнула бедная Лиза. — Все будет! Через три дня я стану королевой как эльфов, так и всех людей! А сейчас — что ты здесь делаешь? Как смел ты в мои покои заявиться?

— Э-э... Ее... ваше величество, — поправился он, — ваш батюшка там о вас очень даже дюже беспокоится. Вот и попросил, знаете ли, заскочить проведать...

— Ах, папаша, — скривилось зеленовласое видение в брезгливой мине. И уничтожающе так сделало ручкой. — Привет старику. А теперь пшел вон, быдло! Никуда я с тобой...

— Бедная Лиза, — вздохнул Серега. И взял рогульку за ее рабочие сучки. — Короче, совсем, совсем бедная...

— Не-ет! — отчаянно завопила девица Лизка. — Оно на меня не подействует!

Конец ее тирады звучал уже в том самом регистре, которым его как-то оглушила девица Эльфирра... попросту Фира, так? И он торопливо выкрикнул:

— К папаше ее... в Эльмир и на Эльрра!

И дико вопящая фурия исчезла. Только чуть колыхнулись изумрудные занавеси.

— Ну а теперь — очередь милорда, — сказал Серега одной из скульптур. Той, на которой его высокоблагородие протягивало неблагодарному миру виноградную гроздь... или, во всяком случае, гроздь чего-то такого, шибко напоминавшего Сереге виноград. Сказал и пошел искать лестницу. Надо думать, девица Эльлизра размещалась на верхних этажах этого бельведераво-лесочке. Девица на высокой башне — это, знаете ли, прямо-таки феодальная традиция...

Лестницу он нашел довольно быстро — она находилась прямо супротив дверей в дамские покои. И действительно, этаж, на котором разместили эльфеву Эльлизру, был последним в здании — все пролеты лестницы заканчивались прямо здесь, у его ног. Над головой был уже только потолок. Он двинулся вниз, осторожно, замедленно, стараясь ступать как можно тише. И то и дело прислушиваясь — не идет ли кто? Ему, надо отметить, повезло. Он благополучно спустился вниз, так и не встретив на широченной лестнице ни единой души — то ли и впрямь замок Жанив был настолько... малолюдным, то ли просто подниматься вверх всем прочим, кроме господ, было запрещено. Дабы не потревожить Великую Даму Лизку. Лиза, Лиза, Лизавета, я люблю тебя за это... И за это, и за то...

Пустынный первый этаж. И распахнутые двери напротив, а в них, как в раме, разворачивается действие, столь типичное для замка Жанив. Типичное, судя по поведению действующих лиц. Кои не суетились, не носились с испуганными или хотя бы просто растерянными лицами, а вполне даже радостно лицезрели и участвовали в происходящем...

Напротив широких двустворчатых — и карета въедет — дверей располагался тот самый пяточок, на котором в прошлый раз Серега чуть было не удостоился счастья поучаствовать в сжигании человека на кресте. И потом чуть было и сам не угодил на место осужденного... В этот раз декорации повторялись в точности — опять торчал посредине пяточка крест, точно

также к нему уже и привязали несчастного, подносили сбоку вязки соломы...

А рядышком гоголем прохаживался милорд Жанивский. Как всегда, в зеленом. Правда, костюмчик на этот раз был уже другой — успел сменить, сволочь... Свеженький, чистенький. Не то что он — после того луга весь потный... и передрожавший от страха. Вот, значит, как?! Его — в пасть паселям, кои, если он только правильно все помнит, обожают пожирать народишко прямо живьем и еще имеют при этом пакостную привычку не торопиться, откусывать по частям и заботливо удерживать при этом человека как при жизни, так и при сознании. Как говорила Клотильда, седмицу — неделю по-нашему — будешь жив, а они все это время тебя по частям будут изничтожать, по кусочку тела срезать для прокормления... Его — туда, на прокорм этим тварям, а сам — сюда. Ванну для милорда, костюм для милорда и развлечение для милорда. Которое милорд, по всей видимости, лишь отложил. Из-за Сереги. Маньяк вы, милорд Жанивский, маньяк и садист...

Сереха, как-то разом позабыв о своем любимом тезисе, что любую ситуацию надо сначала обдумать, просчитать, а уж потом только и... лезть в нее нахрапом, закинул руку вверх. Со свистом вытащил меч из ножен. И ринулся вперед, держа его перед собой. К кресту уже подносили факел. По двору стелился хрипящий стон приговоренного к сожжению заживо...

Вот чего он не предусмотрел, так это того, что Жанивский и не подумает драться.

Когда Сереха, обозленный и решительный донельзя, вылетел во двор и в три прыжка достиг обезьянистого силуэтика милорда, тот наконец-то обернулся к нему лицом. Видимо, потрясенные рожи стражников все-таки подсказали, что у него за спиной что-то происходит. И разом оцепенел — нижняя челюсть решительного красивого лица безвольно отвисла, глаза сошлись на переносице...

— Жанивский! — рыкнул Сереха, думая этим привести того в чувство. — А ну живо дерись давай! То есть я хочу сказать — я тебя, гад... на поединок! И попробуй откажись!

У отупевшего от страха милорда в голове, видимо, все же сработало какое-то реле. Он хлопнул глазами, подтянул челюсть вверх. Вернул на лицо красивую решительно-усталую мину.

— Смерд! — бросил свысока. — Холоп! Быдло! Быдло не может вызывать благородного человека на поединок! Стража, взять его!

Стражники качнулись было в сторону Серехи, качнулись раз, другой... Да так и остались на месте. Потому что он предупредительно повел в их сторону мечом. Даже не повел, а ткнул.

— Ты, благородный... Я — сэр Сериога Лабрийский! — с еще большим презрением бросил Сереха. — Герцог Де Лабри... Дерись, плесень. Задничная, от навозоеда. Дерись говорю!

Милорд помотал головой, отступил назад. Вскинул руку. Злобно зашипел что-то. Явно начало заклинания.

— Не хочешь — как хочешь, — с грустью сказал Сереха. Сунул меч под мышку, прижал его локтем, чтобы не упал, достал рогульку. — На могилу рыцаря Геркая его.

И Жанивский исчез. Нет милорда — нет проблемы. И не будет никакого обряда Луны...

Сереха обозрел двор, в котором враз уменьшившиеся и вширь, и ростом стражники жались по углам. Убрал рогульку временно за пояс. Распорядился:

— Этого, на костре — отвязать и отпустить. Все остальные свободны. — И вложил меч в ножны.

— Но, ваша милость... Милорд герцогское сиятельство! — проскулил кто-то у его коленки. — А кто ж теперь...

— Никто, — философски сказал он. — Был милорд — и нет милорда... Замок ваш ребята. Или наследника, если таковой имеется...

Радостно подскочившие стражники заорали что-то типа здравицы в его честь. Вариант извечного: “Хай живе...”. Ладно, черт с ними. Главное, до “Лабрийская зелень все победит!” все же не додумались...

Он вытащил рогульку и назвал адрес — король Федя. Эльмир, планета Эльрра.

В том самом лесу, откуда он и отправлялся в гости к милорду Жанивскому, был уже вечер. И довольно пустынный вечер, надо сказать — нигде не было ни души. Классическое “Не ждали”, но только в более современном варианте — когда не просто не ждали, но еще и дом продали, а сами смылись за тридевять земель...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Сзади кто-то тоненько ойкнул. Он оглянулся.

Из-за дерева медленно выступала девица... Эльфирра, кажется. Или кто-то другой, но очень на нее похожий. Но уж точно не Эльлизра — та вела себя понадменней.

— Человек, — опять-таки тихо сказало чудное видение, — король уже отбыл... Вместе с принцессой. Но он шлет тебе привет и подтверждает все ваши договоренности. Леди Клотильда будет жить, тебя... вас мы вернем домой, как только вы сами нас об этом вслух — именно вслух! — попросите. А сейчас вернуть вас в тот самый лес и в ту же самую минуту, откуда мы вас забрали, поручено мне. Вот...

— Ну так возвращай, чего стоишь? — грубо бросил ей Серега. На душе было мерзко как-то — мавр сделал свое дело, мавр может уйти...

Зеленовласая Эльфирра текуче поменяла позу. Изогнула спину. Верхушки остреньких грудей смотрели чуть ли не в небо.

— Человек. Милорд. Ты устал, наступает ночь. И потом... я слыхала... ты все еще девственник? Правда?!

— Ну?! — еще более грубо бросил он. Лицо горело. Кончики ушей вообще почти дымилась...

Эльфирра подошла к нему совсем близко, запрокинула неуловимо-прекрасное лицо, вздохнула. Серега ощутил аромат, кружащий голову. Горячий и пряный.

— Все равно никто не поверит, милорд, что вы были в гостях у эльфов — и не утратили своей девственности... И еще... Даже помыслить о том, что кто-то — хотя бы даже и вы, милорд, — может такое предположить, для нас, здешних эльфов, это же просто оскорбительная мысль...

Эльфирра... нет, для своих просто Фира, а он, надо полагать, уже почти что свой... во всяком случае, на одну эту ночь... Так вот, Фира кончиками пальцев погладила ему грудь. Через рубашку. И внутри Сереги все одновременно ухнуло и взмыло. Фирочка... тоненько заскулил кто-то невидимый внутри.

— Вот только рогульку, милорд, придется вернуть туда, где она и была. Ни к чему людям шастать по Эльмиру, как по собственной прихожей. — Глаза ее смеялись. Темно-голубые, как воды самых древних земных морей...

— Не вопрос, — покорно сказал Серега, ощущая, как тонкие пальчики слушивают с него одежду. — Я и брал-то только попользоваться...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Союзники и союзницы

А наутро он снова был в том же самом лесу, откуда его изъяли. Опять был гурер, удушье... И встревоженное лицо оборотня, качающееся где-то в вышине над ним, и вопрос — с чего это так поплохело милорду? А рассказывать он не стал ни о чем — просто не пожелал. Сначала оборотень, потом и леди Клотильда все узнает... Ни к чему. Он как-никак прикончил ее чистую любовь, милорда Жанивского. И вдобавок переспал с другой, у которой нежнейшая лунно-голубая кожа...

Оборотню очень скоро надоело тормозить его. И он завалился спать в соседнем кустике. А Серега остался бдительно озирать Дебро и все его окрестности... И ждать возвращения Клоти.

От нечего делать он принялся вспоминать дом родной, как, бишь, его там... Землю, вот. И неожиданно для себя обнаружил вдруг, что не тянет его предаваться приятным воспоминаниям о ней, о далекой родине. По одной простой причине — не было у него ни о ком там “воспоминаний чистых, нежных”. Друзей он не имел — ни во дворе, ни в колледже. Подруг — тем более. Вот разве что родители... но он явно еще не настолько повзрослел, чтобы воспоминания о доме родном могли приобрести для него этакое ностальгическое очарование. Чертовщина какая-то получалась. Сплошные семнадцать лет одиночества в довольно людных местах. А вот интересно, лениво подумалось ему, изменится ли это положение вещей теперь, то есть потом, после его возвращения отсюда? Физических силенок у него прибавилось. Вместе с уверенностью в себе..

Из глубины леса, прерывая его размышления о себе, любимом, начал накатываться отдаленный топот скачущих лошадей. Или только одной лошади? Оборотень тревожно выскочил из кустиков, метнулся туда-сюда, потом ухватил Серегу за рукав и потащил к тому самому месту, где должен был находиться его гнедой. Он и стоял себе там, хрупя местной сине-зеленой травкой. Ядовитой даже по внешнему виду.

— На коня! — И довольно сильным толчком оборотень послал Серегу в седло.

— Ну и что дальше? — торопливо спросил Серега, ловя рукой поводья.

— Не знаю. Или это леди Клотильда или кто-то другой. Сюда, милорд, вот в эти кусты. Если это не наша милейшая дама, то я отвлеку их, а вы поскачете вон в том направлении. Там Отсушенные земли, бывшие Отсушенные земли. Там должен найтись кто-нибудь, кто вам поможет. Я сейчас сбегая разужнаю.

Оборотень повернулся спиной к Сереге и начал пригибаться к земле. Под кожей спины заостренным валиком вылепился меняющий свою форму хребет...

Серега торопливо схватил прядь черных длинных волос, полоскавших на ветру:

— Разведай и возвращайся сюда! Ты понял меня?! Убегать будем только вместе!

Оборотень повернул назад заостряющееся буквально на глазах лицо, переливающееся на ходу в летящий росчерк оскаленной морды.

— Милорду незачем бояться. Пока он не появился в этом мире и на этом клочке суши... никто и никогда не мог поймать меня прежде. Это воля богов, а не вина милорда. Но сейчас они должны быть на моей стороне... потому что я — на вашей.

Последние слова оборотень то ли прорычал, то ли прокашлял. Прядь черных волос в руке Сереги извернулась, как живая, и исчезла в роскошном ворсе черно-серебряной шкуры.

А затем черный лис словно растворился между деревьями.

И Серега остался совсем один.

Адын, совсем адын...

Вздыхнув, Серега попытался представить, что в первую очередь сделала бы Клоти, окажись она здесь сейчас. И так, она бы... Приготовилась к бою. Прикинула, как и от кого будет защищаться. И так далее, и тому подобное...

Из оружия у него был длинный эльфийский меч — в ножнах за спиной. Плюс нож за голенищем сапога. Он потащил из узких ножен выходящее с ледяным посвистом лезвие. Взял в правую руку удобную, сплошь покрытую каплеобразными самоцветами рукоять, покачал меч в руке. Перенес в левую. В ней, как ни странно, меч держать было удобнее. Вроде бы мать что-то такое рассказывала о том, что в детстве он был левшой, но его долго и старательно переучивали на стандартного правшу. Видимо, переучили не до конца. Он два-три раза рубанул мечом по воздуху, вкладывая в замах силу всей своей руки с поворотом тела — так, как это делала леди... тьфу, просто Клоти.

Вышло впечатляюще. Лезвие пронеслось по воздуху широкой блестящей полосой. С сухим змеиным шорохом. Две или три близлежащих веточки покорно опали на землю.

Кроме того, у этого меча было одно очень большое преимущество перед здешними мечами. Те, насколько помнил их в действии и в плане внешности сам Серега, никогда не предназначались для колющих ударов (подобных тем, какие наносили в исторических романах вовсе уж доисторические красавцы-мушкетеры). А этот вот меч, серебром сияющий в лучах местного светила, — ЭТОТ был предназначен. И имел как раз для этой цели великолепно отточенное жалообразное острие. А нож можно было взять в правую руку.

Он так и сделал. Затем застыл в лесу конной и хорошо вооруженной статуей. Топот раздавался все ближе. А вот лиса нигде не было видно...

Неожиданно черная зверюга выскочила из-за стволов, а за ней из лесного пространства тут же материализовалась хорошо знакомая Сереге фигурка всадницы верхом на смоляном жеребце. Следом показалась маленькая (по сравнению с битюгом Клоты) рыжая лошадка. С всадником, имевшим какой-то странный вид. Больше всего это напоминало кокон из тканей, навьюченный на бедную лошадь...

Но главное — вернулась Клоти!

Волна облегчения затопила Серегу. Лес тут же просветлел и перестал действовать на нервы. А вот меч в руке отчего-то сразу потяжелел...

Приблизилась леди Клотильда, смерила его с ног до головы тяжелым оценивающим взглядом:

— Хорошо... Наконец-то вы... ты, Сериога, научился вытаскивать оружие из ножен в случае опасности. Или просто в ожидании опасности. Только спину надо держать ровнее. Колени согнуть. Нож держать лезвием вверх, меч — лезвием вниз и от себя. Рот закрыть... и вообще, что ты тут встал, как баран на водопое? Врага надо дожидаться в невидимости. Ты воин или статуй для всеобщего обозрения?

Серега глупо улыбался, ошарашенный появлением леди Клотильды. Вместе с ее руганью. Рядом разогнулся в человека черный лис...

И тишину леса пререзал яростный крик. Серега, вздрогнув от неожиданности, поискал глазами источник ужасающего ора. И обнаружил — фигура на рыжей лошадке.

— Это... это кто же? — несколько запоздало поинтересовался он. Чтобы переорать создание в вуалях, пришлось кричать.

Леди Клотильда ехидно улыбнулась ему с высоты черного жеребца:

— А это ваша старая знакомая, милорд герцог.

Вопль прекратился, сменившись негодующими всхлипами, в которых можно было разобрать обрывки слов типа “неслыханно” и “да как они смеют!” вперемешку с самыми грязными матерками, на которые только был способен уроженец здешних мест. Причем благородный уроженец — изощренная ругань так же, как и короткие волосы, являлась здесь достоянием правящего класса. За ненароком подслушанный кем-нибудь мат простолюдина могли и казнить..... Серега подошел, двумя пальцами приподнял серо-синюю вуальку в густом серебряном шитье, прикрывающую то место, где у всех людей традиционно находится лицо (Гюльчатаяй, открой личико), и узрел...

На него, тараща возмущенные глаза и кривя губы, смотрела леди... Эспланида, кажется. Если только он не ошибся с правильным произношением ее имени. Леди Эспланида тут же выстрелила в него гневной тирадой, в которой словечки типа “дерьмо плеснееда” и “нахал” звучали так часто, что основной смысл фразы, если он там и был, уже абсолютно не улавливался.

— Э-э... — несколько односложно сказал он и торопливо прикрыл даме личико. — А-а... а чем, собственно, она так недовольна?

Клотильда смерила его красноречивым взглядом типа “Ну ты и дурак!” и зашлась в гомерическом хохоте. Абсолютно голый оборотень, в притворном смущении потупив глаза в землю, ответил на его вопрос:

— Похоже, леди несколько разочарована тем фактом, что вы заставили ее узреть меня в моей полной и неприкрытой наготы.

Серега с обиженным возмущением посмотрел и на леди, и на оборотня, но леди продолжала оскорбленно рычать, а оборотень не переставал издевательски скалиться, не предпринимая при этом никаких попыток прикрыться или хотя бы спрятаться.

— А может, сударь, — с нажимом сказал жаждающий хоть как-то разрядить обстановку Серега, — леди оскорблена не фактом вашей наготы, а всего лишь скудостью увиденного...

Сработало! Оборотень, дернувшись всем телом, повернулся и нервным шагом удалился в кусты. Безуспешно пытаясь при этом изобразить всем тылом, проща говоря — задом, самое искреннее презрение к этой недостойной компании. Леди Клотильда перешла с громового хохота на сдавленные хиханьки, направленные теперь уже в сторону удаляющегося оборотня. Леди Эспланида наконец-то замолчала и решительным жестом слегка приуменьшила сверху объема вуалевого кокона.

— Сэр Сериога! — Дама, не дожидаясь помощи от него или от кого бы то ни было еще, уверенно перебросила ногу через седло и спрыгнула на землю. Спрыгнула гораздо изящнее, чем это проделывал сам Серега, к примеру. А ведь ему не приходилось при этом нести на себе километра полтора лент, вуалей и прочих там тряпок...

— Как хорошо, что мы вновь встретились! — По лицу дамы никак нельзя было сказать, что она действительно рада этой встрече. — Знаю я, что леди Клотильда всего лишь сопровождает вас в путешествии вашем, и заклинаю воздействовать на нее любым способом! Из всех доступных..

— Это что же, и мордобой включая? — издевательски поинтересовалась Клотильда и, заломив вверх левую бровь, добавила: — А не жалко носителя своих цветов-то? Побью ведь.

Стерва Эспи (сейчас это определение к ней подходило больше, чем леди) щедро одарила Клотильду взглядом разъяренной и очень опасной змеи. Из тех, что ползают с

погремушками на хвосте или носят очки на кашпошоне.

— Вы носитель моих цветов! Вы должны быть рыцарем, пусть на деле вы и не... Не являетесь таковым! Умоляю вас о защите и спасении моем от этой особы!

И разъяренная Эспи ткнула пальцем в лицо ухмыляющейся Клотильды. И как только глаз не выколола...

— А что случилось-то? — спросил Серега.

— О сэр Сериога! Свершилось! Мне было предложено стать женой... его благородство барон Квезак попросил меня о чести стать его супругой! И, о чудо — мой брат дал согласие! Я как раз направлялась с почетным эскортом в замок барона для свершения таинства бракосочетания, когда вот эта... вот это гнусное создание!..

— Священная комиссия, очевидно, пришла к соглашению с милордом Баленсиагой, — деловито сказала Клоти. — Стер... то есть леди Эспланида была отправлена к своему новоявленному жениху. Я думаю, весть об окончательной утере жертвенного агнца, то есть ТОГО САМОГО мальчика, еще не дошла до ушей Священной комиссии. Скорее всего маркиз Баленсиага тщательно скрывает от них эту неприятную новость и, чтобы задобрить и отвлечь, отдал пока что свою сестру Квезаку. Кроме того, у него вполне могут быть и свои планы относительно барона Квезака и его имущества...

Леди Эспи снова яростно зашипела, но Серега ее уже не слушал:

— Значит, Эспи... леди Эспланиду отправили к барону с почетным эскортом? А... где он? Эскорт?

Клотильда молитвенно возвела очи:

— Увы... Они, я думаю, сейчас уже стоят перед своим Создателем. Вам печально, не правда ли, сэр Сериога? Хотите, я помолюсь вместе с вами за упокоение их душ...

— Ле... Клотильда, — попытался было попенять Серега скорой на расправу (и все в духе разгульных стрелецких казней) девице, — они не были нам врагами. Они нам ничем не угрожали!

Клотильда холодно глянула на него:

— Вот ТЕПЕРЬ они нам действительно уже ничем не угрожают. А что до этого... Они вполне могли донести, что мы все еще живы. И при этом, что мы живы в столь опасной близости от нашего... от их душки барона.

— Не надо было забирать эту стер... эту леди у них, — огрызнулся Серега. — Глядишь, они и не знали бы о нашем существовании...

Красотка с мышцами спецназовца возмущенно вытаращила глаза:

— Что? И дать возможность Баленсиаге породниться с нашим врагом?! А Квезаку — получить богатенькую супругу и стать еще могущественнее?!

— Ну хорошо... — начал было Серега, но его прервал негодующий вопль за их спинами:

— Что?! Ах ты... Саму никто не берет замуж, и посему ты завидуешь другим, кои оказались достойны внимания благородных и прекрасных сеньоров?! И мешаешь ты им воссоединиться с ними, ты, мужлан в облике женщины, дерьмо, недостойное титула леди, завистливая тварь, неспособная привлечь к себе внимание мужчин.

Клоти бодро улыбнулась, но Серега увидел, как моментально осунулось и погрузтело ее лицо. Ах да, милорд Жанивский...

— Леди Клотильда! — крикнул он, игнорируя вопли сзади. — Вы уверены, что эту леди стоило спасать от участи, что ждала бы ее в замке барона Квезака?

Леди Эспланида отнюдь не прекратила оповещать все лесное пространство о

нравственных и физических проблемах леди Клотильды, но заметно поумерила звуковые мощности, явно пытаясь одновременно и слушать, и критиковать дурные качества баронессы Дю Персиваль. Та не достойна, судя по ее словам, даже чести обслуживать самые низменные интимные потребности всякого быдла типа конюхов и прочих золотарей.

— Не желаю я обсуждать слова гадкие, коими он описывал отношение свое к... к леди, — царственно отказалась леди Клотильда. И с выражением оскорбленного достоинства отвернулась от Сереги, демонстративно занявшись упряжью своего жеребца.

— М-м...

Ситуация ухудшалась буквально на глазах. Серега вздохнул и повернулся к леди Эспланиде.

— Честное слово, я ничего не придумываю, — сказал он. — Его интересует ваше приданое. Только это. Сами вы для него ничего не значите. И отзывался он о вас не слишком радостно...

Почтенная Эспланида метнула на Серегу один-единственный, короткий, но внимательный и острый, как меч самой леди Клотильды, взгляд. И, как ни странно, примолкла, прекратив изрыгать ругательства и хулы в адрес Клотильды.

— Конечно, вы пока не придаете этому значения, — осмелев от маленькою успеха, решил развить наступление Серега. — Женится он на приданом, но жить-то будет с вами. Я... мы с леди Клотильдой уже успели разок побывать в его лапах. Он хотел уморить голодом невинного ребенка, младенца, который ему угрожать никак не мог. Просто так, за компанию с нами. Мы видели человека, которого он собственноручно изуродовал, и не одного. Это не тот мужчина, рядом с которым женщина, да еще и богатая наследница, может жить в безопасности. Лично вы будете ему совершенно не нужны. Богатые наследницы как-никак легко убиваемы. И заменимы новыми. Подумайте об этом...

Леди Эспланида молча повернулась к нему спиной и, коротко всхлипнув, направилась к кустам, на ходу сдирая с себя витки вуалей и покрывал.

Серега смотрел ей вслед и ощущал, что его собственное настроение начинает как-то неуловимо меняться. Во-первых, леди Эспланиде он был кое-чем обязан. И стало быть, просто по чести и по совести спасение ее от участи жертвенного агнца становилось прямо-таки его долгом. Тем более что агнца собирались отдать в руки барона Квезака, откровенного садиста и маньяка. Во-вторых, она была дамой решительной и умной. Такие обычно вполне хладнокровно наступают на горло собственным желанием. В том случае, если дальнейшие выгоды перевешивают нынешние простые радости жизни.

— Гонец был из ее свиты, — деловито сказала Клоти, как-то незаметно очутившись у Сереги за спиной. — Проскакал вперед, предупреждая, что сестра его господина уже близко. И как раз возвращался назад, к отряду, когда вы... ты его заметил. Возвращался для того, чтобы сообщить им всякую ерунду — в какие ворота процессии следует въезжать да как страстно томится барон по своей невесте... В общем, в замке ее уже ждут, и если к вечеру она не явится, то барон кинется на ее розыски. А она не явится...

— Почему же это не явится? — спокойно возразил Серега. — Она как раз и явится... благодаря мужеству поголовно полегшей в бою с лесными разбойниками охраны. Еще и сундук с приданным ухитрится с собой привезти... С самыми необходимыми для нее вещами.

Клоти с подозрением уставилась на него.

— Все в порядке, — успокоил он свою грозную наперсницу, — голову мне не напекло. И с ума я не сошел. Вина не пил и лбом о древесные стволы в ваше отсутствие не бился.

Просто... если мы, например, явимся туда без оружия, то нам нужен кто-нибудь, кто это оружие провезет для нас в замок Дебро. А сундук с тряпками — это идеальное прикрытие. Для нашего оружия, и вообще.

— И как же мы туда явимся? — с нажимом спросила Клотильда. — Как пройдем через охрану у ворот, пусть даже и безоружными? Нет, я не так сказала. К тому же еще и безоружными!

— Попользуемся лисьей шерсткой, — невозмутимо ответил Серега, проигнорировав раскаленный от ярости взгляд леди Клотильды, которым она ткнула его в лицо — прямо как иглу вонзила. — Токмо пользы дела для, а не ради баловства любовного!

Леди Клотильда, с трудом проглотив нечто очень горячее, явно вертевшееся у нее на языке, сказала:

— Даже обратясь в лисиц, как пройдем мы в ворота? И как заставим леди Эспланиду содействовать нам? Она в таком восторге от перспективы стать баронессой Квезак... во всяком случае, была в восторге пару минут назад, когда я видела ее в последний раз. Вместе с вами, кстати говоря, видела.

— Мы ей предложим не менее приятную перспективу, — заговорщицким тоном поведал Клоти Серега. — Все тот же милейший барон Квезак в мужьях плюс безопасность в дальнейшем.

— Ну-ну...

— Леди Эспланида! — обратился Серега к кустам. Оттуда доносились скребущиеся звуки попеременно с проклятиями. — Выйдите к нам! Поговорить бы надо...

Леди Эспланида фурией вылетела к ним, оставив позади себя в кустарнике дорожку из обломанных веток.

— Я вся в вашем распоряжении, о незаконнорожденный сэръ менестрель! — прорычала леди и сделала издевательский реверанс.

Леди Клотильда тяжелой рукой похлопала Серегу по плечу. Сочувствующе вздохнула:

— Увы, сей противник даже мне не по плечу, ваше сиятельство. Удаляюсь, дабы противоборство ваше не задело и меня рикошетом. На помощь меня не зовите, милейший герцог — все равно не приду! Сразиться с леди Эспланидой в поединке словесном... Удачи — и прощайте, прощайте на всякий случай, мой бедный и незадачливый друг!

И Клоти неторопливо удалилась под прикрытие кустиков. По пути начав распевать ужасающим фальцетом одну не совсем приличную, но очень веселую песенку. В которой, если только Серега все правильно разобрал, речь шла о некой скромной и застенчивой леди, каковая по робости своей так и не осмелилась отказать юному и отважному пажу в исполнении одной не совсем пристойной прихоти. Который затем и довел бедняжку до смерти своим пылом в ходе выполнения этой самой прихоти...

Серега вздохнул. Тяжела ты, доля феодалов...

— Леди Эспланида, — грубовато начал он. не желая слишком долго ходить вокруг да около, — вы, как я понимаю, по-прежнему хотите выйти замуж за эту свинью, барона Квезака. Мы по-прежнему хотим причинить ему как можно больше вреда, а по возможности и вовсе прибить. Поскольку нам с ним несколько не совсем удобно рядом — мне, как герцогу Де Лабри, и ему, как особе, незаконно владеющей чуть ли не всем майоратом Де Лабри... Доступно ли я объясняю?

Леди Эспланида, разом встряхнувшись и посмотрев на него свысока, коротко, но отнюдь не кротко, ответила:

— Робкий птенчик менестрель подросток... Вы не похожи на себя прежнего, сэр Сериога. Позволено ли будет мне узнать, каким образом вы прицепили к своему темному происхождению титул Де Лабри? И на всякий случай смехотворному бляню о том, что вы якобы потомок этого рода, пусть даже и незаконнорожденный потомок, я не поверю.

— И правильно сделаете, — внутренне содрогнувшись, твердо сказал между тем новоявленный герцог. — Титул был предоставлен мне эльфами. Как это там было сказано... по праву эльфийской мандонады, вот!

В лесу ненадолго воцарилась тишина. Лицо леди Эспланиды как-то неуловимо и текуче меняло свое выражение. От надменно-презрительного до задумчивого и затем до скорбяще-покорного.

— Ну и ну. — Показалось Сереге или леди Эспланида действительно слегка вздрогнула в начале своих слов? — Давненько не было ничего подобного. Но это, предположим, еще не означает, что подобного не может быть вообще. Как я понимаю, барон не внял ни вашим словам, ни... прочим предупреждениям, которые наверняка были? Раз уж вы все еще в бегах и прячетесь...

— Ну, из прочих предупреждений была только удача, неизменно сопутствующая нам, — скромненько отвечал Серега. — Но нам обещали в дальнейшем всяческую поддержку.

— Вы все еще живы и невредимы. А против вас играет могущественный сеньор с армией и кучей доносчиков. Они добьются, чего хотят, эти эльфы. — Леди Эспланида отсутствующим взором посмотрела в небо, вернее, в те его клочки, что просвечивали сквозь лесные кроны. — Это они могут. Если мы во что-то не верим или не хотим верить, это еще не означает, что оно не существует вовсе... Они редко находят среди нас людей, достойных стать сеньорами не по праву рождения, а по праву выбора Преждеживущих. Их выбора. А в вас, значит, увидели такого человека. Бог милосердный! Мне-то что теперь делать?

— Решать, — сказал он. — Так вы хотите или нет стать женой этого зверя? Причем учтите, я считаю, что это будет большая глупость с вашей стороны. И не только глупость, но и неоправданный риск на грани безрассудства. Самоубийство, короче.

— Как мне все это надоело, — вроде бы в полусне тихо проговорила леди и зябко вздрогнула. — Но по крайней мере с бароном Квезаком у меня есть шанс оставить свое... вернее, состояние моей матушки не транжире-братцу, не имеющему с ней ничего общего ни по крови, ни по духу, а своему родному ребенку, ее внуку по крови. Ради этого я и рискую, сэр Сериога.

— Безумству храбрых... — проворчал Серега. — А позвольте спросить... При нынешних временах и нравах, женщина редко бывает наследницей состояния. Для этого не должно остаться никаких других наследников мужеска полу... Так почему же вы стали наследницей, обойдя маркиза Баленсиага... он ведь ваш брат? Мужчина, так сказать.

— А! Дивлюсь, почему вы не знаете этой маленькой подробности, — фыркнула леди Эспланида и вскинула брови с некоторым вызовом, как показалось Сереге. — Мы с моим братцем не единоутробные. Матушка моя была дочерью богатого купца с Алмазных островов, как в просторечии именуются острова Гефты. Да, сэр Сериога, она была всего лишь дочерью купца. Но очень богатого купца. И была у него единственным ребенком. Именно это и имел когда-то в виду мой батюшка, обольщая и ухаживая за приехавшей в гости на материк богатой простолоудинкой. Матушка оказалась слаба духом и вышла за него замуж. Батюшке очень хотелось добраться до огромного наследства. Но, увы! Я, и только я наследница состояния деда после своей матери. Деньги вложены в надежные дела. Изъяты

оттуда быть не могут — по условиям договоров. И прибыль с них выдается только мне. Как наследнице и гражданке островов по праву прямого происхождения. Разумеется, для того, чтобы сохранить свою жизнь, я вынуждена тратить большую часть денег на покрытие долгов моего брата. Так и живу... Барон Квезак насолит моему братцу хотя бы тем, что получит мои деньги. Однако теперь... теперь все это становится крайне маловероятным... — Леди Эспланида страдальчески скривила губы.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло, — пробормотал Серега и вздохнул. — Но для ваших самоубийственных планов еще не все потеряно, миледи! Хотя я на вашем месте просто постарался бы вернуться на острова, с которых так неосмотрительно уплыла когда-то ваша матушка. Вы же там, как я понимаю, являетесь полноправной гражданкой и плюс к тому же наследницей? Власть вашей здешней родни туда не распространяется. Жили бы там себе обеспеченной женщиной, вышли бы за какого-нибудь приличного человека замуж...

— Все относительно, сэр Сериога. Надеюсь, ваше герцогское сиятельство позволит мне именовать вас так запросто, по имени? — Серега согласно кивнул, и леди криво улыбнулась. — В конце концов, я и прежде обращалась к вам так. Тогда вы еще не имели никакого права на титул “сэр”, будучи всего лишь неизвестно чьим бастардом... Не обижайтесь, сэр Сериога.

— Не буду.

— Вот и славно. Все верно, на островах Гефты я могла быть и свободной и богатой, но... Я все равно остаюсь младшей сестрой маркиза. Он мой опекун. Если он обратится к совету Четырех, который правит островами Гефты, тот без промедления выдаст сбежавшую девицу ее законному опекуну. Все согласно соглашению островов Гефты с королевством Нибелунгов... А если бы я была замужем, то права на получение меня обратно имел бы мой муж. Так что, как видите, бежать для меня не имеет смысла. Ирония в том, что подписание договора о выдаче производилось некогда в интересах самих островов — для получения возможности отлавливать сбегающих на материк должников. И подписывал этот договор в составе тогдашнего совета Четырех мой собственный прадед, купец Дерра...

— Прекрасно, — сказал Серега и мысленно потер руки — клиент, если можно так выразиться, явно созрел. — А если бы ваш добрый муж САМ разрешил вам переехать на острова?

— То он имел бы полное право вытребовать меня назад, когда ему захочется.

— А если он сам поехал бы вместе с вами на острова? Итак, леди Эспланида, вы помогаете нам, мы помогаем вам. Вы попадаете в замок Квезака и этой же ночью, с соблюдением всех правил, становитесь его женой. Мы, попав в замок вслед за вами, получаем от вас помощь... в виде провезенного вами нашего оружия. Затем...

— Вы убиваете Квезака и получаете назад майорат Де Лабри, а я становлюсь вдовой и вновь попадаю во власть своего брата, — жестко перебила его леди Эспланида.

— Ну зачем же так грубо, — немного коварно сказал Серега, — его же можно и не убивать... Он будет тяжело ранен, он будет изгнан мною из ВСЕХ своих поместий... и вы повезете его на острова, дабы он там подлечился. Подальше от крайне мстительного герцога Де Лабри. Он может помереть либо на островах, либо по дороге... но вы же вполне разумная женщина. У вас появится шанс удрать на острова. Там снова скоренько выйти замуж или найти человека, который будет играть роль вашего тяжелобольного мужа и далее. Что-то мне говорит, что все заинтересованные в вас персоны после грядущих событий будут заняты в основном моей скромной особой...

— Отлично придумано, сэриога, — громогласно заявила леди Клотильда, вылезая из ближнего куста с ворохом травинок в золотой шевелюре. — Леди Эспланида! Если вам так уж нужен этот говнюк, то я сохраню для вас остатки жизни в его грязном теле. Он будет способен дышать и жрать, но исключительно в лежачем положении и — молча, только молча. Этаким живой труп, по крайней мере, будет таким довольно долгое время... остальное в руках Творца. Ну как, провезете для нас оружие, стер... леди Эспи?

— У меня есть выбор? — как-то свысока прошипела леди Эспланида, и у Сереги враз полегчало на душе. Леди явно пришла в свою боевую форму.

— Я за лишней лошадкой с сундуком! — рявкнула Клоти, нахлобучивая на голову шлем и со стуком опуская вниз забрало. И исчезла.

— Милорд! — Из кустиков появился черноволосый оборотень в человеческом облике, но уже полностью одетый — видимо, у запасливой Клоти нашлась лишняя пара штанов вместе с рубахой серого цвета. — Не пора ли нам обсудить наши планы по проникновению в замок Дебро? Наедине.

— Пора, — с облегчением согласился сэриога и отвесил леди Эспланиде неумелый поклон. — Прошу нас обоих простить, миледи, но мы ненадолго удалимся...

Эспланида надменно качнула головой, и Серега вместе с оборотнем, которого миледи так и не удосужилась заметить, двинулись к кустарнику.

— Милорд, я вообще-то знаю сразу два потайных хода, ведущих в Дебро из этого леса...

— Отставить потайные ходы, — с неким сожалением в душе качнул головой Серега. — Ловушки всякие... Надо что-нибудь попроще.

— Тогда придется идти открыто. Как вы уже сказали леди Клотильде, в облике лис. Я сумею ненадолго отвести глаза стражникам. Отправим эту вашу громогласную сирену в город перед самым закатом. Как раз когда стадо коров двинется к городским воротам. Она въедет в Дебро. К дороге, по которой она проследует к замку их господина, сбегутся почти все зеваки. А дорога, по которой пойдет коровье стадо, опустеет. Лис коровы не боятся, это все же не волки. Доберемся до замка под прикрытием стада, отыщем какой-нибудь канализационный слив и тихо проскочим вовнутрь... А то и вовсе со стадом зайдем.

— Подходящий план, — одобрил Серега, — мне лично нравится. Ну что ж, ждем до заката...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тихо мы в бой пойдём... [1]

— Хок! — Леди Клотильда ладонью хлопнула рыжую лошадку по крупу. Та сразу же испуганно зарысила прочь, подальше от этой тяжкой железной длани и кровожадно косящегося на нее громадного черного жеребца. Тем более что и восседавшая на ней всадница была с этим полностью согласна и подтверждала правильность решения свободно отпущенными поводьями.

— Итак, сэръ Сериога, — громогласно поинтересовалась у него Клотильда, — что дальше, хитромудрый вы наш?

Из всей одежды на ней сейчас была только лошадиная попона, впрочем, как и на Сереге. Одежания благородных милорда и миледи в данный момент уплывали от них прочь, аккуратно свернутые в тугие узлы и засунутые под вороха некоего загадочного полупрозрачного тряпья. Составлявшего, как понял Сереге из печально-прощальных воплей леди Эспланиды, жалкие остатки от бывшего великолепия ее личного приданого. За компанию с одеждой уплывало и оружие — в двух громадных сундуках, притороченных с обеих сторон к седлу черного пони. Сам пони, приволоченный Клотиле с места героической (и бесславной) гибели кортежа леди Эспи, семенил следом за рыжей лошадкой, довольно-таки резво идущей в сторону Дебро.

Оборотень, вновь вернувшийся к своему облику завязтого нудиста, и леди Клотильда — оба выжидающе смотрели на Серегу.

— Начнем, пожалуй, — как-то смущенно скомандовал Сереге. В голове у него сами собой по аналогии всплыли слова из песни: “Он сказал — поехали, он взмахнул рукой...”

В данной ситуации взмахнул не рукой, а хвостом. И не он, а оборотень, как-то незаметно и стремительно вновь перетекший в звериное состояние.

Огромный черный лис крутанулся на месте, ловя окончание своего роскошного хвоста в капкан из непрерывно щелкающих челюстей. Очередной сводящий скулы (не ему, разумеется, а слушателям, которые вынуждены были при этом присутствовать) хрустяще-костяной хлопок фарфоровых на вид зубов. И — есть! Хвост пойман.

Лис, сжав челюстями лохмотья длинного ворса, коротко прорычал и остервенело мотнул головой. Коротко взвизгнул. Чихая и откашливаясь, выплюнул на землю черно-серебристые клочья меха.

— Пора в лисов оборачиваться, ле... Клотильда, — с некоторой опаской распорядился Сереге. Покосился на Клотиле — а ну как вдарит? — и не со зла, а потому что по этикету так положено, за такие интересные предложения по морде всякий раз давать (перед тем, как их исполнить). И только потом несколько укоризненно сказал оборотню: — Что же вы, почтенный... на фи́га нам столько шерсти? Ежели так стараться всякий раз и для каждого, хвост облысеет...

Зверь пренебрежительно фыркнул и уселся на задние лапы в позу снисходительного выжидания. Леди Клотильда, придерживая одной рукой на себе лошадиную попону, наклонилась. Подняла с травы другой рукой пригоршню спутанных меховых ворсинок. При этом спина прекрасной леди прогнулась и неожиданно предоставила на обозрение Серегиным глазам окончание мускулистого стана в виде двух накачанно-округлых холмиков

ягодиц. Сердце в груди у Сереги тут же загнанно стукнуло и к щекам горячей ревушей рекой прилила кровь. Прилила до болезненного шума в ушах. Леди Клотильда, уже выпрямляясь, встретила с ним глазами. Он стоял, онемевший и красный от смущения. Взгляд леди скользнул по его лицу, потом убежал куда-то вниз, и... она сама начала краснеть бурно и стремительно.

— Ну и чего стоим? — поинтересовался оборотень, успевший за время их взаимных перегибков вновь перейти в человекообразное состояние. — Чего стоим и смотрим? Солнце закатывается, леди Эспи подъезжает к Дебро, стадо уже собирается с выгона. Стоим дальше?

— Положите волосок в рот, сэра Сериога, — немедленно опомнилась Клоти. Опомнилась настолько, что в голосе вновь зазвучали обертоны командно-приказного рева. Которым она так часто пользовалась в первые дни их совместных скитаний. — Не жуйте, а сразу глотайте. Быстрее!

Серега глотнул, преодолевая тошноту и отвращение. (Волос во рту! Фу!) И тут же что-то изменилось. В чем — в нем самом или в окружающем мире? — на этот вопрос он не смог бы ответить. Примерно как Ходжа Насреддин, которому подсунули лист бумаги под коврик, на котором он сидел, и задали вопрос: а не изменилось ли что-нибудь? И Ходжа, человек с острым нюхом на подвохи, на всякий случай ответил: то ли я возвысился над миром, то ли небо само слегка приблизилось ко мне, но что-то действительно изменилось. И все за то время, пока выходил по нужде...

Так и тут — для него, Сереги, что-то изменилось. Остро запахло сыростью, влажной лесной землей и прелой листвой. Запах напоминал аромат пряностей — смесь ванили, миндаля, кориандра и шалфея. От него становилось сладко на языке. И щекотно в носу. Он прижал язык к нёбу, пытаясь унять доходящую до ощущения зуда щекотку. Щекотка ползла уже по всей полости рта. Он резко выдохнул носом, кашлянул, до предела наморщив нос. И вновь яростно заскреб языком нёбо. Язык царапнул жесткой щеточкой...

И все прошло. Зуд прекратился.

А земля в мелких коротких травинках и ржаво-желтой листве, похожей на листву земных осин, опавшую по осени, оказалась вдруг под самым носом.

Серега не понял — как? Когда он успел нагнуться так низко, что почва, бывшая до этого у него где-то там, далеко и под ногами, неожиданно очутилась почти у самого лица?

Но... не все ли равно? Он втянул носом воздух. По траве недавно пробежал шеркух. Он почти увидел следы его маленьких лапок, отпечатанные не весом или цветом, а ЗАПАХОМ. Таким теплым, зовущим запахом. Где-то здесь, подсказал ему еще один запах, должна быть и самка. Самка его крови. И его ПРАВА. Он понял свое ПРАВО на нее и принял его. Она его. Они поделят шеркуха... потом, после...

Что-то больно ткнулось ему в плечо и рвануло плоть. Еще до того, как увидеть, он ощутил ЗАПАХ и понял: это еще один. Еще один из их племени. Но он, этот еще один, не хотел эту самку — об этом говорил его ЗАПАХ. Не хотел он и шеркуха. Тогда почему же он начал с ним РАЗГОВОР ЗУБАМИ?

Разговор зубами?! Черт, что за белиберда? Он напряг ум, пытаясь проснуться. И позвал к пробуждению самого себя, существо, которое когда-то (когда? а что такое “когда-то”?) окружающие называли Серегой. Сереженькой. Сэром Сериогой...

Кто это такой — Серега? — плавало на поверхности его сознания. Он опасен? Его можно есть? Он может съесть меня? Да! — рыкнуло вдруг где-то глубоко-глубоко внутри его настоящего Я.

И он выбрался на поверхность. Точнее, выкарабкался откуда-то (из омота оцепенелости со странными снами и видениями) на несколько мгновений, как бредящий больной — в окошко временного просветления сознания. Серега огляделся.

Сбоку стоял черный лис, выглядевший сейчас немного расплюснутым и растянутым одновременно. Как будто он, Серега, смотрел на него через несколько наложенных друг на друга и искажающих изображение линз. Его морда была на уровне Серегиных глаз... да и весь он стал какой-то близкий, привычный глазу. Хотя и приятного в нем было мало. Лис раскрыл пасть и показал положением головы, что сейчас у них будет настоящая охота. Следуй за мной, сказал щелчок его пасти, ты и твоя самка, и мы поохотимся. И повеселимся...

Стоп! — приказал себе Серега. Я — человек. Он скосил глаза, которые с неожиданной легкостью скосились так, что он ясно рассмотрел волоски у себя на переносице. Волоски рыжевато-каштанового цвета. Слишком густые и слишком длинные для ресниц. Руки! — Он глянул вниз.

Там были лапы. Превращение в лиса произошло. Следуй за мной, опять сказал ему лис сбоку. На этот раз это снова был РАЗГОВОР ЗУБАМИ.

Что ж, пусть будет так, немного нервно сказал сам себе Серега, начинкой пирожка спрятанный в звере. Поохотимся... Лис, которым он стал, нетерпеливо и радостно щелкнул зубами. И кинулся вперед.

Они мчались по полю, то и дело останавливаясь и пригибаясь к земле. Вел их черный лис. Их — это его и коричнево-рыжую, с желтыми подпалинами молодую лису. От нее пахло призывно, но сейчас они были на охоте, и им было не до этого. Время от времени они прятались под прикрытием какого-нибудь кустика. Или просто залегали в высокой траве. Черный лис (их вожак в этой охоте, хотя вожак — это для таких, как они, было неправильно; у таких, как они, нет вожаков... но ради охоты он потерпит) сумрачной тенью выскальзывал вперед. Узнать. Понюхать, что впереди. Потом он возвращался, и они снова тремя тенями скользили по полю навстречу своей веселой охоте. Лучшей охоте. Кормящей охоте. Он тосковал по крикам и жалобным рывкам в своей пасти. По вкусу крови, текущей в рот... в пасть! — прямо из живой еще жертвы. Ах, эти птички. Гуси с ароматным жирком и вкусной печенью. Ах, эти юные ягнята, нежно-молочные, с кожицей, просвечивающей сквозь реденькую шерстку, с тонкими ребрышками, медово хрустящими на зубах. Охота!

Они влетели прямо в бок стада, неторопливо бредущего к воротам Дебро. Стадо шло к Скотским воротам, тем самым, через которые они когда-то покидали этот негостеприимный городишко. Уворачиваясь от коров, сонно ставящих копыта куда попало, троица пробралась в середину стада. Животные вокруг не обращали на них никакого внимания. Черный лис, догадался он. Он попросил их не видеть. И они не видят. Хорошо. Они идут вперед — это тоже хорошо. Там будет охота. Много хорошей охоты...

Стадо ползло вперед, рыгая, жуя и мыча. Три лисы без всяких помех вошли с ним в город, прячась за низко висящими коровьими брюхами. Сразу же за городской стеной были собаки — он унюхал это по запахам, плывущим отовсюду, как музыка, и понятным, как наглядное пособие перед глазами. Две или три, видимо почуяв их, истерично взлаiali, но тут же смолкли — черный лис сказал им, что они должны молчать. Стадо двигалось вперед тягучим, вытянутым в ленту караваном. И медленно уменьшалось по мере того, как та или иная жующая и громко мычащая единица уходила во двор своих хозяев. Пока что им всякий раз удавалось вовремя угадать, какая именно из прикрывающих их коров сейчас удалится

под сень родных пенат, но все же прыгать и нырять под копытами было не совсем легко и не слишком приятно. Их живое прикрытие неуклонно таяло, дойдя в конце концов до двух десятков особей, флегматично бредущих в облаке поднимаемой ими пыли куда-то в центр города. Странно, но замусоренные обочины, мимо которых они двигались, были Сереге чем-то смутно знакомы. Он напряг память, пытаюсь припомнить ту ОХОТУ, на которую он уже ходил как раз мимо ЭТИХ обочин. Но ни одной картинке так и не появилось перед глазами, и нос не помнил, когда он уже впитывал эти запахи — грязи, мусора и отходов ЧУЖИХ, запахи их кожи, жира и пота. И еще запахи собак, ЧУЖИХ щенков, больной, полузадохлой травы. Впереди что-то отчаянно заскрипело, застучало дробно, и стадо, в котором они прятались, ступило на мост.

Здесь у нас и будет БОЛЬШАЯ ОХОТА, сказал зубами черный лис. Скорей бы — мотнула мордой рыже-желтая лиса. Да, согласился он. Нам нужна БОЛЬШАЯ ОХОТА. Они прошли через полосу сумрачной, остро-сырой тени и вступили на грязный, мощный камнем прямоугольник скотного двора. Тот, кто нам нужен, — наш враг, будет убивать нас и наших лисят, сказал черный лис. И он, Растущий, согласился с ним. Сейчас они затаятся, а ночью должны будут... убить? Нет, сказала лиса сбоку. Просто слегка придушим, оторвем уши и хвост и изгоним отсюда навсегда. Вот и все. Есть его не будем.

Коров загнали в просторный, пахнувший навозом и сеном хлев. Сюда! — едва слышно щелкнул зубами черный лис и тенью метнулся по хрупкой дощатой лесенке наверх, на сеновал. И там, в убежище, они залегли. До БОЛЬШОЙ ОХОТЫ еще есть время. Лучше время для лисьей охоты — время перед рассветом. Когда все тени одинаково серы, а тех, КТО СТЕРЕЖЕТ, одинаково тяжело одолевает сон. Тогда. Все случится тогда. И три оборотня спокойно уснули...

Кругом было темно. Он услышал сквозь сон, как черный лис завозился и ткнул его носом в бок. И тут же ноги сами собой подняли его — он даже не успел понять, как это случилось. Тело поняло быстрее разума, что пора и надо вставать. Рядом уже поднялась молодая рыжая лиса, скучающе лизнула себе разок-другой левую лапу. Пора. Пришло время для ИХ ОХОТЫ!

Ворота хлева были заперты на ночь, но они, покрутившись, отыскали под стеной в углу какую-то нору, очевидно прорытую собаками. Снаружи было темно, но запах воздуха уже начал неуловимо меняться с запаха ночи на запах предрассветного времени. Сюда! — И они понеслись вслед за черным лисом: три тени, три хозяина ночи и нор.

Черный лис вел их по человеческим норам, огромным и опасным. В таких не спрячешься — они слишком велики для этого. Любой, кто захочет, может туда проникнуть. Растущий (нет, я — Серега! — слабо мелькнуло где-то на задворках сознания и тут же погасло) даже пожалел бедных ЧУЖИХ, которые не имеют безопасного убежища в своих собственных норах. Лестница. Переход, крытый дырявой крышей, через прорехи которой слабо просвечивали звезды. Спуск и поворот.

Они остановились у преграды, густо пахнувшей мертвым деревом. За ней еще одна пещера, сумрачно подсказал Растущему кто-то изнутри. За преградой скулило какое-то существо.

Черный лис поднял лапу и уперся ею в преграду. Задней лапой показал, что они должны помочь ему. Они налегли совместным весом всех троих, и преграда поддалась, со скрипом и стуком отлетев в сторону.

Троица ввалилась в пещеру, где густо и противно пахло ЧУЖИМ и ЖЕЛАНИЕМ

ЧУЖОГО Они знали, что они не должны бояться. Хотя запах ЧУЖОГО был для них отвратительным. И даже угрожающим.

Но они не боялись.

Черный крутанулся на месте. Нёбо, его нёбо зазудело...

Черт побери, размышлял Серега, почему я стою тут на четвереньках? И где моя одежда... И где же я сам, черт побери?!

Рядом кто-то хрипло откашлялся. Серега повернул голову и узрел сквозь серое марево подступающих предрассветных сумерек сиятельную леди Клотильду. Причем совершенно голую и так же, как и он, стоящую на четвереньках. Почему?

Спереди раздался смех, густой, скрипучий, с нотками истерического всхлипа.

— Леди Клотильда... Вы всегда были склонны к непристойным выходкам. Явиться передо мной, перед приличной дамой... голый! В неприличной позе! В обществе двух обнаженных мужчин! Стыд! Срам! Позор!

Кто это, спросил сам себя Серега растерянно. Внутри головы что-то словно поскрипывало. Там был песок. И ни одной мысли. Шуршащий, сыпавшийся в никуда песок. Кто это?

Это то самое существо, которое скулило в этой пещере, ответил ему из глубин сознания угасающий в нем Растущий.

— На себя посмотри, — грубо посоветовала леди Клотильда этому существу и рывком встала. Прикрывшись ладошками, метнулась вбок и буквально в то же мгновение оказалась прикрытой какой-то тряпкой. Размером с добрую скатерть.

Серега присел на корточки, униженно прикрываясь ладошками в нескромных местах. Клотильда, продолжавшая метаться по комнате, кинула в него чем-то мягким. Он торопливо схватил — мягкое оказалось длинной рубахой, шибко напоминающей размерами и формой женскую ночную сорочку. Ну да дареному коню в зубы не глядят. Он развернул ее и прикрыл свои бедра. Затем встал и огляделся.

Они все трое очутились в комнате, размеры которой были неясными из-за густого предрассветного сумрака, черно-серым пологом затенявшего стены и углы. Впереди светлым квадратным пятном прорезывалось на фоне темноты небольшое окошко. Под ним угадывалось смутно различимое в полумраке громадное ложе, на котором ссутулившимся и судорожно сжавшимся сусликом сидела жалкая фигурка. Леди Эспи? Серега смущенно откашлялся:

— Леди Эспланида... Наверное, я должен, как это... поздравить? Или не надо...

— Не надо, — холодно сказала Клотильда, закончившая наконец поверхностный досмотр комнаты, в которую они попали. — И жизни этому браку — две-три минуты. Леди Эспланида, вам ничего перевязать не надо? После этого мерзавца...

— Нет, — всхлипнув, просипела леди Эспланида. — Я... я чувствую себя прекрасно.

— Оно и видно, — ехидно отозвался сзади мужской голос, в котором Серега сразу опознал голос лиса-оборотня в человеческой ипостаси. — Всякому сразу видна счастливая невеста и новобрачная жена... со слезами радости на глазах.

Силуэт леди Эспланиды дернулся, и она вскочила с постели, по пути подавив короткий, судорожный болезненный вскрик. Надменно вскинула голову:

— Сударь! Милорд! Я попрошу... нет, я требую! Ваше презренное имущество в гардеробной, дверь вон в том углу! И вон отсюда! Не смейте больше тревожить покой баронессы Квезак! Негодяй! Нелюдь! Получеловек! Не вам судить о таинстве законного

брака между нами, людьми! Убирайтесь вместе с ЭТОЙ, носящей штаны и позорящей титул леди! О-о! Вот уж ей-то, я уверена, нечего будет предъявить супругу в доказательство своей невинности! Позорная девка, в голом виде явившаяся сразу с двумя — с ДВУМЯ мужчинами!

Стерва Эспи, как-то само собой припомнилось Сереге одно из прозвищ леди Эспланиды.

— Уж не завидуете ли? — кротко так осведомилась леди Клотильда у леди Эспланиды. — Все-ж таки целых два сразу. Может, уступить одного? На время хотя бы. Мне не жалко. Я от присутствия возле себя мужчины такого уж особого восторга, как некоторые, не испытываю. Они для меня привычное зрелище, знаете ли.

Выдав эту тираду, она с полнейшим пренебрежением повернулась к леди Эспланиде спиной. И отправилась в гардеробную.

Леди Эспланида, стоя у кровати, шумно хватала воздух ртом, звуча при этом почти как старинный паровоз, предусмотрительно стравливающий пар, чтобы, не дай бог, не взлетел на воздух котел. Серега в целях безопасности решил ретироваться по-английски, не прощаясь. И торопливо юркнул в каморку гардеробной вслед за Клотильдой.

Мускулистая блондинка тем временем, одной рукой кое-как придерживая на себе ниспадающее тряпье, методично потрошила другой содержимое сундуков. Злобно брякнув, на свет явились мечи (в гардеробной, в отличие от супружеской опочивальни барона и баронессы Квезак, на одной из стен слабо теплился масляный светильничек, заправленный, судя по запаху, самым прогорклым маслом, какое только нашлось в этом замке). Леди Клотильда вытащила свои доспехи, на которые намоталось какое-то тряпье в виде кусков кружев и пучков лент. Недрогнувшей рукой счистила с них все это, точнее, содрала, не обращая внимания на жалобный шорох, с которым вещишки разлетались на трепетно-лохматящиеся лоскутки. Серега присоединился к ней, выловил одной рукой в ворохах мягкого атласного шмотья тугие узлы с их одеждой. Они тут же принялись торопливо одеваться, повернувшись спиной друг к другу и то и дело оглядываясь на занимающийся в оконце рассвет. Закончив с одеждой, леди Клотильда быстро, опытной рукой обвешала деталями своего железного “корсета” все тело, потом молниеносно прошлась ладонями по застежкам. Взяла в обе руки по мечу — и эльфийский, и тот, который достался ей от ее достопочтенных предков.

Леди-рыцарь была готова. К труду и обороне... Интересно, мелькнула в голове у Сереги ерническая мысль, а вот если бы ей сейчас была нужда одеваться не на поединок, а на бал... местный феодальный бал, само собой разумеется; уложилась бы она тогда в эти же самые несколько секунд? Или она и на бал отправилась бы в доспехе, железная Золушка Средневековья...

Он взял в левую руку свой меч, правой ладонью сжал рукоять ножа-кинжала. Пора было и на ОХОТУ сходить...

На цыпочках они проскользнули через спальню в коридор. При проходе через комнату их глазам открылась удивительная картина — голый оборотень, преспокойно сидящий рядом с леди Эспи и, судя по всему, сердечно утешающий ее. Но открылась сия картина, достойная кисти автора “Кзакаов, утешающих турецкого султана”, только на мгновение, ибо, узрев их, оборотень тут же как-то по-солдатски вытянулся и пристроился в хвост их маленького отряда. Они гурьбой двинулись по коридору, стараясь производить по пути как можно меньше шума. Как ни странно, лучше всех это удавалось Клотильде, несмотря на отягощавшие ее тело полтора центнера стальных доспехов. Но внизу гудел свадебный пир,

гремели пьяные ревы, от которых толстенные половицы под их ногами слегка подрагивали время от времени. До шумков и чертыханий, раздававшихся сейчас в темном коридоре, никому не было дела.

— А... собственно, что именно мы будем сейчас делать? — поинтересовался Серега.

— Убивать, — довольно буднично сказала леди Клотильда. — Сейчас они все пьяны. Барона нет в комнате молодой супруги, стало быть, он вернулся к пирующим. Похвастать, что дело сделано. Не морщитесь, сэр Сериога. Дело житейское, вполне обычное.

— Вполне обычное — что именно? Убить или похвастать? — прошептал из-за Серегоного плеча оборотень. Обычным тоном вроде бы прошептал, но прозвучало-то как...

— И то и это, — огрызнулась леди Клотильда. — Спускаемся в залу! Они пьяны, серьезного отпора не дадут.

— Да, — несколько растерянно сказал Серега, — но их там явно больше трех...

— Черт, сэр Сериога! — ругнулась вполголоса леди Клотильда. — Я — рыцарь из колен Персивалевых! Когда я иду в бой, то кто против меня? Вы что, не видели меня в бою?!

— Не сомневайтесь, мой юный герцог, — нежно прожурчал оборотень почти над самым Серегоным ухом, — эти Персивали валят людей с такой же скоростью, с какой косари кладут траву, не приходилось видеть? Вы многое потеряли! Ну вот сегодня и увидите. Только постарайтесь и сами мечиком своим помахать, вам сегодня нужно постараться быть в ударе, чтобы выжить. И ножичком тоже не стесняйтесь орудовать. Главное — торопитесь убивать, мой друг, торопитесь! Всякого надо убить быстрее, чем он убьет тебя, — это хорошее правило, держитесь его и выживете. Может быть, и выживете...

Коридор окончился, и они свернули на лестницу, идущую вниз. В конце ее виднелись резные деревянные двери, довольно-таки косо висящие на петлях — чувствовалось, что в последний раз их распахивали не руками, а пинали ногами. Причем пинки шли от всей души, расширенно необъятной вследствие значительных спиртных вливаний. Из-за дверей доносился пьяный гомон и лился багровый прерывистый свет, рассеивавший темноту лестничного пролета. Серега протянул руку, ухватил Клотильду за плечо.

— Клоти! Может, мы сначала хоть какой-нибудь план составим... Ну, кто идет спереди, кто сзади, и все такое подобное...

— Какой такой план, сэр... друг мой Сериога?! — искренне поразились броненосная дива. — Разве у небольшой заварушки бывают планы? Я впереди, как... как Персиваль. Вы за мной, как... как прикрывающий мне спину.

— Вроде парадной попонки, — тут же ввернул неунывающий оборотень, — которая спину кобыле прикрывает. Чтоб не надуло чего. И спина вроде бы прикрыта, и честь какая — все ж таки попонка-то с герцогским достоинством!

— Умолкни, куроед, — осадила шутника Клоти, осторожно ставя ногу на следующую ступеньку. — Сэр Сериога, главная ваша задача — не отстать от меня. Эх, вам бы лучше щит вместо меча! Хоть бы головушку свою им прикрыли. Ну да ладно. Принимайте удары на кинжал, отбивайте их его лезвием и тут же пускайте в ход меч. Зело необычен сей клинок, и удары им можно наносить не только рубящие, но и подобные ударам копья — колющие. К таким ударам не привычны наши рыцари... Поэтому так и делайте. Я, насколько смогу, прикрою вас. Но помните: двигаюсь я быстро и отстать от меня — будет смерти для вас подобно...

— Аларм, леди Клотильда, — преувеличенно бодро высказался Серега, ощутив на практике, насколько верно выражение: “поджилки от страха трясутся”. У него они точно

тряслись, да так, что и колени друг об дружку колотиться начали. — Не отстану. Вообще сделаю все, что смогу... лишь бы и дальше радовать вас возможностью беречь мое бrenное тело от злоумышления и посягательств.

Леди Клотильда на это нахальное заявление и бровью не повела, бросив только:

— А как же иначе... У нас же все еще и минутки свободной не было, дабы вы могли меня поучить рассуждать высокими словесами об этом самом, как его там... мироздании. А мы, Персивали, не любим, когда нам мешают хоть разок в жизни да приобщиться к чему-нибудь... столь высокому, как болтовня о скорлупах небесных... Ну, на счет три — раз, два, три... поехали!

Она, пригнувшись, нырнула в полураскрытые двери залы и стремительной молнией (сияние которой вполне заменял блеск ее всегда и от всей души начищенных доспехов) понеслась по огромному, залитому багрово-зыбким светом факелов залу. Вдоль стен гигантской буквой “п” тянулись столы. Торец буквы стоял на некотором возвышении. Заставленный в таком количестве кувшинами для вина и золотыми посудинами в виде громадных супниц, что людей, сидевших за ними, практически не было видно. Но из-за этого посудного забора все же доносился счастливый пьяный ор, подтверждая факт существования и за ним некоторой разумной жизни, основанной не на воде, как обычно, а на вине. За боковыми столами разумная жизнь была поактивнее, потому как орали там не в пример громче. Оборотень, подтверждая легенды о неуловимости своего племени в случае непредвиденных осложнений, уже успел испариться неведомо куда. И сделал это, по всей видимости, едва войдя в зал. Серега бежал следом за леди Клотильдой, крутясь по ходу движения, как волчок, и пытаясь высмотреть хоть одного нападавшего. Но их не было — пока, во всяком случае, не было. Пирующие опомнились только тогда, когда до торцевого стола Клотильде с Серегой оставалось уже не больше шести метров. Четыре человека, спотыкаясь, выскочили из-за боковых столов, бросились с двух сторон наперерез, с пьяной удалью размахивая мечами. Леди Клотильда, утробно рыкнув, приняла один из ударов на гарду своей оглобли из ярко блестящей стали, которую она почему-то называла мечом. Да еще и своих предков. Хотя оглобля она и есть оглобля, особенно если сравнивать это внушительное оружие с теми недомерками, с какими лезли на нее противники. Гарда приняла чужое лезвие, раздался треск... и меч нетрезвого храбреца разлетелся на куски. Леди Клотильда, не теряя времени, пнула беднягу в живот, тот отлетел куда-то очень далеко, и, судя по его виду (а особенно по вою), мысль о вооруженном сопротивлении кому бы то ни было теперь надолго оставила его голову. Тем временем Клоти, не задерживаясь, тычком эльфийского меча в правое плечо вывела из боя следующего нападающего, преодолела могучим прыжком еще два метра, увлекая за собой и Серегу, и нападавших. Развернулась и, явно устав от приличных манер в ходе ведения боевых действий, слегка скучаяще рубанула по плечу третьего нападающего. Его меч к этому моменту уже успел одолеть примерно половину длинной дуги, по которой опускался на леди Клотильду. Плечо разошлось на две части (как бумажка порвалась — успел еще растерянно подумать Серега). Хлынула кровь. Его затошнило...

И в этот момент четвертый из нападавших замахнулся на Серегу.

Он едва-едва успел поднять руку с кинжалом, пытаясь (или, точнее, надеясь) отловить идущий вниз чужой клинок. Неизвестно каким манером умудрился поймать его на короткое лезвие кинжала. Руку мощно отбросило к коленям, и, как во сне, неумело приподнимая меч, Серега увидел, что меч напротив него вновь уже начал чертить в воздухе короткую дугу,

ведущую прямо к его животу. Он ощутил дурноту, тело мгновенно оцепенело от страха. До сухости в горле. До вялости в коленях и бешеного сердечного стука в ушах. Его ничем не защищенный живот...

И как в трансе, судорожно боясь уже только одного — опоздать, он прижал гарду тонкого, невесомого сияющего эльфийского меча к животу. И выкинул руку вперед, от живота — туда, в противника. Движение собственной руки напоминало изящные танцевальные па, с которыми убивали своих противников не знающие страха и сомнений мушкетеры Дюма. Ему бы так... Клинок с противным свербящим звуком вошел во что-то упруго-резиновое. Потом на мече у него повисла какая-то тяжесть, и он торопливо потянул его назад. Клинок вышел легко, издав тошнотворный скрежет металла о кости... И только тогда он наконец решился посмотреть в лицо своего противника. Ему, наверное, было столько же лет, сколько и ему. Или чуть больше...

— Сэр Сериога! — взревела сбоку леди Клотильда, — Молодец! А теперь ходу за мной!

И он, смущенно отведя глаза от такого же безусого, как и у него самого, лица, бросился вслед за ней. Вверх по ступеням. Там лежали тела, по белому мрамору разливались кровавые лужи и противно пахло сырыми, теплыми внутренностями. Очевидно, пока он отбивал (вернее, убивал) своего одного-единственного противника, леди Клотильда уже успела продемонстрировать всем желающим свои способности. И накосила людей, как травку. Все, кто выжил (а таких разумных и осторожных набралось все же немало), постепенно сжимали тесный полукруг перед ступенями, ведущими к торцевым (видимо, хозяйским) столам. Сжимали, предусмотрительно выставив перед собой мечи.

Клоти птицей взлетела на помост, рывками расшвыряла в разные стороны столы, преграждавшие ей путь. Взревев, потрясла двумя своими мечами и ринулась на кучку богато наряженных людей, обнаружившихся там. Серега, повернувшись к ней спиной, замороженно следил за толпой, все ближе и ближе подступавшей к основанию ступеней вниз. Эльфийский меч в его руке горел белым пламенем, прочерчивая концом в дымном воздухе залы маленькие дрожащие круги. До ужаса хотелось надеяться, что все это выглядит в достаточной степени угрожающим...

Стуки, хряск и стоны за его спиной подсказали, что и с теми несчастными все уже покончено. И... что же дальше, спрашивается? Толпа оцетинилась, как еж, лезвиями мечей им навстречу. Это зрелище как-то не располагало к радужным надеждам и приятным мыслям о будущем в этом замке. Что же дальше?

— Черт! — взревела сзади Клотильда. — Барона здесь нет!

Час от часу, успел растерянно подумать Серега... и смутился. Что бы ни произошло, Клоти, бедняжка, в этом не виновата. Виноват он, потому что втянул ее в свою судьбу. А у него в судьбе всегда все идет наперекосяк. И если уж раньше леди Клотильда традиционно побеждала во всякой схватке, то теперь и у нее явно начались проблемы с боевой удачей на славном ратном пути... Такой бой — и все впустую. Раз барон так и не найден.

Тем временем баронесса Дю Персиваль, легко сдвинув Серегу в сторону, сбежала по ступенькам вниз к настороженно молчащей толпе. Толпа, как успел заметить слегка пораженный этим действием Серега, тут же отшатнулась назад.

— Где барон?! — Глас леди Клотильды напоминал в этот момент рык медведицы, ищущей свое утерянное и страстно любимое дитя. — Где он, я спрашиваю?! Ну!

Толпа молчала, и только один, видимо, больше других поддающийся гипнозу и прочим внушениям, протянул тонким фальцетом:

— А он — у новобрачной...

— Нету там его! — гаркнула невоздержанная Клоти, — Ну?! Всех убью! На части растерзаю! И скормлю собакам! Иль кто-то из вас не знает, на что способна баронесса Дю Персиваль, когда она в гневе? Я — леди Клотильда! И если мне сейчас же не укажут, где эта тварь...

Кто-то подергал Серегу за штанину, и он глянул вбок. На полу, пиявкой прижимаясь к одному из тех, с кем леди Клотильда уже проделала все то, что сейчас только обещала остальным, лежал человек. Небольшого роста, пожилой, с лицом, почти сплошь покрытым морщинами. И на этом лице, в сетке морщин, плескалась какая-то совершенно безумная радость.

— Слышь, паренек, — заговорщицким тоном сказал человек, — а она и вправду его убьет?!

В голосе слышалась сумасшедшая надежда. И мольба. Словно бы не об убийстве он спрашивал, а молил пропустить его в землю обетованную...

— Э-э... думаю, да, — дипломатично промямлил Серега. — Эта леди слов на ветер...

— Да! — Человечка словно пружиной подбросило с полу. — ЭТА на ветер слов не бросает, да!

Он ужом юркнул к плечу леди Клотильды, все еще продолжавшей надрывать горло в угрозах и описаниях всего того, что еще она сделает со всеми, кто будет иметь несчастье знать и не сказать ей, где именно сейчас находится барон Квезак. Увы, угрозы были тщетны, толпа угрюмо молчала, понемногу сдавая назад под давлением яростных воплей Клоти. И тут в паузу, потребовавшуюся легким баронессе для выплеска в пространство новой порции крика, вклинился старичок.

— Я знаю, — голос был на удивление счастливым, — где барон! Проведу тебя туда с радостью, леди! С превеликой радостью! Только обещай, что убьешь... Убьешь, да, леди?!

Леди Клотильда молча кинула взгляд на Серегу. Показала лицом и глазами, возведенными вверх, — мол, мы же обещали той, что вверху, что не убьем баронишку, только покалечим, хоть и очень серьезно покалечим...

— Мною, герцогом Де Лабри, — значительно сказал Серега, слыша, как в зале устанавливается тишина и затихает шум шепотков в ошестинившейся толпе, — было дано слово, что барон Квезак не будет убит... а будет только покалечен! До потери трудоспособности: баронской трудоспособности, боевой и всякой другой... Однако почему ты просишь о смерти этого человека? Ты в его замке, на его пиру...

— Слуга, — отчаянно взвыл старичок, — слуга я его, благородный герцог! Два сына было у меня и дочь, а нынче никого нет! Игры барона, забавы его благородия... И по сию пору не знаю, какую смерть восприняли мои деточки от рук барона — легкую, милосердную, или же долгую и мучительную! И что он с ними сделал! Не хочешь убить сам — отдай мне! Мне! Я узнаю... и отплачу...

— Герцог, — с официальной сухостью обратилась к Сереге леди Клотильда, — решайте: или верность тому слову — и тогда мы можем упустить барона (а оставить его в живых — для нас самих будет смерти подобно), или же дайте новое слово, но уже этому человеку, который обещался указать нам, где найти эту тварь...

— Всякий человек — хозяин своего слова, — намеренно легкомысленно сказал Серега. — Я его дал, я ж его и возьму...

— Всякий человек, но не благородный, — еще суше сказала Клотильда. — Отныне

перед леди Эспланидой у вас будет долг чести...

— Переживу, — хмуро ответил Серега и кивнул человечку. — Уплачу чем смогу... Веди нас, старче.

— Убить?! — возрадовался человечек. Серега выдавил в ответ кривую улыбку:

— Глас народа — голос Божий... Как скажешь, Сусанин!

Они беспрепятственно прошли через толпу, испуганно подавшаюся в разные стороны при их приближении. Убитый Серегой паренек валялся на полу, под ногами у стоявших. Окровавленный и полузатоптанный. Серегу вновь замутило. И вновь он ощутил свою неподъемно тяжкую вину за все то, что успел натворить в этом мире... Впрочем, здешние обитатели вытворяли вещи и похуже. Хотя это, конечно, еще не повод для того, чтобы им подражать.

Старичок подвел их к стене зала (оборотень, уже в облике черного лиса, вылез из-под одного из столов, оставшихся неперевернутыми, и присоединился к их маленькой процессии), открыл малоприметную дверку и свернул туда. Втроем двинулись следом.

Как бы то ни было, но прозвище “Сусанин”, походя приклеенное им к старичку, все чаще и чаще приходило Сереге на ум. По мере того как они пробирались по темным, заваленным досками и каким-то тряпьем коридорам. Трудно было поверить, что элегантный барон Квезак, покинув общество благородных гостей, а потом и постель новобрачной, мог решиться зачем-то удалиться в эти катакомбы. Чудачество благородного господина? Или все же хитрость его преданного слуги и им сейчас будет каюк с засадой или ловушкой...

Наконец старичок остановился возле одной из дверей. Даже на вид дверка внушала всяческое уважение — толстое дерево, почти сплошь окованное железными полосами. На двери были скобы под дужку всячего замка, но самого замка не было.

— Вот, — сказал старичок и повернулся лицом к приведенной им троице. — Вот где барон Квезак любит проводить свое время... Может, и деточки мои здесь побывали. А некоторые из вас, наверное, уже и засомневались, туда ли я вас веду... Не обманываю ли... Откройте дверку и сами убедитесь, что со мной — все честно, без обману... Жалею лишь, что не решился сам открыть эту дверку ТОГДА — страх одолел.

Леди Клотильда плечом оттерла старичка назад. Рывком отворила дверь.

Или толщина дерева служила звукоизолятором, или было в этой двери еще какое-то, невидимое простому глазу ухищрение, но, как только между косяком и дверью появилась самая что ни на есть крохотная щелочка, на их уши тут же обрушился истошный, воющий крик. А ведь до этого не было слышно ни звука. Клотильда ринулась вперед с радостью голодающего, узревшего наконец перед собой ничейный кусок мяса. Серега, не отставая, влетел в дверь следом за ней.

Судя по тому, что ему уже доводилось слышать о бароне Квезаке, представшая перед ними картина была нормой жизни для его высокоблагородия. Помещение, по интерьеру и антуражу больше всего напоминавшее пыточную весьма высокого класса из фильмов с участием фашистского гестапо, ярко освещалось целыми гроздьями факелов, понавтыканных в высокие стоячие канделябры. В центре, спиной к вошедшим, стоял сам господин барон Квезак. Перед ним, на столе, смахивавшем по спожности конструкции на операционный, корчилося и дико кричало что-то окровавленное и бесформенное.

— Дьявол, — почти нежно пропела леди Клотильда и улыбнулась господину барону, с открытым ртом обернувшегося к ней. Хорошо так улыбнулась, приветливо. — А ты, я вижу, занят, наш дорогой хозяин? Зря, ой как зря. Потому что шла я сюда такая добрая, думала: вот

приду, чик один раз мечом — и все, нет господина барона. Но раз ты таким интересным делом занят, приличнее будет, ежели присоединюсь я к тебе. Ах ты ж моя душка барон... — Она широкими шагами приблизилась к онемевшему от ужаса барону, не смевшему даже пошевелиться, и приставила лезвие эльфийского меча чуть ниже его поясной пряжки. — Не дергайся, амарант мой бесценный, — нежно посоветовала она ему. — А вы, сэр Сериога, совлеките с этого стола несчастного. Оборотень, и ты, холоп, помогите ему!

Кое-как опомнившийся Серега трясущимися руками расстегнул пряжки на толстенных ремнях, крепивших окровавленное тело к столу. Сбоку подошел оборотень, коротко ударил бедолагу в челюсть и хладнокровно взвалил на себя изуродованное тело. Пояснил в ответ на удивленный взгляд Сереги:

— Это чтобы он сознания лишился... Иначе мы его отсюда живым не вынесем, помрет от боли... А ты, холоп, покажи-ка нам какую-нибудь комнатенку. Да чтоб с постелькой.

Старичок с трудом отвел от барона и леди Клотильды глаза, наполненные самым настоящим молитвенным экстазом, и нервно закивал:

— Да-да, все исполню, благородный господин, как пожелаете...

— Холоп! — Похоже, Клоти свой нежный голосок приберегала теперь только для одного барона. Потому что на несчастного старика она рыктла прямо-таки по-звериному — Холоп! Не смей называть какого-то оборотня благородным господином!

Старичок кинулся отбивать в сторону леди мелкие частые поклоны. Интересно, но почему это появилось и разрослось у Сереги такое смутное ощущение, что крик леди Клотильды старичка и не испугал, и не смутил? И с чего бы это...

— Как прикажет благородная миледи... Все, как ей будет угодно... Сюда, почтенный оборотень. Следуйте за мной, я проведу вас... Это сын кузнеца Эльке, бедняга. Посмел наступить на лапу охромевшей баронской суке, когда той господин барон разрешил поиграться с его ребенком... Счас-счас я крикну тетушку Эльке...

Оборотень со слугой исчезли, и в комнате остались только трое — барон, леди Клотильда и он, Серега. Следовать за ушедшей парочкой (вернее, троицей, если только можно считать изуродованное тело, повисшее у оборотня на плече, за человека) он не захотел. По всему было видно, что они и без него управятся.

— Что ж, сэр Сериога, — после короткой паузы сказала леди Клотильда, — если вы не воспользовались возможностью уйти, а остались... Должна ли я считать, что вы наконец готовы получить от меня урок в столь тонком и сложном ремесле, каковым является искусство пыток?

Серега застыл на месте. Нет, барона Квезака к этому моменту он ненавидел достаточно сильно, но чтобы вот это делать... Он представил, как будет стоять и смотреть, как руки Клотильды превращают тело барона в такой же корчащийся и сочащийся кровью кусок мяса, какой был только что унесен отсюда И все это — под звуковое сопровождение воплей боли. Представил... и его тут же мощно замутило.

— Вижу, что нет, — спокойно сказала Клотильда — Однако, сэр Сериога, всякое деяние надо наказывать подобным же деянием. Ежели, то есть когда вы станете сюзереном и правителем своих собственных земель, крепко помните и исполняйте это правило, и тогда люди ваши всегда будут считать вас справедливейшим из правителей. Умейте принимать решения, противные самой вашей натуре — это долг каждого сеньора! Но это на будущее. И в конце концов, вам совсем необязательно вершить самому правосудие, на это существуют палачи. Стало быть, придется поступить так, друг мой Сериога, — я сама для вас подберу

хорошего палача. В будущем и дальнейшем. Дабы все ваши враги имели возможность понести должное и приличествующее их поступку наказание. А сейчас... Думаю я, что следует вам возвратиться в главную залу. Объявить себя как герцога Де Лабри. И потребовать вассальной присяги. Там сейчас вассалы барона, несколько человек гостей из числа ближайших соседей... Заявите им, что герцог Де Лабри жив и требует от своих бывших вассалов полного повиновения. В конце концов, вы их сеньор по праву законной принадлежности сих земель. Они сие помнят, не сомневайтесь. Добавьте, что барона Квезака с чистой совестью можно считать мертвым, потому что с ним пожелала уединиться лично я, баронесса Дю Персиваль. Скажите, что я приду туда, как только освобожусь здесь. Ну?!

Последнее “ну” прозвучало таким приказно-выдворяющим тоном... что-то вроде “свободен” или “вон из аудитории!”.

Сергея четко, по-военному, сделал “кругом”. И покинул помещение, проявив при этом чрезмерную даже поспешность. Сзади, морозя ему кожу на спине, раздавался ласково-уговаривающий такой голосочек леди Клотильды:

— А вот мы сейчас подумаем, чем займемся... Есть ли у вас в пыточной “седалище монаха”, дорогой мой барон? Нет? Ах как жаль... А кожесрезальный станочек имеется? Душка моя, к чему нам отказываться от простых радостей жизни — вы ведь радовались, применяя все это? Дайте ж и мне побаловаться...

Сергея торопливо захлопнул за своей спиной дверь. Тяжелое деревянно-железное сооружение без скрипа встало на свое место, отрезав от него и ужасающе-нежный голос леди Клотильды, и хриплый страдальческий вскрик барона...

Наощупь, полагаясь на весьма смутные воспоминания, он побрел назад по сети коридоров. Голова казалась тяжелой, словно внутрь ее залили что-то вроде каменной лавы. В ушах гудело. Сергей чувствовал такую невероятную усталость, словно у него за плечами было уже лет двести. И все двести он прожил исключительно на этом свете, то бишь в этом мире, неразвитом, сумасшедшем и ужасающе жестоким. Он добрел до дверки, за которой был зал. Распахнул ее тяжелым пинком.

Перед ним предстала картина разгромленного пиршества. Перевернутые столы, блюда и черепки кувшинов на полу. Ближе к помосту лужи разлитого вина сливались с лужами крови, остатки опрокинутой на пол еды лежали вокруг мертвых тел. Впрочем, некоторые, кажется, еще стонали...

Но все благородное общество собралось в тесный кружок у камина в углу, не обращая никакого внимания на стоны и хрипы. При появлении незнакомца они обернулись. Мечи, все еще зажатые в их руках, теперь были опущены вниз. Но и в ножны отправлять их никто не торопился.

Сергея вздохнул и побрел к помосту.

Он шел, спотыкаясь о тела, поскальзываясь на объедках и чертыхаясь. Добрел до помоста, поискал взглядом кресло покрасивше среди всех тех, которые были разбросаны по полу. Но все, что он видел, было чересчур уж красивенько. До отвращения — сплошь резьба, позолота и какие-то камешки. Он плюнул про себя, углядел у стенки высокую табуретку из неструганого дерева, подошел и выволок ее на середину помоста. Уселся и положил на колени свой эльфийский меч. Тяжело вздохнул. Отчаянно хотелось то ли плакать, то ли бежать отсюда...

— Я — герцог Де Лабри, — намеренно негромко сказал он. Слова падали в тишину

залы размеренными каплями. — Ваш новый правитель и хозяин по праву эльфийской мандонады. Как вы все уже должны были слышать, Преждеживущие вновь воспользовались своим правом выбирать господина для тех земель, над которыми они властны. Я есмь он...

Он блефовал, блефовал отчаянно. Наверняка эти сеньоры еще ничего толком не знали и не слышали. Барон Квезак должен был об этом позаботиться, не в его интересах было допускать широкое паблисити для свежеполученного Серегиного титула. Но... в душе теплилась надежда, что лесной старичок-боровичок обеспечил им, как и обещал, всяческую информационную поддержку. Через СМИ в виде слуг и слухов...

— Итак, я — его сиятельство герцог Де Лабри, — уже несколько громче сказал он, отчаянно стремясь обрести поддержку хотя бы в звуках собственного голоса, глухими раскатами отдающегося под высоченными сводами огромной залы. — и я требую, чтобы вассалы... мои вассалы принесли мне клятву. Не злоумышлять, не посягать, при нужде поддерживать меня мечом и копьём и все в таком же духе. Я жду.

Он бросил это последнее “я жду” в абсолютную, оглушающую тишину залы, как рыболов забрасывает крючок в воду. Но, в отличие от рыболова, его крючок был, по всей видимости, без всякой наживки. И стало быть...

От толпы в углу отделился мужчина. Лет двадцати-тридцати по фигуре и лет пятидесяти по лицу. Пошел к помосту и быстрым шагом, на ходу демонстративно вкладывая свой меч в узорчатые ножны на боку.

Поднялся на помост и встал рядом с сидящим Серегой.

— Самозванец, приходящий сам и сам называющий себя нашим сеньором, — насмешливо сказал мужчина, глядя Сереге прямо в глаза, — не может рассчитывать на почет и уважение. А также на безопасность. Я убрал меч, но я его могу и снова достать. Все мы наслышаны про Клотильду Персивальскую, но... ее сейчас здесь нет. На что рассчитываешь ты, неизвестно из чьего рода и неизвестно откуда взявшийся человек? Я легко могу убить тебя прямо здесь. Я наблюдал за тобой. Двигаешься в бою ты неплохо, но обучения не проходил. И теперь уже я... Как ты это сказал — я жду? Так вот, я жду.

“Что сказать?” — металось в голове у Сереге. Намеренно затягивая паузу, он медленно и ласково погладил узкий клинок эльфийского меча, лежавший у него на коленях. Тот, изменив положение, засиял переливчато, рассеивая багрово-дымный сумрак залы веером радужно-серебристых искр.

— Я вижу твой меч, — насмешливо сказал незнакомец, — вижу, что он не похож на наши. Но один только красивый меч не может служить доказательством твоих слов. И он не может сделать тебя наследником давно усопшего герцога!

— Я могу ответить — я здесь, — сказал Серега скорее устало, чем испуганно. — Я здесь и жив. Я выбрался из подземелий барона и остался жив, я сижу здесь, в его пиршественной зале, посреди тел его людей и обломков его мебели — и я все еще жив. Мой ответ прост: если ты хочешь убить меня, сделай это сейчас. Ну?! Может быть, я действительно вру и эльфийская мандонада не охраняет мое тело и мою жизнь. Прикончи меня, и тебе уже не придется так долго болтать, прикрывая этой болтовней страх внутри себя и сомнения: а вдруг все то, что я говорю, есть правда? Но если я все же останусь жив, несмотря на все твои усилия, сочтешь ли ты это достаточным ответом? Правда, если не поверишь в историю с эльфийской мандонадой и на этот раз, то можешь попробовать снова. А я все равно буду жить. Ну, давай!

Мужчина слицом старика вытащил меч из ножен, как-то замедленно воздел его над

своей головой. Обрушил лезвие вниз.

Сергея, не вставая, пнул его под колено (явно последствия общения с леди Клотильдой — ну да с кем поведешься, от того и наберешься) и слегка качнулся на табурете, давая возможность могучему телу пролететь мимо себя. Мужчина плашмя шлепнулся на пол, отпустил ругательство, которое сделало бы честь и самой леди Клотильде, затем вскочил на ноги. Слухом Сергей уловил шаловливый шорох меча по воздуху — мужчина, стоя за его спиной, по-видимому, направил удар на этот раз горизонтально и, судя по звуку, где-то на уровне его шеи. Не было уже ни времени, ни пространства, чтобы отбить удар. Все, что он мог успеть, — это вскочить на ноги. И тогда меч перерубит его не по линии шеи, а по груди. Вот и вся выгода. Но страха, как ни странно, от осознания этого он не испытал. Сидел не шевелясь, и ему было скорее интересно, чем боязно за свою жизнь. Все-таки значит что-нибудь эта самая эльфийская мандонада или нет в сложном деле защиты его брэнной плоти от всяческих посягательств.

Над плечом что-то звонко хрупнуло, и по одежде посыпалось колкое металлическое крошево.

Он повернул голову и посмотрел на ошарашенное лицо мужчины, пытавшегося стать его убийцей. Но не ставшего.

Что теперь следовало ему сказать? Что-нибудь вроде “ха-ха-ха, я так и знал”? Или в более грозной тональности: “ну вот, теперь вы все убедились”?!

— Честно говоря, я и сам все время сомневался, — сказал Сергей охрипшим голосом. — И если только это не совпадение, то, стало быть, — все правда... Ну что теперь будем делать, благородный, или как вас там зовут? Поищем другой меч и...

— Рыцарь Дерга, — механически отозвался мужчина за его спиной, с ужасом рассматривая пенек, оставшийся на рукояти от его меча. — Нет, больше переводить хорошее оружие на плохое дело я не буду...

— Чудненько, — как-то до странности равнодушно сказал в ответ Сергей, переводя холодный взгляд на столпившихся в углу. — Есть тут еще любители экспериментов? Нет? А слуги у меня здесь будут? Эй, кто-нибудь, повелеваю выдать рыцарю Дерге...

— Дерга, — автоматически поправил его бывший оппонент.

— Дерга, — легко согласился Сергей. — Выдать вышепоименованному новый меч взамен потраченного на мои герцогские проверки. Убрать убитых в... холодное место. Священника к ним, что ли... Раненых перевязать.

— В замке есть свой член Священной комиссии, — сказал рыцарь Дерга, все еще продолжая зачарованно разглядывать печальные останки своего меча — И мне не надо другого меча — я сохраню вот этот для своих потомков, милорд.

— Хорошо, этот обрубок на память, а другой — как дар, — с некоторой нерешительностью в голосе продолжил свои распоряжения Сергей. — Раненых — разместить по кроватям, к ним — лекаря. Столы на место, полы немедленно помыть...

— Помыть?! — ахнул кто-то тоненько из угла залы. — Прямо сейчас?!

— Сейчас! — попробовал изобразить Клотильдин рык новоявленный герцог Де Лабри. Получилось плохо. Но все же что-то да получилось, потому как в углу завозилась некая фигура и откуда-то выскочила целая вереница слуг. С тряпками и ведрами. — Расставить столы. Накрыть там... что осталось. Будем праздновать появление в этом зале вашего нового... как это называется, пся крев?

Видимо, заковыристое польское ругательство, вычитанное им в какой-то книжке,

произвело впечатление, ибо толпа тут же нестройным хором провозгласила:

— Вы наш сюзерен, милорд!

— Вот-вот, явление нового сюзерена народу...

Из толпы четким шагом выступил еще один:

— А как же наш прежний господин, милорд герцог? Я хочу сказать... Где он? Не можем мы приносить вам наши вассальные клятвы, пока прежний господин все еще дышит...

“Что ж, — сказал про себя Серега, — тем лучше”. Значит, он все равно вынужден был бы нарушить обещание, данное леди Эспланиде. Раз для того, чтобы сместить барона, требуется его непременно убить..

— С бароном уединилась баронесса Дю Персиваль. И очень просила ее пока что не беспокоить. Но обещалась, что всенепременно вскорости будет. Всенепременнейше...

— Что ж, в этом случае и клятвы наши будут отложены до того момента, пока не увидим мы тело барона, — заявил обладатель четкого шага, — Но вы имеете право повелеть нам охранять сей замок от вторжения всех других посторонних, всех, кроме барона. Пока он еще предположительно жив...

— Повелеваю, — напряженно сказал Серега и про себя взмолился Богу, чтобы день этот кончился как можно скорее. Самым печальным обстоятельством было то, что день еще только начинался. За высокими и узкими окнами залы яростно полыхал в розовато-сиреневом небе рассвет. — Вижу, столы уже накрыты. Прошу всех промочить горло... господя. Если кто еще не закончил свой ужин, то может и позавтракать — еда на столах.

Толпа, перешептываясь и гремя вкладываемыми в ножны мечами, начала растекаться по посадочным местам. В рядах людей за столом виднелись бреши, кое-где даже очень большие.

Если честно отнестись к обязанностям герцога, с тоской подумал про себя Серега, то ему придется найти замену для убитых. Строй его вассалов должен быть единым и монолитным... Впрочем, у них наверняка должны быть какие-нибудь наследники. Даже если у кого-то их нет, то у уцелевших наверняка найдется энное количество младших сыновей. А младшие сыновья рыцарей, как помнилось ему из истории Средних веков, чаще всего становились в этих условиях безземельными наемниками.

Еще и преданнейших вассалов приобрету, с усмешкой подумал он. Чуть ли не молиться на меня будут. Как же, их ждало чистое поле да дальняя дорога, а тут вдруг по повелению нового герцога — раз-з, и сами в сеньоры. Будет кому обо мне небылицы слагать, когда покину этот не совсем уютный мирок...

Справа и слева от него стояли столы. На свежих скатертях вновь громоздились кувшины, дымились на блюдах кушанья. За боковыми столами неторопливо ели, пили вино, но пьяные здравицы вперемешку с ором за ними уже не звучали. Видимо, свадьба, как-то плавно перетекшая чуть ли не в поминки пополам с официальной встречей нового начальства (а начальство, невзирая на убитых и раненых, заявило историческое: “Требую продолжения банкета!”), никого уже не радовала.

Ну и хрен с ними. Что он, фотомоделька, что ли, — всех радовать?

Серега сидел на своем табурете, усталый, чуть ли не больной от жалости к себе и отвращения к этому миру, смотрелся в сияющее лезвие эльфийского меча и никак не мог понять: изменился он сам как-то... как человек... или нет?

Потому что из полосы зеркально-полированного металла на него смотрело лицо, которое он не решался признать своим. То ли желваки на скулах, то ли щеки похудели... Но

что-то явно изменилось, друзья мои. Прямо как у Ходжи Насреддина. Стал ли выше мир или ниже небо, я не знаю. Но явно что-то изменилось...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В перерывах меж боями

Леди Клотильда влетела в зал. Подкованные сталью сапоги с глухим звоном простучали по мрамору. Лицо девы-рыцаря было абсолютно спокойным, но отчего-то по спине у Сереги пробежал холодок...

Клоти прогремела сапогами по ступенькам, приблизилась к сидящему Сереге, нагнулась над его плечом.

— Ну как, милорд? — спросила одними губами. — Они вас признали?

— Рано еще, — так же тихо ответил ей милорд Серега. — Хотят сначала на мертвое тело барона налюбоваться...

Клоти выпрямилась, глаза ее цепко обежали зал.

— Не с пустого места взялось это желание, ох не с пустого... Выйдем, милорд Сериога.

Серега встал, по-мужицки закинул эльфийский меч себе на плечо, как дубину. Затем на подгибающихся (вследствие полнейшей вымотанности) ногах последовал за Клотильдой. На ходу пытаясь изобразить своей шатающейся походкой хотя бы видимость некоего благородного величия. Все ж таки герцогский титул обязывал...

До леди Клотильды в этом плане ему явно было далеко. Увешанная доспехами девица лихо отшагивала впереди, почти летела, промеряя мрамор пола широченными шагами. Странно, но, если только память ему не изменяла, обычно она хаживала поспокойнее... Торопится? И вместо того чтобы бежать со всех ног, просто удлиняет шаг? Дабы не узрели глаза плящущихся ничего подозрительного и на опасные раздумья наводящего... Что же могло стрястись с ней в коридорах этого замка — его дерьмовство барон Квезак умудрился сбежать от ее карающей длани или сломался на евонной шее в момент справедливой кары ее драгоценный дедовский меч?

Леди Клотильда свернула в боковую дверку. Серега вслед за ней поднырнул под низкую притолоку, перешел на легкую трусцу — иначе стремительную красотку было не догнать. За пределами видимости собравшихся в зале Клоти рванула еще быстрее, расстояние между ней и Серегой начало расти. Черт... и куда же она так торопится-то, мелькнуло в голове у Сереги. Неужто и вправду случилось что-то из ряда вон выходящее? Скажем, обнаружился в виде кучки костей в баронском узилище красавчик милорд Жанивский, — но он-то знает, что это никак не возможно, ибо милорд Жанивский еще жив, его как раз в этот момент по частям подъедают пасели...

Леди-рыцарь добралась до дверцы, ведущей в комнату баронского хобби. Остановилась, поджидая. Дыхание могучей девы, как мимоходом отметил про себя порядком запыхавшийся Серега, было, как и всегда, мерным и ровным. Дама подождала, пока он приблизится, затем с деланной церемонностью распахнула перед ним мощную дверь:

— Попрошу милорда герцога...

— Миледи баронесса, — огрызнулся, тяжело переводя дыхание, Серега, — Ле... Клотильда! Прекращай мне все вот это... Я для тебя Серега. И вообще, можешь ты сказать толком, что случилось?

Клотильда изобразила на лице зверскую гримасу, приложила палец к губам. Хотя из приоткрытой ею двери в коридор изливался настолько густой и монотонный звериный вой, что подслушивать на этом фоне нечего было и думать. Да и кто здесь мог этим заниматься

— коридор был девственно пуст. В смысле людей пуст, а так его густо усеивали завалы из досок и старой поломанной мебели...

Клотильда замешкалась с ответом только на мгновение.

— Войдемте... войдем, друг мой Сериога, — несколько напыщенно возвестил цвет феодализма. — Правы вы: перед лицом столь большой опасности, что угрожает нынче нам, ни к чему пустые церемонии и славословия пышные... Войдемте же и поглядим в лицо того порождения Сатаны, что...

Сергеа торопливо перешагнул порог, увлекая за собой Клоти. Та плотно притворила дверь у него за спиной, притворила с особым тщанием. Комнатенка баронских отдохновений была по-прежнему ярко освещена. Вот только обстановочка несколько переменилась — черно-буро-красный от крови стол был пуст. А в роли жертвы пребывал теперь сам барон Квезак, жалкой обезьянкой корчившийся в углу на чем-то вроде очень высокого табурета.

— А-а... — после некоторой паузы, отведенной на совладание с собственными не слишком приятными ощущениями в области желудка, промямлил Сергеа. — А... что это за табуреточка?

Клотильда критически заломила вверх левую бровь, качнула головой:

— И кто только вас воспитывал... И где, спрашивается? То ж знаменитый “трон раздумий”. Сотворен монахами и рыцарями Священной комиссии для не успевших еще раскаяться грешников. Не совсем то, что для него надо... я хочу сказать, что этот... гад ползучий нуждается не в раскаянии, а в расплате за злодеяния свои мерзкие! Но и так сойдет. Дня два-три высидит. Может, и больше, если силенок хватит. Пусть посиживает и припоминает всех тех, кто безвинно и от рук его... Хотя, конечно, следовало бы мне лично и неусыпно заботиться о сем жабогузке, денно и ночью не отрывая от него рук своих!

— Не надо, — торопливо утешил деву Сергеа. Барон подвывал так, что разговаривать приходилось напрягая голос. Хотя и не до крика. — Пусть посидит, по-раскаи... порасплачивается. Кстати, а в чем здесь хитрость? Табуретка, конечно, высокая, сидеть на ней неудобно, но...

— Сэр... друг мои Сериога! Как вы можете не знать... гм. Что вы вообще знаете? Помните ли вы то посажение на кол, от которого мы спасли вашего этого... оборотня?

— Ну? — ограничился одним словом Сергеа. Хотя ужасно хотелось спросить, с каких это пор оборотень стал “его”.

— Здесь такой же процесс зрим мы. И имеем.

— В смысле, чувствуем, — пробормотал Сергеа, чувствуя, что желудок вновь приходит в резкое противоречие с реалиями здешнего правосудия, — то есть не мы чувствуем, конечно. Ну, классно... Ради этого вы меня и звали? Продемонстрировать?

— Нет, — леди Клотильда отчего-то вдруг несколько побледнела, — ради вот этого.

Она решительно повернула направо и зашагала в боковой закуток комнаты. Сергеа двинулся вслед за ней. Закуток, отделенный от камеры пыток толстым кожаным занавесом, оказался на деле загадочным коридором, уходящим куда-то вдаль. Довольно широким и практически почти неосвещенным. Сергеа, спотыкаясь и чертыхаясь, пробирался по нему на ощупь, ориентируясь исключительно на звук шагов леди Клотильды.

И под конец вместе с ней очутился в круглой комнатенке. На стене блекло догорал один-единственный факел, от гаснущего пламени по стенам вяло плясали дымчато-рыжие тени. Посередке над полом возвышалось что-то округлое, цилиндрическое. Словно кто-то начал строить бочку из камня, довел до уровня колен и на этом остановился.

— Вообще-то в пыточных без колодца никуда, — с ноткой практицизма в голосе заявила леди Клотильда. — Полы водичкой окатить, бедолагу... то есть пытуемого, в чувство привести... Удобно это, когда вода всегда под рукой Но этот колодец... Загляните туда, сэр Сериога.

Сергеа осторожно приблизился, наклонившись, заглянул за ограждение. Зеркало воды за ним было гладко-ровным, без единой морщиночки. Оттуда, снизу, на него глянул другой Сергеа — слабо освещенный с одной стороны тусклыми всполохами факела, с другой стороны прорисованный черным затененным силуэтом на фоне беленых стен.

— И что? — выждав приличествующую паузу, поинтересовался сэр Сериога.

— Еще немножечко подождите, друг мой Сериога...

Он, бездумно повинувшись, снова молча уставился в безупречно гладкий кружок воды вниз. Колодец как колодец, и что в нем может быть такого? Для удобства он оперся одной ногой о каменный бортик, облокотил правую руку на приподнятое колено. И снова посмотрел вниз, на самого себя...

Его отражение — тоже в каком-то смысле он, только тот, другой, что был в колодце, вдруг как-то странно, дерганно шевельнулся. И ожил.

Сергеа, затаив дыхание, наблюдал, как полузатененный силуэт его самого (!) там, внизу, беззаботно выпрямляется, опирается обеими руками о свод колодезного ограждения. Как он сам оперся бы односторонне низкую арку дверного проема. И смотрит на него снизу — с нахальной, скользкой какой-то ухмылочкой. И в глазах отражения вроде как просверливаются изнутри лучики странного сияния. Зелено-гнойного сияния, червячками извивающегося в зрачках.

И от этого сияния как-то сразу заохлодели его собственные глаза. В глубь головы тут же стрельнула дикая, пронзительная боль.

Содрогнувшись, Сергеа резко отодвинулся от края колодца, растерянно потер лицо, вопросительно поглядел на леди Клотильду. Та в ответ отрицательно помотала головой:

— Не знакома я с тем, что сокрыто в глубине сих вод, знаю только одно — противно сие Богу. Ибо не может быть того, чтобы столь богомерзкое явление угодно было Творцу Всевышнему. Но благодетелю и радетелю нашему, — она коротко мотнула головой назад — туда, где за кожаным занавесом продолжал глухо стонать с подвываниями барон Квезак, — ему суть сего известна. Хоть и не ведает доподлинно он, что именно скрывается в водах этих... скрывается с его соизволения и по его инициативе, кстати. Но утверждает, что это... этот колодец и есть его защита супротив мандонады эльфийской. Мол, тварь или твари, что обитают там... и коим жертвовал он души пытуемых... обещались за то прийти ему на выручку в случае необходимости. Или же отомстить за него. Посему, мол, и не боялся он мандонады эльфийской. Мне он заявил также, что сокрытые в колодце... или один сокрытый демон, в числе он не уверен, выйдут отсель аккурат после захода солнца. Его самого непременно освободят... или даже оживят, ежели потребуются... а дерзнувших на него — то есть меня и вас, — подвергнут той страшной каре, каковую он самолично восхочет избрать. Еще он заявил, что сами Пржедживущие не в силах сражаться с этой нечистью. Оттого и не рискнули ни разу вступить с ним в открытое противостояние, защищая ваши неотъемлемые права как герцога и их избранника. И посему мандонада эльфийская для него так, фук сплошной.

— Это возможно? То есть я хотел спросить... все это действительно может произойти?

Клоти покосилась на него, ее губы раздвинула странная, почти волчья усмешка.

— В действительности, как любил говаривать мой дедушка, никак не может быть, чтобы на дурняка досталась какая-нибудь особо невероятная удача. За все непременно попросят заплатить... и заплатить немало. Платить, как он говаривал, приходится даже за то, чтобы на вас сыпались неприятности. Ибо даже и их бесплатно не раздают...

— Оптимист был ваш дедушка, однако, — проворчал Серега, потирая веки, — глаза от холода уже отошли, но глазные яблоки продолжали ощутимо болеть.

Клотильда почему-то обиженно вскинулась:

— Сэр Сериога! Милорд герцог Де Лабри! Я попрошу вас... заумных бранных слов говоря о родичах моих, не употреблять!

— Что вы, — ошеломленно сказал Серега, — и в мыслях не было...

— Удовлетворена я, — царственно объявила леди Клотильда, — смущением вашим. Верю, что и впредь воздержитесь вы от словцов подобных. Кстати, на всякий случай — опизимись, так? Вы не поверите, сэр Сериога, сколь трудно нынче вернуть в благородном собрании словцо, истинно бранное и доселе никем не слыханное! Так сказануть, чтобы и ухи...

— Пессимист, — мрачно подсказал Серега, одним глазом опасливо косясь в черное колодезное жерло. Клотильда же опасное соседство ничуть не трогало, стояла себе рядом с колодцем и болтала вольготно, прямо как на рыцарском плацу, где вокруг одни только братки-рыцари и уж точно никаких тебе опасностей, кроме дивных ароматов от самих рыцарей и их сапог. — Раз назвали пессимистом, то уж точно — нехороший человек...

— О да, — обрадованно заявила леди Клотильда и с упоением закатила вверх глаза. — Опизимись — раз. Пизимись — два! Сэр Квагри с ума сойдет от зависти! Друг мой Сериога воистину кладезь вы мудрости, нива благодатная...

— Ну-ну, — опасливо прервал Серега фонтан средневековых славословий. — Что делать-то будем? С колодцем, я имею в виду, и с тем... с теми, кто там живет. Говорите, ночью выйдут? До ночи, конечно, еще далеко...

— Решать вам, — леди прочесала кудлатую голову растопыренной пятерней, что-то там, к ужасу Сереги, выловила и, запустив пальцы в рот, с наслаждением надкусила это нечто зубом, — что будем делать. Однако ж отмечу, что яснее стало мне теперь все то, что происходило и происходит вокруг нас. И с нами тоже. И почему лесной хозяин так сильно восхотел, дабы в первую очередь расправились мы с бароном Квезаком. Отчего сам барон проявил такую, прямо скажу, почти неприличную смелость по отношению к нам. Даже ловить нас кинулся, презря мандонаду эльфийскую. И странные заявления оборотня вашего о том, что лесной-де хозяин любит, дескать, таскать камни из огня чужими руками, мне теперь ясны и понятны. Должно быть, сии твари... сей колодец всегда был и будет как бельмо на глазу у всех Преждеживущих.

— Итак? — попытался было Серега призвать леди Клотильду к исполнению своего прямого долга. А прямым долгом всякой честной женщины, как это знает любой мужчина, является сложное дело принятия решений в трудных ситуациях. Причем решения она должна принимать и за себя и за того (то бишь за своего) парня. — Все ж таки что же нам теперь-то делать? И что мы вообще можем сделать в этой-то заварухе...

— Заваруха? — снова с выразительным надломом приподняла свою соболиную бровку леди Клотильда. — Блюдо со стола холопов? И хотя не стала бы я столь уничижительно отзываться о деле сем сложном, но... мне нравится ваш настрой, сэр Сериога. Он напоминает моего жеребца, м-м... тот тоже ржет и бьет копытами, когда надо и не надо...

— Нет, ну леди Клотильда! — почти взмолился Серега. — Я вполне серьезно. Как, по вашему мнению, нам следует поступить? Может, прямо сейчас по-быстрому и смоемся отсюда? И мстить тогда этой сволочи будет некому...

— Друг мой Сериога! Не следует забывать, что отныне именно вы — полноправный хозяин и сеньор этого замка. Хоть вас еще и не признали, но вы-то сами уже объявили себя таковым. Вред барону уже нанесен. Он может озлиться на всех тех, кто сбежать не может... И он, и нечисть под его крылышком равно опасны для людей. ВАШИХ людей... А также недостойно и вас, и новоприобретенного титула вашего будет, ежели и впрямь побежите, прячась в надежде сохранить свою брэнную жизнь. Ибо что есть жизнь? Это всего лишь возможность оставить о себе добрую память. И следовательно...

— Понял, — не совсем вежливо, но в достаточной степени угрюмо перебил Серега вошедшую в агитационный раж баронессу. — Значит, буду сидеть и ждать. Раз жизнь ничто, а дырявая память потомков все...

— Ну, во-первых, не буду ждать, а будем ждать, — ласково пожурела его Клотильда. — Куда вы без меня? То есть, ваше сиятельство, я хотела сказать: как я без вас? А во-вторых, засядем здесь только к вечеру, как раз перед заходом светила — раньше ЭТО, судя по словам нашего баронишки, появиться никак не может.

— С чего так? — буркнул Серега. — Света дневного, что ли, боится? Так тут и днем темно, как у... как у любого нормального человека в заднице.

— В заднице у холопа, вы хотели сказать, — просветила его леди Клотильда. — Всякому известно и понятно, что к истинно благородным людям слова эти относимы никак быть не могут.

— Ну да, — ехидно заметил Серега, — у истинно благородных и задние части тела по-другому устроены. Аж светятся...

Они задернули за собой кожаный полог так тщательно, словно он мог служить преградой между ними и тем неведомым, что оставалось сейчас позади, в колодце. Прошли мимо барона, жалкого, несчастного, уже ничем не напоминающего того лощеного мерзавца, каким он выглядел прежде. Вышли. Леди Клотильда достала откуда-то сверху тяжелый булыжник навесного замка, продела скобу в ушки, со скрежетом и до упора прокрутила в скважине ключ. Ключ сунула себе за пазуху.

— На всякий случай, — пояснила она Сереге, — мало ли что... А так до вечера мне будет спокойнее.

Они вернулись по коридору в пиршественную залу. Бывшие баронские, а теперь, надо полагать, уже его, Серегины гости, успели к этому времени покончить со своим поздним ужином. Или с ранним завтраком? Но расходиться никто не спешил, все сидели за пустыми столами, прибранными проворной челядью. Негромко переговаривались. При их появлении все разом обернулись. Серега вместе с леди Клотильдой, к своему смущению, неожиданно очутился в перекрестье множества взглядов. Самых разных взглядов — от насмешливо-любопытных до откровенно-вопрошающих и тяжелых. Но открытой, яркой враждебности во взгляде Серега ни у кого не заметил. К своему облегчению. Похоже, барон здесь так-таки никому и не успел внушить непреодолимой симпатии к себе. За всю свою не такую уж и короткую жизнь.

Клоти, не отходя далеко от той дверки, из которой они только что вышли, перекинула ногу через ближайшую скамью, уселась за пустой стол.

— Есть в этом замке еда и вино?!

На звук жизнерадостного рева, спотыкаясь от усердия, явились слуги, кланяясь, протерли тряпкой и без того чистый стол, хором спросили:

— Что будет угодно милорду и миледи?

— Поесть, — распорядилась Клоти. — Что-нибудь не слишком тяжелое — кабанчика там или просто свинку... Но не моложе чем годовалую! А то и так бают, что, дескать, леди Клотильда Персивальская дитев жрет. Матери деток пугают — мол, придет страшная баронесса Клоти и съест тебя, если не будешь мамку слушаться...

— Как вруг-то люди, — лицемерно посочувствовал Серега, садясь рядом, — про столь добрую и кроткую особу, которая и мухи не обидит!

— Зазря — не обижу, — наставительно подняла указательный палец Клотильда. А затем нацелила его на Серегу, — а за глупые речи — непременно. И к мясу чтоб мне было вино! Сэр Сериога, будь другом, распорядись уж в своем замке. Я ж теперь... в гостях у тебя вроде бы.

— Вина леди! — на пробу решил рывкнуть сэр Сериога. Слуги, невесть откуда понавывлезшие и стоявшие до этого перед ними дружной кучкой с открытыми от любопытства ртами, тут же кинулись врассыпную. — А мне воды! И еды!

Стол мгновенно оказался заставлен едой. И кувшинами с вином. Пожилой слуга, кидая на Серегу возмущенные взгляды, на серебряном подносике принес и с дрожью водрузил на столешницу стакан с прозрачной ледяной водой. Прижал освободившийся поднос к себе и с ужасом посмотрел на Серегу.

— Что?! — несколько смущенно рыкнул сэр Сериога, которому стало уж как-то совсем не по себе от множества взглядов, обращенных на него. — Чего смотрим?

Слуга испарился. За него задумчиво ответила леди Клотильда:

— Считается, что благородным господам утолять жажду водой не положено... Сие по чину лишь простолюдинам. Да еще скотине.

— Благородство, — царственно ответил герцог Де Лабри, — должно содержаться не в том, что пьют. А в том, кто пьет.

— И то верно, твое сиясьтво. Хорошо говоришь... иногда. Вот бы тебе еще и драться так хорошо уметь, как ты говорить наострился.

Сбоку за накрытый стол садился оборотень.

— А, милорд в лисьей шкуре! — довольно дружелюбно промычала с набитым ртом леди Клотильда и помахала в воздухе костью с лохмами мяса, носившими на себе следы ее крепких зубов. — Как же, как же, присоединяйтесь. Что мне в вас нравится — так это то, что после каждого вашего спасения судьба нам непременно посылает добрый стол. Правда, не знаю, как завтра будет — сегодня вы почему-то в драку не полезли, берегли шкурку-то...

— Не знаю, будет ли нам завтра стол, коли сегодня он — под стол! — сымпровизировал в отместку разобиженный до глубины души Серега и взял с блюда здоровый ломоть окорока.

— Дурные стишки, — отреагировал оборотень, тоже как ни в чем не бывало берясь за копченую свинину. — Вижу, что с виршами дела у вас обстоят так же, как и с воинским искусством, — плохо. Очень плохо, А между тем сегодня ночью...

— А откуда оборотень знает, что должно быть... будет сегодня ночью? — негромко поинтересовался Серега и увел из-под носа у оборотня последний кусок хлеба. Впрочем, слуги тотчас же принесли новое блюдо, даже не блюдо — целый поднос с крупно нарезанными ломтями. — В застенке баронском его вроде бы с нами не было...

— Знал про все, когда вы и сами еще ничего не знали, — отрезал оборотень. — Каждый,

кто бегают по лесным тропам то на двух, а то и на четырех лапах и думает при этом не как зверь, а как человек, знает о тех... НЕКИХ, кто поселился в замке. Бароны Квезак всегда боялись, что явится однажды кто-нибудь вроде вас и придется им отдавать землишки. Вот их последненький и озаботился о страже, и приветил откуда-то взявшихся этих тварей...

— Ну хорошо, — с полным ртом и едва не подавившись при этом, выговорил Серега, — раз уж вы у нас такой умный... кхе!.. то, может, вы и о том знаете, что это, собственно, за твари такие и с чем их едят?

Оборотень вдумчиво жевал с полузакрытыми глазами, затем одобрительно облизнулся. И только потом плотоядно улыбнулся Сереге:

— Помилуйте! Откуда ж мне, простому лесному зверю... Однако добавлю — поэтому-то я и не полез в драку этой ночью, или, простите, то было уже утро? В любом случае нам с вами этой ночью снова не спать. А вот леди Клотильде можно будет и отдохнуть, она там будет не нужна. Совершенно ни к чему...

Леди Клотильда, слишком занятая едой, чтобы говорить, звучно откашлялась. С четкими вопросительными нотами.

— Да-да, понимаю, — сказал оборотень с легкой усмешкой. — Но в том-то и дело, дорогая, — не могу ничего сказать. Сие может изменить предначертание, а в моих интересах, а также в интересах многих других, чтобы оно сбылось. Сей славный юноша пойдет на бой один. Ну, не совсем один, в компании со мной, но я, согласитесь, не будучи не то что благороднорожденным — вовсе человеком не являясь, за еще одну боевую единицу считаться никак не могу.

— Знаете что, сударь, — с громким кашляющим звуком проглотив все, что было у нее во рту, сказала багрово-красная Клоти, — что-то я не пойму ваши заявления...

— Абсолво, — простенько сказал оборотень (и Серега подивился — слово прозвучало до удивления знакомо, что-то из молитв, католических, кажется, не православных... абсолво те — отпускаю тебе? — если только он ничего не перепутал). — Вспомните, баронесса, в сердце Исхода Злого Отсушенных земель была ли польза от вашего махания мечом?

— Ну это вы зря, — заступился за разом насупившуюся Клоти Серега, — если б не ее меч, мне б давно...

— Да знаю, знаю — тебе б давно и голову с плеч, — досадливо отмахнулся оборотень от Сереги, как от надоедливо жужжащей над ухом мухи, — но в том-то и суть... Бывает предначертанное — и бывает Предначертание. Тебе было Предначертание — очистить Отсушенные земли от зла. А ей было предначертано, что она будет беречь тебя в перерывах между твоими Предначертаниями. Что, замечу, вовсе не говорит о том, что дело сие — беречь тебя — будет удаваться ей всегда. Можешь и сгинуть. Согласно условиям проклятия Мак'Дональда. И на месте ее мог бы оказаться кто-то другой — запросто, хочу отметить. А вот с такими, как ты, дело посложнее. Случись что с тобой в перерывах между Предначертаниями... И тогда пришлось бы тем, Преждеживущим, и нам, Лесным, ждать нового подходящего человека для Предначертаний. Что того, что этого. А это опять же годы, а может, и века...

— А позволено ли будет мне спросить, — промолвил несколько ошарашенный всеми этими словами Серега, — почему для этих Предначертаний потребен непременно я? Я, собственно, вообще не здешний. И свободно мог бы здесь даже и не оказаться...

— В любом Предначертании есть доля случая. — Оборотень криво улыбнулся уголком рта. — Случайно попал сюда, случайно залетел в Сердце Исхода Злого, случайно снял

чары... Теперь вот тебе предстоит случайно очистить и этот замок от прикормленной здесь мерзости. Судьба, сиречь планида твоя такая!

— Да с чего вы взяли, что я пушу его туда одного? — взревела леди Клотильда.

— До чего ж дурные манеры! — поморщился оборотень и придвинул к себе только что появившееся на столе блюдо с жареной рыбой. — Ну, баронесса, не будьте же ребенком. Он — герцог Де Лабри, и, как вы уже, наверное, должны были понять, зла я ему не хочу. Наоборот, помогу чем смогу. Вот, в частности... Въехать туда, в обитель этой мерзости, вам, милорд герцог, придется на моей спине. И с собой прихватить знаете кого? Забыли вы уже своего питомца, герцог, забыли. Нехорошо-с. А вот он будет вам там ой как нужен. Потому что без этого зверька Предначертание в полной мере не будет выполнено — а стало быть, все впустую. Эй, принесите-ка мне плиша... [2]

Сбоку выметнулись чьи-то руки. И на столе перед Серегой материализовался невесть откуда взявшийся знакомый серо-полосатый зверек. Мухтар. Котенок, почти доросший до размеров взрослого кота, уселся на задние лапы, наглым хозяйским взглядом обвел помещение. Облизнулся, по пути пригладив языком и шерстку под подбородком. Искося выжидающе глянул на Серегу.

— Кис-кис-кис, — нерешительно сказал Серега. Столько времени прошло, столько дел случилось... да и к тому же он его почитай что бросил — во всяком случае, найти его в том дебровском трактире не позаботился. Мухтар вполне мог бы и позабыть своего бывшего хозяина. И был бы целиком и полностью прав.

Однако котенок, похоже, был не из тех, кто долго помнит зло. Серые лапы вальяжно прошествовали между блюдами и блюдцами, умудрившись нигде не попачкать короткую, сияющую здоровым чистым блеском шерстку. Кот обнюхал Серегу и ловким прыжком взгромоздился ему на левое плечо. Совсем как в прежние времена, когда они путешествовали по этому миру лишь втроем — он, леди Клотильда и этот вот зверь, Мухтар. А теперь... Он оброс спутниками и обязательствами, как пенёк мхом. Теперь вот еще и Предначертания какие-то ему шьют...

— Умница, — растроганно сказал Серега. Поднял руку, не глядя, и погладил крутым колесом изогнутую спину, — молодчина. Котик ты мой...

— Признал, — холодным тоном прокомментировал оборотень, — а ведь вы его самым банальным образом бросили, досточтимый герцог Де Лабри. Он, конечно, всего лишь зверь, но все же. Остается надеяться, что с принадлежащими вам людьми вы так не поступите. Хотя, конечно, пример данного кота уверенности в этом не прибавляет, скорее совсем наоборот...

Серега промолчал, вяло дожевывая кусок копченой свинины с хлебом, запил водой. Усталость, которую до этого сознание, перевозбужденное происшествием в баронской пыточной, отодвигало на задворки, снова навалилась на него. Резиново-расслабленные мышцы отзывались дрожью на каждое движение, голова была туманной и сонной. Он зевнул.

— Пора герцогу баиньки, — с невесть откуда прорезавшейся стальной нотой в голосе сказал оборотень. — Надеюсь, леди Клотильда, вы уже уяснили — герцог пойдет в ТУ комнату один, точнее, только со мной и с этим зверем. И не спрашивайте меня ни о чем. Поверьте — так нужно. Если вам так уж нужно чем-нибудь успокоить свою совесть — не переживайте, эльфы именно так зрили в своем зеркале смерти погибель тех тварей, что скрываются в этом замке. Именно от руки этого вьюноши, коему для исполнения ЭТОГО

пророчества надлежит явиться туда без вас. А сейчас ему нужно спать. Вы же, поскольку в ту комнату ночью не пойдете, можете и не ложиться. Постережете покой герцога, да и мой тоже.

И оборотень сладко, с подвыванием, зевнул. Хлопнувшие в конце зевка человеческие в этот момент челюсти показались Сереге вдруг какими-то чересчур уж вытянутыми вперед. Как у зверя. Что, в общем-то, вполне соответствовало истине — оборотень и был зверем, лишь изредка переряжавшимся в человеческую шкуру.

Его и оборотня почтительно проводили наверх, в спальные покои. Чуть было не завели в бывшую спальню барона Квезака, откуда из-за двери все еще доносились всхлипывания леди Эспланды. Серега едва успел притормозить ведшего их мажордома, который уже было и руку занес, дабы громко постучаться в двери новоявленной... нет, пока еще только будущей вдовы. Метнул на разом посеревшего слугу (феодалные замашки все крепче и крепче въедались в разум... и в замашки) разъяренный взгляд, шепотом приказал:

— Давайте не будем беспокоить даму. Служанок туда..... Есть в этом замке неболтливые служанки? Таких. И чтоб ни слова о том, что произошло внизу. Говорить только, что все хорошо... и барон под присмотром лекаря. Еду в комнату, стражу к дверям. И не выпускать. До завтрашнего дня. И защищать, если вдруг что пойдет не так.

Мажордом мелко и согласно закивал. Проямлил:

— Осмелюсь ли предложить вашему сиятельству покои ничуть не хуже... разве что чуток подальше по коридору?

— Давай, — разрешил Серега, и старый слуга с физиономией породистой кобылы, кознями злых врагов превращенной в человека, повел их в глубь коридора.

— Бойтесь встретиться лицом к лицу... после недавних событий? — догадливо предположил оборотень. — Откладываете момент расплаты с добрейшей леди? И правильно, нам сейчас непременно нужно, чтобы вы остались в живых. По крайней мере до ночи.

— Точно, — сквозь зубы сказал Серега и чертыхнулся про себя — хоть бы уж молчал, честное слово. А то и так кошки на душе скребут... не хуже, чем вот Мухтар по его плечу когтями. Сплошная неизвестность впереди, и, что всего неприятнее: этот субъект ясно выразился, что его интересует одно — чтобы он дожил только до предстоящей ночи. А дальше ему и трава не расти...

И с этими невеселыми мыслями он бухнулся на койку, точнее, на целое ложе в ворохах мелких подушечек и кружевных фестончиков. Мухтар томно улегся рядом, под боком. Оборотень, неотступно следовавший за ним следом, выбрал в заставленной мебелию комнате кушетку почти у самой двери, завалился на нее и тут же захрапел. И этот звук был последним воспоминанием этого утра, потому что Серега тут же уснул.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Хорошую религию придумали индусы...

Ближе к вечеру его разбудила Клотильда. Мощно тряхнув за плечо, уселась рядом, скрежетнув доспехами и звякнув шпорами.

— Пора, сэр Сериога. Оборотень ваш уже на ногах, уже кур давит... шучу, конечно. Он у нас теперь персоне возвышенная и возвысившаяся — куда уж ему сырых и неоципаных курей жрать, так что заказал себе цыплят в винном соусе. Откуда берутся у тварей лесных... ну, полулесных, такие познания в изысканной кухне?! Еще его лесное высочество пожелало себе вина бургейского, с виноградников Д'Аркер. И, как ни странно, таковое вино, редкость страшнейшая, здесь нашлось. Чудны дела этого существа, не правда ли? И познания его также очень даже...

— Не зря, видно, Священная комиссия с ним так круто... — позевывая, брякнул Серега первое, что в голову пришло. Надо же было хоть как-то проявить внимание к сказанному дамой.

Однако Клоти, к его удивлению, на совершенно случайную реплику прореагировала очень серьезно:

— Сэр Сериога... Досель я и впрямь не обращалась как-то мыслями к этому предмету, но теперь, после ваших слов... И действительно, как мне помнится, обращение Священной комиссии с тварями подобными обычно другим бывает. Предпочитают они содержать оборотней в неволе, получая в обмен на еду и прочие... удовлетворения благодарности в виде особых даров. Дорого ценится драгоценный волос с их хвостов. Продают его в лавках магических, а также дамам благородным для их потребностей... Убиение оборотня, если и происходит таковое, то, как слышала я, не раньше, чем полысеет хвост у сего зверя. Сие и к лисам относится, и к волколакам, и к орлычам-оборотням. Все оборотни без исключения приносят Священной комиссии выгоду немалую. А этого почему-то...

— Вот-вот, — поддержал разговор Серега, — а этого почему-то сразу кинулись серебряным колом очищать. Наверно, грязноват показался. А я-то думал, что деньги грязными не бывают.

— Верно сие... И предивно. Ну, об этом нам сейчас недосуг толковать. Сэр Сериога, верите ли вы его словам о том, что, дескать, не след мне отправляться в узилище баронское вместе с вами? Но как же вы там один и без меня будете? Думаю я, что все же следует мне идти. У члена Священной комиссии, что нашелся здесь, в замке, оба своих меча я освятила. Кровью жертвенного агнца...

— Кого? — заинтересованно переспросил Серега, приподнявшись на локтях.

— Жертвенного агнца... Да вы что, сэр Сериога? Разве не знаете вы, что у скотины, жертвуемой Богу, душу забирает он, Творец, дабы множились пречистые души в Его Царстве, а кровь собирает и сохраняет пречлен Священной. И после пользует и благословляет ею? Не знать такого? Уж не в Святую ли Пару веровал батюшка ваш... м-м, или же это была матушка ваша?

— Да что вы, Клотильдушка, — жарко открестился, он от обвинений в ереси. — Мои старики — люди правильные. И вера у них такая же правильная. В него, в Творца нашего, всенепременно. И причем все мои предки — как один. И молились, и верили, а то как же. Просто край у нас... э-э, запущенный, звериный, никаких там пречленов. Так, сам что-

нибудь у Бога попросишь теми словами, которые первые на ум придут, ну и ждешь потом. Даст не даст... догонит — еще добавит...

— Верно, в глуши далекой вы жили, — предположила разом успокоившаяся Клотильда. — Вижу, книги со словесами мудрыми нашлись для вас у воспитателей ваших, а вот благодати божественной, кою в души человеческие принести могут токмо члены Священной комиссии, сиречь пречлены, — увы, были вы ее лишены. Бывает и такое, особливо ежели край дик, опасен и беден, к сожалению всех истинно верующих, не сильно рвутся пречлены в такие места, даже и им не охота в Царствие Его раньше времени попадать. Ну да ладно. Итак, мечи свои на бой с силами дьявольскими я освятила...

— Простите ради бога, — вкрадчиво поинтересовался Серега, все еще полусидевший на кровати, — жажду приобщиться к благодати этих, как вы сказали... пречленов. А откуда все-таки берутся эти самые жертвенные агнцы?

— Как откуда? Грешники грехи искупают скотиною, взыскающие мольбы к Богу ею же подкрепляют. Опять же, каждый месяц должно жертвовать на Божеские нужды всякому... Я тоже обычно, как только лишняя монетка в кармане завалывается, покупаю овечку. И жертвую ближайшему пречлену. Потом, правда, два дня пощусь... но душа дороже! Своя душа, конечно же, коя этим действием очищается. А овечья душа уходит Богу, кровью же благословляют...

— А куда идет мясо? Плоть, то есть?

— Плоть... Мясо... — надолго задумалась бесхитростная леди. — М-м... Не знаю честно говоря, но думаю... А впрочем, не до этого самого нам, не до раздумий! Аларм, сэр Сериога! В окнах уже закат! И, кстати, пречлен уверен, что следует мне обязательно пойти с вами, дабы охранять вас и обеспечить своим мечом, то есть мечами своими победу вашу. А оборотень, как верно про то глаголил мне пречлен, был и есть порождение дьявольское, и посему советов его слушать вельми опасно. И должно мне, хотя бы и мечом заткнув его проклятую глотку...

Серега слез с кровати, внимательно посмотрел на леди Клотильду. Та, похоже, сама была не до конца убеждена в том, что произносила сейчас. Странно, какое дело этому пречлену (читай — загадочной Священной комиссии) до того, пойдет с ним леди Клотильда или нет? Странно это... А если сказанное оборотнем — правда? И ничего, кроме правды... И победу над тварями в колодце действительно можно одержать лишь при условии появления там его, Сереги, исключительно в одиночку... Но тогда можно предположить и другое: что пречлену об этих тварях тоже все известно, все — вплоть до условий их уничтожения. Но по каким-то своим причинам уничтожение этих тварей пречлену не выгодно. Почему? Вот, похоже, главный вопрос, логично проистекающий из той несколько смущенной филиппики, которую выдавала леди Клотильда в адрес оборотня. Почему ему (читай — ИМ) это невыгодно? Что за корысть этому самому пречлену во всей этой мертвечиной пахнущей бредятине?

— Леди Клотильда, — решился наконец Серега прервать поток обвинений в адрес бедолаги-оборотня. — Скажите, вы не узнавали ни у кого... ну, пока я спал, об этих тварях еще кому-нибудь в замке известно? Вассалам барона, слугам там...

— Само собой, — утвердительно мотнула буйной головушкой Клоти, — здесь все об этом наслышаны. И, когда барон бывал в отлучке, накрепко запирали двери и ночами напролет молились о спасении. Иногда и напрасно молились, бывало. Твари выползали на охоту за невинными душами. А что?

— И агнцев в подкрепление молитв жертвовали здесь немерено, должно быть...

— Не-е, — снова мотнула головой девушка, — здесь почти все принадлежит барону. А если у кого и было что, то прятал подальше, чтобы добрый хозяин не прознал. А то начнешь жертвовать — пречлен проговорится барону, потом признавайся, что в кубышке лежит да откуда взялось. Разве что вассалы могли бы, но те старались в отлучки барона здесь не ночевать. Останавливались в городе.

— Гм... оборотень, может быть, и прав... И очевидной выгоды в виде поднесенных агнцев пречлен в данном случае не имеет? Итак, если оборотень все же говорит правду, а пречлен не согласен с ним, о чем так старательно и ставит в известность вас... Леди Клотильда! А может быть, Священная комиссия хочет сохранить местных тварей в целости и сохранности? Или уж и вовсе — может быть, ей хочется, чтобы кто-нибудь из нас сложил-таки этой ночью свою буйную головушку?

Клотильда с явственным сомнением наморщила очаровательный лобик. По гладкой коже цвета персика поползли восхитительные складочки. Серега тут же застыл, будучи совершенно не в силах и не пытаясь даже отвести глаза от столь редкого зрелища — леди-рыцарь думают...

— Скорее второе, чем первое, — замедленно, словно долгая пауза, ушедшая на размышления, всерьез подкосила ее немалую молодецкую силушку, сказала Клоти. — Вы... то есть мы, мы вмешались в их планы. Само собой разумеется, они знать не могут, что нужный им мальчишка... то есть его величество король Зигфрид, находится сейчас на нашем попечении. Пока не могут.

— Думаете вы... то есть думаешь ты, — твердо поправился Серега, — что та ведьма не успела еще добраться до маркиза Баленсиаги и обо всем ему рассказать?

Брови леди Клотильды изумленно взлетели вверх.

— Сэр Сериога! Неужли не помните вы? Еще в замке Балинок-Деде пригрозила я ей карами немалыми, ежели не выполнит она приговор мой справедливый! Она ж не выполнила и вновь покусилась намальчишку! Неужто же могла я допустить, чтобы то слово мое всуе прозвучало? Эта... ведьма, как вы выразились, не то что добраться до маркиза — до нужника теперь сама не доберется! И если даже жива — в чем я, кстати, сомневаюсь, — то, безо всякого сомнения, ужасна ее участь. Ибо она обездвижена и лишена возможности говорить навеки. Моей рукой.

— Гм... — прочистил горло Серега. — Но вдруг кому-нибудь да даст как-то понять, тот и решит выступить в роли гонца..

— Друг мой Сериога! Даст понять — и это после меня?! — еще пуще изумилась леди Клотильда, даже глаза от возмущения выпучила. — Ныне она живой и безгласный труп! Обещано — сделано! И не морщись так! Нет прощения злу, терзавшему столь жестоко безвинного и беззащитного ребенка, но и того превыше — слово мое рыцарское! Сказанное при всех и олицетворяющее закон! Ибо закон, как говорил мой предок Перси, закон — это мы!

— А, ну да, — смущенно молвил Серега, — вы же как-никак первый род после Нибелунгов, вам виднее... Жираф большой, ему видней... А помимо захвата мальчика еще за что-нибудь Священная комиссия может на нас обидеться?

— Запросто. Мы захватили замок Дебро, почти прикончили его мерзавство барона. А он — их верный союзник. То есть был — и верный, и союзник...

— А заодно надежа и опора, — в тон Клоти протянул Серега.

— Да... Да-да. — Клотильда синхронно мигнула обоими глазами. Морщинки на ее лбу разгладились, и речь сразу же потекла свободнее и увереннее. — Даже не имей вы за собой эльфийской мандонады, то и тогда... Самозванец вы или нет — Священной вы все равно мешаете. Ужас как верно намекнули вы на все это, сэр Сериога!

Сереге с самым серьезным видом покивал головой, дескать, ага, а как же. Хотя назвать его более чем прямые обвинения в адрес досточтимой и Священной просто намеками — это, знаете ли...

— И если глянуть с этой точки зрения, сэр Сериога, — с воодушевлением все громче и громче продолжала леди Клотильда, — то, несомненно, следует мне послушаться оборотня вашего... то бишь нашего. Нашего друга и это, гм... советчика. И, к моему сожалению и глубочайшему раскаянию, не послушать на этот раз его благодать пречлена. Увы мне! Вам, друг мой, в одиночку придется сразиться с тем мерзостным и неведомым злом. Надеюсь я лишь на силу проклятия мага Мак'Дональда: твари — это не люди, особой беды вам от них не должно быть...

— Стало быть, не всегда слова пречлена несут эту самую... благодать божественную? — с самым невозмутимым видом подковырнул ее Сереге.

— Всегда! — жарко возразила набожная леди. И сделала перед лицом круговое движение ладонью — истово так, прямо как крест православный положила. — И везде-везде! Но... Как говаривал мой предок Перси — пока правая рука круговращенье в честь Бога совершает, левая вечно соседскую девку за зад ущипнуть норовит! Сие высказывание и к пречленам вполне относимо быть может...

Сереге хмыкнул, одним прыжком соскочил с роскошной кровати. Ополоснул опухшую от дневного сна физиономию водичкой из невесть откуда взявшегося кувшина, то ли позолоченного, то ли и впрямь золотого. Набрал в рот воды, с сожалением и тоской (едва ли не впервые за свою недолгую жизнь) вспомнив о такой роскоши, как зубная щетка и паста. Наверняка изо рта у него сейчас разит так, что одним дыхом убить можно...

— Готов! — объявил он терпеливо ждущей в проеме распахнутых дверей баронессе Дю Персиваль. И почти тут же кинулся вдогонку за стремительно помчавшейся от него по коридору Клоти.

Оборотень ожидал в большой зале, той самой, где накануне барон Квезак праздновал свадьбу. Он пребывал в этот момент в своем человеческом обличье, и обличье это, расслабленно-сыто развалясь, сидело в кресле. Одним из тех трех, что стояли на возвышении, и причем не где-нибудь, а точнехонько в центре хозяйского стола. И в самом крупном из всех трех. И к тому же щедрее прочих декорированном позолоченными финтифлюшками. Господ баронских гостей (а также и его, Сереге, будущих вассалов — будущих, это если он переживет эту ночь) — нигде не было видно. Лишь в углу у камина сидели трое и азартно резались в кости. Судя по заковыристой брани и крайне образным глагольным формам, летящим из угла, то были самые что ни на есть чистопородные рыцари. Но относятся ли они к гарнизону замка или же к числу приезжих вассалов, Сереге не знал и знать не мог.

Вдвоем с Клоти они торопливо уселись в кресла, стоявшие по бокам того самого, главного — явно хозяйского-энд-баронского, в котором сейчас так вальяжно нежилась оборотень. Слуги поспешно заменили пустые тарелки и кувшины на полные. (Оборотень явно время зря не терял.) И мгновенно улетучились, бросив напоследок на троицу за столом испуганные взгляды.

— Кстати, а где все наши гости? — в коротком перерывчике между двумя кусками поинтересовался Серега. — Разъехались по домам?

— Все здесь, — полузадушенно по причине набитого рта прохрипела Клоти, — по комнатам разбрелись и это... ждут окончания сегодняшних событий. Победит его сиятельство герцог — скажут, что остались, дабы верноподданнейше принести присягу новому сюзерену. Буде победят мерзкие бароновы приятели — остались для выражения горячего желания поучаствовать в справедливой казни некоего самозванца со товарищи, кои обманом их опоили сонным зельем и затем потребовали от них присяги, но они, честные и благородные, само собой, мужественно отказались...

— Красиво описываете! — Серега чуть было не подавился куском, который уже почти проглотил на момент всего этого... живописания. — И слова ваши, баронесса, ободряют просто до жути. Как и ваши трехдюймовые глазки...

— Ага. — довольная баронесса мотнула головой, почти в точности повторив одно из движений своего вороного коня. То самое, которым он отгонял мух, — моим братьям тоже ужасно ндравится перекинуться со мной словечком перед каким-нибудь особо опасным сражением рыцарским. Мол, с тобой, Клоти, как побеседуешь, так сразу и начинаешь понимать всю тщету и зыбкость жизни челоуежкой. И думы сразу только об одном — чтоб противника трах мечом — и сразу на две половины!

Оборотень, похоже налопавшийся и наболтавший досыта еще до их появления в зале, ни в беседе, ни в трапезе вновь прибывших двух благородных персон участия не принимал. А между тем в высоких узких окнах залы, куда Серега с внутренней дрожью то и дело кидал страдальческие взгляды, догорал фиолетово-алый закат. И наступала черно-фиолетовая ночь, жалко украшенная мелкими и тусклыми местными звездочками...

Перед толстенной дверью местной камеры пыток Клоти еще раз придирчиво осмотрела все его боевое снаряжение. Лично прошлась рукой по всем пряжкам и завязкам одежды.

— Сие вельми важно, — деловито пояснила в ответ на радостно-вопрошающий взгляд Сереги (бог ты мой, предмет его тайных воздыханий — и ладошки приложила на, гм... не в обществе будь сказано, завязки его штанов!), — в бою плохо завязанные штаны вечно с ног спадывать начинают, а сие может и движения сковать, и на скорости ответного удара сказаться...

Затем Клоти смачно плюнула на пол, попав точно между носков сапог Сереги. Молча сложила из кулаков две здоровенные дули и ткнула ими в пространство над Серегиными плечами. Вновь повторила все это, но теперь уже с оборотнем. Ритуал на удачу, как понял Серега.

Ох и вправду — удачи бы... Дверь захлопнулась за его спиной, по которой тут же ощутимо сквозануло дрожью и гусячьими пупырышками. И вот он без Клоты... А так хорошо, когда она рядом. Подстрахует, сопли утрет. Теперь вся надежда была только на зажатый в дрожащей руке эльфийский меч. Да на нож за голенищем сапога. Да еще на оборотня. Тот уже обернулся в лиса и теперь крайне деятельно пролазил у Сереги между ног. Чтобы Серега явился на бой с тварями непременно в виде всадника. На лисе. Как Чапай на белом коне...

Барон все так же нудно выл и стонал в углу на своем личном “троне раздумий” (теперь уже личном в самом широком смысле этого слова... и вообще во всех смыслах). Но в данный момент на Серегу это вытье не производило никакого впечатления. Не вызвало душевных переживаний. Увы. Здорово же он тут опаскудился, прямо-таки всеми фибрами души впитав

непреодолимой ценности сентенцию — своя рубашка ближе к телу.

Жить, что самое ужасное, хотелось все сильнее и сильнее. Мухтар на плече взвыл и резко засандалил все свои когти в шею. Оборотень в лисьей личине, на спине которого гордо, аки орел на перевернутом корыте, восседал в этот момент Серега, рывком двинулся вперед. Крепкие кости лисьего хребта чувствительно вдарили по мягкому месту. Но было уже не до того.

За глухо шелестнувшим кожаным занавесом царила непроглядная тьма. Серега, наполовину занятый борьбой со своими страхами, наполовину — проблемой длинных ног, которые так и норовили заскрести по полу — низковата была спина у лиса, не сразу и заметил, что запах в коридоре, идущем к зловещей комнате, переменялся. Запашок затхлой плесени, который он помнил по первому посещению этой каменной кишки, исчез. Вместо этого воздух тошнотворно вонял кровью. Только что разлитой, только что покинувшей живое тело. Воображение услужливо рисовало густые брызги на стенах, широкие теплые красные лужи, наплывающие на стыках стен и пола... На деле ничего этого не было. Не было вообще ничего — только непроглядно черный мрак вокруг. И когти Мухтара в шею. А пахнет — ну так и пусть себе пахнет, мы теперь уже не прежние баре, нас от этого не стошнит, мы и похуже запахи обоняли, бывало. Одно только здешнее благородное общество так пахнет, так, простите за моветон, воняет...

Каменная кишка казалась чуть ли не бесконечной. Странно, но днем проход был вроде как покороче... Тишину нарушали лишь звуки их дыхания — учащенного и хрипловатого у Сереги и мерного, почти неслышного у лиса. Время от времени раздавались скребки лисьих когтей по камню пола.

Неожиданно впереди сначала блекло так полыхнуло — словно чуть блеснул отсвет от чиркнутой кем-то спички. Предварительно зажатой в кулаке. А затем впереди разлилось прозрачно-белое сияние. С радужными разводами бледно-зеленых тонов.

Лис резко затормозил. Позвонки в очередной раз врезались в тело. Но Серега этого не заметил. Ибо зрелище, представшее его глазам, напрочь вышвыривало из сознания все другое и побочное. В том числе и нужды брэнного тела.

Они были на месте. Точнее, стояли в арке проема, прорезанного коридором в одной из четырех стен комнаты — той самой КОМНАТЫ, с колодцем и “горяченьким” содержимым в нем. Но теперь на уровне пола комнаты, находившегося чуть ниже такой же поверхности в коридоре, а если быть более точным — ВМЕСТО этого пола, — плескалась и лучилась мелкими волнами загадочная жидкая субстанция. Волны, скорее даже волночки, шли по ее поверхности рябью текучих морщинок. Плещущаяся в комнате, как в бассейне, жидкость и источала то самое сияющее белое свечение. Побеленные стены комнаты в нем приобретали мутно-синий оттенок с отливом гниющего мяса. По потолку и стенам танцевали злобные зайчики от мерно бликующей снизу жидкости.

Сам колодец по-прежнему оставался таким, каким был и днем, — тускло-черное цилиндрическое сооружение из грубо обработанных камней.

— Что дальше? — шепотом спросил Серега у замершего между его колен лиса. Спросил скорее для проформы, для обретения хоть какой-то уверенности в себе. Известно, что звук собственного голоса действует на человека успокаивающе... Лис не ответил.

Только царственно так приподнял переднюю правую лапу и ступил на то, что заменяло здесь нынче пол.

Они провалились, буквально ухнули вниз, задыхаясь и барахтаясь в ЭТОМ, как в

настоящей воде. Кстати, то, что находилось под светящейся рябью, ею, похоже, и было. Самой обычной водой. По крайней мере, на вкус.

Отчаянно колотя руками и ногами, Серега начал всплывать вверх, к бликующему серебром озерцу над головой. Успев глазами охватить все то, что находилось под ним.

Вода (если это вода) была голубоватой и пронизанной светом. Как в хорошем бассейне, где обязательно присутствуют искусно спрятанные невидимые прожектора подсветки. На темноту жаловаться не приходилось. И Серега ясно увидел то, что заинтересовало его больше всего. Дно у новоявленного водоема отсутствовало.

Стены комнаты, призрачно-голубые под слоем светящейся воды, четырьмя плоскостями вертикального тоннеля уходили вниз. До бесконечности. Он попробовал глазами найти хоть что-то, хоть какой-то намек на окончание шахты, но его не было. Четыре склеенные друг с другом ленты уплывали вниз, потихоньку сужаясь и затуманиваясь внизу дымкой удаленности. И нигде не было даже и намека на искомый квадратик поперечного сечения...

А посередине этой бесконечной шахты, наполненной водой, трубой уходил вниз колодец. Утончаясь в перспективе до размеров нити.

Пробкой вынырнул Серега на поверхность, кашляя и отплевываясь. Поискал глазами оборотня и нашел. Тот уже вновь обернулся человеком (правильно, в лисьей шкурке плавать тяжелее) и скрючился теперь на узком поребрике колодезной стены. Рядом с ним отчаянно фыркал и отряхивался Мухтар.

Серега по-собачьи доплыл до точки сбора всех спасенных, цепляясь за расщелины в кладке, взобрался на ограждение. Ноги опустил в воду — длинноват был для того, чтобы так же изящно уместить и тело и ноги на каких-то жалких десяти сантиметрах, как это исхитрился сделать оборотень.

— Ну?! — спросил у оборотня, тяжело дыша после непредвиденного купания. — Дальше что? И кто-то, кстати, говорил, что я должен быть непременно верхом на вас. Прямо как на лихом коне. И где враги, которых мне предначертано бить и побеждать?

— Не знаю, — оборотень философски пожал плечами, — и — умоляю вас, герцог, — не ведите себя так, как обиженный сопляк, которому гадалка нагадала жену красивую и богатую, а замуж за него из всех девок пошла лишь самая страшная и нищая. Я, в конце концов, вооружен тем же знанием, что и вы, — леди Клотильда, по моим сведениям, успела вам поведать окончание легенды об Отсушенных землях. Помните? “Злыдни, сотворившие это, не померли и не помрут, доколе не прибудет герой, зверем везомый и везущий с собой зверя, отомстит и вконец освободит от чар земли зачарованные. И воля Создателя такова, что не помрут, пока сие не случится, век бродить будут по земле и гибели ждать!”.

— Ну-ну, — растерянно сказал Серега. — Припоминаю что-то такое... Так, значит, зверем везомый — это, ну... ага. А зверя везущий — это, ну... понял. Вы и Мухтар... А еще что-нибудь? В смысле информации — что делать будем и кого ждать?

Оборотень отрицательно качнул головой.

— А как же эльфы? — припомнил еще кое-что Серега. — Вы же говорили, они что-то там такое в зеркале смерти зрили?

Оборотень с некоторыми легкими (можно даже сказать, наилегчайшими) проблесками сочувствия во взоре посмотрел на него:

— Зрили лишь, что это должны быть вы. И все.

— А что, чисто теоретически мог быть и другой? — с явственно слышимым в голосе сожалением поинтересовался Серега.

— Наверяд ли, — оборотень чуть слышно фыркнул. — Какой еще дурак послушает незнакомого человека и в одиночку... пардон, в компании двух зверей полезет на рожон? Не требуя никаких пояснений и четких указаний на тему, что там его ждет и что он должен делать... Вам прямо-таки предопределено быть героем, сэра Сериога Лабрийский. Раз ума не достало...

— Милорд, — разъяренно сказал Серега. — Милорд я... А для вас, почтеннейший, и вовсе ваше сиятельство. (Впрочем, оборотень был кругом прав.)

Ничуть не смутясь, оборотень, балансируя на заднице, отвесил ему шутовской поклон:

— Вась сиясьтво...

— А сам не боишься тут присутствовать? — после минутного размышления спросил Серега. — Раз дело, судя по твоим же словам, туманное и непонятное?

— А меня им не убить, — откровенно скалясь, заявил оборотень. — Серебра у них не может быть точно — они же в нечисть черную переродились из людей, нечистый и душами и телом их завладел в обмен на силу кой-какую. Так что серебра у них не может быть точно. А без серебра — хоть опметочки, да останутся, так что выживу все равно. В отличие от вас, ваше сиясьтво.

— А Мухтар? Он-то как?

— Плиша пожалел? — изумился оборотень. — Сам же его бросил, можно сказать, на произвол судьбы, а теперь вдруг жалко стало?

— Жалко у пчелки... Значит, говоришь, серебра они не любят? — сквозь сжатые зубы поинтересовался Серега.

— Точно. Вот видишь, кой-какую нужную информацию я тебе дал... Да не озирайся ты так отчаянно, где ты видел серебро в колодезном закуте?

— Может, в пыточную сбегать? То есть сплавать, — задумчиво сказал Серега. — Могут же быть у барона какие-нибудь серебряные инструменты... там, щипцы, щипчики...

— Вась сиясьтво, — почти что вздохнул оборотень. — Извольте обратить внимание. Серебро у вас в руках. Эльфийский меч. Но...

— Что? — подтолкнул его Серега.

— Даже присутствие серебра не решает задачу, когда речь идет о таких тварях, — с неохотой вымолвил оборотень. — Припомните, милорд, — я мучаюсь от серебра, но не умираю от него довольно долгое время. Если вовремя убрать его с моего тела... или из моего тела, всякое может быть, то и буду я снова жив-здоров...

Мухтар на узком поребрике вдруг отчаянно зашипел и выгнул спину дугой.

— О черт... не к ночи будь помянут, — сказал, перегнувшись, враз посерьезневший оборотень. — Милорд, к нам идут гости.

В неширокой колодезной трубе, нескончаемо уходящей вниз и заполненной светящейся водой, вверх по стенке ползло широкое черное кольцо.

— Быстрее, — поторопил оборотня Серега, — пока они еще не приблизились, — что еще вы можете сказать? Как вообще убить можно... ну, к примеру, вас?

— Милорд, вы такие интересные вещи у меня спрашиваете... Никак. Только серебро и только на достаточно долгий срок. А иначе мы... и предположительно ОНИ тоже — снова оживут.

— Голову отрубить? Сердце вырезать? — продолжал допытываться Серега, бросая через плечо опасливые взгляды.

— Фу, ужаси-то какие... Можно и так, только голову и сердце надо унести достаточно

далеко и спрятать в каком-нибудь святом месте. А здесь... Пока вы эти головы да сердца собирать будете, туловища вас самого в рубленку превратят.

— Черт...

Оцепенев на месте, Серега вглядывался в кольцо мрака. Сердце колотилось о грудную клетку вытащенной из воды рыбой.

— Правда, если обратиться к легенде, то можно попробовать порассуждать, — разглагольствовал рядом оборотень. — Сказано там — “отомстит и полностью освободит от чар”. Это цитируя дословно...

— А не пошел бы ты! — бросил Серега, вертясь на колодезном ограждении с мечом наголо и ножом в правой руке, оглядываясь и примеряясь к этому сооружению на предмет организации здесь активной обороны. — Так! Барон же сказал — твари непременно сами выйдут? И пойдут меня искать? Значит, нам нет смысла сидеть здесь и дожидаться. И в коридоре можем их встретить. Поплыли!

Он ухватил Мухтара за шкуру, усадил на все еще ноющее от кошачьих когтей плечо. Заткнул меч за пояс, нож засунул обратно за голенище сапога. Бросился в воду, с силой оттолкнувшись от колодезной стенки. И по-собачьи принялся выгребать к коридорному проему.

— Полностью освободить земли от чар — это, так сказать, в легенде желаемый результат, — продолжал за его спиной свои рассуждения оборотень, — а ключевым словом, предположим...

Серега выбрался из воды на пол коридора. Мухтар, за время этого короткого заплыва до крови исцарапавший ему весь загривок, молнией выпрыгнул на сухое место, когда сам Серега был еще в воде. И тут же резво умчался по коридору. Отсюда...

— И я его не виню, — с сожалением пробормотал Серега, вытаскивая нож вместе с мечом и принимая некое подобие боевой стойки — в подражание тому, как это делала леди Клоти, — пусть хотя бы кот да поживет еще...

Где-то вдали, в темном окончании коридора, радостно и счастливо заверещал барон. Видимо, тоже как-то почуял приближение своих спасителей.

— Ваша лисья светлость, — пересохшими губами (а ведь вроде бы только что из воды вылез) пробормотал Серега. — Плывите сюды, а то вдруг да и ошметочков даже от вас не останется...

Оборотень степенно соскользнул с поребрика в воду, не забыв при этом брезгливо опробовать ее кончиком ноги. И поплыл. Плыл и рассуждал:

— Предположим, ключевым словом во всей этой сказке является слово “отомстит”... Тогда...

Хоп! Лента черного мрака выметнулась из жерла колодца, пронеслась над головой безмятежно плывущего оборотня и с глухим стуком ударила по стене напротив Сереги. Тяжелые черные брызги окатили лицо. Он машинально утер их рукавом рубахи. Хотя лицо, похоже, чище от этого не стало — вещество было липким и тягучим, словно смола, тянулось за рукавом струйками, но с кожи счищаться напрочь отказывалось.

— И что, это и есть... души тех самых виновных? — с некоторым сомнением громко спросил Серега. Оборотень из воды отозвался:

— Нечистью стали и души и тела их по воле Творца... Таким образом, и погибли, и не погибли они. Все еще несут сии твари великую угрозу тем землям, что некогда погубили. А тела их преобразовались в сосуды для силы дьявольской...

“Хорошую религию придумали индусы — что мы, отдав концы, не умираем насовсем...”

Громадный ком черной грязи перед ним начал медленно формироваться в отдельные фигуры. У него на глазах из потеков и комьев вылепливались головы, руки, плечи, животы... Со стороны комнаты, обращенной в бездонный бассейн, доносился голос продолжавшего плыть в направлении коридора оборотня, бубнящего свое:

— Итак, спаситель должен непременно отомстить... За что? За совершенное деяние... В убийстве, однако, обвинить их невозможно — тот егерь умер по причине неудобной позы, кровь в голову, гм... притекла, женщина просто-напросто истекла кровью, младенец, гм... и не умер вовсе. Остается только...

Сереге, мощно замахнувшись, косо рубанул мечом по вырастающей перед ним группе человекообразных созданий из черной грязи. Узкое лезвие эльфийского меча светло блеснуло, погружаясь в вязкую массу. И прошло ее замедленно, с большим трудом. На месте удара появился глубокий порез, тут же начавший куриться дымками. Рты успевших вылепиться голов открылись — такая вереница черных дыр. И извергли из себя ужасающе громкий рев. От него враз заложило уши, в барабанные перепонки мощно стрельнуло дикой болью. Несколько комочков грязи, прилипших к лезвию, с хрустом ломающейся горелой корки падали вниз, на пол. Вверх от них постреливали струйки дыма, доносились страдальческие шепотки. Сереге, припомнив кое-что из того, что делала леди Клотильда, перехватил меч поудобнее и нанес по массе косо удар сверху. Затем еще один, под углом к первому, — вышел клин. Первый клин, как водится, комом, прокомментировал он про себя, ножом выковыривая из общей массы упирающийся и липкий кусок. Вся масса в этот момент оглушительно визжала, даже подергивалась слегка от судорог. Он вылутил клин, тут же начавший опадать на пол. У самого пола его встретила Серегина нога, пинком отфутболила в воду комнатного озера. Нога тут же вернулась на место, он, до хруста выворотив руку в плечевом суставе назад — для мощи размаха, нанес удар снова, намереваясь повторить операцию... и в этот момент краешком глаза увидел, что комок, отброшенный им перед этим, разлапистой кляксой выскользнул из воды на коридорные плиты. И быстро-быстро пополз к основной массе. На воссоединение.

Не получится у него, с содроганием осознал Сереге. Ничего не получится, потому что, сколько бы он ни сек эту вязкую грязь, она будет прирастать на свое место снова и снова. Рано или поздно (причем сто против одного, что скорее рано, чем поздно) он выдохнется, сил не будет даже на то, чтобы поднять меч, и вот тогда... Кстати, а что тогда? Помнится, леди Клотильда обещала, что “мстители за барона” всего-навсего вернут их в руки баронского правосудия. Всего-навсего...

Он отбросил от себя все эти мысли — лучше от них не становилось, а вот колени и руки явно начинали дрожать, да и сердчишко тряслось в груди, как пригретый за пазухой у волка заяц. И начал по одному срубать головы, все отчетливее и отчетливее вылепляющиеся на фоне маслянисто поблескивающей черноты. Срубал, с усилием протаскивая лезвие меча через сопротивляющуюся вязкую субстанцию, пинком ноги отправлял отсеченные комки подальше в воду, стараясь не задевать при этом оборотня, доплывшего наконец до коридорного проема и с мечтательным видом вылезавшего на берег, то есть на камни коридорного пола. На фоне воплей, которые издавала черная масса, слышался его голос, довольно звучный, густо приправленный менторскими назидательными интонациями и отдающийся в сводах потолка гулким эхом:

— Несомненно, единственным злодеянием, свершенным и могущим быть предъявленным им в вину, является изнасилование... Уложение королевских законов трактует это всего лишь как грех прелюбодеяния и посему предаёт грешников в руки Священной комиссии, каковая карает их наложением месячного воздержания от женщин и вина, а также штрафом в четверть чаури...

Рука, державшая меч, уже начинала уставать. Мелкие судороги боли катились по запястью, заставляя дрожать сжатую на рукояти меча кисть. Вместе с ней мелко подрагивал и меч. Мышцы плеча и локтя надсадно ныли, оповещая о приближении момента, когда любое усилие станет для них просто невозможным. Он рубил массу, благодаря Бога хотя бы за то, что масса и не думала активно сопротивляться. Впрочем, возможно, вся ее активность была еще только впереди, ибо неизвестно, что будет, когда у него не останется сил даже на один-единственный замах. Тогда все, на что его хватит, — это стоять и смотреть на преобразование массы в человекообразные фигуры. Которые, надо полагать, любовью к нему не воспылают...

— Это совершенно смехотворное наказание, — высказался сбоку оборотень. — Даже за кражу карают жестче... я уж не говорю про кражу имущества у своего сеньора... Сэр Сериога! А как бы вы сами наказали насильников? В конце концов вы нынешний герцог Де Лабри, а перед вами как-никак — бывшие подданные герцогов Де Лабри...

— Отре... Отрезал бы! — сердито огрызнулось задыхающееся “в труде и бою” его сиятельство Де Лабри. — Орудие... По самое по это... Под ноль!

— Страшная кара! — с непритворным ужасом в голосе воскликнул оборотень. — Но — такова ваша герцогская воля! Приступайте же, сэр Сериога.

Сэр Сериога, впавший уже в некоторое умственное оупение, все же нашел силы на удивление:

— К чему?!

— К каре, — на полном серьезе возвестил оборотень, — к справедливому отмщению то есть... Ваш приговор вами объявлен. Извольте же его привести, так сказать, в исполнение.

— Слушайте, но я-то тут при чем? К тому ж... Чтобы... — он, задыхаясь, сопровождал каждое новое слово новым ударом меча — уже совсем не таким, как раньше, не молодецким, ослабленным, но все же ударом, — сделать то... что я... надо дать... дать им стать людьми!

— Ну и дайте, — заумным тоном посоветовал ему оборотень, — сейчас — вам все равно их не победить. А так у вас будет хоть какой-то шанс. В том случае, если наш творец... а может, и души тех самых двух погибших из-за них посчитают ЭТО достаточной карой...

Серега опустил меч и, тяжело дыша, прислонился к стене коридора дрожащей спиной. В рассуждениях оборотня вполне могло быть рациональное зерно, к тому же он уже выдохся. А так, по крайней мере, у него будет передышка — перед тем, что вполне может стать (да скорее всего и станет, чего уж там греха таить!) его мучительным и страшным концом. Он прислушался — вопли барона давно смолкли, слушает, паскуда, превозмогая боль, кто же здесь победит...

Кучи черной мерзости перед ним хватило ровно на пять человек.

Именно человек. Отчетливо можно было различить морщинки на лицах, пряди волос, узловатые вены на здоровенных руках... Просто все это было антрацитово-черным и выполнено из той самой массы. И посему эти пятеро, в сущности, напоминали скорее не живых людей, а отлитые из черной пластиково-резиновой массы людские копии. Индивидуальные копии...

Сергея, успевший выровнять дыхание, отлепился от стены и поднял меч. Косо срубил голову первому тому, кто стоял ближе всех прочих. Привычным движением ноги отбросил голову в воду. Прижал гарду меча к животу и, налегая всем телом, под оглушительный визг безголового тела высверлил довольно внушительную скважину на месте гениталий. Брезгливо подхватил вязкий ком и затем, подумав секунду, запустил им в глубь затемненного коридора. Ухо уловило далекий влажный шлепок, а нож в правой руке в это время уже врезался в живот следующего...

Странно, но комки, отрезанные им на этот раз, обратно уже не возвращались.

“Загадочная вещь — местные сказания и легенды”, — лихорадочно размышлял он, перепиливая ножом руку одной из тварей, крепко державшую его в этот момент за горло. От недостатка воздуха голова уже кружилась, и перед глазами с бешеной скоростью вертелись сияющие звездочки... но тут нож наконец дошел до конца, и он рыбкой протиснулся в щель меж двух концов разрезанной пополам конечности. Другая тварь — та, что слева, оглушительно взвыла и, выставив руки вперед, попыталась выдавить ему глаза. Он терпел, уворачивался, отчекрживая тем временем уже следующую паховую область. Итак, загадочная вещь, крутилось в его голове. Два кома, которые он успел послать во тьму коридора, назад не вернулись. Должно ли это принять как знак, что у него хоть что-то да получается? Он допил перешеек, соединявший отрезаемый им кусок от туловища, крутясь в цепких объятиях, которыми вновь обхватили его твари, вскинул руку с отвоеванным куском над головой. Для того чтобы бросить, у него уже не было пространства для замаха. И тут он увидел оборотня, с видом праздного наблюдателя стоявшего у стены в отдалении. Даже ручки на груди беззаботно сложил, мерзавец...

— Лови! — заорал Сергей. И получил в ответ возмущенный до глубины души взгляд — мол, чего ты, не видишь — я же смотрю! — Бросай подальше в коридор! Ну! А то погибну здесь, и будете искать нового дурня для своего Предначертания!

Оборотень, содрогнувшись всем телом (а это еще почему — неужто дурней на свете так мало осталось?), поймал ком. И могучим броском переправил его туда, куда и было велено.

Сергея присел рывком, уходя из тугих и, увы, почему-то совершенно не нежных объятий, коими облепили его твари. Углядел снизу следующий “объект”, поднес нож и, вонзая его, одновременно головой боднул тварь, к которой “объект” относился. Тварь, взвещав, неожиданно для самого Сергея опрокинулась на спину, масса из ее тела, зажата в кулаке у Сергея, натянулась резиновой полосой. Он, ловя момент, резко рубанул по ней лезвием ножа. Хлопнуло, и он переправил ВСЕ ЭТО уже успевшему снова заскучать у стену оборотню.

Оставался целеньким только один, последний. Правда, те четверо тоже никуда не делись, лезли на него, как тараканы на крошку хлеба, то и дело предпринимая попытки, соотносимые скорее с ухватками палачей, а не бойцов, — засовывали пальцы в ноздри, до дикой боли растягивая их в разные стороны, давили и щелкали по глазным яблокам, выдирали клочья волос, то и дело пробовали на изгиб его кости. Еще пытались душить и затыкать нос и рот липкими, пластилиново входящими внутрь тела руками. Но он, худой и стройный как плеть (правда, мать определяла это состояние его тела совсем по-другому, а именно мудреным словосочетанием “шкелет врастяжку”), умудрялся пока что протискиваться сквозь толстенные лапы наружу, выкручиваться и вновь браться за супостата... Хотя как умудрялся — он и сам не понимал.

Сергея на четвереньках вылез из кучи-малы, в очередной раз сомкнувшей над ним свои

крепкие объятия. Жадно отдышался — по пути сюда его в очередной раз придушили маленько. На подгибающихся ногах отошел к противоположной стене, оглядел тварей, которые тоже уже начинали замедленно подниматься на ноги. Беда была в том, что тот, единственный уцелевший, видимо, наученный горьким опытом своих товарищей, теперь все время прятался от него за их спинами. Возня затягивалась. А его силы были явно на исходе. Слабенькими этих гадов никак нельзя было назвать.

Четыре твари, уже лишенные причиндалов, построились попарно и шеренгой двинулись на него. Пятый, паразит, предусмотрительно остался стоять на месте, прячась за их спинами.

— В конце концов... — хрипло сказал Серега, — стою я тут с гордо поднятой головой, а там кое-кто позади...

— Не мое дело, — мгновенно отозвался оборотень, — и вообще, не царское это дело — у бедолаг причинные места срезать перочинным ножичком. Ай-ай! А от криков-то их ну просто сердце разрывается. Зверь вы, милорд Де Лабри... Так что и исполняйте свое зверское дело.

— Ладно... Припомню... еще...

Серега из последних сил махнул мечом, как дубиной. Лезвие плашмя ударило по твари справа, и он, используя секундное замешательство в рядах неприятеля, нырнул вперед — по наклонной к полу. Ударился о каменные плиты всем телом, судорожно скребнул ногами, выигрывая еще несколько сантиметров до намеченной цели. Приподнялся на отбитых об пот локтях и ожесточенно всадит руку с ножом меж ног того самого, спрятавшегося. Его хватили за плечи, били по голове, но он уже ничего не чувствовал, вися на двух руках — на левой, клещом вцепившейся в нужный кусок тела твари у самого основания, и правой, рывками пилящей тугую, неподдающуюся массу...

Сонливость вместе с тошнотой вдруг окатила его, и он перестал ощущать свое тело. Ощущать вместе с руками, которые, как то могли засвидетельствовать его глаза, продолжали свое дело — держали и пилили. Пилили и держали...

А потом Серега и вовсе отключился.

И пришел в себя от ударов по щекам. Хлестким и обжигающим.

— А?! Что?! — вскинулся и тут же шлепнулся обратно на ледяной каменный пол — тело было как мертвое. Каждая мышца, каждая жилочка была разбита так, что он и помыслить не мог о том, что надо подняться. И вообще хоть как-то двигаться...

— Лежи-лежи, — прямо-таки отечески зажурчал над ним голос оборотня. — Лежи, отлеживайся. Надежа ты наша. Опора-герцог — спаситель всем, отец народу... Для ходьбы немножко сил наберись — не на руках же мне тебя к подданным выволакивать, конфуз какой будет.

— А... эти — все? — наморщив лоб, после долгих раздумий выдавил из себя надежа и опора.

— Все-все, не сомневайся, милейший герцог. Разрушена последняя тень, угрожавшая благополучию бывших Отсушенных земель, уничтожена последняя надежда на спасение барона Квезака, отныне ты, то есть вы, милорд, — самый настоящий владелец и титула и земель. Все исполнено как нужно — пришел герцог, весь из себя на звере верхом, со зверем на плече, вынес должный приговор и привел его в исполнение. Твари уже небось в подземной Лимбе перед Сатаной корячатся, барону к вечеру, пожалуй, и конец придет... Только вот еще что..

Оборотень, засмушавшись вдруг не хуже любой девки, спрятал глаза.

— Что... — с трудом сглотнув, просипел Серега.

— Зверек твой, плиш этот... которого ты Мухтаром кликал...

— Ну...

— Он ведь в пыточную, где барон, умчался, ты помнишь об этом? Барон даже выть перестал, сидел тогда тихо-тихо — все ждал, что услышит, как по коридору к нему его избавители топтать будут... Ну а когда не дождался... Плиш... Мухтар то есть, то ли на зов подошел, то ли сам на колени к нему залез... Короче, после того, что с ним барон сделал, он все равно не выжил бы — это я тебе как знающий человек и оборотень говорю. А мучился зверек страшно. Ну я его и... отпустил.

— Ясно, — отозвался Серега и закрыл глаза, — спасибо...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

А мы не ждали вас, а вы приперлися...

— Я, сэр Эзри Де Кроенкур, ярл Бирлингтонский, присягаю тебе, милорд Сериога герцог Де Лабри и сюзерен Лабрийский, в верности и преданности своей. Клянусь защищать честь твою и жизнь твою, земли твои и наследников твоих — мечом, копьем, ножом или же словом и делом — до последнего дыхания моего или же детей моих. Клянусь не злоумышлять и не посягать, не лгать и не предавать. На поле ратном встану, где скажешь ты, заключу мир, когда скажешь ты, и отрину мир, если будет на то воля твоя...

“Аминь”, — ехидно раздалось в сознании у Сереги.

— ...Ныне и днесь признаю тебя володетелем живота и дыхания моего, признаю право первой ночи, третьего стакана и пятого снопа...

— Э... — заикнулся было Серега, и ярл тут же замолчал, с некоторой опаской поглядев снизу вверх на нового господина, перед которым он стоял в этот момент, преклонив одно колено и вложив ладони ему в руки. — Поподробнее, пожалуйста. Право первой ночи — это...

Стоявший за левым плечом мажордом тут же услужливо прильнул к уху и зашептал:

— Но, милорд, это же одно из самых славных прав любого сюзерена. И самых приятных... Бude сам ярл, или любой из его сыновей, или рыцарей, или же просто крестьянин его возьмет себе жену, то ваше неотъемлемое право — быть у нее первым...

— Кхе... — поперхнулся Серега, — А если она не захочет?

Пожилой служака в ответ только пожал плечами:

— Их жизнь и смерть отныне в ваших руках, милорд. Вы имеете право покарать ее за то, что не восхотела исполнить свой долг. Или же за то, что не уберегла своей невинности для вас — бude подобное обнаружится... Покарать вплоть до казни означенной девицы.

— А третий стакан — это...

— Милорд, каждый третий стакан вина, выпиваемого в их доме, должен сливаться в особый кувшин. Раз в месяц кастелян главного замка объезжает ваших вассалов и забирает кувшины. Так вам почти не приходится тратиться на вино для самого себя и своих гостей... Про пятый сноп объяснить?

— Ну, — односложно соизволил Серега.

— Всякий пятый сноп, собранный на землях этого вассала, принадлежит вам. Еще вам причитается с него подушная и поземельная подать, налог на содержание рыцарской дружины сюзерена, налог на содержание замков сюзерена, выплаты ко дням рождения и свадьбам сюзерена и его близких, мзда за воду для питья и мытья, мзда за проезд по дорогам сюзерена, мзда за тень от лесов сюзерена, мзда за дрова, за охоту в лесу и убийство диких зверей на землях сюзерена, пусть даже и в случае самозащиты, пеня за убийство комаров, кои выводятся на землях вашего сиятельства и таким образом принадлежат вам, за топтание травы...

— Все? То есть, я хотел сказать — еще что-нибудь есть?

— Все, милорд. Не угодно ли милорду ввести новый налог? Или мзду? Или...

— Не угодно, — отмахнулся Серега от чрезвычайно оживившегося вдруг мажордома — неспроста оживившегося, надо думать. А вот интересно, сколько с этих поборов перепадало до сих пор к нему в карман? — Угодно же мне совершенно другое...

Он решительно встал, подтянул сползшую с одного плеча мантию из бело-синего меха (вельможа, блин). Самым печальным было то, что вырез на мантии плеч требовал пошире и помощнее, чем у него. Чтоб не сползать с этих самых плеч. Выпятил грудь колесом, положил левую длань на рукоять церемониального меча с гербом Де Лабри. Бдительная Клоти разыскала-таки этот раритет в местной оружейной, по пути слегка поучив оружейника порядку. Слегка в данном случае означало, что жить он будет. Правда, сколько и как...

— Я, сэр Сериога... Как там меня дальше?

— Герцог Де Лабри. сюзерен Лабрийский. — тихо подсказал по-прежнему стоявший перед ним на одном колене вассал.

— Во-во. Герцог Де Лабри и этот самый суверен Лабрийский... Повелеваю! Отныне, м. м... и при всех будущих наследниках моих оставляю от всех этих поборов лишь самые необходимые: во-первых, налог на содержание рыцарской дружины. Во-вторых, налог на содержание замков. В-третьих, выплаты на дни рождения и к свадьбам — праздники дело дорогое. Будем считать это представительскими расходами фирмы. Подушную и поземельную подати объявляю уполовиненными в два раза... Прочие же мзды, подати, налоги с пенями и всякие там права на первую-вторую, на третью и на пятую объявляю недействительными отныне и навсегда. Такова моя герцогская воля, хочется мне так, знаете ли...

— Как же возможно сие! Как же... — успел ужаснуться за его спиной почтенный мажордом. И больше он не успел уже ничего — увы. Раздался короткий, но очень смачный звук мощного удара и почти сразу же за ним — шум рушащегося на пол тела. Все правильно. За правым плечом у Сереги как раз сейчас должна была находиться Клоти, пылкая как умом, так и рукою. В непосредственной близости к мажордому и со своим, строго феодальным, взглядом на проблемы и права обслуживающего персонала. Возмущения коего она и не снесла...

— Ныне и днесь признаю тебя володетелем живота и дыхания моего... Клянусь выплачивать то, что установил ты к выплате в этот день, День Победы Героического Герцога, то есть твоей светлости, над проклятой нечистью замка Дебро...

Ба, с грустью подумалось Сереге, вот и началось. Вот и в герои попали-с... Как раз с этого, по идее, все и начинается — с того, что самые обычные люди восторженно объявляют вдруг самые обычные дни — Днями, когда Он... Основываясь на том шатком основании, что некоему идиоту посчастливилось в этот день попасть в крутую переделку, как куру во щи. А если еще и в живых при этом остался... Герой! И все благодаря стечению самых случайных обстоятельств.

Глупо это было как-то. По дурости он попал сюда, строго по собственной дурости... А потом все покатило само собой — случайно наткнулся по дороге на Клоту, отобрал у старухи помирающего с голоду мальчишку... Вместе с Клотой кинулся в погоню за старой стервой, по дороге попал в Отсушенные земли, где по неизвестной причине взял да и пожалел чудовище с совершенно нечеловеческой внешностью. А леди Клотильда за все за это заблаговременно выторговала для него титул с мандонадой... И пошло-поехало. Проклятие мага Мак'Дональда. Эльфы.... В этот вот раз его заставили выполнить какое-то там Предначертание...

Церемониал принесения присяги тем временем шел своим чередом. Ярлы, маркизы и бароны поочередно приближались, преклоняли колена, засовывали огромные ладони — все, как одна, с крупными мозолями от мечей — в герцогские руки. Скороговоркой тараторили

текст присяги, слегка запинаясь в самом конце, там, где ярл Эзри после Серегиных слов самолично внес необходимые исправления. Некоторые замолкали надолго, будучи не в силах припомнить слова, прежде в присягу не входящие. Таким суфлировал сам сэр Эзри, скромненько сидящий на одной из ступеней возвышения недалеко от Серегеи.

Заминок не было. В конце долгой и нудной церемонии в зал с топотом влетело стадо слуг. Тесня столпившихся вассалов, их жен и детей, мигом расставили по всему залу столы, накрыли их. Гости с довольным ревом занимали места, а у Серегеи на душе было на редкость погано. И в теле, кстати, тоже. Кости и мышцы после того самого “Дня Победы Герцога над...” надсадно ныли. От каждого вдоха и выдоха перед глазами начинали плавать и кружиться раскаленные белые искры — похоже было на то, что от ныряния рыбкой на пол переломались чуть ли не все ребра. Багрово-синие круги под глазами, прямо как у представителя подотряда вампиров. Ныла гортань, трудно было и глотать и говорить. Героем он себя совершенно не чувствовал. Вот этим самым, про которого толковала леди Клотильда, как там его... жертвенным агнцем — да, вполне.

Радуйся, что вообще жив остался, одернул себя Серегеа. Ага, плаксиво ответило ему внутреннее “я”, спать невозможно от болей, а туда же — радоваться... А ведь еще и малютку Зигфрида на трон сажать нужно, и со Священной комиссией как-то разобраться. Жизнь леди Клотильде он уже заслужил, отработал, так сказать, а теперь следовало обезопасить возможных врагов, чтобы потом спокойно требовать у первого попавшегося дуба своего возвращения домой...

Вассалы бодро горланили здравицы в его честь. Бойкий менестрель, успевший уже под шумок соорудить и уложить на музыку нечто приблизительно песенное на злобу дня, брэнчал прямо перед его столом на пузатом подобии балалайки и тянул:

Герой пришел, как было сказано, и разогнал он воронье...

Что, над землю надругавшись, глумилось над бедой ее...

На звере — как в сказаньи сказано, со зверем на своем плече...

И на закате в бой отправившись, вернулся с кровью на мече!

О бароне Квезаке, который уже скончался к этому моменту на “троне раздумий” и хладное тело которого готовил к более чем скромному погребению его благодать сильно пригорюнившийся пречлен, никто и не вспоминал. Король умер, да здравствует король!

Одна радость — объяснение с леди Эспланидой прошло относительно мирно. Означенная дама заявила в его спальню, как только он добрел до нее. Заявилась, пинком едва не снесла двери с петель и встала перед ним подобием тени отца Гамлета — этакий бледно-прямо-худой столб.

— Сэр Сериога! Я к вам за объяснениями. Как вы теперь намереваетесь... Конечно, как победитель моего мужа и нынешний владелец всего, что ему принадлежало, вы можете...

Все, что он мог в этот момент, — это невразумительно промычать:

— Э-э... Леди Эспланида...

— Слыхала я, — с совершенно каменным лицом перебила его скупую мужскую речь стерва Эспи, упорно глядя при этом ему в глаза, — что собираетесь вы насильно выдать меня замуж за одного из ваших новых вассалов... И потребовали, чтобы я немедленно приступила к выбору кого-то одного из них. Собираетесь вы как будто даже наплевать на опекунические права брата моего по отношению ко мне, как к вдове, оставшейся без попечения мужа. И вынудить меня вступить в этот новый брак, который, несмотря ни на что, будет все же считаться вполне законным и нерасторжимым перед Богом и людьми. Так как совершен

по воле наследника де-факто моего мужа и заключен перед лицом его пречлена де-юре... Я спрашиваю вас — так ли это?

— А... Ну да, — устало сдался Серега, — само собой... Пойдешь замуж, а то как же. И не смей мне возражать, а то это... пасть порву, моргалы выколю...

— Так вот, я вам заявляю! Не бывать тому! Ни за что не выйду замуж, ни за кого! Даже если это будет барон Винсент Де Лоньи, милорд Лонский! Слышите вы меня?! Ни за что не выйду!

Она смерила его злобным взглядом и сделала четкое “кругом”.

— Слышу, слышу, нечего так орать... — проворчал он, с мученической гримасой потирая уши — после воя и визга ТОЙ нечистой силы из колодца они все еще крайне болезненно реагировали на любой звук громче шепота (да к тому же голос стервы Эспи ТОМУ вою мало чем уступал). — Передай этому самому барону... у него уже есть невеста или какая иная пассия?

— Никого, — прорычала леди Эспланида, по-прежнему стоя к нему спиной, — по служанкам бегают... как и все.

— Да? Ну это не дело, конечно. Передайте ему, что я повелел вам... то есть тебе выйти за него замуж прямо сейчас. Вот прямо сей же момент... Что там для этого надо...

— У меня уже все готово, — отозвалась спина, ровная и гладкая как доска.

— Чудно. Так что вперед и с песней.. — благословил он и с наслаждением вытянулся на кровати, как только леди соизволила покинуть его спальню. Не забыв при этом громко хлопнуть дверью...

Сейчас парочка сидела по правую руку от него, сразу же после леди Клотильды. И сияла счастливыми улыбочками на весь зал. Что ж, парочка была хоть куда — богатая невеста, красавец жених...

Серега удалился к себе задолго до конца разудалого пиршества. Проходя через почтительно вставший при его уходе зал, уже краем уха слышал еще один перл менестреля:

Девуц от подати освободил он, о-о-о...

И девственность мужьям их подарил он, о-о-о...

Так помни, всякая девица, о том герое, что сумел —

Не только зверя победил он!

Еще он зверя победил в себе... О-о-о....

Бог ты мой, и это все о нем... Фу-у.

Он добрался до своего покоя и завалился спать.

Спал то ли целую вечность, то ли одну секунду. Когда разлепил веки, в скудно зашторенных окнах всюду сияло полуденное солнце, а рука леди Клотильды трясла ноющее плечо под трубные звуки ее любимого призыва:

— Аларм, сэр Сериога... Аларм, враги у стен!

— А? Чего? Где? — пробормотал он и рывком вскочил с постели. — Где враги, какие?!

— Рыцари Священной комиссии, — скороговоркой отбарабанила ему Клотильда и подняла руку, в которой уже был зажат кувшин с водой для умывания. Наклонилась вниз, всклокоченную со сна Серегину голову и щедро плеснула на нее, — осадили. Часовые заметили их вовремя, хотя как тут не заметишь? Дебро стоит на месте гладком и ровном, прямо как зад у монашки... Тут и мошку мимо не пропустишь. В общем, так — ворота уже закрыты, боевое оборонительное охранение мною выставлено — уж простите, ваше сиятельство, вашего приказа не ждала...

— Прекращай мне все вот это...

— Слушаюсь! Стадо в ворота загнать не успели, те все-таки на конях, пастухов они тоже захватили. Но не это плохо...

— Что же еще стряслось? — пробормотал Серега и утер мокрое лицо первым подвернувшимся под руку тряпьем — им оказалось покрывало с кровати.

— Они... Да все эти чертовы детишки — вечно убегают за стены, купаться им, видишь ли, хочется... Лозой бы им по заду! Рыцари Священной сумели захватить более двадцати детей — остальные, хвала Единому, успели убежать далеко вперед, а я с несколькими вашими вассалами вышла им навстречу, сделала боевую вылазку против тех дурней в белом...

— Скольких смогли спасти? — замороженно спросил Серега. Все произошедшее походило больше на дурной кошмарный сон, в котором виноват был лишь он, и больше никто — не пояись он здесь, и Священная комиссия не стала бы нападать на Дебро, и дебровские ребятишки жили бы себе да поживали...

— Восемнадцать. И, сэра Сериога... — лицо леди Клотильды стало траурным, — одного они там сейчас собираются пытать...

Он развернулся и вылетел в дверь.

— Перед Закатной башней! — крикнула ему в спину Клотильда.

Он летел по довольно людной дебровской улице, смешно размахивая из стороны в сторону длинными костистыми руками. Люди, сутки назад вполне могшие подзаработать на нем, отловив и сдав его барону (и даже наверняка мечтавшие об этом), теперь только молча разбежались в стороны, поспешно уступая ему дорогу. Улица перед ним, как ковер под пылесосом, мгновенно пустела — словно бы катился перед ним этакий невидимый барьер, расшвыривая всех встречных-поперечных в стороны. Имеющийся в наличии народ торопливо прятался по дворам, за заборами, за калиточками. Разбежался по переулкам. Ну, это понятно — сам великий герцог Де Лабри изволили бежать-с. Победитель нечисти из замка Дебро и самого грозного барона Квезака (хотя это славное свершение было делом рук, точнее, делом меча леди Клотильды, а лично его заслуг было в этом буквально на копейку, но молва-то, молва все равно наверняка твердит другое).

Впрочем, мысленно поправил себя Серега, уже начинавший слегка задыхаться (улица, право, попалась какая-то бесконечная), возможен и другой вариант. Он в глазах людей — зловещая фигура, предвестник смертей и мук. О судьбе детишек уже наверняка всем известно... Зловещий герцог. Как тут не сторониться...

Он добежал наконец до Закатной башни (то есть стоящей со стороны заката местного светила), взлетел по лестнице вверх, на обзорную площадку. Простые ратники и рыцари, столпившиеся здесь, молча, с траурными лицами прислушивались к тонкому, прерывистому воплю. Вопль летел из-за стены.

Серега перегнулся через парапет. Все поле внизу было усыпано воинами в серебряных латах, из-под которых красиво так выглядывали края алых одежек (дурак, он, как известно, всегда красное любит... а умный носит). На правом фланге тесным табунком паслись белоснежные кони, ближе к лесу стояли белые и красные шатры. Бивуак под названием “я — твоя радость”...

Где находился сам мальчонка, которого сейчас мучили, понять было несложно. Серебряно-алое войско образовывало в этом месте проплешину, в середине которой злорадно горел большой костер. И, согнувшись, возились над чем-то две фигурки в красном.

Сняли латы, мерзавцы. Вот потому-то предусмотрительно и ходят в красном — чтобы кровь не портила одежд...

— Зачем они это вытворяют? — спросил он, неким, шестым чувством предчувствуя, каким будет ответ.

— Они... требуют, — рыцарь сбоку упорно не поворачивал лицо. И прятал глаза, — чтобы мы схватили и отдали им самозванца, объявившего себя герцогом Де Лабри. И всех его спутников с ним. Иначе...

— Чудненько... Кидайте белый флаг, требуйте, чтобы прекратили тут же, скажите — мол, так и так, уже почти поймали, уже почти отдали. Меня уже и к воротам ведут. Ну!

Он ощущал странное успокоение. Ситуация была не совсем безвыходная. На площадку влетела припозднившаяся леди Клоти, грохотнула шпорами, споткнувшись на последней ступеньке. Одарила всех, и особенно его, яростным взглядом. Над парапетами дебровских башен взвыли трубы. Крик смолк — то ли мальчонку перестали-таки мучить, то ли он просто потерял от боли сознание.

— Есть ли какие новости, сэриога? Сии звери...

— Есть, — отозвался он и торопливо поманил Клотильду в уголок, подальше ото всех, — леди Кло... то есть Клоти, не могли бы вы тут же, немедленно, отправиться в замок и принести шерсти с хвоста нашего друга? Эти... скоты хотят в уплату за детей меня. Так что не могли бы вы — одна или в компании с оборотнем — укрыться где-нибудь тут же, в Дебро? С видом на выход отсюда... Но только чтобы я этого места не знал — с детства ужасно чувствительный, знаете ли, от боли сразу рыдать начинаю, прямо как девчонка сопливая.

— Собираетесь сдатьсь?! — рявкнула леди Клоти, выпрямляясь в туго натянутую струнку. — И предлагаете мне воспринять сей позор и пальцем не шевельнув для спасения друга моего?! Как смеете думать вы...

— Ш-ш-ш, леди Клотильда, потише... Я возьму шерсть и ночью, когда им, как и всем людям, захочется поспать, плавно перетеку в звериное состояние. А там видно будет. За мной же еще и мандонада эльфийская, и удача, которая всякому дураку прямо-таки от Бога полагается. Вперед, за шерстью, Клоти, — и побыстрее! Мальчонка совсем измучился...

— Но почему вы? — никак не могла угомониться леди. — Я даже более благородных... простите, сэриога, но это так. Я даже более благородных, чем у вас, кровей. Несомненно, если уж кому и надо сдаваться, так это должна быть именно я — по праву благородного старшинства...

— Они так не думают, — скромненько потупив глазки, ответил Серега благородной даме. — Я для них — вполне конкретный и крайне необходимый им самозванец Де Лабри. Ужасно жаль вам это говорить, Клоти, но... Вы для них — всего лишь какие-то там мои спутники. Без имен, без лиц. На вас они не клюнут. Вы им не нужны.

— Благородный милорд герцог — и сопляки из смердовского простонародья... — несколько брезгливо пробормотала леди Клотильда, но по лицу было видно, что противиться его решению она больше не будет. — Только зачем побыстрее? Шерсть с этого лисьего курограда у меня всегда при себе. Никогда ведь не знаешь, что тебе понадобится наперед. Вот я и вложила пучок в поясной кармашек.

Серега молча принял из неумело сжатых щепотью мускулистых пальцев клок черных волосинок, повертел перед глазами, раздумывая, куда бы их пристроить, чтобы не потерять, чтобы при обыске не нашли...

— В волосы, — посоветовала Клоти, — за левое ухо. Там у тебя... у вас кровь запеклась. Давайте. — Она по-хозяйски залезла в его уже давненько не стриженную шевелюру, разворошила ее за левым ухом и засунула клок в колтуны, покрытые запекшейся кровью. Плюнула на палец и притерла, превратив его собственные волосы и чужую шерсть в одну сплошную массу.

— Вот так...

— Бегом, отсюда, — напомнил ей Серега, — и — прятаться...

Он повернулся к рыцарям и латникам. К СВОИМ рыцарям и латникам.

— Вышлите к ним кого-нибудь срочно. Скажите, что герцог Де Лабри вот-вот будет им выдан, а его спутников вы ищите, но они, похоже, уже успели сбежать из города. Пусть прекратят действие.

— Милорд... — Из толпы выступил один из рыцарей. — Все это крайне неразумно, милорд. Дети... Что ж, их жалко, но смерды всегда могут нарожать новых. Вы наш сюзерен, в силу наших клятв. Мы обещались служить и защищать вас. Для нас это важнее любого детского ора, милорд... Так что вам совершенно незачем...

— Сэр, — резко заявил Серега, заглушая напускной злобой в голосе собственную слабость, волной поднявшуюся в душе, — куда ты идешь, скулило сознание, там будет больно, очень больно... не хочу! — Меня мало интересует, что важнее для вас. Меня интересует только то, что важнее для меня. Понятно?! Молчать! Да кто вам вообще разрешил, не получив предварительно на то разрешения...

— Милорд герцог, — вновь очень настойчиво сказал рыцарь, откинув назад забрало, набранное из перекрещивающихся стальных полос — за ним открылось лицо, густо исполосованное морщинами и шрамами, — это решение не столь разумно, как вы думаете. Они же войдут в город. Они будут здесь хозяевами, а мы-то знаем, каковы на отдыхе рыцари Священной... Милорд... Мы все здесь сейчас с детьми и женами. Разве их жизни менее ценны, чем жизни холопских щенков? Там два десятка детишек, здесь целый город. И потом, что ждет ваш манор после вашей смерти, ведь наследника у вас пока что... нет?

— Ноу проблем, — с наигранной бодростью высказался Серега. Лицо старого рыцаря при этих словах густо покраснело — похоже, нервишки шалят, давление сэра рыцаря мучает... впрочем, кое в чем он прав. — Скажите им, что вы согласны обменять самозванца Де Лабри на детей, только так. И пусть соглашаются, а то и вовсе ничего не получают. Объясните им заодно свои взгляды на проблемы холопских детей. А затем добавьте, что после этого намереваетесь ждать здесь появления наследника господина барона Квезака... Такой имеется?

— Маркиз Баленсиага, по праву родственника со стороны жены, — пожал плечами рыцарь. Лицо его все еще оставалось красным.

— Вот-вот, его вы и ждете. И без его соизволения ворот не откроете. Он, как я слышал, со Священной в хороших отношениях, его собственность должны уважить. В общем, не маленькие дети. Можете, между прочим, и маркизу ворот не открывать. Кто и что, в конце концов, мешает вам взять первого попавшегося под руку человека и объявить его моим наследником? Я-то уж точно мешать не буду...

— Милорд. А если они этим, то есть вами одним не удовлетворятся? Потребуют еще и город в придачу за этих-то холопских говнюков...

— А что-то мне говорит, что удовлетворятся, — задумчиво сказал Серега. — В конце концов, будь здесь только вы, могли бы они надеяться добиться хоть чего-нибудь этим

спектаклем?

Черты лица у рыцаря враз затвердели.

— Да никогда в жизни, милорд...

— Вот видите. Нет, эти спецэффекты — как по заказу, для меня одного. Что наводит на мысль... Передайте леди Клотти, когда... если вдруг ее увидите, что у Священной есть кое-какая интересная информация обо мне и моих дурных привычках.

— А... — вспомнил что-то рыцарь, и лицо его моментально просветлело, — леди Клотильда Персивальская. Почему бы именно ей и не стать вашей наследницей? Достойный рыцарь, хотя и несколько, хм... женщина. Смела, благородна, с лучшей родословной на континенте...

— Леди Клотильду не трогать, — твердо приказал он, внутренне ощерясь, — так и знал, что имя бедовой красотки все-таки прозвучит. И станет она следующей мишенью для Священной комиссии и всех-всех-всех. — Повелеваю никогда не считать ее наследницей моею, но приложить все усилия для спасения ее и... Кстати, ее вообще нет в городе. Вы поняли меня? Нет!

Рыцарь коротко кивнул и отступил назад. Над крепостными стенами взревели трубы, вновь призывая ко вниманию. Из ворот, что были прямо под ним, выбежали несколько человек и принялись выкрикивать слова в сторону серебряно-алого стана. Карусель завертелась...

Он сам, стоя у ворот, оглядел стайку ребятишек, подогнанных туда рыцарями Священной комиссии. Знаком поманил одного из простолюдинов, столпившихся с этой стороны ворот.

— Кто-нибудь посчитал, сколько именно детей они захватили?

— Двадцать три, — пробормотал человек в линялой, потрепанной одежде, валясь ему в ноги со сноровкой, какую дает только застарелый и привычный рефлекс, — двадцать три, ваше сиятельство, высокородный отец наш...

Он кивнул одному из рыцарей:

— Пересчитайте... Кстати, захваченных пастухов чтобы тоже вернули.

Как он и предсказывал, рыцари Священной с готовностью и даже чуть ли не с радостью согласились на столь неравный обмен — одного-единственного герцога (и к тому же, по их словам, самозванца) на двадцать с лишним ребятишек. Плюс толстяк пастух с подпасками. Что наводило на мысли о том, что он, вполне вероятно, продешевил (и следовало потребовать еще чего-нибудь в придачу — ну вот хотя бы отпущения всех своих грехов, что ли). Или же — что именно этого от него и ждали...

Заполучив в свои руки, первым делом его заковали. Со знанием дела и явно для долгой отсидки. С намеком на возможность и в будущем самостоятельно ходить по матушке-землице — кандалы на ногах соединялись между собой цепью длиной с короткий шаг, от нее вверх шла еще одна цепь, на которой поочередно были закреплены наручные браслеты. А уж после заковки его сразу же повели на здешнее лобное место...

Две фигуры в красном, которых он буквально несколько минут назад наблюдал с вполне безопасного расстояния — то есть стоя на высокой башне, под защитой стены и своего собственного, в каком-то смысле, воинства, — теперь, радостно ощерясь, встречали его воочию и в опасной близости. Такой опасной, что дальше, то есть ближе, уж и некуда.

— Здравствуй, брат ты наш герцог, — благонаравно-сладеньким тоном возвестил тот, что был повыше и постарше. И слегка притушил на своем лице злорадно-злобную ухмылку.

А почему? Что, палачам Священной не положено так отчаянно лыбиться в лицо своим жертвам? И тут, похоже, приличия блудут, молодцы, ребята. — Здоров ли ты? Хорошо ли чувствуешь себя? Сколь много вопросов мы имеем к тебе... и столь много наших братьев жаждет потолковать с тобой, что уж и не знаю, прямо-таки не знаю, хватит ли у тебя на всех них времени-то...

— Обожаю с братками встречаться, — кое-как выдавил из себя кривенькую улыбочку “брат герцог”. — С детства вот так — как куда ни попаду, так сразу же и братки навстречу... А что до здоровья, так оно у меня с детства, увы, слабенькое. Чуть что — и я сразу в обморок.

— Да что вы говорите? — ласково поразился второй краснорубашечник. А с виду и не скажешь... Спасибо, брат, что предупредил. Ужо начнем мы с легких вопрошений — иголки под ногти, пожалуй...

— Да, брат, пожалуй. Ну так приступим же! — лирическим тенором, на удивление благостно и просветленно отозвался первый.

Серегу, не тратя больше времени на болтовню, повалили на спину.

Сквозь багровый туман и сполохи боли, застилающие глаза и обручами стискивающие сознание, время от времени он умудрялся видеть небо — безмятежно-синее, чистое, без единого облачка. Раскинувшееся сверху громадным укрывающим пологом. Совершенно равнодушное к нему, чужое небо, из чужого мира. И при этом почему-то глумливо орущее ему в уши его же собственным голосом. С болью и мукой орущее. То, что с ним делали, превосходило душевные силы всякого обычного человека. А ведь он, Серега, и обычным-то никогда не был — трусом он был всегда и боли боялся превыше всякого разума... Господи ты ж боже мой...

Коротенькая передышка наступала лишь тогда, когда начинались вопросы. Вопросы были самыми дурацкими — кто он, откуда, кто его родители (поименно и поперсонно), кто подучил его называться герцогом Де Лабри, что он знает про Преждеживущих и как их можно найти. На все эти вопросы он отвечал вполне честно и открыто (на дурацкий вопрос — дурацкий же и ответ). И, само собой разумеется, ему никто не верил. Им были недовольны. Поэтому после первого же вопросного тура он опять валялся на спине, судорожно корчась от боли, огненными осами грызущей кончики пальцев. И враз поумнел. Кое-как сообразив (хотя и трудно, почти невозможно было соображать остатками сознания, скручиваемого и раздираемого импульсами боли), принялся врать. Стараясь угадать, чего от него ждут и чего, собственно, хотят услышать. Имя — да Гарри Поттер. Родителей — не знаю. Да, скорее всего — нагулянный какой-то девкой бастард, подзаборный подкидыш. Подобраный и воспитанный из жалости. Где? Э-э... А-а! В дикой местности, далеко отсюда, по леворучье от восхода (это, по местной традиции в ориентировании, означало — по левую сторону, если встать лицом на восход... то есть, по земным меркам — на севере). Имя воспитателя — Мерлин, он же, сволота, и подучил его называться герцогом... А мандонада от Преждеживущих? Да вы что, какая такая мандонада, он же и в жизни в глаза этих чудиков из сказок не видел... вот троллей, живучи у Мерлина, это да. А также русалок. Красивые такие девицы, волосы зеленые, ноги ниже колен с плавниками и, что особенно завлекает, совершенно голые...

Время от времени, когда говоримое не удовлетворяло двух краснорубашечников, в поте лица трудящихся над ним, он вносил изменения. Преждеживущие? Ну хорошо, скажу-у... Да, знаю. Да, близко знаком. Да, одарили мандонадой. Слушаюсь, господин рыцарь

Великолепной и Священной, не одарили, никак нет, это все уже я сам напридумывал...

Создавалось впечатление, что пыточники и сами не знают, что именно хотят услышать. Им — как бы это поточнее выразиться, нужна была версия событий, не противоречащая основной установке, — он самозванец, без роду без племени и безо всякой поддержки. Выходил нонсенс — ведь если нельзя говорить о том, что эльфы одарили-таки его своей мандонадой (которую он, что греха таить, до слезных соплей был бы рад сейчас на себе и восчувствовать и ощутить), то почему можно спрашивать о том, где он видел этих самых Преждеживущих и как он может снова их найти? Он, самозванец безо всякой поддержки за спиной... и откуда-то знает про то, что подобной персоне просто неоткуда было бы знать... Странно.

Когда к вечеру рыцари Великолепной и Нетленной перешли наконец к вопросам о некоем холопском (холопском?!) мальчишке, злостно выкраденном им и увезенном из замка Балинок-Деде, он, точнее, его тело больше уже не могло выдерживать того, что ему устроили. И он с облегчением, почти осознанно провалился в спасительный мрак беспомощности. Наконец-то покой...

— Господин! Господин! — робко звал его чей-то голос. По лицу ласково ходило прохладное и мокрое (тряпка, догадался он), в висках и ушах пульсировала боль, веки были словно налиты свинцом. Кисти рук ломило, они были опухшими, неподъемными, онемевшими и льдисто-холодными. И кто-то загадочный все продолжал и продолжал тоненько и тихо выкликать (прямо как подыхающий цыпленок пищал). — Господин... Господин...

Он приоткрыл глаза. Над ним с двух сторон склонились фигурки, четко прорисованные на фоне неба, наполовину ночного, наполовину... Высветленного рассветом?!

— Рассвет? Уж-же... — прохрипел он опухшим, надорванным от криков и болезненно-колким горлом.

Фигурки мелко закивали. У него даже зарябило в глазах.

— Да, господин...

— Кто... такие?

Перед глазами бликовало все сильнее. Нет, испугался он, нельзя. Нельзя терять сознание сейчас, он должен... Что он должен? Что-то такое, за левым ухом...

— Мы смерды, господин, холопы Великой Священной комиссии... При обслуживании лагеря мы. Там... шатры убрать-поставить, дрова на нас, костры, обоз, уход за кормовой скотинкой и за лошадьми благородных...

— Так... — протянул он и попытался приподняться на локтях. Это ему не удалось. Но под спину и плечи тотчас же просунулись цепкие руки, потянули, приподняли, посадили... Он отдышался и попытался осмыслить ситуацию. Слава богу, то, что он должен суметь отсюда убежать и то, КАК он должен отсюда убежать, уже всплыло в памяти. Теперь оставалось только приступить к выполнению. — Почему вы сейчас здесь?

— Помочь вам хотим, милорд, — нестройно отозвался хор приглушенных голосов, — хоть как-то спасти. Вы убежите... А ежели и мы с вами... Бают, вы герцог Отсушенных земель. И бают, что ноне проклятие с них полностью снято. Мы вас, того, спасем. Но чтобы уж и вы с нами... по-божески. Наделы бы нам. На землях ваших. И милости вашей. Вы ж добрый господин. Свою жисть на муки за холопских детей! Да ни один из наших рыцарей такое б никогда! А здесь нам не жисть в последнее-то время. Священная комиссия стала ноне больно магией баловаться. А ее, магию-то, на ком же и пробовать-то еще? Вот и берут

нас, как дичь — на жаркое... Тут из нас уж и костры горели, и такие прочие ужасы удельвались, что куда там тебе... Обещаешь, господин, наделы-то?

— А то як же, — сообщил он, про себя обмирая и вздрагивая от боли — встать, вернее, вздернуть на ноги себя после того, что было с ним проделано, оказалось не таким уж простым делом. Мучительным до холодного пота, до раскаленных белых искр в глазах...

— Бежим к городу. — Он нашарил раскрытой ладонью с левой стороны в волосах кровяной колтун. Размокший, к счастью, то ли от ночной росы, то ли от пота. Пальцы, распухшие и бесчувственные после пыток, не слушались. — Гребень есть?

Нашелся обломок гребня, очевидно подобранный после того, как кто-то из рыцарей выбросил пришедшую в негодность вещь. Серега знаком показал, где чесать, сипло сказал:

— Все волоски — на ладонь мне, вот сюда... — и протянул трясущуюся длань.

Вскоре горка волос, слегка шевелящаяся под предрассветным ветерком, уже лежала у него в руке. Рассвело достаточно, чтобы можно было отличить черные волосинки от пего-каштановых, его собственных. Холопы, бросавшие на него испуганно-настороженные взгляды, придвинулись ближе.

— Это что, господин... те самые заговоренные волосья? Кои в воинов обращаться могут?

— Нет, — буркнул он, — про те не знаю. Хотя здесь и они бы не помешали. Эти — с лиса-оборотня. Вложишь в рот, проглотишь, и оборотишься лисой. Затем бегом в город. Все понятно?

— Про оборотный волос мы слыхали, а то как же... Да только, господин, не надо к городу бежать. Там стража так наставлена, что мучач — и тот не пробежит. В лес надо, господин, А там, глядишь... И народец лесной вдруг да поможет. И искать нас там никто не станет, решат, что с помощью Преждеживущих ты, господин, в город перенесен, куда ж тебе еще... Да и рассветет скоро. Лес близко, а до города — бежать и бежать, и все по ровному полю среди стражи...

В лес так в лес. Главное — унести сейчас отсюда ноги. А уж потом, там, поразмыслим, пораздумываем...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

А для нас сто верст — не крюк...

Как ни странно, тело, оборотясь в лисье, сразу же ожило. Исчезли боли, ушла слабость... Рядом радостно роилась стайка таких же, как он, лисов, телом и запахами зовя его туда, к лесу. На свободу.

И они ушли. Просочились через охранение, скромное со стороны леса (ну конечно же, как иначе — ведь все враги у Священной были спереди, а сзади только свои). Стайка лисов ужами проскользнула через кусты на лесной опушке. Понеслась дальше — через лес, через лесные овраги, вглубь, подальше. Гнал инстинкт, а не сознание. Впрочем, какой мог быть у них инстинкт, они же не звери, в конце концов. Просто было у каждого из них настойчивое ощущение того, что там, позади — враги. Враги, которым вполне может взбрендить в голову и за ними погнаться, за простыми-то бедными зверями...

В какой-то момент они нашли нечто вроде убежища и остановились. Именно там Серега и пришел в себя — в неглубокой норе, то ли открытой, то ли промытой ручьями в стене глубокого лесного оврага. Пришел в себя, лежа на боку и свернувшись калачиком на сырой земле, приятно холодившей кожу. Воздух был знойным даже здесь, в относительно затененном месте — в овраге. И, что самое приятное, лисья личина, уйдя, вернула Сереге его человеческое обличье целеньким и невредимым. Ни единой ранки не оказалось на пальцах (исколотых иглами в самом разном ассортименте — от простых холодных до сверлообразных и раскаленных). Четыре пальца на левой руке, которых палачи из Священной долго и вдумчиво лишали ногтей (сперва надрезав прямо на месте полосками, а потом сдирая их с живого тела пофрагментно — для большей результативности), сейчас сияли новехонькими ногтевыми пластинками — гладенькими и нежно-розовыми. Чудеса в решете... Впрочем, дружище-оборотень об этом так и говорил — “и буду я снова жив-здорв”. Мелочь, а приятно...

Он сел на земле, с интересом огляделся. Спутники, вместе с ним покинувшие не слишком гостеприимный лагерь Священной и Нетленной, сидели кучкой поодаль. Нагишом, как и он. Но к нему не подходили, только кидали издалека благожелательно-приветливые взгляды — мол, здрасьте, ваше сиятельство... как почивали? Ну да, он же теперь их герцог, а они — его подданные. Намерения встать и подойти к нему запросто никто из них не выказывал. Видимо, без прямого на то волеизъявления его светлости сие было недопустимо.

Он встал, смущенно прикрыл ладошкой причинное место и зашагал к ним сам. Где-то на полпути его новые подданные вскочили на ноги, так же, как и он, попривыклись ладошками, и толпой ринулись к нему.

— Ваше сиятельство... Господин наш светлейший. Вы, никак, к нам изволите подойти? Дык крикнуть надо было, мы б и сами, мухами к вам...

Он отрицательно мотнул головой, оглядел местность. Узрел неподалеку поваленное дерево, горизонтально лежащее на склоне оврага, рядом кусты и пенек. Указал подбородком (по причине занятости рук):

— Не пройти ли нам туда, господа?

У бедолаг как по команде отвисли челюсти.

— Щас... Дык мы щас, господин...

Его новые подданные, как отметил про себя Серега, были сплошь мужчинами старше

среднего возраста. Иногда и много старше. Все, как один, были низкорослыми, худыми до изнеможения, в рубцах и шрамах по бокам и спине — зримые свидетельства частых пороков. Частых и жестоких. Может быть, плетками, а может, и еще чем. Честно говоря, их манера держаться Серегу несколько отталкивала. Этакая смесь торопливой угодливости и благоговения вместе с суетливой дрожью. Вот то ли дело надменно-достойные манеры рыцарей из замка Дебро... Впрочем, одернул он себя, их плеткой никогда и никто не бивал. Конечно, ехидно ответил внутренний голос, попробовал бы кто такое с ними сотворить — сразу же бы и в зубы прилетело кое-что... И потом, достойные-то они достойные, но терпели же право первой ночи и прочую муть, которая, если разобраться, в иных случаях и понеприятнее порки будет.

Усаживаясь, его новые подданные оставили ему сразу два места — на выбор, как понял он. В начале поваленного ствола и на пеньке. Он, на мгновение задумавшись, выбрал пенек: — Э-э... Все, кто там были возле меня... и хотели уйти, все здесь?

Люди отчаянно закивали головами.

— Чудесно! — Что бы им еще сказать по этому поводу? Надо было хоть как-то приободрить их. — Я рад этому. И... и очень благодарен вам за то, что вы...

— Что вы, господин, — прошептал один из тех, кто сидел к нему поближе. И преданно, почти молитвенно, посмотрел на него. — Вы бы и сами, и без нас смогли бы... И волосками своими с нами поделились, и сюда нас привели, а волоски эти немалых деньжищ стоят, спаситель вы наш, век благодарны будем...

Собственно, он их вел сюда или же кто-то другой — этого Серега никак не мог вспомнить. Впрочем, Клотильды на этот раз с ним не было, так что мог и вести.

— Не стоит благодарностей, — натужно выдавил он, заливаясь краской — как от хвалебных слов, так и от мыслей вообще. Вообще, и в частности — о дивной леди, дивной во всех отношениях и в любом облике... гм, — нам сейчас вообще не до этого самого вот, не до благодарностей.

На лицах слушавших его бывших смердов Священной было прописано истовое внимание к каждому его слову. Даже руки чинно сложили на коленках, как школьники.

— Надо... нам надо решать, что делать дальше. Думаю, нам следует как-то пробраться в город и...

В короткой паузе, употребленной им на новый вдох, один из мужчин быстро вставил торопливой скороговоркой:

— Города скоро не будет, господин. Ваша светлость кое-чего не знает.

Серега, чувствуя некоторую неловкость, заявил:

— С этого дня повелеваю звать меня просто Серегой... Ну хотя бы сэром Сериогой. И чего ж я такого не знаю?

С дальнего конца бревна ответили:

— Господин, мы говорим о Мастере растений. Гонцы Священной комиссии вызвали сюда своего Мастера растений. Они его уже везут — под хорошей охраной, по безопасным дорогам. И как только он прибудет, про город под названием Дебро всяк может позабыть, милорд... то есть сэр Сериога. И вы тоже можете... Прямо даже сейчас уже можете позабыть...

— Что это за Мастер растений? — быстро спросил Серега. Поймал пораженные взгляды, тут же ответил на них. — Да, я мало что знаю. Вот такой уж у меня большой недостаток. С вашей помощью, надеюсь, буду знать больше. Итак, что это за Мастер?

— Говорят, это не магия, — пожилой мужчина коротко пожал плечами, — что еще хуже — стало быть, серебром ее не остановишь. Он накладывает заклятия... а может быть, и заклинания.

— Заклинания, — шепотом поправил старшего тот, который говорил перед ним. — Заклятия — это то, что навечно на эту землю или на человека налагается. А заклинание — это на время.

— Ладно, заклинания... Для ваших друзей это все равно что смертный приговор, милорд... то есть сэр Сериога. В траве, в земле всяк найдет десятки семян, полуистлевших, невзошедших, доспевающих... Вот с ими-то и говорит Мастер растений, приказывает им разрастаться, всходить, расти. Беда только, что растения, травки-деревца эти — они после такого совсем другими становятся. Зло в них вселяется, и они не землей-водой-светом, как то положено божьему растеньицу, питаться начинают, а жрут людей. Те, что поменьше, — деточек. Побольше — ну, такие и лошадь с всадником могут схрупать за раз и не перекосятся. Верно говорю, ужаси грядут страшные. Так что ждет Дебро страшная гибель. Всенепременно ждет. И тока дурак туды сунется. Простите за-ради бога, милорд, то я не про вас — вы ж про это не знали, посему и думали в город вернуться. Только это дуростью будет. Погибнут там все и мы с ними ни за что ни про что...

— Дивно, — быстро сказал Серега. — Как с этим можно бороться?

— Дык кто ж это знает-то, милорд...

— Да, нетути средств-то таких...

— Ну, может, я и знаю кой-што об энтот, детушка.

Последние слова вклинились в перепуганный лепет бывших смердов Священной, как нож в масло. Прозвучав чуть ли не с самого неба.

“Чушь какая”, — подумал Серега, задирая голову и обозревая окрестности. По большей части окрестности небесные. Этот голосок он узнал бы и из тысячи других. Этакий до ужаса знакомый капризно-сварливый тенорок. Старинушка-старче, точно. Пресловутый лесной хозяин. И ни с какого ни с неба сие прозвучало. Из-за овражного склона только и мог раздаваться этот глас ехидный...

Простолюдины на дереве вдруг заохали и закрутили перед лицом раскрытыми ладонями (местный ритуальный жест, припомнил Серега, круговращение в честь Бога, как называла это леди Клотильда). Он оглянулся и увидел. Сам господин лесной хозяин — прошу любить и жаловать — спускался сверху, смешно переваливаясь на коротких ножках. Окончил спуск и примостился на реденькой травке неподалеку от Сереги. Поморгал, подставил лицо ярким лучам света, льющимся сверху.

— Силен ты у нас, детушка. Поручения мои сполняешь, вижу. Был барон — и нету барона, была — тьфу, гадость! — то ись нечисть эта из замка Дебро — и нетути ее... Молодца! Ну молодца!

“Орден еще дай. — недобро прокомментировал про себя Серега эту похвальную речь — Имени Гнилого Пня во Мху четвертой степени”. И с холодным любопытством взгляделся в нарочито-глуповатое лицо старинушки. Всего лишь посредник, как сказал король эльфов. А ведет себя как пуп мироздания...

Объект Серегиного внимания в этот момент самым невинным образом нежился на солнышке. Что, только что из-под земли вылез? Или еще из какой берлоги.....

Старичок почесал брюхо под линялым зеленым кафтанчиком, поскреб ногтями шею, сдвинув вниз затейливо расшитый драгоценными камнями стоячий воротник. И небрежно

сказал:

— Ну, за сей успешный и ратный труд тебя и отблагодарить не грех. Действо сие — мастерство над растениями — есть наука сложная, но открытая вами, людишками, совсем случайно. Мастера над элементами — были и есмь таковые у Священки-то вашей, в незапамятны времена еще искать начали, как заставить землю давать не один, скажем, а по два али по три урожая в год. Вот и натыкнулися... Оне, правда, думают, что уся суть — в неких там евонных элементах, кои они вкупе со словами на землю сыплют. Но на самом-то деле... случилось одному из них когда-то натолкнуться на нужное сочетание слов вкупе со временем необходимым. Вот оне и стали баре...

— Не магия, значит? — как можно небрежнее поинтересовался Серега.

— Не, какая там магия... Вот ты, ежели тебе придется топором кому-нибудь бошку рубить, ты энто магией кликать станешь? Кто-то железа нагреб из горы, кто-то проплавил и топор поковал, ты топор энто у белы рученьки узял... И шмяк себе по пальцу — палец в сторону, а у тебя мыслишки — мол, раз так, дайко-ся я и соседушку моего так же уважу, за то, што косо на мене посмотрел. Дело нехитрое — нужным словом разбудить в Зеленых злую сторону души земной. А оне, Зелененькие-то, бессловесные, и послать подальше добрым словом сих врагов не могут...

— Средство, — лаконично напомнил Серега.

— Средство, малец, есть дело нехитрое. Другое дело, чтоб не сгнуло оно у тебя одного в голове, людям тож досталось, на печаль-погибель для Священной. Понял?

— Понял, — фыркнул Серега, — запомню, передам, сохраню. Побуду, так сказать, наставником по обмену опытом с передовой молодежью этого края... Ну?!

— Ужас, до че юнцы ноне испохабились! — поразился старичок-лесовичок. — Почтенному, пожилому старцу — и нукают, как коняге какой-нибудь запряженной. Иде почтение к старшим?!

Ответное словосочетание, такое коротенькое — один предлог (подразумевающий начало ответа на вопрос “где?”) и еще одно только словечко, но зато на пять букв и та-акого очень даже женского рода, так и вертелось у Сереги на языке. Но он сдержался. Хотя и далось ему это воздержание нелегко, ох как нелегко.

— Слушай и запоминай... Ябет виторлус тенатс ад сел... Ну, повторяй!

Серега повторил. Потом еще и еще. И еще, и снова. До тарабанистой скороговорки. В памяти вроде бы отложилось...

— Но запомни! Говорить сие следоват токмо изнутри. Заклинание этого ихнего Мастера направлено будет на город, там и будет твориться самое ужасное... А ты должен внутрь проникнуть еще до этого. Лучше говорить с городской стены. И, как тока начнетси, отсчитать равномерно до пяты десятков — сие вельми важно, вьюнош! Выжить и стерпеть до этого моменту! И лишь затем слова произнести.

— А что будет, если не досчитаю?

Старичок, хихикнув, пошамкал губами, словно бы решая в уме задачу — говорить или не говорить, — затем сказал услужливо:

— Дурнем будешь. Сам же потом и пожалеешь. А сказать — не, не скажу. Больно уж ты непочтителен к старшим, сумлеваешься в каждом слове. Так што — либо делаешь как я сказал, либо... Сумлевайся тады и дальше, вьюнош! Гляди тока, как бы с того свету не пришлось сумлеваться-то!

— Ну, допустим. — Серега вскинул глаза вверх, промерил высоту здешнего светила —

примерно полдень. — Допустим, я вам поверю. Но слова точно помогут?

— Манодадой клянусь! — побожился старичок.

— Чем-чем? Нет, не клянись луной, Ромео. Хрен с тобой, верю. Верую, ибо нелепо, как сказал один почтенный старец...

— Мудер! — азартно восхитился тут же лесной хозяин.

Сереге сплюнул со зла. Болтун чертов, нет чтоб еще чем-нибудь помочь. Сидеть на колком пне, прижимая руки к месту пониже пояса, становилось все неудобственней. И опять же...

— Досточтимый... А не могли бы вы нам еще и с одеждой помочь? Сидим, как видите, нагие и босые.

Старичок, зараза, тут же резво подхватился с места и повернулся лицом к овражной кромке, явно намереваясь срочно покинуть их раздетое общество.

— Не могу!

— Тогда верните мои тюки, — упрямо сказал Сереге. — Или хотя бы ту одежду, что в них есть.

— Нетути уже! — отмахнулся от него вредный старче. — Эльфы усе разобрали. Ужасно, стервецы, любят в человецкой одежонке зверей лесных смешить! Так что про свою поклажу можешь и забыть. Не осталось там боле и нитки!

— Ну хоть в город могли бы помочь попасть! — в отчаянии крикнул Сереге, адресуясь уже к спине своего собеседника, прытко штурмующего в этот момент крутой склон оврага. — Хоть как-то, хоть в чем-то могли бы помочь...

— Помоги тебе твой Бог, детушка, а я никак не могу! — откликнулась спина.

— Стой! — еще громче завопил Сереге, припомнив еще кой о чем. — Как там они все?! Мишка, Микошка?! И Слуди, и этот, как там его... текулли?! С лекарем?!

— А и хорошо живут, — старичок, успевший уже улепетнуть наверх, высунул голову из-за среза склона, хитро заулыбался, — тебе поминают... Вот как порядок во всех своих делах наведешь, так и милости просим за ними! А чо? Можя, когда и взаправду научишься сам свои собственные сопли утирывать, безо всяких там посторонних...

И склон опустел. Осталась только цепочка маленьких следов, бегущая вверх. И несколько головомомных слов в голове...

— Господин, — робко протянул сбоку один из его новоприобретенных товарищей, — господин, я об одежде... Тут неподалеку есть трактирчик один, и вот... Там еще трактирщик такой, жутко скупой...

— Припоминаю, — равнодушно сказал Сереге, — были, приходилось. А что?

— Одеждой у него вполне можно разжиться, господин.

“Господин” тут же заинтересовался:

— Как? Скуповат трактирщик-то... В долг он и половой тряпки не даст... Разве что силой взять... что, конечно, не слишком хорошо, но...

— Господин наш сэр Сериога, — доверительно зашептал ему низкорослый человек, — этот трактирщик, он... Ну, словом, изредка, да занимается разбоем. Бывает, путник какой одинокий забредет — кто его хватится? А главное, кто именно к нему искать-то его придет? Да никто. А то еще парочка от родителей сбежит с деньгами отцовскими вместе, у таких на уме завсегда только одно — как бы подальше в глушь забраться, там уж, мол, никто их и не достанет. В общем, всяко бывает. Я в позапрошлом годе при обозе святого и всеблагого пречлена Гиффи состоял, так мы туда и заезжали... А пречлен Гиффи

тогда в одном селе взял под опеку двух дочерей из семейства одного проклятущего еретика, творившего беды соседям, с которого пречлен Гиффи заживо кожу содрал, чтоб, значит, благое дело совершить — дабы грешная кожа не мешала злomu духу, в еретика вселившемуся, к Сатане уйти, а душе, очищенной сим добрым деянием, — к Богу. Ну а дочки красивые были, их, как пречлен Гиффи заявил, тоже уже скверна коснулась... Ну вот он их там и очищал. Трактирщика тож к ним допустил. А после... очищения этого меня с трактирщиком послали тела прибрать. Тот — а он уже в подпитии был, — сильным, опять же, видно, и очищение ему шибко понравилось, размяк умишком-то, — и разоткровенничался передо мной. И выносили тела мы не через ворота, а через подземный ход, который он сам специально отрыл из трактира и до самой до тамошней лесной глубинки — ну, на тот случай, если заедет кто, а у него и тело неприбранное в трактирных покоях все еще лежит... Я там все приметил, углядел. Найду, Господин. Даст бог, в трактире никого не будет, трактирщик — он и за скотиной присмотреть должен, и по делам, бывает, уходит... Прoberемcя, своруюем одежонку. У него там целый склад этого добра, на продажу, а протдать он не решается — кровь на ней, следы от ножа, да и узнать могут случайно — ткани ведь богатые, шитье опять же хорошее, приметное... А выкинуть ему жалко. Вот и попользуемся...

Серегa пожал плечами. Вот он, выход. Не совсем приятный для него и хороший, правда, но... Выбирать не приходилось.

— Веди...

Хоть человек и определил расстояние, отделявшее их от трактира, как “неподалеку”, все же пешком дорога оказалась куда как долгой. Серегa то и дело охал, сбивая босые ноги на узловатых корнях. Его спутники, в отличие от него, шли молча, не жалуясь и не морщась. Видимо, жизнь в лагере Священной-энд-Нетленной приучала людей к терпеливости. В общем, все это, конечно же, было неплохо, а точнее говоря, только это и было неплохо в данной ситуации...

Шли напрямик через лес. В спортивном ориентировании эти ребятки дали бы сто очков вперед любому. Человек, шедший в голове их странной (и полностью раздетой) колонны, время от времени сверялся по светилу. Затем они продвигались дальше.

Когда положение местного солнца над горизонтом уже начало намекать на наступление второй половины дня, шедший впереди резко остановился. Вскинул руку над плечом, призывая к молчанию и тишине.

Серегa, как и все, прислушался. Где-то впереди, совсем неподалеку, раздавалось тягучее коровье мычание.

— Пришли. — Впередиидущий повернулся к Сереге, услужливо поклонился. — Сейчас, господин, отыщу вход. Подождите только чуток.

Серегa хотел было уже сказать, мол, хорошо-хорошо, не торопитесь, но сумел промычать только нечто вроде “э-э...” — горло пересохло. Попить-поесть бы, да и поспать-полежать тоже не помешало б... М-да. Худенький и низкорослый человек, который привел их сюда, наклонился к земле. Походил внаклонку, буквально приносясь к тому, что было под ногами. Лес в этом месте имел небольшую проплешину, этакую крохотную полянку с несколькими кустиками по окружности. Трава росла густая, высокая и шелковистая. Серегa плюхнулся на пятую точку опоры, блаженно вытянул ноги на траве. Нежная поросль из тонких сине-зеленых стебельков напоминала девичьи волосы — мягкая, колышущаяся под лесным ветерком грива. Показалось даже, будто где-то неподалеку кто-то

заливисто смеется. Вот только почему-то смеется невесело. Почему бы это...

— Господин! — тот самый человек, который привел их сюда, стоял теперь над ним и с силой тряс за плечо. — Господин сэра Сериога! Не слушайте голоса мертвых, не к добру это! Рази можно так на кладбищах душ неупокоенных...

Сэр Сериога очумело уставился на него.

— Ну да, господин, — робко подтвердил тот, — он же прямо здесь и хоронит их. Вон у тех кустиков мы тогда тех двух девушек закопали. Гляньте, трава какая густая! Земля здесь плотью человеческой накормлена. Кладбище целое... И, почитай, все они не в срок и не по доброму под землю ушли. Не к добру все это. Буде голоса какие послышатся, не прислушивайтесь. Мало ли что...

Серега, невинное дите двадцатого века, в котором стенающие призраки существовали только в голливудских ужастиках, тут же простодушно поинтересовался:

— А может, они помощи просят? Почему бы и не помочь?

Вокруг него все тут же, как по команде суеверно кругнули ладонями перед лицом.

— Защити нас Бог, добрый господин. Как можно?! И вещи такие прямо здесь говорить — не к добру, ой не к добру это... Вставайте же, вставайте! Теллек уже и проход нашел...

Найденный вышеупомянутым Теллеком проход находился чуть в стороне, левее и сразу за кустиком. Серега подошел, несколько брезгливо обозрел откинутую вбок квадратную крышку, сколоченную из досок. На них густо налипли земляные черви, мокрицы. Жерло прохода, полого уходящее вниз, под пласты почвы, поддерживала дощатая обрешетка, которая столь же густо была усажена на всем протяжении (насколько хватало глаз) все теми же милыми насекомыми. Бр-р. Единственная радость, что хоть тараканов здесь нет (этих зверюшек Серега не переваривал еще больше).

— Поехали! — Он обреченно махнул рукой и полез вниз, под землю. Он сказал “поехали!”, он взмахнул рукой...

Доски обрешетки под ногами сыто чавкали, прогибались и шелкали, разбрызгивая грязь на идущих. Теллек, скромно шагавший позади Сереги, комментировал:

— Дорога прямая, не извольте беспокоиться. Ручкой за стенку, вот так... Так и дойдем. Тут и свету не надо, под ногами доски, милое дело.

— Куда выходит ход? — коротко спросил Серега, припомнив повадки бойвумен феодально-ледникового периода — вот та бы уж точно и наверняка в первую очередь об этом спросила, прежде чем лезть в такую дыру. С кого, собственно, и следует ему здесь пример брать буквально во всем — в бою, труде и житие. Ах Клоти..

— В чулан возле кухни, благородный господин. Там дверка за бочкой такая неприметненькая...

— Заперта?

— Э-э-э... Вроде бы да, благородный господин. Прости, что не сказал об этом раньше.

— Да ничего страшного, — устало отмахнулся от перепуганного бедолаги Серега, — нас здесь целая толпа, навалимся, враз выломаем.

— Да, благородный господин! Верно! Дверь там хлипенькая, дерево, в сырости-то стоя, прогнило все. Вот увидишь, мы ее вышибем! Ты не беспокойся, господин наш, мы тебя не подведем, не...

“Как бы это я вас, ребятки, не подвел”, — подумал с грустью Серега. Тяжко вздохнул на ходу. Пусть себе эта КПСС (то бишь Комиссия по сетевому спасению, уславшая его сюда) что хочет, то о нем и думает, но лично он отсюда не уйдет, пока не найдет на свое место,

точнее, на место герцога Де Лабри, более или менее нормального человека или наследника. Причем лучше бы, конечно, найти именно человека, а не просто наследника...

Размышления были завершены, когда Серега на полном ходу врезался носом в перегородку. Ну вот и искомая дверь.

Шепотом приказав всем смолкнуть и не дышать, он приложил ухо к доскам, прислушался. За дверью вроде бы все было тихо. Сюда, во всяком случае, не долетало ни звука. Серега тщательно ощупал косяки, взялся за них руками, навалился всем телом, затем подергал саму дверь, попробовал навалиться и на нее плечом. Безрезультатно. Что бы там ни говорил насквозь перепуганный Теллек, дверь была сработана на совесть. И так же на совесть вделана в косяк, выполненный не из досок даже, а из вполне солидных цельных древесных стволов.

— Господин! Дай мы попробуем! — перепуганным шепотом заскулил у него за спиной Теллек со товарищи.

Серега обреченно посторонился, пропуская их к двери. Сам прислонился поодаль к сырой обшивке, устало прикрыл глаза. Бывшие холопы Священной, пыхтя, налегали на дверь, шепотом споря, у кого весу больше и чей напор сильнее...

По волосам прошлось глядящее прикосновение. Мокрица проползла, спокойно предположил Серега. Брезгливости не почувствовал — свыкся уже как-то с мыслью о том, что это и есть типичнейшие и вполне нормальные представители местной фауны в этом милон, хотя и слегка подзабытом богом местечке.

Потянуло в сон. Что ж, покемарю, пока ребята там стараются. Хуже от этого никому не станет. Дверь не поддастся, это уже было ясно. Пусть они еще немножко постараются... а там пойдем искать другие способы подхода. Хотя какие тут могут быть способы? Дождаться темноты и атаковать укрепленный не хуже крепости трактир в лоб? Можно, конечно, попробовать и еще какую-нибудь нору здесь поискать — залез же сюда оборотень за курицами, сыскал лазейку... Девичий смех опять зазвенел над самым ухом.

— Ты кто? — очумело спросил Серега. В темном пространстве коридора двигались белесые фигуры. Текли к нему...

Девичий голосок ответил:

— Мы — призраки. Разве ты не знал?

Серега задержался, пытаясь проснуться.

— Бесплезно, ваше сиятельство, — уведомил его все тот же голосок, — спящий близок к мертвому. А мы, мертвые, можем вас и не отпустить отсюда...

— Зачем?! — прохрипел он. Горло что-то сдавливало. И проснуться ему никак не удавалось.

— Как зачем? — подивился голосок. Одна из белесых фигур, кольцом зажавших его, текуче двинулась и подошла поближе. — Чтобы испросить освобождения. Ибо только вы способны нам его дать...

— И вы туда же, — почти безнадежно протянул Серега. — А почему — только я?

— Как же иначе, милорд? — Фигура рядом взволнованно заколыхалась. Серега увидел, как на просвечивающем бесплотном лице еще шире распахнулись и без того большие глаза. — Дабы освободить безвинно убиенных, следует покарать их убийцу. Законно покарать. А сие под силу лишь тому, кто имеет на это право: законный властелин и сюзерен этих земель...

— Я, — догадался он. — Стало быть, вам нужно освобождение?

Фигура поклонилась:

— Так же, как оно было нужно и тем, чья ужасная смерть прокляла землю и привела ее к Отсушению... Вы освободили их, приговорив к оскотлению тех тварей из замка Дебро. Приговорив и свершив наказание — как герцог Де Лабри и властелин земель. Теперь егеря и его жена рядом с Творцом нашим. И мы просим о том же. Никто другой... только герцог...

Фигуры заколыхались и исчезли.

И снился ему сон. Чей-то голос (уж не сэра ли Монтигтона Скуэрли?) поучал:

— Всякое государство держится на законе. Что такое закон? Это найденный и одобренный обществом эквивалент преступления, выраженный в наказании. Принцип действия-противодействия. Когда в физике система находится в равновесии? Когда всякое воздействие на нее компенсируется равным противодействием с другой стороны. В любом обществе преступление должно уравниваться наказанием. В чем долг правящей верхушки? Проследить, чтобы соотношение соблюдалось. Если вдуматься, все великие империи пали не от внешнего агрессора, а от того, что неправильно было подобрано соотношение дело-и-воздаяние. Подобрать эквивалент и проследить...

Голос замолк, и Серега начал тонуть. В воде. Но дышалось при этом почему-то вполне нормально. Погружаясь под воду, он рассматривал ночную незнакомую реку, в которой тонул, — темно-серая гладь воды, в которую он замедленно погружался, и пастельно-серое небо, раскинувшееся над рекой. Полная, почти идеально круглая луна наверху. Затем он увидел еще четыре луны — только чуточку поущербнее и пониже первой. Практически эти четыре последние луны висели над самым горизонтом.

Пять лун, припомнил он. Перед гибелью какого-то там императора в древнем Китае на небе тоже видели загадочные пять лун. Но он-то не император...

Опять где-то в отдалении невесело засмеялся девичий голосок. Потом леди Клотильда нежно-нежно (от этой нежности холодок по коже продирает почище и посильнее, чем от медленного затопления собственной персоны в водах неизвестной реки в компании пяти лун) заявила:

— Долг сюзерена — вершить суд. Правомочность его деяний определяется им самим, исходя из тяжести состояния жертв, которые прибегли к его правосудию. Клянешься ли ты, сэр Сериога, всегда справедливо вершить суд и неукоснительно свершать наказания над виновными? Помни, слово твое есть слово не только герцога, но и мужчины.

— Клянусь! — Открывал он рот или не открывал? Во всяком случае, проклятое “клянусь” прозвучало достаточно ясно. Ну и черт с ним, сны, всего лишь сны... и, кроме того, пора бы уже и проснуться, пора начать искать выход из сложившейся ситуации. Ситуации с неоткрывающейся дверью.

— Помни об этой клятве, — не унималась леди Клоти, — не поступи с ней как с обещанием, кое ты дал леди Эспланиде. Мы этого не потерпим.

“Кто такие вы?!” — нестерпимо захотелось вдруг крикнуть Сереге, но он не смог. Дыхание перекрыло. И в рот, и в нос хлынула самая настоящая речная вода...

— Теперь же подойди к двери и коснись ее, — нежно прокурлыкала Клоти.

Он до предела раскрыл рот, задыхаясь и захлебываясь водой, как вдруг в его легкие хлынул воздух. Самый настоящий воздух, сырой и пахнущий гнильцой.

Мужчина — тот, что рассказывал ему в овраге о Мастере растений (и один из самых пожилых в этой шайке-лейке), стоял рядом, тряс его за плечо. И обеспокоенно выговаривал голосом старой няни, обнаружившей, что непослушное дитяtko опять напрудило в

штанишки:

— Что же вы, господин... Опять голоса мертвых слушаете?! Не к добру это... Ну же, господин, очнитесь. Что делать-то будем, дверь не поддается никак, зараза. Вон Теллек от страха уже весь истрясся, боится вашему сиятельству на глаза показаться. Вы уж слишком сильно не мучьте его, мой добрый господин, просто повесьте бедолагу — и дело с концом...

Сереге отдышался. С изумлением высказался:

— Повесить? Я?! За что?!

— А за обман своего господина, — спокойно ответил ему человек рядом. — Из-за него вы, господин, сидите тут сейчас под сырой землей и войти вовнутрь никак не можете...

Сереге хотел было уже возмутиться, выкрикнуть что-нибудь такое-разэтакое, но подумал и просто махнул рукой.

— Повешенье отменяется. Будем искать другой путь вовнутрь. Пошли...

Он запнулся посреди фразы. Хихикнув сам над собой, подошел к двери и пнул ее ногой. Напоследок, на прощание. Не в шутку, а так... чтобы доказать самому себе, что сны явью быть никак не могут. И, собственно...

По проему косяка сухо хрястнуло, и дверь принялась плавно заваливаться вперед, в направлении от Сереге. То есть в пространство, принадлежащее уже не потайному ходу, а трактиру. В лицо пахло запахом копченостей и пряностей, из растущего сверху вниз проема на них полился яркий свет. А потом, когда дверь уже довольно сильно отклонилась от своего прежнего, нормального положения, Сереге увидел за ней ошарашенное донельзя лицо трактирщика. Видимо, бывшие смерды на шумели-таки, пытаясь открыть этот местный сим-сим. И жлоб-трактирщик прибежал сюда для проверки. А может, просто понадобилось чего...

— Хватай его, ребята! — заорал Сереге, откровенно подражая жизнерадостному реву леди Клотильды. И указующим суворовским жестом выкинул правую руку вперед, тыча прямо в ошалевшую и разом посеревшую рожу трактирщика.

Ребята не подвели. Мимо Сереге с нестройным “а-а” пронеслась вся орава. Дверь, так и не успевшую до конца упасть, разом снесли и буквально вбили в пол. Самого трактирщика сбили с ног, навалились сверху кучей, с сопением елозя по нему и друг по другу голыми животами. Сереге осторожно обошел по краю эту кучу-малу, осмотрел лабаз, в который они попали. По стенам гирляндами висели окорока и колбасы, внизу, под продуктовыми запасами, стояли бочки с неизвестным содержимым. Ничего такого особенного — лабаз как лабаз, таким он, наверно, и должен быть в этом мире. И, что самое главное, никого тут не было — кроме них и трактирщика, само собой разумеется. Единственными звуками, которые раздавались в лабазе, были звуки борьбы у него под ногами. И напряженное сопение борющихся. И пора было прекратить эту борьбу нудистских мальчиков...

— Разо-ойдись! — негромко скомандовал Сереге.

Куча, как по мановению волшебной палочки, развалилась на отдельные личности, тут же дисциплинированно выстроившиеся полукругом перед ним. Тот, кто был ближе всех прочих к Сереге, благоговейно протянул ему тряпичный тючок, зажатый у него в руке:

— Оденьтесь, благородный господин. Это его рубашка и штаны.

— Обойдусь, — бросил Сереге, едва его ноздри втянули ошеломляющий по крепости запах, идущий от этих тряпок (до этого даже здешним благородным рыцарям было, хм... далековато), — оденемся все вместе. Когда найдем во что. Так... А пока что этого субъекта связать, да вот хотя бы и его собственными штанами. Там, в углу, вроде как веревка из-за

бочки выглядывает. Так связать, чтобы и пальцем не смог шевельнуть! Рот заткнуть!

Он и глазом моргнуть не успел, как на земле вместо голого трактирщика валялся туго стянутый ком.

— Ни за что не вырвется, господин! — с подобострастием заверил его кто-то, кажется, тот самый Теллек, которого он не возжелал вешать. — И пальцем не дрыгнет! Только, господин... Может, допросить его сначала? Нет ли в трактире кого-нибудь из постояльцев?

Сереге попытался осмыслить ценность этой идеи.

— Нет, лучше не стоит, — с сожалением порешил он. — Если кто и есть, эта скотина нам ни за что не скажет. Понадеется на спасение, гад... Откатите его куда-нибудь за бочку, так, чтобы он не смог выбраться оттуда самостоятельно, и пошли. Потом вернемся, потолкуем с ним.

Даст бог, вернемся, мысленно поправил он сам себя.

Трактир был пуст — пуст от постояльцев и гостей, имеется в виду. На дворе весело топтались куры, у забора в пределах видимости маялись от скуки сидящие на цепи два здоровенных пса. Сереге осторожненько спустился с крыльца, выглянул на зады здания — все правильно, и там подходы из леса перекрывал все тот же неизменный здоровенный забор и громадные мосластые псы на цепях. Псы лениво разевали на него внушительные клыкастые пасти и щурили глаза, но не рычали и не гавкали — видимо, все, кто находились внутри оцепления, считались для них своими.

— Чудненько, — резюмировал Сереге, вернувшись на крылечко к своим сотоварищам. Те, не решаясь сойти с него, зябко кучковались у перил. — Псы на цепях по всему периметру, забор такой, что любой новорус от зависти сдохнет. Теллек, ты знаешь, где он прячет барахло с мертвецов?

Как выяснилось, вещички трактирщик прятал тут же, в подполе. Вход туда шел с крытого крыльца. Они откинули доски, спустились вниз по коротенькой, жалобно скрипящей под тяжестью тел лесенке. Сереге, не успев удержаться, рефлекторно повел наморщенным носом — вещички, наваленные кучами прямо на земле, от сырости здорово запрели. Он порылся, отыскал более-менее крепкие черные штаны, линялую синюю рубаху к ним. Подобрал с некоторым трудом (ножка у него была совсем не Золушкина) сапоги с высокими голенищами на манер кавалерийских. Бывшие смерды нарядились кто во что горазд — тут были и портки с лампасами не хуже генеральских, и расшитые полупиджаки-полукафтаны с торчащими вверх воротниками. Одевшись, все, не сговариваясь, рванули обратно в кладовую, и, как подозревал Сереге, отнюдь не по причине вящего беспокойства о судьбе связанного и уложенного там на сохранение трактирщика. А по причине самого банального чувства голода. Надо было как-то организовывать эту толпу...

— Ребята! — рыкнул Сереге, снова переходя на властные генеральские интонации Клотильды — Обедать будем в обеденной зале! Все продукты собрать и переправить туда. Вина не пить. Приказываю... А кто напьется, того... — он помедлил секунду, не решаясь сказать единственное слово, которое просилось на язык в этот момент, но, в конце концов, ему уже один разок на полном серьезе именно это и предлагали сделать, — того повешу. Может быть, за голову, а может, и за пояс. На то, хм... на все моя герцогская воля. Все ясно?! И всем?!

Бывшие смерды в ответ на это моментально и синхронно закивали головами, на манер сувенирных собачек-болванчиков.

— И вот еще что. Трактирщика переместить туда же, в обеденное помещение. Волоком

или на своих двоих — это мне все равно. Один из вас... — он задумчиво обежал взглядом ряд изможденных лиц, на каждом из которых истовое послушание и обожание к его скромной персоне было прямо-таки прописано вот та-акенными буквами, — да вот хотя бы и ты, Теллек. Кусок колбасы в руки, и шагом марш на крыльцо, в дозор. Зады дома тоже не забывая просматривать. Все примечать, все замечать, и чуть что — поднимай тревогу.

— А как это, милорд господин сэра Сериога? — робко спросил Теллек, пытаясь (и явно тщетно) унять крупную дрожь, сотрясавшую его хилое тело. Видимо, предложение просто по-хорошему, по-доброму повесить, так запросто высказанное Серегой, все еще было свежо у него в памяти.

— Бежишь ко мне, кричишь на ухо “аларм”. Но так, чтобы я не оглох. Вопросы? Нет? Ну хорошо. Старшим среди вас назначаю, — он опять поискал взглядом и остановился на самом пожилом лице, принадлежавшем рассказчику о Мастере растений, — тебя. Имя?

— Вези, господин... то есть сэра Сериога.

— Чудненько. Будешь, Вези, старшим над отрядом. Назначь сменного для Теллека. Мы здесь только пообедаем, а потом сразу же двинем обратно к Дебро. Так что половину времени трапезы пусть на страже отстоит Теллек, а вторую половину — кто-то другой. Дальше. Выдели самого рачительного, пусть отберет из пропитания все малопортящееся, найдет здесь мешки, упакует на дорогу — черт его знает, когда мы там еще доберемся до главной обеденной залы в дебровском замке. Третье. Отобрать обувь на запас, тряпки на случай перевязки. Поищи здесь какие-нибудь мази — могут пригодиться. У этого гада, как я помню, в одном из сараев стояла лошадка — мелкая такая, как раз по лесу шастать. Навьючим все на нее. Четвертое. Обшарьте трактир и все чуланы сверху донизу. Все маломальски напоминающее оружие снесите в обеденную залу — я посмотрю. Все — это абсолютно все. Кухонные ножи, дубинки, серпы, вилы. И это надо сделать еще до трапезы — так, на всякий случай. Случай, он, как говорится, всякий бывает...

— А похлебку можно сварить, господин милорд? — тихо поинтересовался голосок справа.

— Если не в ущерб поискам оружия — варите. Только побыстрее.

— Спасибо, господин. А то с голодухи-то, с непривычки... нам бы что-нибудь жиденькое сначала.

— А-а... — смутился Серега. — Тогда сварить обязательно. Вези, выдели для этого столько людей, сколько потребуется. Но и насчет оружия тоже... пусть ищут.

— Все сделаем, господин! — с фанатичным преданным блеском в глазах заверил его Вези.

— Ну вот и чудненько...

“Так, а чем заняться собственно мне?” — подумал он, взглядом окидывая деятельно разбегающихся в разные стороны новых своих подданных. Коли дела уже розданы и ответственные за них назначены... то гораздо солиднее и приличнее будет найти какое-нибудь свое собственное дело. Положение к тому обязывает. Да вот хотя бы и...

В залу двое бывших смердов заволокли печально повизгивающего из-под увязывающих его тряпок и веревок трактирщика, броском пристроили на полу неподалеку от камина. И почти тут же удалились, предварительно отерши руки о скатерть с ближайшего стола.

— Вот, — не удержавшись, вслух мечтательно протянул Серега, — вот допросом-то мы и займемся...

В детстве крайне редко игравший в военные игры, он только сейчас ощутил, как

многого был лишен. Потому что все это начало его мало-помалу увлекать. Да и как не увлечешься, если ты на этих войнах — не простой солдатик-пешка, а какой-никакой, но герцог. С неожиданно свалившимся в руки (или лучше сказать — на голову?) замком, майоратом и даже собственным войском. С подданными, которые готовы слушаться любого твоего слова. С ореолом этакой избранности вокруг. Лепота это, братцы. Прямо и уходить отсюда уже не хочется...

И, мрачно оборвал он сам себя, это еще и ответственность. И не только за свою жизнь, но и за жизни других. Всех тех, кто, образно говоря, вложил свои ладони ему в руки. Так что как бы ему тут не заиграться и не переиграть...

И нужно, просто необходимо, возвратиться домой. Когда-нибудь. Все ж таки он единственное дите у мамы с папой, и такого горя его старики точно не заслужили. Опять же и играть в войнушку рано или поздно ему наверняка надоест (причем скорее раньше, чем позже), и что тогда? Не его мир он и есть не его. Задача у него здесь ясная — сделать все для того, чтобы леди Клотильде и прочим, кого угораздило с ним столкнуться и повязаться, жить после его исчезновения стало лучше. Жить стало хорошо...

Вот с такими-то светлыми мыслями он и подошел к глухо скулящему на полу трактирщику, примерился и несильно пнул его носком сапога под зад. Куль из трактирщика взорвался ответным скулежом и дерганьем. В нос Сереге шибануло волной дурного запаха. Он наклонился и принюхался — пахло мочой. И не только. Со страха? Или просто невтерпеж стало? Теперь становилось понятно, почему те двое вытирали руки после этого гада.

Он, преодолевая отвращение, наклонился, пощупал узлы на веревках — никакой надежды развязать это макраме пальцами, ребята постарались на совесть. Да к тому же веревки намокли, что делало узлы и вовсе... гордиевыми. Он махнул на все это рукой, удовлетворившись тем, что вытащил изо рта у трактирщика кляп.

— Итак, — заявило его сиятельство и по совместительству — милорд и сэр Сериога, злобно щуря глаза и делая самое зверское лицо, на какое только были способны его лицевые мышцы, — слышал я, что не простой ты вор и разбойник, а серийный маньяк. К тому ж еще и со Священной комиссией сотрудничаешь. И, как таковой, подлежишь казни, как и всякий, кто мучил людей своей плохой едой и блохастыми постелями, — уварению в котле. Кроме того, для меня лично, как для герцога Де Лабри, нет большего преступления, как быть связанным со Священной, которую я ненавижу. Как и она меня, впрочем. Этакая дивная у нас с ней взаимность... Уразумел? Но если ты... тать, вор и душегуб, сумеешь убедить меня, что ты действительно всего-навсего — тать, вор и душегуб, то мы, то есть мое сиятельство, можем и простить тебя. Удовлетворимся, скажем так, пеней за убийства, совершенные на моих землях. Ведь здесь же мои земли, а, гнида? Герцога Де Лабри? Может быть, и удовлетворимся. А может и не быть. Все зависит от того, насколько ты честно и чистосердечно покаешься мне сейчас. И докажешь в своем шкурном рассказе, что, свершая здесь убийства, делал это действительно токмо корысти для. И никаких там убийств по заказу Священной. Ну?

— Милорд... — заскулил насмерть перепуганный трактирщик. — Все скажу, милорд. Какая там Священная, милорд! Плюю я на нее. Тьфу! Вот так! Ваше сиятельство! Видите ж сами — живу в бедности, в убожестве, так сказать. Нищ и гол, бос и наг... В глубоком лесу затерянный, казначеями барона Квезака обдираемый... Осмелюсь полюбопытствовать, понес ли уже сей нелюдь должную кару от вашей справедливой длани? Э-э... Благое дело

сделали, милорд! Теперь наша жисть враз посветлей станет. Благодетель вы наш! Избавитель. Все расскажу, все как на духу. Энто он, баронишко поганый! Все он виноват!

— Покороче, — распорядился Серега, у которого уже скулы начинало сводить от некоторой (и отнюдь не маленькой) доли здорового отвращения. — Кратко и по делу. Сколько человек захоронено на той полянке? Как ты их убивал? Сколько денег на сегодня припрятал и где они все? И не... не юли, одним словом. Помнишь ту леди, с которой я был тогда здесь? Леди Клотильда Персивальская. Так вот, она-то, добрая и милосердная, как-то научила меня особым видам пыток. В большом количестве. Род у них знаменитый, древний, пыток накоплено немерено. И меня к этому богачеству приобщили. Так что душевно тебя прошу...

— Да, господин! — чуть ли не взвыл трактирщик. — Не... не считал я, скольких убил. Может, с десяток...

— Врет, — авторитетно высказался подошедший сзади пожилой Вези. С грохотом опустил на стол объемистую корзину, откуда ежиными иглами торчали во все стороны здоровенные кухонные ножи. Одарил трактирщика презрительным взглядом и, поворотив рукой содержимое корзины, достал откуда-то из глубины небольшой ножичек. Небольшой, но с идеально ровным и отточенным лезвием. Подошел поближе к валяющемуся на полу человеку и сказал на удивление холодно и спокойно: — Позвольте мне, сэр Сериога. Ножи у него — все как один — наточены на совесть. Часто, видно, пользовался, вонючка беззудная. Вот пусть на себе и испробует разок то, что с другими делал. У меня рука не дрогнет. Я, сэр Сериога, там еще один чуланчик нашел. Маленький такой, укромненький. Дрожишь, зверюга? Я тебе не наш господин, доброты ко всему миру не имею. Он ведь, господин наш сэр Сериога, людей не просто убивал. Или, во всяком случае, не всегда просто убивал. Там в чуланчике у него бедолага... еще жив был, когда я вошел. Прирезать пришлось, не должен человек живой такие муки испытывать...

Трактирщик на полу весь затрясся и, дергаясь, пополз, скуля и елозя по грязным доскам покрытым лишь веревками телом. Причем двигался он не куда-нибудь, а явно по направлению к Серегиным сапогам.

— А насчет денег, господин, — так мы уже почитай что все и нашли. Уже и в тючки на дорогу увязали. Пригодится вашей светлости! Правду же он все равно не скажет — побоится. Ведь и вы озвереть можете, даже с вашим-то мягким... то есть добрым сердцем, когда все увидите да услышите. Так что, господин... Нечего с ним тут болтать. А дайте-ка вы лучше мне его на часок — на тот самый, что остался до уварения похлебки. Многого не обещаю, а все ж потешу души тех бедолаг, кои тут от рук его... страшнейшей, мученической смертью кончились!

“Долг сюзерена”, припомнились Сереге слова яростной и принципиальной в таких делах до отвращения Клоти. Слышанные, правда, им во сне, но... Все это как нельзя больше соответствовало ее взглядам и принципам — око за око, зуб за зуб. И потом... Кое-что здешним мученикам он задолжал. Неспроста, ох неспроста дверца перед ним тогда буквально сама упала. Что ж...

Он подумал еще с минуту:

— Как сюзерен этих земель и властитель, облеченный, как я тут недавно понял, правом судить и казнить... Объявляю я волю свою! Вы, бывшие смерды Священной комиссии, должны свершить сей суд по справедливости и ради упокоения несчастных душ. И... Нам все равно требуется передышка. Вот мы и передохнем. Задержимся тут ради такого

справедливого дела. — Он сделал паузу, потому что в животе ошутимо захолонуло и по пищеводу вверх пробежала рвотная судорога. Нет, нельзя вдумываться и представлять, на что он обрекает живого человека... или это даже нужно? Ведь это его решение, его воля... и его грех. Ему и отвечать — да вот хотя бы перед самим собой. — И пусть смерть его будет тяжелой. И деньги несчастных жертв его повелеваю разделить между собой. Пусть, поскольку вам предстоит выступить палачами в сем деле, не я буду вашим... так сказать, нанимателем и работодателем, а именно те несчастные, что были убиты здесь этим гадом. Пусть это будет их месть своему убийце. Таков мой суд, таков мой приговор, отменить который да не дерзнет никто, кроме самого Всевышнего! Всем, включая и Его, минута на обжалование.

Он выдержал паузу, с некоторым страхом покосившись на потолок — а вдруг ТАМ будут все-таки против, и ка-ак разверзнутся над ним хляби небесные, и ка-ак дастся ему оттуда да по шее...

Трактирщик, гнида, тоже, червяком елозя по полу, с вящей надеждой впился взглядом в потолок. Надеялся, мерзавец, но на что? Что сверху, прямо через крышу, спустится сам Всевышний к нему на подмогу?

— Приступить, — царственно, опять-таки и в этом подражая леди Клотильде, обронил Серега.

— Слушаюсь, господин наш справедливый герцог, — тут же поклонился ему Вези и, клещом вцепившись в трактирщика, радостно поволок его к ближайшей двери.

Двое-трое, повинувшись приказу Вези, остались с ним. Остальные убежали поучаствовать в казни. “Хорошо ли я сделал, — уныло размышлял Серега, вместе с оставшимися перебирая и сортируя местный кухонный инвентарь, которому предстояло стать их оружием — за неимением ничего другого, более подходящего для этого. — Я подменил правосудие местью, — печально крутилось у него в голове... И пес разберет, насколько это справедливо. Правосудие, с другой стороны, зачастую бывает вообще всего лишь насмешкой над пострадавшими жертвами. Так что...”

Спустя некоторое время его помощники поменялись. На смену им прибежали другие. Сварилась похлебка, бывшие смерды по очереди — сменами — откушали ее. Прибежал смененный со своего поста Теллек, кинул на Серегу влюбленный взгляд, наскоро похлебал из громадной миски и тоже убежал поучаствовать. Хлеба и зрелищ, господа, хлеба и зрелищ...

Трактир они сумели покинуть только перед самым закатом. Трактирщик к тому времени уже то ли благополучно скончался, то ли был предоставлен естественному ходу дел в соответствующем для этого состоянии — “поразмислить” напоследок. Как, например, леди Клотильда, “дама, приличная во всех отношениях” — в хорошем, добром таком феодальном смысле, дала в свое время возможность “поразмислить” напоследок барону Квезаку. Уточнять и спрашивать насчет трактирщицовой участи у новоявленных палачей Серега, честно говоря, просто не решался. И без того у него на душе было так муторно, что дальше уж и некуда.

И полегче ему стало только тогда, когда из лесного сумрака вдруг вылепились и со счастливыми воплями набросились на него с обеих сторон две кособокие и потешно хромящие фигурки. В одной фигурке Серега с радостной дрожью признал добродушного страшилку текули, а в другой — бедолагу лекаря, спасенного леди Клотильдой во времена былые от “крысиной пытки” в замке Дебро (тогда еще замке барона). Текули и лекарь,

слава богу, живые и невредимые...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Долог путь до Серенгети...

Дебро открылся им из расщелины, прорубленной в стене леса тонкой ниткой дороги, по которой они двигались. Нынешний вид города уже мало походил на тот, прежний, когда он этакой симпатичной монеткой красовался на самом дне зеленой равнинной чаши. Теперь полого спускающиеся вниз поля, бывшие склонами этой самой чаши, выглядели по-другому — их почти сплошь занимали осаждающие. Но тем не менее (и это было весьма странно) вид на Дебро даже и “иже с ними” по-прежнему сохранял в себе явственный оттенок пасторальной идиллии. Крепостные стены, поребриком опоясывающие город, все так же гордо вздымались над окрестной равниной. Не неся на себе практически никаких видимых глазу следов повреждений. И сияли нетронутой белизной побелки — наверняка хозяйственный гражданин барон подновлял ее совсем недавно. Над башнями, хорошо различимые, несмотря на расстояние, торжественно реяли в предзакатном небе ленточки геральдических стягов — черных в синюю клетку. Цвета герцогов Де Лабри. Где-то там на стягах, наверное, красуется и его нынешний девиз, вернее, девиз всех бывших до него представителей рода Де Лабри — “Истина всегда рядом с отвагой”. М-да. Девиз-то он, конечно, унаследовал, но вот если бы и с отвагой дело так же обстояло... Вкупе с солидным воинским умением — типа того, какое имеется у неукротимой леди Клоти, к примеру.

А вокруг стен города (его города, между прочим!) весьма живописно расположился на травке осадный кемпинг из регулярных войск Священной-энд-Незабвенной — почти сплошь все красное и белое, начиная от загона для коней и кончая просторной уборной для сэров рыцарей. У прохаживающихся по лагерю воинов Священной, насколько он мог видеть, вид был самый что ни на есть беззаботный. Словно достославные сэры явились сюда не кровавого дела осады ради и для, а ради, скажем... этакого дружеского пикника на лоне природы. Загородной природы с видом на крайне привлекательный город Дебро.

Компания бывших угнетенных и рабов рассыпалась по лесной опушке мелкой дробью. Каждый и всякий, залегши за кустиком, теперь старательно прятал голову в районе здешних корневых систем. Никак не выше.

— Э-э... Ну, — вложив в тон максимум почтительности, Серега повернулся к текулли, легшему от него по правую руку, — вы не могли бы... как-нибудь провести нас в Дебро? Э-э... минуя этот дружеский комитет по встрече.

Он не сдержался и, просунув руку под рубаху, с хрустом почесал ногтями брюхо — то ли травинки, то ли еще какие мелкие засохшие былинки, протиснувшись через довольно крепкое полотно, теперь немилосердно, до ощущений чесоточного зуда, кололи и щекотали чувствительную в этом месте кожу.

Увы, его надеждам на текулли не суждено было сбыться.

— Не-а-а... — как всегда радостно протянул текулли и счастливо защерился ничем не прикрытым оскалом черепа сначала в сторону Сереги, а потом и в сторону всего остального мироздания. С кустиков над их головами тут же ошалело сорвались мелкие птички, а соратники Сереги по побегу от Священной комиссии испуганно закрутили ладонями перед враз побелевшими лицами. — Из замка хода нету. А стенка города — не есть решадль. Тама, может, хода есть... Но! Он — тьфу! Он не любит текулли. Не говорит с ним. И текулли не любит эта стенка. У-вы-вы...

Он судорожно, с завываниями, вздохнул. С печалью вздохнул, что полностью противоречило его неснимаемой улыбке (по причине отсутствия губ, срезанных когда-то “шутником”-бароном в целях саморазвлечения). Затем со вздохом достал откуда-то из недр дурно пахнущих одежек крохотную фляжку, смочил замызганную тряпицу и промокнул глазные яблоки. Выпученные по причине отсутствия век — и тут тоже постарался “господина барона”.

— Жалко тебя, господина...

— Да ладно, что ты, — засмутился Серега, — какие наши годы, прорвемся. Как-нибудь...

Он ободряюще похлопал бедолагу-текулли по худому, скособоченному плечу. Озабоченно глянул в сторону остальных “проклятем заклеянных”.

— Орлы! Я в том смысле, что нынче ж вы птицы вольные. И, стало быть... Может, кто-нибудь да может рассказать мне пару слов на эту дивную тему? Я про попадание в город. Припомните, вдруг да ваши отцы-пречлены что-нибудь такое говорили? Потайные ходы там, всякие дырки и окна в оцеплении...

Орлы, то есть бывшие рабы Священной и Нетленной, смущенно молчали. Потом один из них пробормотал:

— Ход... Есть он, как же ему не быть-то... Только...

— Я весь внимание, — сообщило его сиятельство Де Лабри.

— Только, господин милорд сэриога, тем ходом нам не пробраться. Никак. Господа рыцари, они ведь как положено — как только к городу этому, к Дебро, значит, подступили, так сразу отрядец и отрядили. Это на поиски потайного хода, значитца. Дело известное, во всяком селе-поселении такие непременно роют. Ну и в лесу, во-он там, — из ряда тел, лежавших вместе с Серегой за кустиками, поднялась одна рука и неуверенно махнула вдаль — туда, где кромка леса, расположенного по окраинам гигантской равнинной чаши, сливалась с горизонтом. — И нашли они этот лаз. Соваться, конечно, не стали — ученые. Там же без ловушек и шагу не ступишь. Да и на том конце встретили б неласково. Так что вовнутрь не пошли, и правильно. Вот, помню, когда воинство Священной комиссии воевало с сэром Монтиком, еретиком страшнейшим, то тогда из господ рыцарей не менее четырех десятков задохнулось в таком же ходе. Что-то там такое сэриога удумал, что обрушился ход прямо им на головы. И их погребло, и ходу враз не стало. А сам сэриога со всем своим воинством убежал. По небу, натурально. И жители замка с ним. Помню, ночью в лагере нашем все как заорут — аларм, аларм! Мы всем миром из нашего загона, а там... Каждый из замка летит, как облако по небу — неторопливо так, и высоконько же. Так что и не достать их было. Помню, господа рыцари об этом так сокрушались... Пришлось им вместо молодых девок да баб в замке сэриога с коровами да овцами отдохновение находить... Потом их же и сказнили на главной замковой площади — всю скотинку эту. Никогда не забуду, как жалобно утки кричали...

— Да, утки — это, конечно... Этих так жалко! — поддержал средневекового любителя животных Серега. И подправил поближе к нужной теме. — Так что насчет здешнего потайного хода? Который из этого города?

— Из этого... Дык... приставили к нему гардунец стражи, и все дела. Под охраной теперь, за просто так туда не сунешься. И не высунешься — это если оттуда.

— Гардунец — это... — с видом школяра-недоучки протянул Серега.

— На четыре руки человек, господин милорд сэриога.

Стало быть, двадцать. А у него под началом — двенадцать бывших смердов Священной, плюс текулли и лекарь. Имеется еще и он сам, любимый. Из этого списка псевдобоевых единиц следовало исключить и искалеченного бедолагу-текулли, и пребывающего в почтенных годах лекаря. Итого тринадцать дохляков-заморышей — и это против двадцатки всячески натренированных рыцарей Священной-энд-Нетленной. С кухонными ножами в руках — и это против полной боевой выкладки. Табельное оружие для здешних мест, так сказать: копья, дротики, мечи, кинжалы... что там еще леди Клотильда на себя навешивала? Булава, боевой топор. Короче, мало не покажется. Если вообще что-то успеет показаться.

Но ничего не поделаешь. К городу едет Мастер растений. А там, в городе, его люди, и их надо спасать... а стало быть, с нами Бог, как это любили говаривать немецкие псы-рыцари. А уж если с нами Бог, то кто же супротив нас? В общем, выхода нет — надо было как-то пробираться в Дебро.

— На месте сообразим... — горячным шепотом (по причине некоторого дрожания собственных поджилков вместе с коленками) начал Серега. Потом, спохватившись — да кто здесь, в этом лесу, подслушивать будет? — уже нормальным тоном продолжил. — Отведите нас туда, пожалуйста. И, кстати, как вас зовут?

Отчетливо слышно было, как в абсолютной тишине у кого-то громко клацнули зубы. Опять лопухнулся — здешним герцеговьям и милордам “пожалуйста” говорить не положено. Им вежливость по отношению к неблагородному поголовью вообще не свойственна. Ну и к черту!

Человек, заговоривший про подземный ход (звали его Суфел, как он сообщил), вел их по лесу бегом. Запыхавшийся Серега едва успел произнести классическое командирское “стой!”, когда вдали, в мешанине лесных стволов, начали промелькивать бело-красные точки. Впрочем, кое-кто из его спутников углядел броских для глаз рыцарей еще раньше него, некоторые уже замедлили к этому моменту бег и кидали в его сторону вопросительные взгляды, в которых выразительное “атас!” было прописано крупными буквами. Дождавшись команды, все кучкой залегли на землю. Текулли и лекарь, вместе с лошадкой из трактира, догонять их не торопились — в полном соответствии с Серегиными указаниями. И держались метрах в ста от герцога со товарищи.

— Итак, — начал Серега и тут же сдавленно откашлялся — не шло ему быть командиром, ни ему не шло, ни его горлу, — идеи есть?

Идей не было ни у кого. Думай, Серега, думай...

И, кажется, надумал. Теории партизанской войны...

— Ребята, — он выдавил налицо натужную кривую улыбочку, — нам придется тяжело, конечно...

* * *

Ночь подступала медленно, словно кралась. Как и всегда на этой планете. На темнеющем небе плавно, поочередно зажигались редкие здешние звезды, бивуак воинства Священной комиссии, расположенный слева и проглядывающий сквозь редкий частокол древесных стволов, погружался в сон. Погружался неторопливо — догорали костры, редели ряды праздно шатающихся по лагерю рыцарей. От шатров порывы ветра доносили смех, резкие выкрики. Впрочем, вскоре и в шатрах улеглись спать. Остались гореть только костры дозорных, расположенные по внутренней оконечности лагеря — той, что была обращена к стенам осажденного города.

Пора. Серега сделал широкую отмашку рукой, и субтильная лошадка, уведенная ими с

трактирного двора, суетливо зашагала вперед. Теллек (именно он вызвался выступить на этот раз в роли комсомольца-добровольца), совместными усилиями обряженный под слугу из хорошего небедного дома — одежда и обувь крепкие, добротные, безо всякого намека на какую-либо там роскошь или прочие излишества, — широко отшагивал рядом. Вот теперь только пальцы скрестить на удачу...

Перебегая от ствола к стволу, Серега последовал за лошадкой. Та темным расплывчатым силуэтом шествовала между белеющими в темноте стволами. Слава богу, хруст веток под лошадиными копытами и под ногами трусящего следом Теллека стоял такой, что другого все равно никто не услышит...

Они приближались к бивуаку дозорных из Священной. Те, надо отметить, сидели на своем посту тихо и незаметно — ни огонька, ни звука. Тихо-тихо, прямо как мышки... вернее, мучачи — аналоги крысино-мышьиного племени в этом мире...

Впереди что-то чуть слышно хлопнуло, и темный силуэт (лошади и человека рядом) весь как-то смялся. Раздалось испуганное ржание. Ага, клюет понемногу...

Серега затаив дыхание вжался в древесный ствол, пытаясь спрятать за ним наверняка белеющее в темноте лицо. Прямо перед ним рыцари Священной наскоро осматривали лес — проходя редким людским гребнем по широкой окружности вокруг места обнаружения шпиена с лошадкой. Шли в полной темноте и молчании. Ветки под их ногами почти не хрустели...

Впереди неярко полыхнул огонек — похоже было, что зажгли факел. Огонек тут же прикрыли — скорее всего, собственными телами. Обступив и его, и пойманную в лесу подозрительную личность. Явно начался допрос — все правильно, не будешь же будить уснувший лагерь из-за одного-единственного простолюдина, не разузнав досконально, за каким таким делом он ночью по лесу шастает. Может, дурень просто заплутал? Может, он вообще из своих?

Теллек по плану должен был поведать им крайне занимательную историю. Про доброго, верного слугу из кортежа леди Эспланиды. Того самого, разгромленного в один присест леди Клотильдой несколькими днями ранее. Мол, напало на них чудище озорно, стоглазно, стозевно... ну и прочие тому подобные ужасты. Этакий дивный сказ о печальной гибели кортежа. Лично ему, дескать, вроде как чем-то могучим и мощным по голове прилетело — а может и просто от страху сомлел, — но упал геройски в беспамятство, и все тут! Так без памяти и уполз в кусты на карачках. Лошадка за ним увязалась, с кладью из числа несметного приданого милостивой и богатой леди Эспланиды. И сколько он в этих кустах пролежал — долго, очень долго... он же, благородные милорды, не имеет такой храбрости в своих грудях, какую имеют отважные сэры из Священной и Благословенной! Когда очнулся? Да вот... только седнишним утром. И сразу же, да, вот так прямо и сразу же пошел искать... Чего?! А... да и сам не знает, благородный господин. Может, людей, а может, светлый город Дебро... А почему с дороги ушел — а вдруг там опять то чудо-юдо встретится. Вот пошел по лесу и, видать, заплутал малость... Че на лошади-то было? А... приданое. Тючок с серебром, то есть с монетками серебряными! Где тючок?! Э-э-э... Прости, милостивый господин, испугался! Тут ведь по лесу кто только ни шастает — и чуды-юды всякие, и разбойники опять же, которые только и глядят, как забрать чужое, что плохо лежит или без охраны едет... Это я не про вас, не про вас, предивные и преблагородные сэры! Вы-то не разбойники, не-е! Ну, понадобилось вам что на нужды всеблагой и пречистой Священной комиссии, так я разве против? Так что припрятал тючок недалече отсюда...

Ну и все в таком духе, согласно Серегину инструктажу. Поверят или не поверят в эту байку слуги Священной, но искушение у них будет немаленькое. Люди есть люди, и разжиться парой-другой серебряшек всякому бывает приятно. А уж служителю Единого, живущего, так сказать, от щедрот отцов-пречленов, и сам бог велел!

Дело было за малым — заставить простолюдина указать место, где он, скотина, припрятал тюк с монетами. Затем найти их и поделить между собой. А простолюдина, само собой, убрать, чтоб не сболтнул где не надо и чего не надо. Ясно, что утерянное приданое искать никто не будет, хозяйка — леди (а для некоторых и просто стерва, но это так, для некоторых) Эспи особа богатейшая, для нее это капля в море, да и события сейчас разворачиваются так, что никому и в голову не придет кидаться на поиски пропажи... Оттуда, где на древесных стволах плясали отсветы факела, долетел сдавленный, тут же оборвавшийся крик боли. Прилетело бедолаге Теллеку — может, в зубы, а может, и еще куда посерьезней. Теллек вскрикнул еще разок... и еще. Серега скрипнул зубами — бывшего раба было не на шутку жалко, — но идти самому не стоило и пытаться, его же наверняка полармии Священной знает в лицо. А вторая половина знает по приметам.

Бьют скорее ради проформы, успокоил он свою зудящую совесть. Дабы перепуганный “клиент” в полной мере уяснил всю ответственность и ни в коем случае не вздумал юлить, указывая местонахождение припрятанного серебришка. И дабы безропотно сдал, так сказать, все имеющиеся материальные ценности на нужды местной армии...

Отсветы факелов на стволах колыхнулись и поплыли по направлению к нему, к Сереге. Он, нервно прикусив губу, начал пробираться назад, по темному — одни стволы колоннами во тьме белеют — лесу, направляясь к более чем скромной засаде.

И успел, добрался туда раньше рыцарей. На ощупь отыскал ствол с зарубками, потом попятился и укрылся недалече — метрах в трех от дерева, под корнями которого они зарыли серебро трактирщика. Именно сюда Теллек и должен был привести сэров рыцарей. Теперь оставалось только молиться, чтобы Теллек не заплутал и не провел бравых ребяташек с церковным уклоном мимо засады.

Группка мужчин, тесно сомкнувшая кольцо вокруг пленника, уже просматривалась — редки дебровские леса, однако! Теллек, в дрожащей руке неся факел, шел неуверенно, то и дело спотыкаясь. Но тем не менее с виду был в порядке — жив-здоров, двигаться способен. Серега подобрался, затаил дыхание. Медленно крутанулся вокруг ствола, пряча лицо, уходя из поля зрения приближающихся рыцарей. Те по указке Теллека шли прямо к дереву над тайником, по сторонам почти не смотрели, но все же — а вдруг заметят?! Но — пронесло... У ствола с заветными зарубками тычками заставили Теллека опуститься на колени и копать. Передние склонились над Теллеком, кто-то взял у него факел. Рыцари, оказавшиеся сзади, жадно заглядывали за плечи передних. Чуть погодя раздался приглушенный металлический скрежет — нож, которым орудовал Теллек, напоролся лезвием на монеты. И, заглушая радостный рев доблестных вояк, послышался громкий возглас бывшего смерда: — Вот, всеблагородные сэры, я же пра... Знак! Условный сигнал! Серега рванулся вперед, боковым зрением улавливая темные фигуры, в полном молчании отделяющиеся от стволов сбоку и далеко впереди — по широкой окружности вокруг господ рыцарей. Бывшие угнетенные поспели к бывшим угнетателям раньше. Вокруг рыцарей сжалось кольцо низкорослых фигур, в факельных отсветах размазанными бликами промелькнули занесенные за спины толстые деревянные дубины. Некоторые из закованных в латы вояк, боковым зрением успевшие разглядеть подозрительное шевеление теней вокруг, начали поворачиваться к

нападающим. Но тут свистнули палки, и ночную тишину разорвало слаженное стакатто ударов. Бывшие смерды вдарили от души, хекая и приседая. Вновь занесли палки над головами. Удары падали на рыцарские головы. Ошеломленные и оглушенные, вояки валились на землю. Серега вдруг заметил, что один из упавших был не так уж и оглушен. Рыцарь чуть приподнялся, откинул вниз прикрывающее рот забрало, мощно набрал в легкие воздуха...

Серега прыгнул и вонзил зажатый в правой руке нож прямо в незащищенное лицо. Лезвие, вполне пригодное и для зарезывания быка, моментально ушло глубоко вперед. Тело рыцаря глухо стукнулось о землю, голова странно подпрыгнула и завернулась вбок.

Он оглядел кучу тел, лежащую перед ним. Если там и был кто, сохранивший сознание, то у него хватило ума не показывать этого. И, надо сказать, этому обстоятельству в данный момент Серега был несказанно рад. Потому что просто-напросто не знал, хватит ли у него присутствия духа зарезать и еще одного человека прямо сейчас.

Его соратники стояли кругом над поверженными и тяжело дышали. Ну нет, ребята, нам надо поторапливаться.

— Раздеть, — скомандовал он, — снять рубахи, нарвать их живо на ленты и увязать господ рыцарей так, чтобы не пикнуть и не пукнуть было... Стоп, не кучей! Четверо занимаются этим, остальные восемь напяливают на себя консервные банки, то есть доспехи. Исполнять.

— Господин, — робко вымолвил один, — рубахи нам бы лучше тоже надеть — они должны виднеться из-под доспехов...

— Да, — несказанно обрадовался он подсказке, — тогда увязывайте штанами. Не хватит их — свои рубахи добавьте.

Сам же занялся самым что ни на есть командирским делом — пошел и отрыл монеты.

Даже обрядившись в латы, на рыцарей его нынешние спутники никак не тянули. Низковаты ростом, доспехи на щуплых плечах висят вкривь и вкось. Одним словом, не то — оно и есть не то. Серега, полюбовавшись на свое войско, покачал головой. Ну да что поделаешь... Затушил факел, ладонями пробежался по целой гирлянде ножей за поясом — сидят вроде бы надежно. Главное, чтоб не выпали в самый неподходящий момент. Затем вручил мешок с серебром Теллеку — тот с виду был повыше остальных, значит, ему и в бой вести.

— Не забывайте, — еще раз напомнил шепотом. — говорите с ними понаглее — как и положено знатным. Много не болтать, сразу же суйте им деньги. Как только заметите меня, приготовьтесь. В бой вступите, как только и те меня заметят. Но тут уж забудьте, что там знатным положено, и деритесь, как я велел. Все помнят, кто в чьей тройке? Ну, тогда... с Богом.

Ускоренными перебежками Серега рванул по лесу, заходя по длинной дуге в спину дозорным. Которых оставалось ни много ни мало еще целых двенадцать человек. Вооруженных, хорошо обученных. Сзади, стараясь производить как можно больше шума — для создания иллюзии радостно ломящейся через чашу толпы, — двинулись по прямой к дозору бывшие смерды. Все пошло по плану. Закрутилось.

Оставшиеся возле потайного хода двенадцать рыцарей стояли кучкой посреди древесных стволов и, негромко переговариваясь, жадно вглядывались в тьму леса. Ждали серебришка. Серега, чуть было не пролетевший мимо, только благодаря их болтовне не промазал с точкой выхода. Подкорректировал направление и зашел точнехонько им в спину,

притулился за деревом метрах в четырех. Издали, приближаясь, волной накатывался хруст веток, неразборчивый радостный гомон — молодца, ребята! Хорошо играют...

Отсутствие факелов позволяло надеяться, что обман будет обнаружен не сразу. Вот толпа фальшивых рыцарей приблизилась к настоящим, радостно и нечленораздельно что-то гыкая...

— Ну как там? — торопливо спросил кто-то из оставшихся. Вместо ответа ему под ноги широким жестом бросили тяжело зазвеневший мешок с серебром.

Плохо завязанная горловина (преднамеренно плохо завязанная!) тут же разошлась, и на землю высыпалась довольно солидная горка монет. Несколько рыцарей опустили на колени, принялись пригоршнями сгребать серебро и заталкивать его обратно в мешок.

— Сколько там? — загомонили голоса. — Все пересчитать надо. И поделить поровну!

— А мне, как главному? — укоризненно-лирично спросил один. — Мне, без всякого сомнения, положено две доли. И еще одну — за то, что камергеру вас не выдам. И еще — за то, что промолчу перед всеблагим пречленом Риафом...

Дележ награбленного шел полным ходом. Внимание всех поглотил мешок, перед которым на корточки уселись двое (видимо, те, которые не владели в достаточной степени тонким искусством прятать деньги по рукавам) и принялись тщательнейше пересчитывать свалившееся с неба достояние, выкладывая монеты кучками прямо на траву.

Сергеа выдохнул и тихо скользнул за спину самого крайнего. Двумя пальцами сбоку почти нежно приподнял с плеча тяжелую кольчужную сетку — вантай, кажется. И вонзил нож в шею, целя в сонную артерию.

Фигура всхлипнула и обмякла, начав оседать на землю. Серега торопливо сунул руки ей под мышки, придержал и опустил на землю, стараясь не греметь. Придал телу сидячее положение — пригодились оттопыренные железные пластины, такой юбочкой прикрывавшие задницу. Кинулся к следующему. Повтор операции...

И только на третьем он был обнаружен — крепенький попался здоровяк, нож просто-напросто заплутал в жире. Толстяк, хрюкнув, на слабеющих ногах успел повернуться к Сереге, вцепился обеими руками в его правое запястье. Серега левой стянул с пояса еще один кухонный тесак и вlepил уже точно в глаз — попадание в мозг в этой точке было наивероятнейшим. Толстяк начал заваливаться назад. Но хрюканье и возня привлекли внимание двоих-троих, те заоборачивались, изумленными глазами взирая на собственные тылы... и в этот момент бывшие смерды ринулись в наступление — все согласно Серегиному инструктажу. Палки мощно взлетели над головами рыцарей, стоявших сзади, те так же мощно опали, и передний ряд дозорных Священной комиссии заметно поредел. Те двое-трое, что в этот миг не отрываясь смотрели на Серегу, все это дивное зрелище пропустили и не мудрствуя лукаво ринулись напрямик на него. Он увернулся, отскочил в сторону, уводя преследователей за собой, затем сделал одному из них подножку. Еще трое ринулись на команду бывших рабов. Низкорослые человечки, как то и было им приказано, тут же поделались на группы, кинулись в лес, и, покуда тройка рыцарей пыталась догнать бегущих, четверо спрятавшихся за стволами деревьев атаковали догоняльщиков с обоих флангов. Палками. И выбили сразу двоих. Затем дружно накинлись на единственного оставшегося в живых.

У Сереги, в отличие от них, дела обстояли не так хорошо. На его счастье, в какой-то момент рыцари умудрились наконец заметить творящееся у них за спинами — в том числе и то, что в живых, ну, или, по крайней мере, в стоячих никого из их ребят там уже не осталось.

Более того, толпа фальшивых рыцарей, потрясая палками, направлялась Сереге на подмогу. Вояки, мигом сообразившие что к чему, сделали дружное “кругом” и рванули по направлению к спящему лагерю Священной. “Вот и еще разок остался жив”, — облегченно пронеслось в голове у Сереги...

Подлетели боевые соратники, загалдели, тыча руками в сторону стремительно отступавшего неприятеля, — как и следовало ожидать, боевая удача подняла дух бывших смердов прямо-таки до невиданных высот, и они активно жаждали все новых и новых побед. Пришлось их разочаровать — пора было убираться отсюда...

— Нашли уже ход?

— А что его искать, господин сэриога! — махнул рукой один. — Вон он. Только как мы через ловушки все эти...

— Э-э. Возможно, я смогу помочь вашему сиятельству? В бытность мою в университетах Де Арга, знаете ли...

Серега обернулся в направлении скрипящего тенорка. Лекарь. Темное невысокое пятно неподалеку, должно быть, и было им. Значит, и текулли где-то рядом?

— Текулли тоже здесь?

— А как же, ваше сиятельство. Так вот, в бытность мою...

— Покороче, — прервал Серега старика. Все в сборе. Пора нырять в глубины подземелья — вот только как их там встретят? И чем, собственно?

— Покороче... ага. Изучал я там архитектуру и фортификацию, а также основные правила строительства подземных ходов. Вкупе с инженерией заградительных ловушек. И до сих пор не проявивши себя ничем — буквально, подчеркиваю, ничем — на службе у своего герцога, горю желанием идти впереди и жизнь положить, так сказать, ради...

— Идет, — немного грубовато прервал он старикана и, тут же устыдившись, уже помягче сказал: — Вы впереди, я рядом — так, на всякий случай. Текулли пусть тоже держится возле меня. Граждане новообретенные подданные! Все здесь? Приказываю построиться в колонну, головной идет сразу за нами, все остальные следом — и не отставать, приказанное мною передавать следующему по колонне в точности и не медля! Всем ясно? Серебришко-то. надеюсь, уже подобрали?

— Ага, ваше сиятельство господин милорд сэриога, — нестройно загомонила толпа перед ним.

Серега поморщился. От всех этих обращений он сразу же начинал чувствовать себя таким особенным... таким... типа облупленного каменного льва на постаменте. С голубиным пометом по всему телу и постаменту...

— Только сэриога! Лучше бы, конечно, просто Серега, но все ради вас, феодальные вы мои... Всем все понятно?! Ну... тогда пошли. С этим, как его там... с Богом, ребяташки!

Они нырнули в загадочную темноту подземного хода, выходящего наружу прямо в лес округлой низенькой аркой. В виде этакого разверстого пупка. Внутри, в отличие от того достославного хода в трактир, было сухо. Сыростью тут не пахло, а пахло какой-то затхлой прелью и пылью. Соратники, оказавшиеся в этом вопросе смышленее Сереги, не забыли подобрать факелы дозорных, покидая полянку. На ходу подожгли их, споро передали по цепочке вперед — и в ладони у него вдруг очутилось округлое древко, а ставшая уже привычной темнота озарилась зыбким светом. Лекаря, вызвавшегося побыть поводырем, тоже снабдили тем же самым осветительным прибором марки “Феодал лимитед” — сиречь факелом...

Приплясывающее от сквозняка пламя высветило свод из темно-коричневого кирпича в тенетах паутины прямо над их головами, внизу был пол из того же материала. А впереди, метрах в трех, там, где, по идее, должен был находиться лишь трубочкой сужающийся кирпичный коридор, пламя высветило белые, как старая кость, стенки цилиндра. Было полное ощущение, что коридор перерастал в костяную трубу. Не слишком ровную — с пола, с потолка и от стен тянулись к гипотетическому центру цилиндра отростки в форме длинных и тонких восковых натеков. Только вместо воска в качестве материала была использована все та же белая кость.

— Не знаете, что это может быть? И чем нам, бедным, грозит? — поинтересовался Серега у своего добровольного гида.

Гид, то бишь лекарь, торжественно прокашлялся (как заподозрил Серега, больше для того, чтобы скрыть собственное замешательство при виде странного объекта впереди) и вдруг запричитал:

— Ваше сиятельство, ваше... сэръ Сериога! Это... не могу поверить глазам своим... но вынужден, вынужден поверить! Дихломорф! Целейший скелет — но древность-то какая, древность! Думаю, зарыт сюда был еще во времена барраядли — э-э... тех, самых древних барраядли! Это сколько ж лет может быть тогда городу Дебро...

— Многа-многа лет, — с таинственно-радостным (радостным — это уж как всегда) видом отозвался тут же текулли.

— Древность неценимейшая... Бесценейший раритет для науки... Стоит ли удивляться тому, что грозные рыцари Священной комиссии так и не решились... не рискнули — ведь предания гласят...

— Мы можем по нему пройти? — встрял в научные разглагольствования герра доктора сэръ Сериога. — Нам поскорей уматывать отсюда надо. Пречлены из Священной вот-вот вдогонку побегут, а так жить хочется, что и пройтись вперед никак не помешает...

— А... Да-да... — с некоей печалью в голосе возвратился к грубой действительности лекарь, — мы, конечно, можем. Идемте же, ваше... сэръ Сериога. Я просто слегка позабылся в вашем присутствии, что не простительно, я понимаю. Но... Это ведь такая радость, такое счастье — прикоснуться к бесценнейшему предмету! Дихломорфами зовутся чудища, обитающие в загадочных горах Исхода, что на закате страны. То есть, конечно, одни из чудищ, поскольку, как утверждал ученый лекарь Сибелиус в своем труде “О дивном для интересующихся”, обретаются в этих горах преинтереснейшие твари в огромном количестве, самых что ни на есть разных видов и форм. Но дихломорфы...

Лекарь, не переставая болтать, суетливо шагнул вперед, к створу костяной трубы. Серега со товарищи тут же заспешили следом. По пути он заметил кое-что, заставившее его изумленно приглядеться — показалось или нет? Белеющий впереди свод как будто слегка прогнулся навстречу идущим, а натеков, свисающий с него длинной белой соплей, плавно дернулся по воздуху вперед — труба вроде как двинулась... и принялась, как пес.

— Так вот, дихломорфы, — без усталости болтал лекарь, явно решив просветить по дороге к городу его непросвещенное сиятельство, — твари в виде огромных змей. Но сильно отличающиеся от них. Во-первых, разумом — они разумны. Ну... не как человек, нет, это иная, нечеловеческая мудрость. А во-вторых, тела их имеют странные свойства... множество странных свойств, всех и не перечислишь. Но — и это в данном случае для нас главное — их останки и после жизни существа сохраняют в себе некое подобие жизни! И это, сэръ, и плохо, и хорошо. Хорошо то, что останки эти могут быть использованы с великой

пользой для человека! Вот скелеты, к примеру — будучи встроены в коридоры и проходы, они становятся верными стражами, и всякий, кто со злыми намерениями и со злым умыслом пройдет по сему проходу, э-э... просто-напросто войдет, но не выйдет. Конечно, использование такого предмета для подземного выхода из города есть роскошь, но барраядли могли себе позволить и не такое...

— А что же в них, таких хороших... было плохо? — поинтересовался Серега, убыстряя шаг. Было у него сильное ощущение чужого взгляда, взгляда кого-то огромного. Глядящего на него сверху. Правда, не злого взгляда, скорее усталого... но все равно ощущать себя мушкой под микроскопом было не слишком приятно.

— М-м... А плохо то, что увезти останки просто так нельзя. Если делали это силой, то есть не найдя с ними, с останками, некоего понимания, то гибли сами хозяева. А как это понимание достигалось, об этом можно только гадать...

— Что там гадать, — бросил Серега, глянув по ходу движения на тылы своего отряда и обнаружив там полный порядок, — чего-то этим самым останкам нужно было от живых. Главное — угадать это самое чего-то и вовремя предложить верную сделку.

— Возможно, все возможно...

Из-за их спин слышался отдаленный гул. Такой бывает, когда множество отдельных выкриков сливается в один звук. Рыцари Священной вошли в арку — иного объяснения этому шуму Серега не видел.

— Ну вот и наша долгожданная Комиссия прибыла. А вы говорили, не полезут.

— Сэр Сериога, вообще-то не должны. Раньше ведь этого не делали. Но... думаю, не ошибусь, если скажу, что нынче интерес Священной к вашей персоне многократно возрос... И не удивлюсь, если кто-то из пречленов в запале все же примет совершенно безумное решение и пошлет-таки за вами людей в этот ход.

— Но вы же говорили... — начал было Серега и осекся.

Потому что вспомнил, что именно ему говорили: “и всякий, кто со злыми намереньями и со злым умыслом пройдет по сему проходу, просто-напросто войдет, но не выйдет”. И все. Безо всякого конкретного указания, где именно, в какой точке между входом и выходом произойдет столь желанное исчезновение. Вышел отряд из точки А в точку Б... Вопрос: как угадать, на каком километре террористы подложили бомбу? Ответ: вот подорвешься, тогда и узнаешь...

— Бегом, — после секундной паузы, ушедшей на самые черные пораженческие раздумья, распорядился он. И ухватил текулли рукой за талию — интимно так ухватил. А затем и рванул в обнимку с ним по костяному коридору.

Остальные понеслись следом, шумно дыша в затылок. Гул чужих голосов за их спинами уже начинал потихоньку набирать силу, накатывался сзади все нарастающей и нарастающей волной. Бедолага текулли, с первой же секунды бега начавший спотыкаться на каждом шагу, теперь попросту висел на Серегоиной руке. И сам он, увы, тоже начал уставать и задыхаться...

— Стойте! Стоять! — выкрикнул из последних сил, когда отдышка уже перешла в хрипящее удушье и ему следовало, он просто обязан был принять единственно верное в этой ситуации решение. — Возьмите текулли. Подхватите его кто-нибудь! И живо всем вперед, я приказываю! Живей! Потом я вас догоню!

Бегущая толпа его нынешних соратников, до сих пор державшаяся исключительно сзади — из почтения, что ли? — моментально нагнала его, налетела, подхватила текулли под руки

и чуть ли даже не под коленки. И волной ушелестела дальше по трубе. Он поймал за руку лекаря, рыкнул ему прямо в лицо:

— Против Дебро вызвали Мастера растений! Смекаешь? Слухай сюды — как только ЭТО начнется, ты уже должен стоять на крепостной стене, отсчитать до пятидесяти — я сказал до пятидесяти, слышишь? И считать с самого начала всего этого действия! А затем следует сказать: ябет виторпус тенатс ад сел! Повтори! — И пока лекарь, отчаянно закивав в знак согласия головой, бормотал скороговоркой заветные слова, Серега повернулся и яростно проорал в спины убегающих своих подданных:

— А ну вернуться! И лекаря забрать! И чтоб с него по дороге ни одной-единой волосины не слетело! Жизнями ответите!

М-да, милорд Сериога, все феодальнее и феодальнее вы становитесь, право...

Из смутно белеющих далей скелетной костяной трубы бегом (Серега и глазом не успел моргнуть) примчались двое, подхватили лекаря под белые ручки и споро уволокли вдаль.

За поясом продолжали торчать рукоятки ножей. Всего лишь две рукоятки — вот и все, что осталось после хитроумных боев с засадами там, на полянке.

— Вообще-то, конечно, нет особой разницы — встречать их здесь или бежать дальше вместе со всеми...

А с чего ему вообще вздумалось вслух порассуждать? Гамлет выискался.

— Но хоть отдышусь, — размеренно и как ни в чем не бывало продолжал он. — М-да, хотелось бы мне посмотреть на это самое чудесное исчезновение. Так хотелось бы...

Вдали, во тьме сужающегося по всем законам перспективы коридора, забрезжило зыбкое факельное сияние. Серега подкинул свой факел, зажатый в правой руке, поймал его на лету и порешил оставить там, где он и был, — кто знает, может, и пригодится разок. Как говорится, на всякий случай... а случай, он всякий-разный бывает, и лишний этот самый разок в глаз кому-нибудь ткнуть горящим факелом никогда не помешает... Не гуманист вы ныне, сэр Сериога. Увы, ответил он сам себе, рано или поздно все вырастают из гуманистов, к тому же этот бой, вполне возможно, будет самым последним в его жизни... и лучше уж пусть здесь заколют, обидевшись за факел прямо в глаз. Все лучше, чем вновь попасть в лапы тех краснорубашечников.

Сияние приближалось, перерастая в свет. Вскоре Серега во всех деталях смог разглядеть осторожно и с явной опаской приближающееся к нему войско — надо думать, трое спасенных вдосталь понарасказывали сложенные в его честь турысы на колесах — мол, напало на нас чудище стоглазно, стозевно, зло, озорно... А может, то воздействовали на сознание старинные басни о скелетах дихломорфа... Все равно, использовать следует все, и, прежде чем вступить в бой (который он, само собой разумеется, проиграет, — но с честью, господа мои, с честью! — ибо тут толпой на одного), надо попытаться как следует уболтать эту команду бело-красных ангелочков.

— Господа и сэры! — воззвал он и несколько картинно уперся рукой в бок (левой уперся, основной его рукой — и таким образом до максимума сблизил кисть с рукоятками ножей). — Ныне я — герцог Де Лабри по праву эльфийской мандонады. И предупреждаю вас! — Он возвысил голос до крика, выпучил глаза, начал злобно сверлить взглядом приближающихся воинов. — Всякий, кто дерзнет принести мне вред, будет наказан. Страшными казнями! Иль не слышали вы о мандонаде эльфийской?! На что обрекаете вы род свой до... до тринадцатого колена! Ибо проклинаяю! То есть вот прямо сейчас прокляну я вас и всех детей ваших до этого самого... до тринадцатого колена! Если дерзнете! И кровь

моя будет на вас! Рядышком с проклятием!

Увы, его речь (весьма пламенная, надо отметить) на приближающийся отряд впечатления не произвела.

— Господа, вы же находитесь в скелете дихломорфа! — решил он кинуть на пробу еще одну карту. Чи не козырь? — И злоумышляете против его хозяина! Вот исчезнете все разом, тогда...

— Так давай же, брат, подождем этого исчезновения, а? — с лиричной издевкой в напевном теноре предложил кто-то из толпы. — Вместо того чтобы так усердно болтать, как ты делаешь!

Сергеа вздохнул и пожал плечами.

— Давайте...

Рыцари подступали к нему, выстроившись полукругом на всю ширь коридора. Все с мечами наголо, в глазах смесь страха (ясное дело, страха не перед ним, а перед жутковатой, веками овеванной славой таких вот туннелей скелетного образца) и торжествующего восторга — супротив них стоял один-единственный хлипенький молокосос с ножом и факелом в тощих ручонках. Никакого сравнения с ними, могучими вояками за оборону святой матери Священной комиссии. И что особенно хорошо — прихлопнешь такого комарика, а скажут-то, скажут! — что убили в страшном и тяжком бою чудовищного злодея и самозванца герцога Де Лабри. Изувера и, само собой, вора и насильника небывалой силы (как про тс уже объявлял ранее милейший, но, увы, ныне покойный барон Квезак). И будет нос в борще при самых минимальных затратах на свеклу и сало...

Он не делал предупредительных выпадов в их сторону, типа тех, какие случаются у киногероев в лихих боевичках — просто побрезговал. Будем умирать с достоинством.

Рыцарь слева плавно поднес острие меча к его горлу, нежно посоветовал:

— Поднимай-ка руки, брат. И брось-ка по дороге ножичек, вдруг да точил его кто, неровен час порежешься еще, заблудшее дитя Всевышнего и Единого.

Момент истины. Сергеа, не отрываясь, смотрел на поблескивающую в свете факелов сталь. И размышлял медленно, как в тягучем сне — вот если сейчас прыгнуть вперед, то все. Не будет больше никаких мучений, боли, пыток. Или все-таки поднять руки, понадеявшись на маловероятное спасение? Короче, или — или. Не совсем подходящие здесь сценарии для нас, для хамлетов российских...

... И в этот момент коридор залило ослепительно-белым светом.

Он рефлекторно зажмурился. Буквально на долю мгновения зажмурился. В уме крутилось — что? Световой удар по глазам силы был немаленькой, ощутимый. Читывали мы у одного крайне интересного автора про световые гранатки, читывали... но здесь-то им быть откуда? Как и прожектору с такой вот осветительной мощностью...

Сергеа торопливо разжал веки. Ослепительно-белого светового сияния больше не было. Освещенность туннеля вообще резко поменяла свой вид. И тип, то бишь направленность. Факелы светили не с уровня человеческого плеча, а снизу. Валяясь прямо на полу. Там они, собственно, и горели — мирно так догорали себе. Дымя, чадя и потрескивая в разом посвежевшем коридорном воздухе (озон? как после грозы, что ли?).

И еще кое-что изменилось: рыцарей Священной не стало. Исчезли, как Лох-Несское чудовище перед лицом неопровержимых научных доводов. От них остались только доспехи — в разрозненном виде. Радостно сияющие серебром рыцарские облачения валялись теперь на полу отдельными скорлупками. Вперемешку с мечами, булавами, боевыми топорами и

прочим убийственным боекомплектom феодальных времен...

Сергея подковылял к доспехам на малость подгибающихся ногах (и с чего бы это, а? помнится, посылая его сюда, сэр Монтингтон Скуэрли охарактеризовал этот милый мирок как “дивное местечко” и даже добавил что-то вроде “слушай, да это же почти каникулы!”). Поворошил по-разному изогнутую сталь носком сапога. От сладенько-кусачих сэров рыцарей Священной не осталось ничего — ни одежды, ни... Он взгляделся попристальнее. Ну да, даже порошка какого-нибудь черно-серого в рыцарских руинах не обнаружилось, типа того, что остается после человека в некоторых традиционных фэнтези-фантазмах... Просто — ни-че-го...

Он повернулся спиной к бранным останкам и зашагал прочь на самой максимальной скорости, какую только мог позволить себе, — все ж таки честь мундира... то есть герцогского звания обязывала. Бежать со всех ног для него сейчас было бы просто верхом неприличия, а вот идти быстрым шагом — пожалуйста. Буквально через сотню шагов Сергей натолкнулся на компанию храбрых своих соратников, в полной темноте жмущихся к стенкам костяного туннеля.

— Ну? — спросил с наигранно-фальшивой бодростью. — Кого поджидаем, соколы, служаночку из замка на свиданку?

Бывшие смерды хлынули к нему от стен тоннеля, облепили как мухи.

— Господин... Сэр Сериога! Мы тут — помочь вам, ежели что. Мы уже и бежать собрались было к вам, а тут светово это...

— Помочь? — для пущей назидательности решил погрознеть ликом господин Сергей. — А что вам было приказано мною, а?! Бежать не останавливаясь, так? Сказал ведь, что сам догоню! Ну? Где текули с лекарем?!

— Мы разделились, — блестя в полутьме широко распахнутыми глазами, торопливо прошелестел пожилой Вези. — Господина текули и господина лекаря уже, наверное, и до конца хода донесли...

— Ну, тогда... ладно. Вы извините, что я тут... сорвался, накричал.

Вези побелел так, что почти слился с белой костью стен:

— Что ты, что ты, господин наш! Виноваты, понимаем. Не повесил за непослушание — и то спасибо тебе большое, милостивец ты наш...

Навстречу по туннелю неслась леди Клотильда, невнятно что-то рычавшая и бряцавшая увесистым доспехом не хуже приличного танка. Сергей, опрометчиво понадеявшись на свои слабые силенки, принял этот оживший боевой таран на молодецкую грудь. И не устоял — закачался, отчаянно замахал руками в поисках точки опоры. И нашел ее на могучих девичьих плечах. Две ручищи, каждая толщиной со среднестатистическую бычью ногу, мяли Сергу, поворачивали, толкали вперед и назад для попеременного осмотра-зажима в тискообразных объятиях. Титаническая красотка плакала где-то над ухом и одновременно смеялась, безостановочно треща сорокой: да где ж ты был, как смог... а как мог не подать весточки. К черту бы в зад твое сиятельство, в бога в душу и вперехлест на постели рожалой девственницы...

Он в ответ мычал что-то малоразборчивое и ощущал на щеках слезы Клотильды.

Вокруг толпились дебровские рыцари, молча, при полном вооружении. Поглядывали смущенно-горделиво — мол, орел наш герцог, орел!.. и все тут. Его товарищей по последним часам, бывших смердов, моментально оттерли в сторону шипастыми плечами, закованными в сталь боками. Клоти, наобнимавшись вдосталь, потащила его к выходу, тут же по пути

детально разъясняя и объясняя ему всю ту кучу ошибок, которую он совершил при прорыве сюда — вот это было неграмотно, вот это вообще неправильно, вот так не следовало делать, не чувствуется выучки...

Туннель, расширяясь, заканчивался яйцеобразной комнатой с гигантской щелью по всей передней части... нет, черт побери, какая щель? Пасть это была, самая обыкновенная пасть, составленная из классических сужающихся к переду змеиных челюстей с не менее классическими же четырьмя зубами в центре. И если это пасть, то...

То значит — костяной туннель-скелет, по которому они шли до этого, заканчивался черепом. В полном комплекте...

Толпа идущих с ним подвалила к порогу-челюсти. Клотильда мощной рукой переправила Серегу через возвышение, выволокла наружу. Теперь они уже точно очутились в комнате, огромной, каменной, наполовину заполненной загадочно-чужой черепушкой. Снаружи “мертвая голова” походила уже не на змеиные останки, а на... кого? дракона, динозавра?

Серегу подтащили к стальной двери в самом дальнем углу комнаты. Рука Клоти протянулась, раскрывая перед его носом створку...

И тут кто-то перепуганно охнул... и все разом заоборачивались назад, к черепу, из пасти которого только что вышли. Серега обернулся тоже — как все, так и мы, что уж тут...

С белой черепной кости, там, где шел вниз длиннющий скат от двух сильно утолщенных треугольных ноздрей к щели рта-пасти, слетали вниз хлопья и куски чего-то белого, мелово (от слова “мел”) хрустящего при соприкосновении с каменным полом. Ни дать ни взять отваливалась самая обычная, самая банальная штукатурка... только вот откуда бы ей взяться на этом чудовищном черепе?

А на кости из-под штукатурки (если это, конечно, была все-таки она) обнажалась надпись, ряды незнакомых букв с человеческую ладонь величиной — мелко, но вполне доступно для прочтения прямо отсюда, из угла комнаты.

— И почему это у меня такое пресильное ощущение, что ты, сэр Сериога, опять вляпался в очередную историю с предсказанием... Дурно пахнувшим предсказанием! Ибо скотинка сия была не из тех, коих жертвуют Всеблагому! — громким речитативом возмутилась леди Клотильда. Ни к кому конкретно не обращаясь вроде бы. — Каких таких обязательств опять набрал на себя, а, Сериога? Во что вляпался, куда?!

— Есть здесь кто-нибудь, кто может все это прочесть? — проигнорировав ее длинную тираду, устало поинтересовался Серега.

Из-за барьера рыцарских тел хрипло прокаркал текулли:

— Я, господина... Я зная, сэра и господина!

Рыцари, плотной массой перекрывавшие доступ к бедолаге, как-то мгновенно перегруппировались, всколыхнулись в судорожном движении, как единый, слитый из множества живых клеток организм. И явили взору Сереги текулли — самую чуточку помятого и подзадохнувшегося в результате чересчур уж крепких рыцарских объятий. — Зная я, господина... — заметно упавшим и дрожащим на этот раз голосом повторил текулли. — Читая я буква сия, если хочешь ты. Буквица барраядли, да! Счас, во-от...

И он начал напевно читать, проговаривая слова четко и ясно. В его речитативе на этот раз и намек не было на тот ломаный, исковерканный выговор, которым текулли изъяснялся до сих пор.

Обещано, что он придет.

Обещанное на себя возьмет.

Захочет посмотреть на СХОД.

Потом в уплату приведет

Меня — ко мне.

Так сказано, обещано, записано —

Так будет, так случится, так предписано.

И, чтобы не было меж нами долгих слов —

Ищи на лбу его след всех моих зубов.

— До чего ж я счастлив и до чего горд, до чего горд и до чего весел, — сообщил Серега всей потрясение молчащей комнате и добавил: — Чудненько, одним словом. И кто же возьмет на себя тяжкий труд сообщить мне, что бы все это могло значить?

После долгой, абсолютно беззвучной паузы отозвался-таки один голос:

— Э-э-э... Думаю, что я...

Через толпу рыцарей скромно пробрался герр доктор, нервно потер мертвенно-бледные руки. Рыцари сопроводили его продвижение между ними вышколенно-выжидающими взглядами хорошо обученных сторожевых псов.

— Смогу удовлетворить ваше любопытство. Существуют определенные верования и достоверные мнения о душах, вернее, о мысленных эманациях некоторых существ, так вот они... Как писал Теодорикус Орвийский в своем философском труде “О сущности неких сущностей”, концепция души вообще есть...

— Короче, — недовольно дернул бровью Серега. Рыцари, мгновенно уловившие это движение, тут же подобрались, формируя и стягиваясь в небольшое кольцо вокруг лекаря.

Тот, вздрогнув, слегка поежился. Ничего, лучше извиниться потом, чем вот прямо сейчас всю эту мутовню слушать...

— Кор... А, ну да, ну да. Так вот, этот самый Теодорикус писал, что души дихломорфов, сиречь умственные эманации их, не уходят, как то, к примеру, делают души людские, в край послесмертия, а претерпевают новую метаморфозу. Возрождаются к жизни заново, вселяясь пожившей уже душою в плод еще не рожденный, зреющий до срока в чреве, э-э... самки, так сказать, матери того же роду-племени. А затем появляются на свет в облике новорожденного дихломорфа. Но... бывают и души заблудшие, так сказать, не обретшие того тела, какое должно, и вот они, как бы это сказать... приходят в этот мир в людском облике. Душа, так сказать, находясь между жизнью и смертью, что-то там такое важное забывает... И вот уже боле вернуться к истинному облику своему не может, покуда не вспомнит! И вот, э-э... дабы прервать цепь неподобающих для дихломорфа воплощений в образе людском, долженствует заблудшей душе в ее человеческом теле прийти и войти, так сказать, в соприкосновение с чем-либо из своих останков. Ибо останки сии сохраняют частицы разума и памяти того самого разумного существа, коим некогда и являлось... являлся... являлись...

— Печально до ужаста, — встрял Серега в поток научного, так сказать, мышления. — Ну а я-то здесь при чем?

— Из ваших же уст, ваше сиятельство, слышан я про то, что согласие останков дихломорфов покупалось сделкой. Предположим, душа сего дихломорфа заплутала в телах человеческих еще в незапамятные времена... и предположим, что взамен согласия послужить людям сей местности была предложена некая помощь по отысканию нужного человека. Здесь, как вы видите, начертано на кости типичное пророчество. Э-э... Не изъясняло ли его сиятельство некоего желанья...

Сергеа покопался в брэнной памяти, поднапрягся:

— Было... одно. Сказал, что до ужаса хотелось бы посмотреть, как они исчезать будут. Они же в этот момент прямо передо мной стояли, вояки эти из Священной, НКВД ваше местное...

— Вот-вот! И, несомненно, сии останки посчитали вас после этого лицом, указанным в пророчестве. Желание поглядеть СХОД вы выразили, а, э-э... ваша способность и, так сказать, пригодность для выполнения всяческих предсказаний теперь уже, наверное, и червям могильным здесь известна... Так что теперь...

— Должен пойти и найти идиота со следами четырех зубов на лбу, так, что ли? А если я не согласен?

— Э-э... Так сказать... Сие предсказание, судя по внешнему виду и прочему, относится к виду словесно-предписанных, и, как таковое, свершиться должно всенепременно и обязательно. Будет ли на то ваша воля иль нет, сие не суть важно... В нужный момент, милорд мой и сэр Сериога, встретите вы человека с указанными следами. Хотя случайности в сем деле исключены... Ваш долг по отношению к сему дихломорфу и, так сказать, к сему пророчеству, будет состоять в том, чтобы привести того человека сюда. Чего бы вам это ни стоило. А неисполнение предсказания грозить будет бедами великими населению города Дебро, кое отныне под вашей рукою и под вашей благосклонной защитой обретается.

— Вот уж не было печали, — проворчал Сергеа, помаленьку отходя. — Ну да ладно... Приведем — если доживем! А сейчас...

Он повертел головой, высматривая за плотным строем рыцарей свою компаньку из бывших рабов. Но не нашел — чересчур уж могучные подобрались у него вояки, из таких только стенку перед штрафным строить.

Поэтому просто высказался в пространство:

— Людей, пришедших со мной, провести в замок. Напоить, накормить, помыть, обууть-одеть. Есть здесь кто-нибудь из слуг?

Из толпы выступил один, убеленный сединами до хрустальной прозрачности:

— Слуги все в замке, милорд. Но я прослежу за этим вашим приказанием лично.

— Буду вам весьма благодарен, — как можно любезнее отозвался Сергеа, и на лицах всех тотчас появилось потрясение, ничуть не меньше того, что появлялось на лицах его соратников из угнетенных и заклеянных. В те моменты, когда он к ним обращался. Да, не созрел еще этот мирок до приличий...

* * *

В замке нашлась ванна — ею служила здоровенная бочка в человеческий рост величиной и диаметром в полный размах Серегиных рук. Леди Клотильда препоручила егс заботам двух почтенного возраста слуг, и те, заложив Серегу в горячую воду, теперь суетились вокруг, беспрестанно предлагая то растереть господина, то размять ему плечи. Ему чуть ли не постоянно приходилось останавливать их неумное рвение вежливыми “нет, спасибо”, и это было единственным, что нарушало весь общий процесс его кайфования в блаженно-горячей ванне. Потом был страшно поздний ужин а потом и еще более страшно позднее совещание. Которое начала леди Клотильда.

— Сэр Сериога, пока вы, э-э... приводили себя в порядок с дороги, я опросила ваших спутников. Должна заметить... хоть в вашем поведении и были некоторые недочеты, но прорыв в город и захват трактира был осуществлен вами тактически блестяще...

— Помнится, там, внизу, внутри подземного хода, вы были обо всем этом совершенно

другого мнения... — немного желчно сказал Серега.

Клоти открыла рот, явно собираясь по-свойски высказаться и на эту тему, но наморщила лобик и промолчала. Да, разложение в рыцарских рядах достигло размеров — о-го-го! Раз уж и стремительная наша Клоти начала думать вместо того, чтобы говорить...

За нее ответил оборотень, сидевший в человеческом облике напротив Сереги:

— Практически... для неученого и нетренированного мальчишки, коим, в сущности, вы и являетесь... вы, милорд, сделали чертовски много. И все прошло удачно. Прирожденный убийца, м-м? Кажется, именно так наша уважаемая леди охарактеризовала вашу, э-э... удачливость в подобных делах. Интересно, а как эту вашу интэрэсную особенность терпит ваша же тонкая, чувствительная до соплей со слюнями натура?

— Не смей оскорблять герцога Де Лабри, вы... лесное извращение! — громовым голосом рыкнула тут же пришедшая в себя леди Клотильда.

— Молчу, прекрасная наша дама, молчу. Ну так поговорим наконец о Мастере растений? Признаться... были у меня некоторые возможности получить подобную информацию и раньше, но я ими не воспользовался. Просто не подумал о возможности и такого хода в развитии событий, честно говоря. Мастер растений — это, м-м... Сильно же на вас обиделись. Да и потом, лично мне, как оборотню и, э-э... лесному извращению, как вы понимаете, ничто не угрожает в данной ситуации, мне, сами понимаете, бояться нечего.

— И уж так мы за вас все рады, так рады... — проворчал Серега.

— Не юродствуйте, мой малознающий друг. Кстати, о вашем таланте убивать... Как говорится, убийцы бывают либо врожденные, либо хорошо обученные, прямо как танцовщицы — те тоже либо умеют это делать от рождения, или же долго-долго учатся в нужный момент и в соответствии с музыкой ножки вверх подкидывать... но это уже все равно не то. А вот в тонком искусстве убивать, увы, наличие или отсутствие таланта мало что означает, убить может всякий: и крестьянин с косой, и дура со скалкой, случаи и такие бывали... И я бы на вашем месте как-то не слишком полагался на то, что вам удастся убивать так, как и хорошо обученные воины не всегда могут. На всякого талантливую убийцу всегда найдется один очень даже хорошо обученный... Я, кстати, именно такой. Понятно?

— Ага, — отозвался Серега. Желание поерничать распирало ну прямо-таки до краев, — а позвольте спросить... Убивать вы, случайно, не на курах обучались?

Оборотень покачал головой и одарил Серегу отечески-укоряющим взглядом.

— Милорды, мы здесь не для этого, — решительно высказался сидящий рядом с леди Клотильдой седой рыцарь, тот самый, вызвавшийся проследить за размещением Серегиных поделщиков. — Мы здесь для того, чтобы выслушать приказания нашего господина, герцога Де Лабри. Как прикажете поступить, милорд? В свете последних известий о прибытии сюда Мастера растений... Как я понял из рассказа ваших смердов, вы принесли с собой какое-то средство от этой напасти?

Серега откашлялся.

— Э-э... как вы думаете, когда может начаться ЭТО?

— Перед рассветом, — сказал оборотень, — ОНИ всегда это делают перед рассветом...

— Охрану стен увеличить, насколько это вообще возможно, — несколько смущенно распорядился он, — мирных граждан... то есть стариков, женщин и детей — всех, невзирая на их происхождение, — разместить по каменным домам, на вторых и третьих этажах. Переписать все подобные дома в городе и поместить в каждом равное количество людей.

— Купцы, особенно те, которые побогаче, могут и возмутиться, — деловито сказал

седой, — отказаться открыть двери. Особенно те, которые были в милости у прежнего нашего господина.

Сергея пожал плечами:

— И как бы вы поступили на моем месте, уважаемый... сэръ рыцарь?

— Вышиб двери, — просто сказал седой, — и по голове еще добавил бы...

— Вот и делайте, — распорядился он. — Вышибайте, добавляйте. Теперь следующее.

Вам уже сказали о противодействующем заклинании?

— Всем, милорд.

— Вот и славно. Внукам тоже как-нибудь непременно расскажите. А теперь проводите меня к крепостной стене...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Дорогие гости! А не надоели ли вам хозяева?

А началось это все-таки не перед рассветом. Началось ночью — и причем только следующей. Такая вот маленькая пакость от Священной и Нетленной, поскольку для него это была уже вторая по счету бессонная ночь. И день между ними тоже прошел без сна; он, как дурной, все мотался по отрезку стены между двух башен, все ждал, что вот-вот — и начнется это самое... Однако ничего так и не произошло, а в сон клонило все сильнее. И на вторую ночь, вконец вымотанный ожиданием, он таки задремал возле одной из надвратных башен, усевшись прямо на пол и привалившись спиной к холодной каменной кладке...

Но зато в нужный момент проснулся сам. Без помощи леди Клотильды.

Словно подброшенный, дернулся вперед от нагревшейся под спиной каменной кладки и невидящими глазами уставился в небо. Темно-синее полотно над головой судорожно корчилось черными складками, и где-то в глубине его тихо, почти неслышно так перекатывался гром — словно отзвук бушующей вдалеке грозы.

По башенной лестнице уже грохотали могучие шаги (или прыжки?) баронессы Дю Персиваль. Серега одним движением взмыл на ноги. Зачем-то выхватил из ножен свой эльфийский меч. И побежал по стене от башни — как сказал старичок, произносить нужно непременно с крепостной стены... кто его знает, может, башни подобному заклятию... то есть заклинанию мешают... Бежал и бормотал про себя:

— Один... два... три...

Сзади, догоняя его, неслась Клоти.

Вокруг творилось нечто невероятное. В тишине спящего города по одному начинали взлаивать собачьи голоса. Сливаясь в дружный перепуганный хор... Истерически ржали кони, взревывала прочая скотина. И, перекрывая все это, летели смятенные людские крики. На верхних этажах домов заполошно металась огни. Паника в городе...

Из мостовой, находившейся метрах в четырех ниже стены, по которой бежал Серега, фонтанами разлетались во все стороны камни и комья земли. А из кратеров от этих взрывов стремительно прорастали вверх ростки чего-то неведомого. Сияющего в ночной полутьме бледно-фосфорной зеленью.

— Ох ты! — взревела вдруг сзади Клоти. И тут же раздался костяной стук.

Серега обернулся. Девица-рыцарь отчаянно рубилась своей дедовской оглоблей с толстым пучком зеленых лиан, прихотливо вьющихся вокруг нее. Всякий раз при ударе раздавался костяной стук... но плети растения оставались целыми. И вновь угрожающе лезли на Клотильду...

Спереди пахло горячим воздухом. Он обернулся — как раз вовремя — и едва успел гардой меча оттолкнуть от себя закрученный спиралью ус солидной толщины. Тот не угомонился, взмыл вверх, свернулся в арканную петлю и попытался снова наброситься на Серегу. Удар лезвием эльфийского меча — и на бледной влажной зелени прорезалась черно-коричневая полоса.

— Леди Клотильда! — отчаянно проорал он, кое-как продолжая считать в промежутках между ором. — Шестнадцать, семнадцать... Эльфийский меч! На них! Восемнадцать, девятнадцать...

За спиной раздался характерный быстрый посвист — звук, который может издавать

только меч, стремительно покидающий свои ножны. Костяной стук начал перемежаться влажными рубящими шлепками... А к спиральному усу перед Серегой добавилась еще и чернильно-синяя лоза, то и дело норовящая распахнуться длинной узкой пастью. С капельками ядовито-синей жидкости по краям. И только взмахи серебряно-сияющего меча в руках Сереге отпугивали ее на более-менее безопасное расстояние, заставляя вновь хлопываться в могучий жилистый жгут толщиной с ногу взрослого мужчины...

На всем протяжении городских стен стражники отчаянно рубились с озверевшей флорой.

В городе, куда Серега мимоходом бросил взгляд, обстановка была не лучше. Даже гораздо хуже. Сквозь стены домов густо прорывались мощные побеги, больше напоминавшие не банальные цветочки-росточки, а, скажем, резвящихся среди картонных домиков удавов... или щупальца осьминогов. Земля вокруг домов змеилась, как шевелюра Медузы Горгоны. Побег, проходя сквозь каменную кладку стен, превращали их в сита. Строения подкашивались, опасно накренились. Петли щупальцев-побегов рвались вверх, на вторые-третьи этажи, змеями влезали в стены, разносили вдребезги тяжелые ставни на окнах. Мучительного мычания, лая и ржания домашней скотины в городе не было слышно. Видимо, с ними уже было покончено. Зато многоголосо орали и выли по всему городу перепуганные люди... В извивах сине-зеленых, просто зеленых и просто синих плетей, клубками вьющихся вокруг верхних этажей, то и дело мелькали человеческие тела. Иногда устрашающе маленькие — дети... Лозы вокруг них тут же распластывались — и корчащиеся тела исчезали, как будто их и не было. А стволы толстели, раздувались. И выкидывали громадные цветочные почки — до жути напоминающие человечьи головы, срезанные и затем косо прикрепленные к стеблям...

И только в лагере Священной-энд-Нетленной, вольно расположившемся за стенами города, все было тихо и спокойно.

Пучок лиан, стремительно вырвавшийся откуда-то снизу, мощным объятием обхватил Серегини ноги, лишая возможности хоть как-то двигаться. И пополз выше, к поясу, покрываясь жжено-коричневыми ссадинами от эльфийского меча, но упрямо продолжая свое движение...

Ядовито-синяя лоза оскалилась и впилась ему в правую руку. Резко дернула на себя — на отрыв. Связки и кости затрещали...

— Сорок восемь... сорок девять... Пятьдесят! — прохрипел Серега. — Ябет... виторпус... тенатс ад сел!

...И кончилось разом все — все, кроме криков. Лианы и прочие смахивающие на удавов побеги растаяли в воздухе. Будто и не было. По Серегиним ногам шелестнуло холодком, и они враз снова оказались на свободе...

Клоти за его спиной дышала с тяжелыми хрипящими посвистами. Потом, видимо, ворохнулась, тяжело брякнув доспехами. И вдруг хрипы и посвисты разом затихли — уж не дышать ли перестала?

Серега крутанулся на подгибающихся ногах. Леди Клотильда, прикинув к парапету, взглядом тоскующей Ярославны вглядывалась в дали за городской стеной.

— О-о... За стеной смотрите, сэр Сериога! — проговорила наконец она загнипнотизированно-медленно.

И он посмотрел за стену.

Нет, там не было полчища медузых побегов. Но в полумраке посветлевшей вдруг

отчего-то ночи на уровне дебровских стен материализовались из пустоты кроны деревьев. Гигантские, разлаписто-шумящие — словом, в точности такие же, какие росли во всех здешних лесах. Вот только прежде их тут не было и в помине...

И теперь люди вопили уже в основном за стеной, а не в городе.

— Все, — сказал Серега и обессиленно сполз по стене. — Все...

А потом окунулся в блаженное забытие сна. Прямо у парапета... И не слышал во сне, как прибежали стайкой уцелевшие вассалы, на телеге переправили спящего в замок — со всем почтением, как святые мощи — и на руках занесли в спальню. Сергей Владимирович Кановнин спали-с. Его город тем временем подсчитывал потери, поминал мертвых... — и подбирал на диво богатые и бесхозные ныне трофеи, оставшиеся после воинства Священной комиссии, почти поголовно растворенного в корнях выросшего в одночасье под городскими стенами леса.

Наутро его разбудила Клоти. С размаху уселась на кровать, мрачно помолчала, зевнула и пробурчала:

— Сэр Сериога... Плохие вести, но помните, Всевышний нам их посылает, чтобь победа слишком уж медом не казалась...

Он неохотно разлепил веки. Вяло встал, натянул штаны:

— Слушаю.

— Первая — и самая ужасная для вас, сэр Сериога — погиб ваш Тишайший... Понимаю, для рыцаря разлука с конем — это... я даже слов не найду...

— Дальше.

Потерю кроткого мерина он как-нибудь переживет. Хоть и грустно, конечно. Хорошая была коняга, безответная... И ни разу его не подводила — ни на отдыхе, ни на дороге.

— Остальное — уже не так страшно. Погиб лекарь...

Сереге сразу припомнился сухонький бледный старичок, нервно потиравший ладони. Абсолютно никому не нужный в этом мире...

— Кинулся выдирать у петель ребенка. Его выдрал, а сам... Потом — из ваших смердов, то есть подданных, с которыми вы в город вернулись, уцелело только четверо...

Они тогда пробрались в лагерь Священной к его истерзанному телу — чтобы спасти. Они и спасли...

— Еще погибло больше трети ваших вассалов. Но их сыновья и прочие родственники-наследники уже вызваны в город. Примут бесхозные феодалы. Ваш... ваши текулли и оборотень — оба живы. А еще прибыл старик... ну, тот — лесной хозяин...

— Что ему? — довольно равнодушно бросил Серега, подходя к высокому окну. За слегка мутноватым стеклом с печальными криками носились птицы. И казалось ему или нет — но стекло мутнело все больше и больше...

— Привез Микошку со Слуди. С этим... пока что, наверное, его лучше называть Мишкой... И хочет с вами поговорить о чем-то. Да, а лес растаял — как и не было. К рассвету растаял. То ли почудилось нам, то ли еще чего... Но Священная вместе с ним сгинула вся. Теперь от нее только гардунцы стражи по городам остались да пречлены по замкам. Конечно, может и возродиться...

— Нет, — холодно сказал он и, ополоснув лицо, направился к выходу из комнаты. Клоти покорно и безмолвно двинулась следом. “Надеюсь, хотя бы ее вороной битюг выжил”, — мелькнуло в голове у Сереги. — Думаю, вот как раз сейчас-то и наступает самое время для возникновения из небытия ордена Палагойцев...

Посреди огромной торжественной залы возился на полу семилетний Мишка... или шестилетний? В компании с годовалым Микошкой — или все же двухгодовалым? — не силен он был в детских возрастах... Вдоль столов толпились его верные вассалы, вернее, жалкие остатки от них.

А на возвышении, в хозяйских креслах, вольготно расположилась довольно лыбящаяся троица — старинушка лесной хозяйин, оборотень, вырядившийся в черные, явно баронские бархаты, и гном Слуди.

Сереге подошел к детям. Отстраненно улыбнулся влюбленно глядящему на него Мишке — то есть малолетнему королю Зигфриду. Королевская особа инкогнито... Поманил пальцем мажордома.

— Одеть, обуть обоих. И хорошо одеть-обуть, прямо как моих... то есть своих. Накормить. Приставить по няне, камердинеру... Найти учителей. И чтобы вот так на полу больше не сидели! Беречь и любить... пуще меня самого. Вы... ты понял меня?!

Мажордом испуганно закивал и ринулся было к детям, но Сереге небрежно придержал его за фалды ливреи. (Уже сине-черной! Быстро же он в соответствующие цвета мимикрировал...)

— Не сейчас. После, когда скажу. — И пошел к хозяйскому возвышению. Встал перед лесным хозяином, криво улыбнулся. Обратился, стараясь сохранить в голосе холодно-вежливые интонации: — Мне кажется... или и в самом деле мое место занято?

Выдержал многозначительную паузу, все выше и выше поднимая кверху левую бровь. Старче закричал. Пискляво возмутился:

— А че это ты раскомандовалси? В герцогах-то без году неделя... Хучь бы прежнего герцога постеснялся, что ли...

И полез с кресла, надсадно вздыхая и охая.

— Кого?! — несказанно удивился Сереге. — Кого-кого?

— А прежнего герцога, — ехидно ответил старичок и приглашающе так помахал ладошкой — мол, садись, что стоишь. — Последнего герцога Де Лабри. Того самого, что чуть с голоду не помер, выгнанный из собственных владений, как собака, да еще и камнями побитый в придачу. Ох, смотри, молодец! Как это у вас один пиит все баил: его пример другим наука...

— Это кто же... который? — И под ищущим взглядом Сереге оборотень вдруг странно подтянулся так, выпрямился весь — и надменно выпятил вперед челюсть. Вылитый герцог...

— Я, милорд. Понимаю, конечно, прошел уже не один век с тех дней... Но оборотни живут крайне долго. Вот и я дожил... Когда эльфы нашли меня в лесной чаще, я умирал. Я не обладал правами на их мандонаду, мои предки просто владели этой землей с незапамятных времен. Тем не менее они меня пожалели и, чтобы спасти, даровали новое обличье. Ныне, конечно, я уже не герцог... да и не могу им быть. Как действующий и законный глава двуликих детей ночи. Человек-герцог стал князем оборотней... Что интересно, право первой ночи и там, гм... А тут вы его так неосмотрительно отменили, увы. Как бы сами потом не пожалели. Но это я так, к слову. А теперь к делу: ваши полномочия на мой майорат моя особа признает с удовольствием. С чувством глубокого внутреннего удовлетворения. Как я уже говорил, вы мне нравитесь, менестрель... Сереженька, ведь так? Но речь идет о том, что вы, так сказать... здесь не навсегда. В каком-то смысле мы все здесь не навсегда... Итак, готовы ли вы наконец объявить своего наследника на все эти земли и титул Де Лабри вместе с мандонадой эльфийской? Отныне, поскольку все Предначертания исполнены, для мощи

эльфов на этой земле нет преград. И, надеюсь, долгое время еще не будет...

— Готов, — сказал Серега и с размаху опустил зад в кресло. — Объявляю! Из этих двух детей, — он царственно протянул руку (по образу и подобию Пети на коне) и ткнул им в возящуюся на полу с собаками парочку, — меньший — мой сын. Признаю его при всех свидетелях и прочих должностных лицах моим наследником Самым что ни на есть прямым. Буде со мной что... — Он запнулся на секунду, но затем твердо продолжил: — То препоручаю его заботам друга моего — оборотня, э-э...

— Герослава Де Лабри, — подсказал оборотень. И состроил скучающую гримасу, мол, спасибо за заботу, а то мне делать больше было нечего...

— Князя оборотней Герослава Де Лабри и леди Клотильды Персивальской! Вот вроде бы и все...

— Нет, не все! — И на середину залы из угла скромненько так вышел убеленный сединами старец. Тут и приглядываться не надо было — больно уж могучие плечи торчали из-под длинной белой гривы. Вот и сам главный прапор ордена Палагойцев припожаловали. Приятно все-таки быть провидцем. Священная комиссия почти вся уничтожена, и палагойцы вновь выходят в первые ряды делателей истории. Король умер, да здравствует король... — Не наследника своего должно было первым объявить народу, а короля и императора нашего Зигфрида Нибелунга! — Старец выдержал паузу, гневно пошевелил бровями, понукающе глянул на Серегу.

— Ага, ну да... Народ! Объявляю — вот вам и король нашелся...

— Я забираю его, — зло сказал прапор. — Мы, то есть весь наш орден — детище Нибелунгов. Мы животы положим заради наследника престола! Дадим ему достойное образование... вновь возведем на трон! Плотной стеной станем между ним и его... его... — Прапор яростно зыркнул по сторонам. Но, увы, не нашел никого из покушающихся. Благоговейно приблизился к Зигфриду, опустил перед ним на колени. С дрожью в голосе предложил: — Не изволите ли ко мне на ручки, ваше величество? Я вам лошадок покажу, уже пора вашему величеству и выезде начинать учиться...

Мишка робко приблизился... и обоих враз не стало. Как все здесь ловко скачут по родным просторам — аж дух захватывает. И с переходами тоже обращаются прямо как с наручными часами: захотел — вперед перевел, захотел — назад...

— Ну, — сказал Серега, — сегодня прямо день откровений какой-то. Как я понимаю, заботы по возведению короля-малолетки на престол отныне с меня сняты? Как-то все разом — и барон уничтожен, и наследник есть. Священную вовсе похоронили, короля между делом тоже пристроили...

— И Предначертания усе исполнены уже, — тоном базарного барыги подсказал лесной хозяин. — И, стало быть... Не нужен ты тут боле. Пока не натворил еще каких дел — пожалте-ка домой, твое сияьство! С эльфами и палагойцами сие уже согласовано...

Мир начал темнеть. Заворачиваться в темную круговерть...

— Стой! — завопила с другого конца залы леди Клотильда. И понеслась к нему — разом побледневшая, невыразимо прекрасная. — Стой, я сказала! Не сметь! Сэр Сериога...

И все исчезло разом. А под носом был только грязный осенний газон — в прели и ржавчине опавших листьев. И он лежал на нем, впечатавшись всем телом в болотисто-раскисшую землю. Одежда на животе и бедрах стремительно пропитывалась льдисто-холодной водянистой грязью...

Он встал на четвереньки. И увидел рядом длинный сверток и что-то вроде рюкзака.

Открыл сначала рюкзачок.

В глаза нахально блеснуло золото. И вправленные в него крупные драгоценные камни. Отшлифованные в виде полусфер — ну да, при феодализме их только так обрабатывав. Иначе не умели. В рюкзачке лежали сплошь дамские цацки, никаких монет, никаких подтверждений достоверности всего с ним произошедшего. Цацки есть цацки, их и при царе Горохе могли носить, а вот монета на себе обязательно знаки государственности несет. Слова какие-нибудь, герб...

Сергея потянулся к длинному свертку. И, еще даже не открыв, понял, что там уложено. Мечи — все три. Эльфийский, палагойский и тот, что выдал ему ныне покойный милорд Жанивский (а может, и не покойный пока что — как знать, может же и у паселей не быть аппетита...). Приоткрыл черный бархат, в который было заботливо увернуто оружие. Вкруг его мечей тянулась рыцарская цепь ордена Палагойцев. Намотанная спиралью. И на ней подвесками болтались увесистые золотые шпоры... Рыцарь вернулся в родные Палестины, бля...

— О! Сируня! — радостно прозвучало сзади. Вот и встречающие прибыли...

Сергея, все еще стоя на четвереньках, обернулся. Не было печали...

С тротуара на него нахально лыбился накачанный субъект в кожаночке. Недешевой такой, рыже-коричневой. Вован. В просторечье Вова Спицын. Крутая сямка крутых братков микрорайона...

— Зад тренируешь? — привычно продолжал изгаляться над ним Вован. — Или позицию для отсоса...

Рядом тормознул джип. Из него высунулись двое парней с профессионально-угрюмыми мордами. С ухмылками принялись наблюдать за происходящим.

Сергея поднялся с колен. Одновременно пружинисто разворачиваясь к Вовану. Сделал длинный шаг, сближаясь с ненавистной физиономией. Выбросил левую руку вверх, подбивая нижнюю челюсть к верхней.

И почти тут же коротко вдарил сжатой в кулак правой рукой по вовановскому носу. Нос хряпнул и ушел внутрь физиономии. Почти весь ушел...

Вован тут же откинулся на спину и заорал благим матом. Где-то в отдалении заохали сердобольные соседки... Парни из джипа вылезли на тротуар и с циничными ухмылками двинулись блатной развалистой походочкой к Сергею. Один вытащил из складок объемистой куртки милицейскую дубинку.

Сергея отступил назад, не глядя нагнулся. Выдрал из первых попавшихся ножен меч. Им оказался серебряно блеснувший в тусклом свете осеннего дня эльфийский клинок. Он крутнул кистью, заложил в воздухе гнутую восьмерку:

— Ласкаво просимо, господа...

Быки притормозили. Обменялись задумчиво-тупыми взглядами. И сообща родили общую мысль:

— Это, ах ты, е!.. Э-э... ну. После поговорим, братан.

И организованно отступили, унеся с собой жалко хныкающего Вована. Джип фыркнул и унесся. Осталась только кровь на тротуаре — неровной каймой, как пена при отливе...

Сергея повернулся к своему имуществу, подхватил его и пошел домой. Переодеваться. Одежка на нем, как по волшебству, оказалась той самой, в которой он и покидал этот мир, — джинсы, куртка, свитер. И во всем этом ему теперь было до странности тесно...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

notes

Из песенно-наступательного фольклора русских зайцев в ночи принудительного кошения ими трын-травы (в пользу голодающих американских кроликов)

Кошка по-местному